

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ОТДЕЛ АРХЕОГРАФИИ

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ОТДЕЛ РЕДКИХ КНИГ И РУКОПИСЕЙ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ АРХЕОГРАФИЯ В РОССИИ XVIII–XXI ВЕКОВ

(Тихомировские чтения 2016 года:
К 60-летию Археографической комиссии РАН)

Старая Басманная
Москва
2017

ББК 63.2
УДК 930.2(08)

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН, председатель Археографической комиссии РАН
С. М. КАШТАНОВ

Редакторы-составители:
Н.А. КОБЯК, А.В. МЕЛЬНИКОВ

Редакционная коллегия:
В.Ю. АФИАНИ, С.С. ИЛИЗАРОВ, Н.А. КОБЯК, Н.А. КОМОЧЕВ,
А.А. ЛИФШИЦ, Т.В. МЕДВЕДЕВА, А.В. МЕЛЬНИКОВ, А.В. СИРЕНОВ,
С.В. ЧИРКОВ, М.Ф. ШУМЕЙКО

Рецензенты:
доктор исторических наук Р.Г. ПИХОЯ
доктор исторических наук М.А. РОБИНСОН

Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН) / отв. ред. С.М. Каштанов; ред.-сост. Н.А. Кобяк, А.В. Мельников. – М.: ООО «Старая Басманная», 2017. – 450 с.: ил.

ISBN 978-5-6040637-2-9

Статьи сборника посвящены актуальным проблемам археографии, источниковедения, архивоведения и специальных исторических дисциплин, вопросам выявления, описания, изучения и публикации разнообразных источников XII–XXI вв., старопечатных книг, рукописного наследия старообрядцев. Ряд статей посвящен наследию классиков российской исторической науки и архивистики XVIII–XX вв., проблемам развития научных методов, истории Археографической комиссии в XIX – начале XX вв. Публикуются методические рекомендации для издания подлинников древнерусских грамот в рамках международной документальной серии «Monumenta Palaeographica Medii Aevi». В приложении помещен состав Археографической комиссии РАН, воссозданной в 1956 г. академиком М.Н. Тихомировым и отметившей 60-летие своей деятельности.

Для научных работников, сотрудников архивов и музеев, преподавателей, аспирантов, студентов.

© Российская академия наук, отделение историко-филологических наук, Институт славяноведения РАН, Археографическая комиссия РАН, Научная библиотека МГУ, 2017

© Н.А. Кобяк, А.В. Мельников, составление, 2017

©ООО «Старая Басманная», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С.С. Илизаров.</i> Проекты Г.Ф. Миллера и зарождение научной археографии в России	7
<i>С.В. Чирков.</i> Археографическая комиссия в XIX – XX веках: организационные формы и развитие научных методов	22
<i>И.В. Поздеева.</i> Назад – в будущее: Задачи и возможности российской археографии в XXI веке	38
<i>В.Ю. Афиани.</i> Академическая археография: миф или реальность?	58
<i>Н.А. Комочев.</i> К вопросу о взаимосвязи академической и университетской археографии	66
<i>Н.Ю. Бубнов.</i> Сочинения русских старообрядцев. Программа научного описания старообрядческих рукописей Библиотеки РАН: замысел и воплощение	77
<i>С.В. Бураева.</i> Книжно-рукописное наследие забайкальских старообрядцев в каталогах и справочных изданиях XX – нач. XXI вв.	93
<i>В.И. Ерофеева, А.В. Дадькин.</i> О подготовке каталога «Книги кириллической печати XVI–XVII вв. Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова»	102
<i>В.П. Богданов.</i> Новейшие опыты публикации источников XVIII – XXI вв. сотрудниками и студентами исторического факультета МГУ	111
<i>Т.А. Круглова.</i> Опыт публикации источников в пособиях по отечественной палеографии (XIX – XXI вв.)	117
<i>А.И. Раздорский.</i> Научно-издательская деятельность по публикации таможенных книг России XVI–XVIII вв.: итоги и перспективы	126
<i>П.В. Ильин.</i> Актуальные проблемы и перспективные задачи археографии в области истории декабристов: историографический контекст	139
<i>А.Д. Паскаль.</i> Славяно-молдавские рукописи XV–XVII вв. в собраниях Государственного исторического музея	151
<i>В.А. Есипова.</i> Обследование книжных фондов Томского областного краеведческого музея и его филиалов	158

<i>Т.Ф. Волкова.</i> Научные описания собрания рукописей А. Д. Григорьева, хранящегося в Славянской библиотеке в Праге: итоги и перспективы	167
<i>М.В. Ковалев.</i> Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы публикации документальных памятников	174
<i>М.П. Мироненко.</i> К вопросу о составе архива Н.Н. Глубоковского (из опыта подготовки Каталога личных архивных фондов отечественных историков)	182
<i>Е.В. Казбекова.</i> Проблемы описания «массовой» литературы высокого средневековья на примере университетских рукописей по праву и теологии	194
<i>Д.Г. Полонский.</i> Состав поучений о Вселенских соборах в славянских рукописных сборниках XII–XVII вв.: археографические аспекты исследования	205
<i>М.В. Коргодина.</i> Подготовка издания Кормчей книги по древнейшим спискам: замысел и воплощение	225
<i>Л.В. Мошкова.</i> Сборники XVI в. из фондов РГАДА: находки и открытия	236
<i>А.В. Сиренов.</i> Литературный архив русского иконописца первой половины XVII в.	245
<i>В.П. Пушков.</i> Пергаменная книга как жертва печатного стана XVII века (По архиву Приказа книгопечатного дела)	254
<i>Н.А. Кобяк.</i> Проблема верификации научных данных: случай Симеона Федорова Моховикова	265
<i>А.Л. Лифшиц.</i> Библиотека для чтения прапорщика Кублицкого	280
<i>Н.Л. Еловская.</i> «Памятная» Алексея Егоровича Новоселова	291
<i>М.Ф. Хартанович.</i> Петербургская археографическая комиссия и научные исторические учреждения России XIX в.	298
<i>М.Ф. Шумейко.</i> К истории деятельности Археографической комиссии Инбелкульта и Белорусской академии наук	306
<i>Б.Н. Морозов.</i> Первая публикация Н.М. Карамзиным азбуки Стефана Пермского из «Портфелей» Г.Ф. Миллера	319
<i>О.Б. Бокарева.</i> Археографическое наследие Н.И. Веселовского	327
<i>А.В. Мельников.</i> Докладная записка М.М. Богословского 25 марта 1919 г. в Главное архивное управление и проблема научной разработки архивного материала	336

<i>В.Г. Бухерт. Проект В.В. Шереметевского об устройстве Архивного музея (1927 г.)</i>	349
<i>Т.В. Медведева. Археографические труды Н.В. Голицына (1874–1942)</i>	362
<i>Д.В. Аносов. Влияние современных информационных технологий на процесс выявления источников личного происхождения для публикации</i>	377
<i>М.Ю. Киселев. Электронные публикации: из опыта Архива Российской академии наук</i>	385

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>С.М. Кашианов. Методические рекомендации для издания подлинников древнерусских грамот в МРМА («Monumenta Palaeographica Medii Aevi»). Series Rossica. Т. 1</i>	395
<i>Состав Археографической комиссии РАН</i>	416
<i>Abstracts</i>	425
<i>Сведения об авторах</i>	444
<i>Принятые сокращения</i>	447

Проекты Г.Ф. Миллера и зарождение научной археографии в России

В статье рассмотрена археографическая деятельность академика Г.Ф. Миллера (1705–1783), начиная с первых концептуальных проектов 1730-х годов и до создания образцовых научных документальных изданий 1760–70-х годов. Публикации Г.Ф. Миллера писем Петра I к Б.П. Шереметеву, Степенной книги и другие его издания московского периода жизни можно относить к лучшим, вершинным образцам развития отечественной археографии XVIII в. Главным образом усилиями Г.Ф. Миллера в период нескольких десятилетий XVIII столетия в России сформировалась устойчивая практика археографических публикаций, построенных на научных методах.

Ключевые слова: Г.Ф. Миллер, археография, история науки, историография, исторические источники

Оценивая основополагающий вклад Г.Ф. Миллера в становление и развитие отечественной науки и культуры следует помнить, что в ту эпоху, когда начиналась его творческая жизнь, Россия в научном отношении была в прямом смысле первозданной целиной. Тогда еще не существовало русского научного языка, не было системы светского образования, научного книгоиздания и периодики, исторических архивов и т.п. Собственно сама профессия ученого только-только формировалась, выработывались нормы научности и научного этиоса. Фактически первой научной монографией, созданной на отечественном материале, первой монографией, изданной на русском языке, стал первый том истории Сибири Г.Ф. Миллера, опубликованный в 1750 г. в Санкт-Петербурге.

Несмотря на длительную традицию изучения наследия Г.Ф. Миллера до недавнего времени оставалось незамеченным, что этот ученый с самого начала своей деятельности сумел сформулировать исследовательскую программу и затем полвека, развивая, последовательно ее реализовывал. В 1732 г. начинающий ученый представил общий план работ

по русской истории¹. В нем среди первых ставились вопросы выявления, изучения и издания исторических источников по истории России. Реализация программы началась сразу же по ее прочтении на собрании Санкт-Петербургской Академии наук 25 августа 1732 г. и пробных лекций, а также путем издания в Санкт-Петербурге знаменитого в истории науки сборника «Sammlung Russischer Geschichte».

Свой проект автор соизмерял с характерными европейскими корпусными публикациями исторических и дипломатических документов. По его утверждению, без такого рода изданий не может состояться «совершенное» историческое изучение России и ее народов, включая сопредельные территории, во всей хронологической глубине и тематической полноте – гражданской, церковной, ученой и естественнонаучной. Вслед за преамбулой следовала роспись из двенадцати пунктов, в которых давалось пояснение, какие именно «материи» в виде «принадлежащих известий и подлинных документов» по истории и географии Российского государства должны постепенно изучаться и вводиться в научный оборот. Спустя много лет, на исходе жизни Миллер вспоминал, что своим проектом 1732 г. предлагал улучшить русскую историографию, публикуя собрание разнообразных сведений о развитии и прогрессе России с самого ее начала. «Главное содержание этой моей работы, по моему замыслу, – писал Миллер, – должно было представлять собой выдержки и переводы из русских летописей и других исторических рукописей» [Миллер, 2006, с. 645].

Как известно, десять лет, проведенных в Сибири (1733–1743), дали Миллеру огромный запас знаний, уникальных сведений об истории и географии всего пространства Российской империи, тот исследовательский опыт, который позволяет говорить о завершении его профессионального формирования. Миллеру, вернувшемуся из Сибири в столицу, не было равных среди современных ученых, работавших в области гуманитарных и смежных наук. По возвращении в феврале 1743 г. в Санкт-Петербург Миллер, в буквальном смысле перенасыщенный знаниями и в совершенстве владевший научным методом, среди прочих своих трудов подготовил новый концептуальный проект. В марте 1744 г. в простран-

¹ Проект «Объявление Предложения до исправления российской истории...» был издан на двух языках, причем русский вариант сохранился в двух дефектных экземплярах. В полном виде на русском языке текст опубликован в: [Миллер, 2006, с. 713–715].

ной записке на имя президента Академии наук графа К.Г. Разумовского он сформулировал предложение об организации Исторического департамента для изучения и написания истории и географии Российской империи [Пекарский, 1870, т. 1, с. 338]. Повторное предложение Миллера об учреждении при Академии наук с местонахождением в Москве такого департамента, представленное в августе 1746 г., не получило поддержки². Кроме организационных вопросов в данной записке одно из центральных мест занимает первый раздел, описывающий корпус источников, являющихся базовым основанием для изучения истории России. В отличие от проекта 1732 г. в документе, составленном в 1744 г., описание корпуса источников более содержательно и логически обоснованно, а сам текст демонстрирует удивительную скорость становления русского научного языка, в процессе развития которого Миллер сыграл, безусловно, выдающуюся роль. Самое главное, что новый проект базировался не на умозрительных представлениях как раньше, а на реально изученных исторических памятниках. Фактически речь шла, выражаясь современным языком, о комплексном проекте полевой археографии: о создании постоянно функционирующей системы археографических экспедиций, главными участниками которых должны быть в центре – глава учреждаемого департамента – историограф (с местонахождением в Москве) и один-два адъюнкта «в посылке», работающие по заданиям и инструкциям, составленным руководителем с задачей сбора и копирования исторических материалов в нестоличных городах, монастырях и церквях. Умудренный знанием и личным опытом, Миллер особо подчеркивал необходимость соблюдения крайней щепетильности, «дружеского обходительства» при сборе материалов, поскольку строгие приказы, позволяющие реквизировать документы у владельцев, скорее всего, приведут лишь к утаиванию искомого. Идея создания специализированного государственного научно-исследовательского, архивного, археографического и библиографического центра опережала время. Десятилетия спустя, в XIX столетии, эти идеи получают частичную реализацию в деятельности так называемого Румянцевского кружка и Археографической комиссии.

² 7 августа 1746 г. записка Миллера зачитывалась в Канцелярии Академии наук в присутствии президента, который объявил «что оный его проект весьма хорош», но автору следует сосредоточиться исключительно на сочинении сибирской истории [см.: Материалы, 1895, т. 8, с. 213]. Созданный в 1748 г. внутри Академии наук Исторический департамент имел совершенно иные задачи и концептуальные основания.

В свое время С.В. Бахрушин, один из самых внимательных читателей трудов Г.Ф. Миллера, писал о, своего рода, революции в области исторической науки, совершенной ученым XVIII века, однако новаторство этого исследователя до сих пор не оценено в полной мере. Так его первая фундаментальная монография «История Сибири» в аспекте становления и развития отечественной археографии дает удивительную картину. Русскоязычный вариант первого 1750 г. издания книги в отличие от немецкого представлял собой авторский текст с подстрочными детальными комментариями и справочным аппаратом, который на той же странице сопровождался публикацией того или иного актового материала.

Этот порядок, специально пояснял ученый, он считает предпочтительным по сравнению с тем, когда авторы помещают документы «в подтверждение своего сочинения свидетельства» в приложении в конце труда³. Как отражение нападок тех коллег по Академии, которые считали, что Миллер наполняет свою работу лишними деталями и изводит «казенную бумагу»⁴, он писал: «Свидетельств совсем не сообщать то же было бы, якобы я в источниках, из которых сам почерпал, другим завидывал, и не подал ли бы я повод, чтобы сию историю в разных местах почитать баснословною, ежели бы все обстоятельства, которые хотя мало важны, достоверными свидетельствами утверждены не были.

Разве сие кто может почитать за излишнее, что часто для таких обстоятельств, которые коротко предьявлены быть могут, целые грамоты или отписки для свидетельства внесены. И в правду бы так было, ежели бы свидетельства, на которые я ссылаюсь, уже в других печатных книгах находились или бы списки с них у многих людей в руках были. Но я нахожусь первым, которой оные сообщает, и знающий читатель за то, что

³ В издании «Истории Сибири» 1937 г. и в новейшем переиздании этот порядок нарушен, и документы помещены в приложениях, что не только нарушает авторский замысел, но и усложняет восприятие и снижает доказательность, которой столько внимания уделял Миллер.

⁴ В предисловии к публикации «Истории Сибири» на немецком языке в «Sammlung Russischer Geschichte» Миллер, разясняя причины, по которым в русском издании приложены тексты документов, а в немецком нет, писал: «Если эту “Историю” кто-либо вздумает упрекать за то, что она слишком пространна и часто касается мелочей, польза которых не очевидна, то ведь это является общим недостатком многих подобных историй отдельных местностей и городов. Для русского же, в особенности для сибиряка, не легко установить, что будет лишним в моем рассказе. Для таких-то читателей эта книга, собственно говоря, и написана» [Миллер, 1937, т. 1, с. 326].

сообщая полные, благодарить будет. Любопытные люди увидят во оных еще много других достопамятных дел, для которых всякой чести удостояны быть должны. Кто к старинным архивным письмам и к штилю оных привыкнет, тот подлинно оные читать будет со удовольствием, как бы намерения читателей или причины удовольствия различны ни были» [Миллер, 1937, т. 1, с. 162]. Публикацию актов с почти безупречной передачей текста Миллер неизменно сопровождал пояснениями о происхождении и внешних особенностях документа, удостоверяющих подлинность печатей и подписей, уточнял при необходимости датировку и проч. В отличие от актового материала, Сибирские летописи ученый планировал издавать полностью отдельно, но руководство Санкт-Петербургской академии наук это посчитало вредным и запретило.

Последний период жизни Г.Ф. Миллера с 1765 по 1783 гг. прошел в Москве, и именно там и тогда ему удалось выполнить большое число археографических изданий – в их числе публикации документов как исторических источников и первая в практике русской науки публикация памятников русской научной мысли и литературы XVIII в. Как известно, именно Г.Ф. Миллеру русская историография обязана первой публикацией в 1768 г. «Истории Российской» В.Н. Татищева. Плохое качество манускрипта, полученного Московским университетом от сына Татищева, послужило причиной обращения за помощью именно к Миллеру, поскольку он был тогда единственным профессионалом, способным выполнить эту исключительно сложную археографическую работу. Миллеру пришлось потратить много времени и сил, чтобы издание соответствовало принципу сохранения подлинного авторского текста, как в языковом, так и смысловом отношении. Однако рукопись содержала такое количество описок в именах иностранных авторов (особенно античных), в названиях народов и городов, что точное воспроизведение текста без тщательной подготовки «ожидаемой от нея пользы совершенно достигнуть было бы не возможно». Миллер отчетливо осознавал меру ответственности перед «искусными исторической науки любителями» и потому в предисловии объяснял характер и меру вмешательства в издаваемый текст, дабы «показанием наблюдения верности и точности, в исторических делах толь нужного, книги сей некоторое пред другими показать совершенство, и не токмо нынешней век, но и потомство, о подлинности сущих покойнаго Господина Татищева сочинений здесь сообщаемых совершенно уверить».

В основном таким же по содержанию были предисловия Миллера ко второй и третьей книгам «Истории» Татищева, изданным в Москве соответственно в 1773 и 1774 гг. Так в предисловии ко второй книге археограф вновь отмечал обилие испорченных, невразумительных и пропущенных слов, требовавших обязательного исправления и сличения текста, «при чем однако свято наблюдаемо было, чтоб от мнений сочинителей ни в чем ни мало не удаляться». В предисловии к третьей книге Миллер вновь пишет о том же, добавляя, что в отдельных случаях ошибки не поддавались исправлению и «дабы самим не погрешить, до другого времени оставлено». Кроме предисловий Миллеру также принадлежит опубликованный в первом томе текст, посвящения Екатерине II от имени Евграфа Татищева, в котором отмечались важность действий Петра Великого, указавшего собрать русские летописи, «дабы оныя основанием и началом» к сочинению истории российской служить могли и Екатерины Великой, сделавшей возможным изучать историю по документам государственного архива [Миллер, 2006, с. 730–732].

В 1768 г. одновременно с выходом первого тома «Истории» Татищева Миллер опубликовал «Судебник Иоанна Васильевича». Предпринимая это издание, ученый не просто вводил в научный оборот важнейшие законодательные источники, о значении которых он убедительно писал в предисловии и таким образом публиковал памятники юридической мысли. Эта публикация по составу была более сложной и не имела в XVIII столетии аналогов, поскольку текст законов сопровождался комментариями историка Татищева, и издание становилось одновременно и памятником научной мысли XVIII в. Таким образом, лаконичное предисловие Миллера имело два аспекта: первый, о котором уже сказано, – пояснение значения законодательных источников и второй – объяснение принципов издания текстов Татищева. Эти текстологические правила повторяли принципы, выработанные при издании «Истории» Татищева, «чтоб не принимая участия ни в слог, ни в разсуждения авторских, все точно так напечатать, как им собрано и сочинено» [Миллер, 2006, с. 735]. Ситуация в данном случае была существенно более простой, поскольку имелся собственноручный список Татищева, что позволяло издателю избежать невольных ошибок и произвольных исправлений.

Подготовка научного документального издания дело не только сложное, хлопотное и щепетильное, оно требует умения решать всевозможные исторические ребусы, обосновывая и доказывая то или иное

положение. Так и в каждом археографическом проекте, выполненном Миллером, демонстрируется разнообразие исследовательского инструментария, будь то обоснование выбора темы, или проблема авторства, или история публикуемого текста и т.д.

Историк первым в 1770 г. ввел в научный обиход примечательный памятник исторической мысли первой четверти XVIII в. «Ядро Российской истории» А.Я. Хилкова, сопроводив публикацию биографическим рассказом о жизни автора сочинения – пусть и не первого ряда, но все же активного деятеля бурной петровской эпохи.

В предисловии Миллер счел необходимым отметить свое вмешательство в текст, которое свелось к исправлению безусловных описок, допущенных переписчиками, путем сличения бывших в его распоряжении трех списков. Вышедшие из употребления слова и выражения также как и особенности старого правописания, характерные для автора «Ядра ...», сохранялись неизменными. Выправленный таким способом текст, сохраняющий все авторские особенности, уверенно утверждал публикатор, является бесспорным. Из этого примера, делал вывод археограф, следует необходимость и полезность деятельности по публикации источников, которая обеспечивает дешевыми и добротными материалами всех любителей Российской истории и тем самым обеспечивает лучшую сохранность рукописных памятников [Миллер, 2006, с. 738]. Прозорливо предвидя успех публикации и необходимость последующего ее переиздания Миллер оставлял своим продолжателям решение вопросов о модернизации лексики историографического памятника, о его дополнении и доведении изложения до современности, или хотя бы до смерти Петра Великого. Сам же он считал целесообразным сохранять неизменным текст «Ядра Российской истории», поскольку это никак не препятствует желающим писать краткие и полные сочинения по российской истории.

К числу наиболее важных археографических публикаций Миллера относится предпринятое им в 1775 г. издание Степенной книги царского родословия. В его классификационных схемах Степенная книга как исторический источник занимала второе по значимости место после летописи Нестора. Одновременно историк справедливо рассматривал это произведение как историографический памятник – «методическое сочинение», созданное по единому плану для общего описания всей русской истории христианского периода до Ивана IV включительно. Достоинство того или иного исторического источника, писал ученый,

определяется древностью⁵, авторитетом автора, важностью содержания, и по этим параметрам Степенная книга всеми «высокопочитаема», особенно теми, кто предпочитает летописной форме связное историческое сочинение. Степенная книга, продолжал Миллер, относится к числу тех памятников, которые доносят «дух тогдашнего света», а это является важнейшим компонентом исторического познания. Ученый обратил также внимание на то, что Степенная книга в равной мере имеет отношение и к церковной, и к гражданской истории

При публикации исторических памятников Миллер в предисловии неизменно останавливается на характеристике текста. При подготовке Степенной книги к вопросам текстологии он подошел особенно внимательно, поскольку, по его убеждению, неисправный текст лучше вовсе не издавать, чем типографским способом закреплять и приумножать ошибки. Собственно вопрос об издании мог начать реализовываться только тогда, когда в его руках оказался древний и «верный» список. Такой список «во время Государя Царя ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, чистым полууставом писанный», Г.Ф. Миллер получил от архиепископа Московского Амвросия (Зертис-Каменского) незадолго до его гибели в 1771 г. Положив в основу публикации «Архиепископский список»⁶ Степенной книги, он затем «от слова до слова, и смотря на каждую букву» сличил его с другим списком, давно находившемся в личном собрании историка. «Поставил я себе за правило, – писал в предисловии Миллер, – ничего не пропускать, ни выкидывать, ни переменять, ни прибавлять; но точно последовать древнему Архиерейскому списку, дабы печатная наша книга могла приобрести совершенную достоверность. Соблюдал я и старинный слог, старинное правописание, старинныя ныне уже неупотребительныя речи; исправлял при печатании и корректурные листы; словом: старался по возможности, чтоб печатная книга ни в чем от подлинника

⁵ Здесь необходимо отметить, что древность памятника сама по себе не является абсолютной ценностью, как это было у представителей антикварной историографии XVII–XVIII вв. Для Миллера – это один из важных критериев установления подлинности памятника и достоверности содержащейся в нем ретроспективной информации.

⁶ Г.Ф. Миллер писал в предисловии, что он вернул эту книгу своему сотруднику по Московскому архиву Коллегии иностранных дел Н.Н. Бантыш-Каменскому, племяннику и наследнику архиепископа Амвросия. Но Бантыш-Каменский передал ее в Коллежский архив, и потому здесь всегда «удобно будет справиться по сей книге в каких нибудь могущих быть сумнительствах: здесь нужныя по оной сообщать требующим изъяснения, за долг и удовольствие себе считать будут» [Миллер, 2006, с. 749].

не разнилась. Получил ли я желанное, о том оставляю судить читателям» [Миллер, 2006, с. 748].

Кроме этих двух списков, положенных в основу издания, Миллер использовал также список Степенной книги, находящийся в Московском архиве Коллегии иностранных дел, а также в предисловии он обмолвился еще о других новейших списках. Таким образом, представляются неточными высказывания современных специалистов о том, что издание 1775 г. было выполнено якобы по одному-двум не вполне удачно выбранным и позднейшим спискам [Покровский, 2001, с. 4]. Миллеровская публикация, остававшаяся единственной вплоть до начала XX в., в определенном смысле была завершающей в археографических изданиях ученого. Причем подготовку к печати Степенной книги археограф рассматривал как важное дополнение к уже вышедшим публикациям древнерусских летописей и «Истории...» Татищева.

Татищев, Хилков, обер-иеромонах морского флота епископ Гавриил (Бужинский), проповеди которого как памятник истории и культуры также впервые в 1768 г. были изданы Миллером, – все они активные деятели петровских преобразований. При внимательном изучении научного наследия ученого постепенно устанавливается совершенно отчетливая тенденция – так или иначе связывать большинство исследовательских тем и сюжетов с деятельностью Петра Великого. Во многих случаях Миллер сам писал, что данная проблема, либо публикуемые документы имеют важное значение, поскольку составляют часть истории императора. Даже собственные жизнь и судьбу ученый напрямую связывал с ним и по праву соотносил свое появление в России с созданием Петром I в Санкт-Петербурге высшего научного и учебного учреждения страны. Таким образом, личность Петра Великого на протяжении всей творческой жизни Миллера постоянно находилась в сфере его пристального внимания и потому, когда представилась возможность подготовить издание писем царя к своему фельдмаршалу графу Б.П. Шереметеву, он, естественно, с охотой взялся за это дело.

В свое время Миллеру приходилось доказывать, что письма Петра I к современникам – министрам, военачальникам и прочим «знатным особам» необходимо издавать, поскольку они принадлежат к числу таких материалов, которые могут служить «основанием к истории отечества»⁷.

⁷ Его призыв был услышан современниками. Кроме известных работ И.И. Голикова, посвященных Петру I, в 1780-е гг. вышли «Записная книжка любопытных замечаний ве-

Особую значимость, подчеркивал исследователь, они приобретают в том случае, если адресованы к ближайшим сподвижникам императора⁸. К числу таких и относились письма Петра I к генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, в которых «является Петр Великий без прикрасы могущества, пишет приятельски к приятелю, открывает внутренность мыслей своих, советы дает и оных требует, оказывает, каков Он был Сам, и каков был тот, на котораго Он положил толикую доверенность». Готовя к публикации письма императора, чьи основные деяния общеизвестны и памятны были всем, Миллер в предисловии писал, что читателям необходимо сообщить «некоторое известие о главных обстоятельствах жития и о важности служб покойнаго Фельдмаршала.., и дабы чрез то присовокупить нечто к описанию истории ПЕТРА ВЕЛИКАГО, которая у всякаго, к истории отечества трудящегося, главным предметом быть должна» [Миллер, 2006, с. 257].

Предисловие Миллера к письмам Петра I как-то выпало из поля зрения исследователей, а между тем в плане истории отечественной археологии оно должно рассматриваться как одно из ярчайших явлений.

Общий объем предисловия Г.Ф. Миллера по отношению к публикации 238 писем Петра I к Б.П. Шереметеву за период с декабря 1700 г. по октябрь 1718 г. составляет 5,7 п.л.; соответственно 172 страницы книги большого формата (2°) занимают сами письма, а 78 страниц – предисловие. При этом в тексте, кроме обильных цитат из различных источников, имеются свыше восьмидесяти подстрочных комментариев, как по содержанию, так и текстуальных.

Миллер был весьма озабочен вопросом облегчения понимания смысла старинных текстов, содержащих вышедшие из употребления и уже за-

ликой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году» (1788), письма Петра Великого к С.П. Кольчеву (1785), Н.А. Синявину (1786), к брату царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану (1788) и др.

⁸ Так в предисловии к письмам Петра I к графу Ф.М. Апраксину, изданием которых также занимался Г.Ф. Миллер, имеется такая фраза: «Партикулярные письма Государей и Великих людей собирать и издавать на свет, такое есть дело, которое для великой своей пользы, вошло в обыкновение во всей Европе. Чем важнее материи, содержащиеся в таких письмах между сочинителем к тем персонам, к которым письма писаны, тем яснее познаваться из них нравы и склонности сочинительны...» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 150. Ч. 6. Д. 25. Л. 2). Далее Миллер писал о большом значении этих материалов для истории корабельного дела, военных и других событий, связанных с историей правления Петра Великого.

бытые термины и выражения. В рассматриваемом сочинении много примеров адаптации таких лексических единиц, когда, сохраняя текстуально старинные понятия в примечаниях, публикатор подыскивал эквиваленты из словаря живого русского языка третьей четверти XVIII в. Примеры: «Стольники выше Полковников, а иногда и выше генерал-Маиоров»; «Судное место, (или приказ) в котором, по тогдашнему наречию, на сильных били челом, что после называлось, Челобитным приказом»; «Вышнее правительство Московское... Главное судное место в Москве было Розряд, коим правил Боярин Тихон Никитич Стрешнев»; в старину писали «Турскаго Салтана», а не Турецкаго и т.п.

Рассказывая о едином для Шереметевых и Романовых предке, приехавшем «из Немец» в Москву в XIV в., старинное выражение «Крыжаки» Миллер разъяснял: так раньше называли рыцарей-крестоносцев. Или, проводя генеалогические разыскания о роде Шереметевых и их вероятных пересечениях с Романовыми в XVII в. Миллер отмечал: «Сие родство не токмо Иностранными за истину принято: но утверждается и достоверными Российскими свидетелями, слышавшими оное от своих предков» [Миллер, 2006, с. 260].

Подробно останавливаясь на событиях, приведших к подписанию Прутского мирного договора, Миллер провел детальный разбор особенностей турецкого и русского вариантов текста. Он объяснял причины, по которым русский текст был подписан на два дня позже турецкого⁹, а при сравнении разноязычных текстов Прутского договора по французским публикациям с подлинниками договоров, хранившихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел, археограф обратил внимание на разницу в выражениях – в турецком «Везирь пишет повелительным образом, в Российском же выражения употреблены умеренныя по при-

⁹ Обилие и разнообразие использованных в работе источников приводили к необходимости их критического сравнительного анализа. Особенно много историку приходилось разрешать проблем, связанных с уточнением хронологии исторических событий, датированных по юлианскому и григорианскому календарям, или по системе мусульманского летоисчисления. Но датирование документов русского происхождения также требовало в ряде случаев объяснения и обоснования. Например, день свадьбы Шереметева Миллер устанавливал на основании рядной записи на приданое невесты, составленной 18 сентября 1718 г. Однако день свадьбы историк отнес к 19 сентября, поскольку, по его наблюдениям, рядные писались обыкновенно за день до венчания. И хотя при переводе лет от Сотворения мира к Рождеству Христову должен получаться 1670 год, но, замечал Миллер, это неверно, поскольку новый год издревле начинался с 1 сентября.

нятому между Европейских держав обыкновению» [Миллер, 2006, с. 299]. Турецкий экземпляр договора был заверен печатью с надписью «Мехмет Паша Эввел Везирь». Миллер поправлял европейских коллег, которые неверно переводили слово Эввел («первый») как «великий». Историк отметил также отсутствие названия места Хуши (по-турецки «Гечит Хуш»), где происходило подписание договора, в описании Молдавии Кантемира и в ряде русских военных источников.

Всего прямых подстрочных ссылок на источники в тексте предисловия Миллера к письмам Петра I насчитывается около 300 позиций. Подстрочные ссылки распределены по следующим видам источников: летописные – 1; Летопись о мятежах – 2; разрядные – 5; Степенная книга – 1; документы (договора, письма и пр.), хранившиеся в Московском архиве Коллегии иностранных дел – 10; документы из архива Тобольска – 1; документы из собрания графа П.Б. Шереметева – 3; неизданные письма Петра I Ф.М. Апраксину и А.Д. Меншикову – 4; Журнал Петра I – 146; письма Петра I к Б.П. Шереметеву – 103; Марсова книга – 2; журнал П. Гардона – 1; источники, изданные в «Древней Российской Вифлиофике» – 4; документы английских путешественников, опубликованные Р. Хаклюйтом – 1; ландкарты – 1; автобиография А.Л. Левенгаупта – 1; свидетельства Миллера автобиографического характера – 1; эпиграфические памятники (надписи с надгробий Романовых в Ново-Спасском монастыре) – 1; рукописная история Петра I, написанная Ф.И. Соймоновым – 1; документы, изданные в Польше – 3; ссылки на не идентифицированные документы – 6.

В реальном выражении общее количество использованных исторических источников, как минимум, на порядок больше. В самом тексте имеются многочисленные ссылки на родословные книги, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, жалованные грамоты, а также международные мирные договора, статейные списки, царские указы и циркулярные грамоты, брачные договора («рядные записи»), реляции послов, материалы следственных дел, надписи с надгробий Шереметевых, захороненных в Московском Богоявленском монастыре, в Никольской церкви в Гнезdnиках и другие, впервые вводимые в научный оборот свидетельства бурной петровской эпохи. Таким образом, глубина эмпирической базы в монографическом по жанру предисловии Миллера к Письмам Петра I исключительно велика, или, говоря иначе, – плотность обоснования каждого фактического положения, выдвигаемого историком, максимально возможна для такого типа научного исследования.

Столь же внушительна историографическая база, представленная 16 авторами, как отечественными (Д.К. Кантемир, Феофан Прокопович, М.М. Щербатов), так и трудами зарубежных (шведских, французских, немецких) историков и археографов – Г. Адлерфельд, Ф.М. Вольтер, Л.А. Гебгарди, Й. Нордберг и др.

Для истории развития в России специальных исторических дисциплин следует обратить особое внимание на то, что в рассматриваемом сочинении Миллера, видимо впервые на русском языке, употребляется слово «дипломатика» как термин, обозначающий историческую дисциплину. Рассказывая об участии князя Я.К. Черкасского в сражении 1654 г. под Шкловом, Г.Ф. Миллер ссылаясь на грамоту царя Алексея Михайловича и к этому месту сделал следующее обширное подстрочное примечание: «Сия грамота, коей подлинник сохраняется в библиотеке Его Сиятельства, Господина Обер-Камергера [П.Б. Шереметева – С.И.] достопамятна и по другому обстоятельству, о котором любители Дипломатической науки не без удовольствия услышат. Российские Государы до ПЕТРА ВЕЛИКАГО грамот и указов своих никогда сами не подписывали, а подписывали иногда *Думные Дьяки*, а больше *Дьяки* тех Приказов из коих грамоты посылались. Когда на старинных жалованных грамотах, на обороте около середины столбца, написано было: *Государь царь и Великий Князь Имрек*, что незнающие прежних обыкновений за государеву руку почитали; оное было письмо *Думнаго Дьяка*, подносящаго дело в доклад Государю. В сей грамоте первая строка: *Князь Яков Куденетовичь с товарищи*, и три строки при конце грамоты, точно писаны рукою Государя Царя АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, что сами оныя последние три строки доказывают, в коих написано: *да не осудите, что писано черно, да милость моя желательна к вам, а иотом здравствуйте. Верхняя строка и сии три строки наша Царская рука*. Можно себе представить, что в тогдашния времена сие за чрезвычайно великую милость почесть было должно. Остались у Его же Сиятельства Господина Обер-Камергера, два маленькия письмеца от Царя АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, когда еще был Царевичем, к другому Князю Черкасскому, о коем упомянем ниже, красными чернилами, писанныя. Из сего разумеется, чего ради Государь пишучи к Князю Якову Куденетовичу требовал *не судить что писано черно*. Уповательно Государы, изъявляя к кому свою милость партикулярными письмами, употребляли на то красныя чернила, подобно как печати на красном воску черным предпочитаемы были, а красных может быть чернил в походе под *Смоленским* в готовности не было» [Миллер, 2006, с. 322].

Подготовка и публикация документов, связанных с историей Петра Великого, вызвали нешуточные «приоритетные» страсти между князем М.М. Щербатовым и графом П.Б. Шереметевым. Это беспрецедентный случай в истории отечественной археографии, когда два аристократа, включившиеся в публикаторскую деятельность, дошли на этой почве почти до прямого конфликта [Щербатов, 2011, с. 288]. Г.Ф. Миллер, находившийся во взаимодействии с обоими, полагал полезным «чтобы было много соперников, – писал он М.М. Щербатову в 1773 г. – подобных вашему превосходительству и господину графу Шереметеву: публика бы от этого не прогадала» [Щербатов, 2011, с. 266]. Щербатов – ученик и последователь Миллера в познании истории России развивал его линию и в области научной археографии. Об этом, к примеру, свидетельствует своего рода декларация, содержащаяся в письме Щербатова к Миллеру от 14 марта 1773 г.: «...я не перестаю употреблять все мои усилия для публикации подлинных документов, которые я смог обнаружить, будучи вполне убежден в том, что невозможно хорошо знать ни интересов, ни характера народа, если тщательно не изучить его историю...» [Щербатов, 2011, с. 259].

Публикации Г.Ф. Миллера писем Петра I к Б.П. Шереметеву, Степенной книги и другие его издания 1770-х годов можно относить к лучшим, вершинным образцам развития отечественной археографии XVIII в.¹⁰ Так, главным образом усилиями Г.Ф. Миллера, в период нескольких десятилетий XVIII столетия в России сформировалась устойчивая практика археографических публикаций, построенных на строго научных методах, что создавало прочный фундамент источниковой базы и обеспечивало институциональную преемственность.

¹⁰ К середине 1770-х гг. прекращается активная издательская деятельность Г.Ф. Миллера, но не исследовательская. Он по-прежнему выполнял одновременно несколько исследовательских и научно-организационных проектов, в том числе таких крупных как написание истории Санкт-Петербургской академии наук.

Литература

- Материалы, 1895, т. 8 — Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. 8.
- Миллер, 1937, т. 1 — Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
- Миллер, 2006 — Миллер Г.Ф. Избранные труды / сост., статья, примеч. С.С. Илизарова. М., 2006.
- Пекарский, 1870, т. 1 — Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.
- Покровский, 2001 — Покровский Н.Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории текстологии памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3–43.
- Щербатов, 2011 — Переписка князя М.М. Щербатова / публ. со введ., коммент. и имен. указ. подгот. С.Г. Калининой. М., 2011.

Археографическая комиссия в XIX – XX веках: организационные формы и развитие научных методов

Со времени возникновения научная археографическая работа в России сосредоточивалась по преимуществу в разнотипных ученых учреждениях и обществах. В XIX в. методы издания и описания исторических источников разрабатывали Академия наук и археографические комиссии, создавая для выявления мнений ученого сообщества специальные организационные формы. Выработанные ими археографические правила и образцы содействовали формированию общепринятой научной культуры в археографии.

Ключевые слова: история археографии, научные учреждения, научная культура

Вопрос о зарождении и развитии научных методов археографии был и остается вопросом сложным и недостаточно освещенным. Общеизвестно, что в основе научной археографии того или иного периода, той или другой категории исторических памятников лежали источниковедческие воззрения, существовавшие в данный период по отношению к этим памятникам. Поэтому казалось естественным изучать новые, «пионерские» подходы к источникам и их влияние на складывающуюся археографическую методологию. Так и поступали наши выдающиеся ученые, например, А.Е. Пресняков, М.Д. Приселков, С.Н. Валк, Я.С. Лурье и др.

Меньше, однако, внимания уделяется тем общим основаниям, так сказать, общей платформе, на которой стояло то или другое поколение исследователей в своих подходах к изучению и изданию источников. Точнее, характеризуются, как правило, общемировоззренческие, а то и идеологические позиции исследователей, в лучшем случае, выясняется влияние на их построения современной им научной и общественной мысли. Но эти позиции и влияния далеко не всегда были связаны с разработкой конкретных источниковедческих вопросов, а тем более – археографических

методов. Скажем, в изучении русского летописания эпоху составили труды П.М. Строева, под знаком выдвинутых им представлений это изучение развивалось почти до конца XIX столетия, до трудов К.Н. Бестужева-Рюмина, А.Ф. Бычкова и И.А. Тихомирова. Но нельзя сказать, чтобы весь этот долгий срок в науке господствовали взгляды «скептической школы», к каковой принадлежал Строев в период формирования своих воззрений. Тем не менее, А.Е. Пресняков справедливо выделял в истории изучения летописей период «от Строева до Бестужева», так как для него характерны общие схожие подходы большинства исследователей.

С началом научного познания русского прошлого в XVIII в. возникает и проблема введения в оборот этого познания исторических источников, проблема, решаемая научной археографией. Оставляем здесь в стороне так называемую практическую археографию, целью которой не было познание прошлого. Уже историки периода зарождения науки имели определенные, сформированные в своей работе с документами и рукописями представления о путях бытования и разыскания этих объектов, о способах их опознания, о методах ознакомления с ними общества – читателей и ученых. В.Н. Татищев знал, что, помимо Библиотеки Академии наук, древние рукописи можно отыскать и в православных монастырях, и в раскольничьих скитах, и у «носящего на площади». Сопоставляя тексты различных летописных списков, он пытался давать им определения и названия, устанавливать время их возникновения и даже авторов. В редакциях его «Истории» воплотились сложные поиски нашим первым историком способов сделать информацию этих памятников доступной читателям. Все это – археографические задачи, еще недостаточно обособившиеся от чисто источниковедческих, от «внешней» и «внутренней» критики источников. А ведь Татищев в своем болдинском уединении работал в наиболее сложной обстановке, не имея связи с ученым сообществом и необходимой литературы.

Младшие современники и более молодые последователи В.Н. Татищева выдвигали и решали археографические вопросы более уверенно, так как они опирались на научные коммуникации в разных формах, будь то непосредственное общение с академическими профессорами, изучение литературы или даже ученая полемика. Очень важную роль уже на этом этапе играла принадлежность занимавшихся археографическими вопросами историков к той или иной организационной общности, в те годы Академия наук, Московский архив Коллегии иностранных дел, так

называемый Новиковский кружок и пр. Наиболее существенным в эдиционной сфере на этом этапе оказалось влияние А.-Л. Шлецера, взгляды которого основывались на достижениях тогдашней европейской науки. Требование издавать памятники «слово в слово», с возможной тогда точностью определило издательскую деятельность Академии наук и представления большинства ученых.

Очевидно, что у каждого исследователя имеются «внутренние» методологические установки, вытекающие из его источниковедческих взглядов и обусловленные различными факторами. Если говорить о близких к нам периодах, то среди этих факторов на первый план выходит образовательная составляющая, профессиональная подготовка ученого-исследователя. Так как подобная подготовка получила распространение не ранее конца XIX в., то приходится говорить шире – о роли научных школ в становлении мастерства историка и археографа. Научные школы в аспекте развития научной археографической культуры имеют немаловажное значение [См.: Чирков, 1990]. Однако сводить все к влиянию школы было бы неверно. Отнюдь не каждое поколение историков связано отношением учитель – ученик. Иначе полностью размывается самое понятие научной школы.

Возможно, более важным фактором в становлении методологической общности выступала принадлежность исследователя к определенному научному сообществу, кружку или организации. Деятели Московского архива Коллегии иностранных дел, Румянцевского кружка, Общества истории и древностей российских занимались совместными трудами в собирании, описании и издании исторических источников, обсуждали между собою детали и подробности своей деятельности, под руководством наиболее авторитетных своих коллег вырабатывали для себя «внутреннюю методологическую постройку», зачастую напомиравшую многими чертами воззрения коллег.

В первой четверти XIX в. в области издания летописей наметился определенный перелом. Отходя от безраздельно господствовавшего ранее рационализма, многие ученые выступали за более активное вмешательство археографа в издаваемый текст, внедрение критических приемов его передачи. Известна полемика «буквалиста» А.Н. Оленина и «критика» Р.Ф. Тимковского. Если один предлагал издавать «буквального Нестора с сохранением препинаний и сокращений подлинника», в дальнейшем на основании всех списков давая «объясненного Несто-

ра», то другой хотел дать очищенный список с помощью вариантов и толково расставленных препинаний. Тимковский применил такой способ передачи текста при издании Лаврентьевской летописи (оно не было закончено). Любопытно, что служивший в Петербурге А.Н. Оленин еще с 1786 г. стал членом Российской Академии, а профессор Московского университета Р.Ф. Тимковский был одним из виднейших деятелей Общества истории и древностей российских.

Стоявший у колыбели Археографической комиссии П.М. Строев в области источниковедения был последователем скептического направления. Но его скептические взгляды, по заключению А.Е. Преснякова, были основаны не столько на теоретическом представлении о слабом развитии культуры и письменности в древней Руси, как на собственном археографическом опыте, полученном в ходе экспедиций [Пресняков, 2017, с. 38–41]. Строев не находил рукописей старше XIII – XIV в. и на этом основании сомневался в подлинности древнейших памятников. Он рассчитывал посредством ряда археографических экспедиций создать «самое полное и вернейшее описание всех где-либо существующих памятников нашей Истории и Литературы». Выяснив *весь* материал, каким наше время может располагать для изучения прошлых веков, можно с твердостью приступить к его обработке. Таким образом, он выдвигал археографию на ее законное место в основании источниковедения.

Основанная в 1834 г. Археографическая комиссия внесла новое качество в становление общепринятой методологии. Как известно, при самом ее основании были утверждены и опубликованы «Правила Комиссии для издания собранных Археографической экспедицией актов», четвертый параграф которых касался работы по изданию актов. В феврале 1837 г. были опубликованы «Предположения об издании русских летописей и государственных актов» Н.Г. Устрялова, содержавшие проект правил издания названных категорий памятников. Этот проект лег в основу высочайше утвержденных 18 февраля правил работы Комиссии, детально регламентировавших приемы издания летописей и актов. Таким образом был создан нормативный фундамент археографической эдиционной работы. При этом опирался он на краткую формулировку источниковедческих представлений о памятниках. Так, в соответствии с воззрениями П.М. Строева, «летописи разделяются: на отдельные временники и на летописные сборники. Первые описывают происшествия особенных княжеств или областей... Вторые – суть своды летописей и

других исторических источников, составленные безыменными лицами в XV, XVI и XVII столетиях». Отсюда задачи главного редактора летописей «приготовить к изданию тексты отдельных временников по спискам наиболее исправным, с присовокуплением к каждому вариантов из однородных с ним списков», а «летописные сборники разложить на родовые разряды, принимая в основание более или менее определенное сходство их по содержанию и изложению событий, затем приготовить к изданию текст каждого разряда по лучшему списку, а из однородных с ним подводить варианты» [Правила, с. 150–151]. Именно последним методом Строев руководился при издании «Софийского временника», которое долго служило целям исследования, а в науке нового времени стало рассматриваться как печальный образец текстологической путаницы. Правилами предписывалось весьма волюнтаристское обращение с летописными текстами, которые должно было строить, как николаевских солдат на плацу. «Временник Нестора, которым начинаются почти все летописи, отделить от оных и, присовокупив к основному тексту варианты из всех списков как отдельных временников, так и летописных сборников, приготовить к изданию в виде особой летописи... Пространные вводные статьи, не состоящие в тесной связи с изложением событий, как то повести, жития святых, гомилетические отрывки и проч. – исключать из текста, но помещать в дополнениях к тем спискам, в коих они встречаются» [Правила, с. 151].

Правда, «Правила» содержали статьи, которые теоретически могли умерить решительность обязательных требований к подготовке текстов к изданию. Статьей 15 определялось, что «Комиссия наблюдает за действиями главных редакторов и направляет их указаниями своими к предположенной цели. Она допускает и других членов и чиновников своих участвовать в трудах главных редакторов, которые, не стесняясь чрез то в распоряжениях по редакции, передают им, если то будет признано удобным, некоторые разряды летописей, государственно-юридических актов и других исторических источников для приготовления к изданию на известных правилах». А статья 22 робко вводила возможность учитывать в работе Комиссии мнения ученого сообщества: «Председатель, по усмотрению надобности, приглашает для участия в совещаниях Комиссии посторонних ученых, известных отличными познаниями по части отечественной истории» [Правила, с. 153].

Первые десятилетия издательской деятельности Комиссии протекали внешне в рамках утвержденных правил, а результаты этой дея-

тельности не вызывали отторжения научных кругов. Очевидно, и сами представления ученой публики в значительной мере формировались как издательской продукцией, так и методическими установками Комиссии. При издании актов Археографической экспедиции редакторы томов руководились утвержденными правилами при составлении заголовков и примечаний, при датировке и связанной с нею систематизации материалов. Центральный вопрос – о методах передачи текста источников – оказался предreshен в результате того, что в качестве оригиналов использовались копии, снятые Строевым и Беренниковым с подлинных актов во время экспедиции. «Внутренние» правила передачи текста, соблюдавшиеся ими, описаны в предисловии в изданию. Они сформировались в предшествующей археографической работе Строева и отражали научно-критические установки Румянцевского кружка.

Сформированные предшествующим периодом развития русской археографии приемы издания летописей во многом легли в основу и первоначальных правил издания летописей. Способ передачи текста летописи по одному «лучшему» списку с подведением вариантов из побочных списков каждого «разряда» был применен Р.Ф. Тимковским в начале XIX в. Однако, как видно из самих правил, решающую роль в методике установления летописного текста сыграло развитое Строевым представление о летописях как о сборниках разнообразного материала. Когда Комиссия приступила к публикации Полного собрания русских летописей, правила издания много раз обсуждались на ее заседаниях. Однако эти обсуждения продемонстрировали завидное единство представлений ученых специалистов о свойствах летописных текстов и методах их издания. В результате под редакцией Я.И. Беренникова появился ряд томов летописей, в которых оказалась утрачена первая часть – Повесть временных лет, произведены и другие купюры и перестановки текстов. Уже к 1860-м годам первые тома Полного собрания были признаны устаревшими по издательским приемам, и в Комиссии был поставлен вопрос об их переиздании.

Первый период деятельности Археографической комиссии прошел под знаком правил. В представлении Беренникова и Устрялова, да и большинства их коллег «правильный» научный способ издания источников был связан обязательно с выполнением внешних по отношению к издателю и материалу правил, вносящих единообразие в издательскую практику. Было широко распространено наивное суждение о пагубно-

сти «разнобоя» в приемах издания источников одной разновидности (оно, правда, сохранилось надолго, случается слышать такого рода ламентации и в наши дни). Очевидно, однако, что во многих случаях различия в приемах описания и публикации объясняются продолжающимся развитием описательной и издательской методики и должны быть научно истолкованы. Следует обратить внимание на то, что «синхронный срез» научной культуры данной эпохи обычно раскрывает в ней слои разного хронологического происхождения. Сетования же на отсутствие единообразных приемов в прошлом нашей археографии (П.Г. Софинов и др.) выглядят недоразумением: ясно, что единообразие на уровне 1837 г. означало бы остановку в этом году развития археографии.

Итак, правила составляли до поры основной атрибут научной археографической культуры. В известной мере их авторитет покоился на общеисторической обстановке предельной регламентированности, диктуемой государственной властью. Однако влияние этой модели сказывалось на разных уровнях, в том числе и научного сознания. Можно вспомнить, что, когда в ходе Археографической экспедиции нашим знаменитым археографам случалось расставаться, Строев давал сотруднику своему Бередникову инструкции, имевшие форму правил.

В какой мере правила определяли ход реальной археографической работы – вопрос большой и малоизученный. В действительности издательская деятельность, например, Бередникова представляла развитие традиций Калайдовича и Строева. Подспудно тенденция, противоположная правилам – тенденция традиции – всегда существовала в науке. В конце 1850-х гг. изменение общественной обстановки, связанное с ним раскрепощение сознания меняют культурную ситуацию в стране. С этим связано снижение пиетета по отношению к правилам. Обращение к традиции снимало иллюзию «всемогущества» внешних правил и тем самым открывало путь к постижению законов развития издаваемых письменных памятников, к осознанию, что именно эти законы должны лежать в основе всяких правил издания.

Исподволь происходили изменения в приемах передачи текста актов. Уже в «Актах юридических» и в меньшей мере «Актах исторических» редакторы отказываются от норм «Актов Археографической экспедиции» в пользу более точного воспроизведения грамматических особенностей подлинников, так как эти издания в основном готовились уже не по копиям, а по подлинным документам. Н.В. Калачов и А.А. Куник по-

своему препарированию правила, отбирая из них те издательские приемы, которые отвечают их собственным источниковедческим воззрениям, и вводя новые, развивающие издательскую методiku. Их методы формировали новые традиции научных приемов издания, на публикации Комиссии в дальнейшем стало принято ссылаться как на образцы подготовки актов к печати. Ориентация на традицию облегчала видоизменение и совершенствование методов издания.

Еще более существенными оказались изменения в подходе к нарративным источникам, в первую очередь, летописным. В работах Н.И. Костомарова, И.И. Срезневского, М.И. Сухомлинова и др. появляется представление о летописных памятниках как отдельных самоценных произведениях средневековых книжников. Это представление исключало инструментализм источниковедческих методов, использовавшихся до этого. Становилось ясно, что необходимо давать читателям в издании полные тексты дошедших летописных памятников, а не произвольные извлечения и сокращения. В конце 1859 г. А.Ф. Бычков выступил с предложением изменить приемы публикации Полного собрания русских летописей. При этом он для обоснования своих предложений выступил с отдельной работой о всем предшествующем ходе издания летописей в России [Бычков, 1860]. Эта историографическая рефлексия весьма показательна: подобные ей возникнут и при следующем существенном изменении в понимании летописных источников и летописной археографии. После выступления Бычкова правила издания были частично пересмотрены на заседании Комиссии с целью освободиться от наиболее неудовлетворительных положений, использовавшихся в работе Бередникова по подготовке Полного собрания (выделение Повести временных лет из целого состава большинства летописей, отдельное печатание «вставных» повестей и сказаний и пр.).

Что более важно для нашей темы, сложное положение с изданием летописных текстов подвигло Комиссию прибегнуть к необычной организационной форме утверждения эдиционной методики. Через десять лет после выступления Бычкова, когда возник проект переиздания первых томов Полного собрания русских летописей (декабрь 1869 г.), Комиссия разослала видным специалистам – историкам и филологам – для обсуждения образцы разного типа издания летописного текста и запросила их мнения о способах издания летописей [ЛЗАК, 1871, с. 115–128].

Образцы были составлены Бычковым и отражали четыре способа передачи текста летописи: буквальный; буквальный с расстановкой знаков

препинания редакцией; буквальный, но с заменой вышедших из употребления букв современными и с раскрытием тита; научно-критический с исправлением погрешностей текста (последний способ уже был применен при издании Полного собрания русских летописей). На заседании 14 марта 1870 г. были подведены итоги опроса 39 специалистов. За первый способ высказались 15 из них, в том числе К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Ф. Бычков, А.В. Горский, Я.К. Грот, И.Е. Забелин, М.А. Оболенский, Н.А. Попов, П.И. Савваитов, И.И. Срезневский. Второй и третий способы получили 3 и 4 голоса. Наконец, за привычный четвертый способ выступили 16 ученых, например, А.Е. Викторов, А.А. Куник, М.А. Максимович, П.А. Муханов, К.И. Невоструев, С.Н. Палаузов, П.П. Пекарский, М.П. Погодин, А.Н. Попов, П.М. Строев, А.А. Титов. Комиссия нашла компромисс, позволяющий сочетать первый (буквальный) и научно-критический способы издания, предложив напечатать древнейшие летописи (Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Новгородскую харатейную) факсимильным способом, в виде фотолитографии. Обсуждение этих проблем происходило на нескольких заседаниях Комиссии, а подробная сводка высказанных учеными суждений была опубликована в «Летописи занятий Археографической комиссии».

С учетом мнений большинства ученых были сформулированы соответствующие правила издания летописных текстов, хотя и весьма осторожно: они касались внесения в текст пропущенных частей, исправления явно испорченных мест, передачи разности правописания, встречающейся в побочных списках, формы указателей и пр. Правила использовались при подготовке очередных томов Полного собрания и отдельных изданий летописей. Однако о внесении единообразия в издательскую практику с помощью правил уже не было и речи: каждому издаваемому тому предпосылался отчет о приемах публикации. Более существенным оказалось признание учеными применения альтернативных эдиционных приемов, что резко противоречило прежнему представлению о «правильных» издательских методах. Практически это проявлялось в разных сферах, например, в осознании отличия интересов исследователей, принадлежавших к разным дисциплинам – историков и филологов. По-видимому, наметились серьезные сдвиги в общепринятых источниковедческих и археографических представлениях, той исследовательской «парадигме», о которой говорят науковеды.

К сожалению, период расцвета деятельности Археографической комиссии в 1860-х гг. оказался недолгим, через два десятилетия он сме-

нился периодом застоя и упадка. По словам очевидца – молодого тогда С.Ф. Платонова, «положение Комиссии поколебалось. Предоставленная сама себе, она должна была осуществлять программу деятельности, в которой было много темного, искать средств на стороне, привлекать капиталы в помощь издательской своей деятельности. Было время, когда только имя Бычкова поддерживало Комиссию» [Платонов, 1905, с. 26].

Только с середины 90-х гг. положение Комиссии исподволь и крайне медленно стало меняться к лучшему. К работе в ней были привлечены свежие ученые силы, в их числе В.Г. Дружинин, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.П. Лихачев, С.Ф. Платонов. Их усилиями оживилось дело издания актов, писцовых, делопроизводственных источников, памятников Смуты и раскола. Председательство в Комиссии А.Ф. Бычкова и Л.Н. Майкова обеспечило осуществление начинаний этих археографов. Правда, издание летописей почти не двигалось до последних лет XIX в. – сказывался недостаток средств. Даже для издания очередного тома Полного собрания приходилось прибегать к полуофициальному сбору пожертвований. Назрели вопросы о пересмотре компетенции и штатов Комиссии. Правила ее деятельности, утвержденные в 1837 г., даже отчасти модернизированные, приходилось признать устаревшими.

Начало нового этапа существования Археографической комиссии приходится на первые годы XX в. и связано с рядом как административных, так и научно-организационных изменений. Важно подчеркнуть, что с инициативой перемен выступали члены научного коллектива Комиссии. Они организовывали совещания для разработки новых нормативных документов о работе Комиссии и в предшествующие десятилетия. Отмечалось, что Комиссия «безуспешно ходатайствовала» о новом Положении о ней более 40 лет. В 1900 г. вновь было созвано совещание, и выработанный им проект наконец получил ход. В 1904 г. было утверждено новое «Положение об Археографической комиссии», в значительной мере отменявшее устаревшую регламентацию «Правил» 1837 г. Немалую роль в изменении статуса Комиссии сыграли личные научно-организационные качества С.Ф. Платонова, А.А. Шахматова (член Комиссии с ноября 1900 г.), В.Г. Дружинина (правитель дел с марта 1903 г.). Определенным образом повлияло на осуществление назревших перемен и назначение в ноябре 1900 г. председателем Комиссии С.Д. Шереметева (пробыл на этом посту до 1917 г.) – историка и общественного деятеля, близкого к императорскому двору. От такого назначения Комиссия впра-

ве была ожидать немаловажной пользы в смысле улучшения материального положения.

Эти ожидания вскоре оправдались. С.Д. Шереметев, пользуясь своим положением при дворе, не раз обходил бюрократические заслоны (например, он провел утверждение нового «Положения» о Комиссии помимо Министерства народного просвещения, которому она официально подчинялась). Уже в ноябре 1901 г. удалось добиться новых ассигнований на издательские нужды, а с 1905 г. бюджет Комиссии увеличился более чем вдвое (с 12 805 руб. на 1898 г. до 30 000 руб. на 1905 г.; из них 20 тыс. руб. предназначалась на издательские нужды), предоставлено было и новое помещение на Надеждинской улице. Новые штаты позволили привлечь в Комиссию новых сотрудников, среди которых были С.А. Адрианов, Н.П. Павлов-Сильванский, А.Е. Пресняков, Б.А. Тураев, плодотворно работавшие в последующие годы [Чирков, 1975, с. 25–26].

Организация работы Комиссии не соответствовала выдвигавшимся на новом этапе задачам расширения состава и более систематического введения в оборот науки письменных памятников. Обсуждение на каждом заседании Комиссии большого числа вопросов об издании разнотипных памятников не могло не затруднять ход эдизионной работы, так как не представлялось возможным обсуждать ту или иную тему с должной полнотой и обстоятельностью. Устаревшие структурные формы ограничивали возможности принимать участие в работе для «посторонних» ученых.

Против такого положения выступил А.А. Шахматов, еще в 1900 г. предложив изменить организационную структуру Комиссии. Первоначально в частном случае издания западнорусских летописей он высказал намерение «устроить маленькую для... подготовительных работ комиссию, в которую могли бы быть приглашены от лица Археографической комиссии не принадлежащие к ее составу специалисты». Однако это предложение натолкнулось на противодействие С.Ф. Платонова и других – они мотивировали свое несогласие беспрецедентностью подобных организаций. Изменить официальную структуру Комиссии Шахматову на первых порах не удалось, но уже в ходе работы его планы начали осуществляться фактически. Сохранились свидетельства о частных совещаниях для обсуждения вопросов описания и издания летописей, собиравшихся по инициативе Шахматова зачастую у него на квартире. На них присутствовали многие видные историки и филологи, а также научная

молодежь. В конечном счете, в 1904 г. Археографической комиссии пришлось выразить свое одобрение предпринятому Шахматовым способу ведения подготовительных работ по изданию летописей.

Совещанию, работавшему над проектом нового «Положения» удалось широко сформулировать первую статью. Археографической комиссии было предоставлено самой установить подробные правила своей деятельности и порядок распределения занятий, причем достаточно было их утверждения председателем. Пользуясь открывшейся возможностью, В.Г. Дружинин и А.А. Шахматов ввели предложения Шахматова в текст проекта нового «Положения». Выступая 22 января 1904 г., Дружинин подчеркивал необходимость «выработать план издания материалов, который, будучи приведен в исполнение, сообщил бы последующим изданиям Комиссии характер систематического издания». С целью избежать случайностей при выборе издаваемых памятников, а затем и выработать строгий план издания предлагалось обсуждать вопрос об издании того или иного памятника «в частных собраниях подкомиссий, которые носили бы название редакционных комиссий, в которых по приглашению могли бы принимать участие сотрудники Комиссии и посторонние лица». Намечалось организовать пять таких подкомиссий по видам источников, причем председательствовать в них могли члены Комиссии, «которые были бы признаны наиболее компетентными в деле издания того или иного рода материалов» [ЛЗАК, 1907, с. 7]. В дальнейшем число этих редакционных совещаний менялось. Но главное – этим достигалось изъятие всей научной работы из «чиновных» в принципе рамок Комиссии, за которой оставались лишь административные функции. Разрушалась прежняя замкнутость Комиссии, удовлетворялись намечавшиеся в науке тенденции к специализации отдельных отраслей источниковедения.

Предложенная и внедренная форма работы Комиссии оказалась удачной. Уже после революции, когда встал вопрос о расширении тематики Археографической комиссии на «петербургский период» русской истории, тогдашний ее председатель С.Ф. Платонов полагал, что она «нуждалась бы для этого в значительном расширении и усложнении своих «редакционных совещаний» и своего личного состава».

Помимо организационных моментов, большую роль в становлении общепринятых воззрений на источники и методы работы с ними играло продолжавшееся нормотворчество Археографической комиссии.

В представленном в декабре 1900 г. плане продолжения Полного собрания русских летописей А.А. Шахматов сформулировал восемь пунктов правил передачи летописного текста, которые предусматривали максимальную точность (исходя из наличных типографских условий) воспроизведения орфографии и пунктуации подлинника Ипатьевской летописи. В дальнейшем он расширил свой проект дипломатической публикации летописей, но проект не получил признания большинства ученых Комиссии, так как не удовлетворял требований историков к изданию. Со временем появились и новые предложения. Они были сведены в отпечатанный (но не утвержденный) проект «Правил для изданий имп. Археографической комиссии», заверченный около 1905 г. Готовились и правила для отдельных изданий – писцовых и приходо-расходных книг, дел Тайного приказа и Литовской метрики, сочинения Котошихина. В 1911 г. Дружинин вновь поставил вопрос о составлении систематических правил издания, не считая его разрешенным появившимися проектами.

Таким образом, можно отметить, что Археографическая комиссия сохранила достигнутое в 1860-х гг. положение «пионера» в разработке правил издания и в начале XX в., особенно в области издания повествовательных памятников. Как известно, центр разработки методов актовой археографии трудами А.С. Лаппо-Данилевского после 1901 г. переместился в Академию наук. Однако традиционно тесные связи Комиссии с Академией и участие в ее работе самого Лаппо-Данилевского определили высокий научный уровень постановки в ней публикации актовых материалов. Принятые Комиссией правила использовали и специалисты других направлений. Так, С.Б. Веселовский прямо говорил, что издает по правилам Комиссии. Знаменательно, что ученые Историко-археографического института АН СССР, явившегося преемником Комиссии, указывали в предисловии к «Правилам издания документов XVI – XVII вв.», что следовали «Правилам издания Сборника грамот Коллегии экономии» Лаппо-Данилевского как «основе и отправному пункту» в своей работе.

В области изучения и издания нарративных памятников, прежде всего летописей, настоящий переворот был произведен трудами А.А. Шахматова. В русле общей тенденции придать публикации источников систематический характер стояли его предложения восстановить издание летописей в составе одной общей серии, которую по-прежнему называть Полным собранием русских летописей. «В этом названии заключается

программа, – считал ученый, – оно требует от учреждения, предпринявшего такое издание, целесообразных усилий для его выполнения». Полное собрание предполагало, по мысли Шахматова, «хотя и постепенное, но систематическое издание всех русских летописей». Сохранение связи между отдельными томами летописей он находил важным для установления единообразного способа их издания, а также для общих работ над летописными памятниками [ЛЗАК, 1901, с. 13].

Однако на деле методы работы А.А. Шахматова поставили археографию (во всяком случае, ее эдиционную составляющую) на своеобразную экзистенциальную грань, до сих пор недостаточно оцененную. В результате осуществления предложенного им проекта ПСРА в распоряжении исследователей должна была оказаться, хотя и разноуровневая, но исчерпывающая информация о летописных текстах. Очень существенным оказался вклад ученого в соби́рание летописных памятников. Как отметил А.А. Пресняков, «А.А. Шахматов, постоянно расширяя свою начитанность в рукописном материале, значительно обогатил науку сведениями о памятниках летописания, почивших в наших книгохранилищах». Но, с другой стороны, «сама интенсивность изучения и детальность наблюдений, необходимые для задач, которые ставил себе А.А. Шахматов, требовали живого соприкосновения с рукописями, помимо печатных изданий их текста. Графические черты рукописи, описки, пометы и помарки, случайные иногда мелочи – наводят пытлиую мысль и напряженное внимание на существенные и содержательные выводы о взаимоотношении списков, их происхождении и составе» [Пресняков, 2017, с. 265].

Полное собрание русских летописей не могло дать достаточного материала для такой работы. Но и завершенное по мысли Шахматова полное издание летописных текстов не могло дать такого материала. Требовалось – отложить издания и работать по рукописям. Пресняков также столкнулся с такой ситуацией, изучая духовные и договорные грамоты русских князей при написании книги «Образование Великорусского государства». Рождалось представление об издании как призме, искажающей по-своему представление о письменном источнике. Научное значение изданий становилось проблематичным. Паллиативными средствами выхода из этих затруднений выглядели совершенствование издательской техники (сопровождение всякой публикации полным снимком рукописи и т.п.), разработка истории археографии и донесение ее до начинающих исследователей в виде учебных курсов, обязательный учет особенностей изданий в практике исследования.

В сфере нормотворчества Археографическая комиссия занимала совершенно особое место, выделявшее ее среди других научно-публикаторских учреждений своего времени. Ни Московское общество истории и древностей, ни Русское историческое общество, ни Московское археологическое общество не уделяли столько внимания выработке правил работы с источниками. Обилие проектов правил в Археографической комиссии и тот факт, что по большей части они остались без утверждения, не получили обязательного значения для издателей, наводят на мысль, что наряду с прямой своей функцией регламентации издательской работы они имели и другие функции.

Очевидно, что правила обобщали опыт предшествующей издательской практики, выделяя из нее сложившиеся общепринятые нормы. Надо иметь в виду, что понятие нормы – понятие динамичное, текучее. Поэтому лучше сказать, что правилами отбираются из практики те приемы, какие наиболее соответствуют общепринятым научным, источниковедческим представлениям своего времени, «исследовательской парадигме» определенного научного коллектива.

Однако правила по своей природе не предназначены для описания «текста» породившей их публикаторской культуры. Их направленность в известном смысле противоположна: они призваны формировать эту культуру. Ясно, что главное в «другой функции» правил – их способность вносить в издательскую практику (а соответственно и во «внутреннюю методологию» археографа) представления, выработанные современной наукой. Наряду с научными обсуждениями приемов издания или диахроническим их описанием в истории археографии (а может быть и в первую очередь) правила служат важнейшим «метатекстом» научной культуры. Не случайно для обсуждения часто предлагались правила, а учебные курсы археографии часто представляли собой все те же препарированные и комментированные правила.

Важно представить, что входило в данное время в понятие правил, а что оставалось само собой разумеющейся, общепринятой и не привлекающей особого внимания областью традиции. Выясняется, что эта «темная область» обыденных представлений сформирована научными представлениями предшествующих этапов, которые поэтому понимались как устаревшие. История разработки правил издания Археографической комиссией показывает, что в начале XX в. существовала тенденция к расширению «области правил», связанная, видимо, с успехами

специальных исторических дисциплин, этой, по образному определению Д.С. Лихачева, твердой оболочки гуманитарного знания. Эта тенденция еще более укрепилась в последующие десятилетия, когда она обогатилась помощью развившегося специального образования. На всем протяжении эдичионной работы Комиссии видим весьма сложное переплетение правил и традиций издания источников. В формулировании правил нередко ссылались на обычаи, а обычаи иногда возводился в ранг правил. При всех сложностях сказавшихся здесь закономерностей развития археографической культуры прослеживается некая зависимость: ориентация на правила сильнее выражена в таком научном коллективе, который теснее сплочен вокруг определенной системы воззрений, собственной «исследовательской парадигмы». Своим вкладом в разработку различных сфер археографии Археографическая комиссия активно содействовала формированию соответствующих научных убеждений деятелей российской науки, а в конечном счете – развитию научной археографической культуры.

Литература

- Бычков, 1860 — Бычков А.Ф. Обзор хода изданий летописей в России // ЖМНП. 1860. Ч. 105, № 1. С. 1–26, 2-я пагин.
- ЛЗАК, 1871 — Летопись занятий Археографической комиссии за четыре года. СПб., 1871. Вып. 5.
- ЛЗАК, 1901 — Летопись занятий Археографической комиссии за 1900 год. СПб., 1901. Вып. 13.
- ЛЗАК, 1907 — Летопись занятий Археографической комиссии за 1904 г. СПб., 1907. Вып. 17.
- Платонов, 1905 — Платонов С.Ф. Обзор источников русской истории летописного типа: Лекции, читанные в Археологическом институте в 1904/05 уч. г. СПб., 1905.
- Правила — Правила для руководства Археографической комиссии // Хрестоматия по археографии / под ред. Г.Д. Костомарова. М., 1956.
- Пресняков, 2017 — Пресняков А.Е. Русское летописание. Историография и история. М., 2017.
- Чирков, 1975 — Чирков С.В. Вопросы публикации летописей Археографической комиссией в начале XX в. // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 24–37.
- Чирков, 1990 — Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 19–27.

Назад – в будущее: Задачи и возможности русской археографии в XXI веке

В статье делается попытка осмыслить все этапы полевой археографии, как важнейшей исторической дисциплины, начиная с П.М. Строева и кончая сегодняшним днем.

Отмечено широкое развитие полевой археографии в результате активной поддержки в 60–80 годах XX столетия Археографической комиссией АН СССР. В XXI в. из основных целей полевых работ истфака МГУ фактически ушла задача собирания книжных памятников, упор же был перенесен на их выявление и «возможно точное», как писал Строев, описание.

Ключевые слова: Россия, археография, рукописная и старопечатная книга, история Русской церкви, старообрядчество

Чем дольше работаешь в определенном направлении гуманитарных наук, составляющих комплекс дисциплин, изучающих историю и культуру России, тем более оцениваешь талант и прозорливость наших далеких и не слишком далеких предшественников. Поскольку сегодня мы говорим именно об археографии, то, прежде всего, вспоминаем П.М. Строева. И до Строева были талантливые археографы, открывшие, изучившие и опубликовавшие книжные памятники Государства Российского, но рождение археографии как науки точно датируется – это 24 июня 1823 г. [Строев, 1828; Летопись, с. 53; Труды и летописи, 1827, с. 15–16]¹, когда избранный действительным членом Общества истории и древностей российских 27-летний Строев в своем докладе «О средствах, удобней-

¹ К сожалению, в указанном IV томе Трудов и летописей ОИДР есть опечатка в оглавлении и вместо 1823 указан 1825 год, что и послужило причиной именно такой датировки доклада во многих справочниках, в т. ч. и в Летописи Московского университета [Летопись, 1979]. Однако в названии доклада П.М. Строева в том же IV томе, и в Летописи дата указана правильно: 1823 г.

ших к открытию памятников отечественной истории и успешнейшем способе обрабатывать оные» сформулировал и обосновал теорию археографии: ее общественное значение, актуальность деятельности [Строев, 1828]², самостоятельные этапы археографических работ; сформулировал на века вперед задачи, в результате решения которых, по словам ученого, «отечественная Клио соделается обладательницей несметных сокровищ» [Строев, 1828, с. 291–292]. Для этого, как он считал, необходимо «выявить и с возможной точностью описать все памятники нашей Истории и Словесности <...>, рассеянные на обширном пространстве от Белого моря до степей Украинских и от границ Литвы до хребта Уральского» [Строев, 1828, с. 283–284]. В результате этой работы должна быть создана общая систематизированная опись найденных памятников. С присущей ему эмоциональностью, Строев пишет о значении такой работы: «Какой свет разольется на все части исторических знаний, и какие удобства и пособия представятся к обрабатыванию их» [Строев, 1828, с. 294]. «Первым, так сказать пробным предметом экспедиции может быть библиотека Софийского собора в Новгороде, – предлагал Строев. – По обработке сего книгохранилища, экспедиция объедет губернии: Новгородскую, Санкт-Петербургскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, часть Пермской и, через Костромскую, Ярославскую и Тверскую, возвратится в Москву» [Строев, 1828, с. 287]. Ученый считал, что созданная после этого опись «Будет надежным руководством <...> соделается необходимым зеркалом историков, критиков, библиотекарей, и доставит собою ключ к обширному хранилищу целой России» [Строев, 1828, с.198]. Только по завершению этого второго этапа археографических работ по мнению Строева «наступит время изданий и критики». Таким образом за 193 года до настоящего времени П.М. Строев сформулировал теоретические и практические задачи российской археографии и предложил последовательный план их решения.

И сегодня, осмысливая археографию как важнейшую историческую дисциплину, мы видим, что никому из исследователей не удалось что-то принципиально добавить к строгой системе, сформированной отцом русской археографии, а эпатажное утверждение, что археография сегод-

² Даже фраза П.М. Строева о заинтересованности общества в этих работах полностью соответствует нашему времени: «когда охота заниматься Русскими Древностями оканчивается во всех состояниях [сословиях – И.П.], предприятия Общества исторического должны быть несравненно обширней и цель – гораздо важнейшая».

ня – чисто эдичионная дисциплина, никем из практических археографов не была принята, но, несомненно, привело к весьма полезному переосмыслению терминологии и аппарата археографии. П.М. Строев считал первой задачей работу «путешествующих» археографов, к каковым, прежде всего, причислял и себя: найти, выявить, собрать все памятники русской письменности от времени кн. Владимира до XVIII в. [Строев, 1828, с. 198; Поздеева, 2004б]

Широкое развитие полевой археографии, было активно и результативно поддержано в 60–80 годах XX столетия Археографической комиссией АН СССР, воссозданной акад. М.Н. Тихомировым ровно 60 лет назад. Археографическая комиссия выполняла в том числе задачи, сформулированные П.М. Строевым для первого этапа археографических работ, но имела более узкий объект работы, названный Строевым, но для него в те годы второстепенный – книжность старообрядческих общин. Полевая археография этих лет не только пополнила государственные хранилища многими тысячами памятников, но и переросла из собирания книжных памятников в изучение их в среде бытования, а затем и комплексное всестороннее исследование этой среды, основой которой была и оставалась книга. Развитию полевой и камеральной археографии особенно способствовала I Всесоюзная конференция, посвященная этим вопросам, и проведенная Археографической комиссией АН СССР в 1976 г. [Поздеева, 1978, 56–61; Проблемы, 1979]³

90-е гг. резко изменили ситуацию, в том числе и для полевой археографии. Ученые не обладали ни финансовыми, ни транспортными возможностями многих десятков скупщиков, а то и прямо грабителей, буквально «вычищавших» старообрядческие редкости. Однако серьезный удар полевой археография, которая была очень существенной частью общегосударственных работ, получила и в результате запрета гуманитарным факультетам вузов проводить экспедиции. С середины 90-х гг. летние работы осуществляются археографами МГУ только в виде полевой производственной практики специализирующихся студентов. В результате археографы МГУ сконцентрировали свои усилия на продолжении и завершении комплексных полевых археографических исследований, методика которых была разработана и с 1973 г. осуществлялась в районе так называемой первой категории – Верхокамье, открытом в 1972 г. К 2003 г.

³ В своем докладе П.М. Строев даже советовал брать в экспедиции студентов.

тридцатилетние ежегодные работы в Верхокамье выявили и зафиксировали основные направления традиционной культуры старообрядческих общин местного крестьянского населения, в основном, были закончены, однако почти ежегодно здесь и сегодня проводятся кратковременные поездки, цель которых проследить дальнейшие судьбы местного старообрядчества.

В XXI в. из основных целей полевых работ истфака МГУ фактически ушла задача собирания книжных памятников, упор же был перенесен на их выявление и «возможно точное», как писал Строев, описание. Естественно, пятитысячные фонды рукописных и старопечатных кириллических памятников XV–XX вв., собранных в экспедициях и представляющих два репрезентативных территориальных собрания и 16 территориальных коллекций старообрядческих регионов в какой-то степени пополнялись. Однако полевые комплексные исследования постепенно стали носить этнологический характер (руководитель – Н.В. Литвина с 2013 г. – заведующая межкафедральной Археографической лабораторией). Работы в Верхокамье 1973–2003 гг. позволили собрать уникальные материалы, полностью и всесторонне характеризующие старообрядческую традиционную культуру русского крестьянского населения региона и осмыслить их как поливидовой региональный архив [Поздеева, 2000, с. 24–35], состоящий из основных фондов: Книжного собрания (частично поступившего в ОРКиР НБ МГУ [Pozdeeva, 1996; Поздеева, 1996, с. 6–45]), частично зафиксированного в полевых условиях у владельцев и в библиотеках церквей и молитвенных домов; аудиозапись всех вербальных и музыкальных жанров традиционной культуры – богослужение поморское и белокриницкое (РПСЦ), духовные стихи [Духовные стихи, 2007]⁴, фольклор, интервью и т.д.; сотни памятников материальной культуры и народного искусства поступили в ПОКМ; ТВ записи (1993–2014 гг.) сельскохозяйственных работ, народных ремесел, богослужения, сотен интервью, позволяющие и сегодня увидеть и услышать многих носителей традиционной культуры и из их уст понять их точку зрения на историю, догматику согласий, социальное устройство общин, отношение к власти держащим и постоянно меняющейся действительности.

⁴ В прекрасно иллюстрированной книге опубликованы тексты 104 стихов и ноты 65 напевов, а также статьи И.В. Поздеевой.

Собранные материалы изучены и опубликованы в фундаментальных томах, посвященных описанию рукописного собрания и старопечатной кириллицы [Агеева, Кобяк, Смилянская, 1994], духовных стихов. Важно, что публикация памятников Верхокамского рукописного собрания – т.е. письменной словесности и словесности устной, важнейшей именно старообрядческой частью, которой являются духовные стихи, дополнены прекрасно изданным альбомом с описанием материальной культуры верхокамского старообрядчества, составленным С.А. Димухаметовой [Димухаметова, 2010]⁵. Кроме того, в неперiodическом издании Археологической лаборатории «Мир старообрядчества» (Т. I–VIII) опубликованы статьи, посвященные памятникам духовной и материальной культуры и библиография около 200 работ [Клюшкина, 2008]⁶, написанных на материалах, собранных в Верхокамье (в т.ч. и сотрудниками областного краеведческого музея и пермского университета под руководством Г.К. Чагина и С.А. Димухамедовой). Одной из важнейших задач работ ученых МГУ в регионах была подготовка кадров археологов, та же задача решалась и во время собственно производственной практики студентов.

Оценив в 90-х гг. фактическое отсутствие перспектив собственно полевой археологии в старообрядческих регионах и обеспечения сохранности оставшихся памятников, мы, снова обратившись к задачам, сформулированным П.М. Строевым, поняв, что в государственных хранилищах – музеях, архивах и библиотеках регионов – лежат тысячи книжных памятников нашей истории, однако в 75% (если не в 90%) субъектов РФ нет специалистов, которые могли бы профессионально работать с ними.

Задачей полевой археологии [Поздеева, 2004с, с. 262–294] стало прямое продолжение работ Строева, проводимых по его методике – т.е. просмотр *de visu* всего книжного фонда (в нашем случае – всех государственных фондов кириллицы, и по возможности, личных, церковных и монастырских собраний) в исторически сложившихся и географически определенных регионах, также почти 200 лет тому назад названных Строе-

⁵ Блестяще оформленному Каталогу, всесторонне представляющему материальную культуру старообрядческих общин, предшествуют статьи о формировании коллекции (С.А. Димухаметова), истории старообрядчества в регионе, его вере и книжной культуре (И.В. Поздеева), заселению и материальному быту старообрядцев-крестьян.

⁶ В работе учтено 455 названий, в том числе и посвященных изучению Верхокамья.

евым в его перспективном плане сплошного обследования России. Были выбраны три региона разной исторической судьбы, в которых местные фондохранилища подтвердили свою заинтересованность в такой работе – это Тверская, Пермская и Ростово-Ярославская земли.

Работы, о которых пойдет речь, принципиально коллективные: в них участвовали и участвуют более двух десятков сотрудников местных музеев и библиотек; студенты и аспиранты нескольких поколений: те, что начинали в 2001–2002 гг. – ныне кандидаты наук и признанные специалисты. В первые годы руководили описанием В.И. Ерофеева, А.В. Дадькин, затем И.И. Соломин, Ю.С. Белянкин, М.М. Лебедь. Сейчас завершается подготовка новой смены университетских археографов. Для автора этих строк является удовольствием и честью осуществлять научное руководство таким коллективом археографов.

За годы работы мы параллельно выполнили еще одну задачу, которую ранее поставить не могли, но выполнение ее было совершенно необходимо для решения новых задач университетских археографов, фактически, его условием – подготовка кадров археографов, работающих с кириллическими памятниками на местах. Эта работа осуществлялась в двух формах: проведено шесть всероссийских школ повышения квалификации сотрудников музеев, библиотек и архивов, работающих с кириллическими памятниками в Твери, Костроме, Ростове Великом (в Москве – только для архивистов). Подготовку и проведение школ поддерживало Министерство Культуры РФ, которое рекомендовало своим подведомственным учреждениям командировать сотрудников для участия в их работе [Воробьева, 2001]. К сожалению, по понятным причинам, последняя школа состоялась в Ростове Великом в 2006 г. Школы прошли сотрудники из 45 городов РФ, некоторые дважды. Вторая форма подготовки кадров – занятия с настоящими и будущими археографами на местах: во всех трех названных выше регионах в течение 3–4 лет для работающих с кириллицей сотрудников госучреждений проведено 30–40 часов лекций и семинаров, практических занятий по описанию памятников, фактически дающих возможность слушателям начать работу с любой кириллической книгой. Многие сотрудники местных музеев и библиотек стали в процессе общей работы нашими профессиональными коллегами, без которых не мог бы быть выполнен столь большой объем археографических работ. В Твери это: Г.С. Гадалова, Л.А. Беспалова, В.А. Бушлякова, Е.В. Перелевская, Т.В. Цветкова; в Перми – О.А. Баталова, С.В. Пигалева,

Н.М. Суркова; в Ростово-Ярославской земле – организатор, координатор и один из основных авторов – Т.И. Гулина, Н.А. Гуляева, А.В. Киселев, А.И. Зякина, А.В. Зубатенко и др.; в Переславле-Залесском – О.И. Мазурок. Насколько эти работы подняли интерес к кириллическим памятникам в регионах, доказывает небывалая активность их комплектования. Например, в Ростово-Ярославской земле фондохранилищами уже через три года после выхода первой книги описаний экземпляров кириллических изданий XVI–первой половины XVII вв. были куплены или поступили в качестве дара 56 книг этого времени. В Пермском крае в первые годы после выхода описания кириллицы был приобретен 51 экземпляр 46 изданий указанного периода, в т.ч. Острожская библия, изданная Иваном Федоровым в 1581 г. Во всех указанных регионах активные работы с кириллическими книжными памятниками: их комплектование, музейная, выставочная, просветительская деятельность ведутся сегодня на высоком профессиональном уровне.

Начиная эту громадную работу, мы, с одной стороны, сразу же последовательно занимались подготовкой археографов среди местных хранителей, которые в каждом регионе провели кроме описательной основную организационную, координационную работу, необходимую для выполнения поставленных задач. Местные специалисты справедливо указаны в составе авторских коллективов наших совместных книг, также как и многие сотрудники хранилищ, заменявшие коллег, отвлеченных от работы с кириллицей ежедневной музейной деятельностью.

Всем нам хорошо известна значимость результатов полевых работ П.М. Строева и его коллег. Но сегодня мы не можем рассчитывать на многочисленные открытия памятников очень ранних, однако попытаемся показать, насколько и сегодня перспективны и результативны археографические обследования и как важно было бы организовывать их в большинстве регионов Российской Федерации.

В 2001–2014 гг. в 37 государственных хранилищах 25 городов Пермского края, Тверской и Ярославской областей, церковных (РПСЦ) и трех личных собраниях выявлено, изучено, описано 3325 кириллических книжных памятников XIV–XVIII вв., описания которых изданы в восьми фундаментальных томах общим объемом 324 печатных листа [К. П-3; К.П. I.; К. П. II.; К. П. III; К.Т. I.; К.Т. II; К. Яр. I.; К. Яр. II]:

Регион	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	Всего:	Издание, тираж (экз.)
Рукописи							
Тверская земля	3	19	68			90	2013 г., 1000
Пермская земля		2	21	42		65	2014 г., 300
Печатные книги							
Тверская земля			10	218	59	287	2002 г., 1000
Пермская земля			23	399	781	1203	2003 г., 1000 2008 г., 500
Ростово-Ярославская земля		1	58	1471		1530	2004 г., 1000 2009 г., 500
Переславль-Залесский				150		150	2012 г., 500
Всего	3	22	180	2280	840	Итого: 3325	

Дать характеристику столь объемного и раннего материала в докладе и статье не представляется возможным, можно лишь назвать, на наш взгляд, наиболее интересные находки.

Что касается XIV в., то его второй третью датируется значительный фрагмент Поучений аввы Дорофея, написанный церковно-славянским языком сербского извода, выполненный поздним уставом, как определил А.А. Турилов, письмом хиландарской школы [Поздеева, Турилов, 1998; Pozdeeva, Turulov, 2003]. Интересно, что состав фрагмента аналогичен киевскому изданию аввы Дорофея 1628 г. [К.Т.П. №53]⁷ Евангелие-тетр, как ясно из большой записи писца – дьяка Илии, закончено им 7 мая 6925/1417 г. (К. Т. П. №11) в «преславном и богоспасаемом граде Твери», а написана книга по приказу тверского епископа Антония.

⁷ Сверка с этим изданием позволила точно установить утраченные листы рукописи.

Эта рукопись представляет особый интерес, так как, во-первых, филигранные надписи на бумаге, по мнению Н.П. Лихачева, настолько точно соответствуют указанной дате написания, что именно их ученый избрал для своего альбома; и во-вторых, орнаменты и миниатюры Евангелия 1417 г. дают представление об особенностях книжной культуры Твери – они балканского, неовизантийского и даже тератологического стиля. Особое значение для тверской духовной культуры имеет список 16 слов Григория Богослова, выполненный в 50–60 гг. XV в. прп. Паисием Угличским, основателем Покровского монастыря, учеником и родным племянником прп. Макария Калязицкого. На книге записи 1761 г. архимандрита Покровского монастыря Геннадия, который таким образом засвидетельствовал легенду о принадлежности списка руке прп. Паисия [К. Т. II. №54]. Поскольку Тверь в это время была достаточно тесно связана не только с северными русскими землями, но и с украинским югом, понятна история довольно полного списка книги (60 произведений) Максима Грека [К. Т. II. №82], которая датируется 90-ми годами XVI в. [Гадалова, 2008] Записи на книге позволяют считать, что она в XVII в. находилась в руках архимандрита печерского Зосимы Прокоповича. Позднее, книгу в г. Севске купил дьяк Борис Иванович Осталопов, вложивший свою покупку в церковь Ново-Торжского уезда. Почти все рукописи (кроме XIV в. и нескольких книг разного происхождения) связаны с Тверской землей, а историю фрагментов рукописей XIV в. удалось установить – в регион они попали только в XIX в. [К.Т. II. №11].

Из лицевых рукописей Тверского собрания особый интерес представляет лицевой сборник последней четверти XV в. (80–90 гг.), в который вошли Поучения на двенадцатые праздники и Пасху, Слова Кирилла Туровского и Евангелие Никодима. Миниатюры рукописи выполнены разными мастерами, частично столичной, частично – провинциальных школ [Попов, 1970]⁸. Сборник в XIX в. принадлежал Николо-Столбенской пустыни.

Евангелие сер. XVI в. (до 1554 г.), вложенное в 1554 г. в Желтиков монастырь Гаврилой Федоровым Погодаевым (К.Т. II. № 28) украшено четырьмя миниатюрами с изображениями евангелистов в красках с золотом, искусного профессионального письма. Интересно также Евангелие

⁸ На рукопись обратил внимание И.Ф. Голубев. См. Опись фонда 2409 в 9 кн. // ГАТО. Ф. 619. О. I. Л. 63, Оп. I. Д. 195-203. Миниатюры приведены в тверском Каталоге (К.Т. II. № 76). Цветная вклейка.

второй половины XV в. написанное писцом, назвавшим себя «Стефанище», принадлежавшее Тверскому кафедральному собору [К.Т.П. № 13]. Среди записей на тверских рукописях XV и XVI вв. особое значение имеют маргиналии на Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского 20–40-х гг. XVI в.; книга была вложена патриархом Никоном в тверской Федоровский монастырь. На нем более 80 текстовых маргиналий XVI–XVII в., причем многие из них показывают глубокий интерес к христианскому учению в сопоставлении с реальной действительностью времени. [К.Т.П. №26].

Говоря о 65 рукописных книгах XV–XVII вв., обнаруженных в пермских хранилищах, необходимо назвать, прежде всего, Кормчую книгу, датированную последней четвертью XV в. Текст представляет собой один из ранних списков Чудовской редакции Крестиновского вида [К.П.Ш. № 3]. В книгу вошли также тексты основных ранних памятников русского права: Мерило праведное, Русская правда, Уставы князей Владимира и Святослава Ольговича, Вопрошание Кириково⁹. Судя по записям на Кормчей, ее вложил в Ферапонтов монастырь епископ Сарский и Подонский Прохор (1471–1490), оставивший на книге собственноручную запись, особую редкость памятнику придает также то, что он написан т.н. полугласицей, при которой гласные и полугласные буквы изображаются знаками – О передается точкой, ъ – крестиком и т.д. [К.П.Ш. №3]. Представляет интерес также еще один список Кормчей, более позднего времени – 10–20-х гг. XVII в., относящийся к достаточно редкой и мало изученной Кирилло-Белозерской редакции [К.П.Ш. № 4].

80-ми годами XV в. датируется также обнаруженный в Перми список Слов постнических Исаака Сирина 2-ой полной редакции с несколькими добавлениями того же времени [К.П.Ш. №47]. Эту книгу можно привести в качестве примера особенностей демократичной пермской книжной культуры, что было выявлено еще при описании печатной кириллицы [К.П.Л., Предисловие]. На рукописи, в XVII–XVIII вв. бытовавшей в среде старообрядческого крестьянства, а затем поступившей в Ниинскую старообрядческую церковь, записи крестьян разных деревень и даже запись жены, посвященная мужу. На этой и других рукописных книгах пермского собрания прочитано множество записей: в том числе 62 точно датированы (2 – XVI, 12 – XVII и 20 – XVIII вв.). В записях названы десятки имен владельцев и читателей XVII–XIX вв.: пашенных,

⁹ Полная роспись содержания Кормчей выполнена М.В. Корогодиной.

горно-заводских крестьян, работников заводов, церковнослужителей, торговых людей. Поскольку та же черта характерна и для бытования на Пермской земле печатной кириллицы, это говорит о постоянной потребности в традиционном чтении. Было бы странно, если бы в рукописных книгах Пермской земли, где было чуть ли не самое значительное в России старообрядческое население, не оказалось списков ранних старообрядческих трудов. Действительно, под № 60 в Каталоге [К. П. III] описан достаточно ранний сборник (конца XVII в.), в состав которого вошли: «Ответ православных соборных благочестия поборников», сочинение дьякона Федора «О богоотметнике Никоне», другие старообрядческие произведения, «Бездна». Большинство рукописей, вошедших в Каталог прямо связаны с Пермской землей. Этот факт объясняет и особенности бумаги, на которой написаны эти книги. Для некоторых из них использованы, очевидно, остатки различной бумаги – от 10 до 28 типов филиграней (в рукописи №53 учтено 23 типа; в №65 – 22, в № 52 – 14 и т.д.)

Именно в составе и характере рукописных собраний видна резкая разница тверской книжности – исконно монастырской, «создателями и владельцами» которой были монахи, князья, профессиональные писцы. Пермская рукописная книга иная: древние списки поступили сюда в XVII–XVIII веках; рукописи в XVIII–XIX вв. принадлежали крестьянам, городским мещанам, военным, но, прежде всего староверам и создавались, как правило, по их инициативе. Многие из этих рукописей были конфискованы, переданы в Духовную семинарию, другие – в государственные хранилища наследниками уже в XX в.

Всего 3170 экземпляров кириллических изданий, вошедших в шесть томов описаний, представляют печатные кириллические издания, бытовавшие в Тверской, Пермской и Ярославской землях в XVI–XIX веках. Это издания почти всех типографий, печатавших кириллическими шрифтами от краковского издателя Триоди постной 1493 г. Швайпольта Фиоля, до амстердамских изданий 1699–1700 гг., книги старообрядческих типографий XVIII в. Учтены экземпляры редких раннепечатных книг: четыре экземпляра анонимных Евангелий 1653/54 и 1658/59 гг.; московские, львовские и острожские издания Ивана Федорова. Описано 17 (37 экземпляров) Виленских изданий посл. четверти XVI и нач. XVII в., в том числе Трибунал и Статут Великого княжества Литовского (1586 и 1594 гг.), что, очевидно, доказывает значение для Руси виленских славянских типографий, прежде всего, типографии Петра Тимофеева Мстиславца, созданной в Вильно в

доме Мамоничей. Например, на Ростово-Ярославской земле сохранилось семь экземпляров первого виленского издания Петра Мстиславца – Евангелия, законченного 30 марта 1575 г., и девять экземпляров его перепечатки 1600 г. На них оказались записи, фактически того же года, самая ранняя из известных [Гусева, 2003, с. 451–453]¹⁰ и несколько – 80–90-х гг. XVI в., доказывающие, что виленская печатная книга приходила на Русь через Ярославль, по Волге, и уже отсюда расходилась по всей Российской земле и в последней четверти XVI в. это, очевидно, был один из главных источников печатной книги.

Можно привести еще десятки примеров, позволяющих при анализе состава и структуры всей описанной печатной книжности XVI–XVII вв. делать достаточно убедительные выводы о значении, географии, распространении, стоимости, центрах торговли и других проблемах книжной культуры. Подробно аннотированные, именные, географические, коллективных владельцев и другие указатели к каждому Каталогу, фактически дают репрезентативную картину всех основных характеристик книжности регионов в данное время, а общая информация столь различных областей позволяет сделать выводы и общерусского характера.

Начиная работу и зная сложность и трагичность судеб многих книжных собраний в XIX и особенно XX вв., мы были уверены, что тщательно выявленные и описанные современные собрания могут многое сообщить о книжности региона, а в сопоставлении – и о книжной культуре России, но менее всего мы предполагали, что в начале XXI в. можно описать репрезентативное региональное собрание. Однако, к нашему удивлению, собрание кириллических памятников Ростово-Ярославской земли оказалось достаточно репрезентативным, по крайней мере, собрание изданий второй половины XVII в. Всего в хранилищах и частных собраниях Ростово-Ярославской земли в двух томах описано 1530 экземпляров кириллических изданий, из них 843 экземпляра изданий 1652–1700 гг., напечатанных в 12 типографиях 9 городов славянского мира и в Амстердаме. Чтобы решить, является ли этот комплекс репрезентативным для данного времени, была разработана и применена методика, согласно которой определялось: насколько полно в комплексе отражается кириллическая печать второй половины XVII в.; насколько в нем зафиксированы общероссийские культурные тенденции, события времени и

¹⁰ А.А. Гусева указывает самой ранней именно эту запись.

особенности, характерные для Ростово-Ярославской земли второй половины XVII в. Ответы на большинство этих вопросов находятся в текстах записей: именно в это время в записях появляются глубоко личные начала, значительно большее количество записей женщин. Состав книжного комплекса показывает особое богатство торгового региона, подъем его культурно-художественного развития, когда строители, иконописцы, певцы Ростово-Ярославского региона работали в Московском Кремле и других городах. Эти и иные особенности развития региона отразились и в составе собрания, и в записях на книгах. Вкладные и владельческие записи купцов, иконописцев, певчих дьяков, строителей и одновременно любителей книжности, наличие сразу пяти экземпляров самого роскошного и уникального для XVII в. Евангелия в лист¹¹ (отпечатано в августе 1689 г. всего 150 экземпляров), богатство драгоценных и высокохудожественных переплетов, мастерски раскрашенные гравюры, происхождение книжных памятников из большинства населенных мест региона. Например, книги происходят из девяти монастырей г. Ростова, 23 церковью Ростовского уезда: из 5 монастырей и 35 церквей; в г. Углич – из пяти монастырей и 14 церквей, в уезде – из пяти монастырей и семи церквей. Всего в комплексе второй половины XVII в. учтены книги из 210 церквей (не считая 50 церквей, месторасположение которых не установлено) [Поздеева, 2009, с. 47–60]. Что касается широты социального аспекта владения книгой, то А.В. Киселев установил, что не менее 7,6% вкладов в Ростовском уезде печатных книг второй половины XVII в. сделаны зависимым населением, а 10% – посадскими людьми! [Киселев]¹² Всесторонний анализ книжного комплекса действительно доказал его репрезентативность, удалось также выяснить и причины столь удивительной сохранности фондов кириллицы. Однако доказательство репрезентативности собрания Ростово-Ярославской земли важно было не само по себе, а потому, что его состав позволяет утверждать, что становление общерусского книжного рынка произошло не позднее середины–третьей четверти XVII в., а снабжение Ростово-Ярославского региона печатной кириллической книгой велось систематически. Из 230 изданий второй половины XVII века – 176 московские в 695 экземплярах – 76,5% всех

¹¹ В книге 626 с., 396 инициалов с 61 доски, 252 рамки вокруг страниц; шрифт: 10 стр. = 254 (!) мм. [Зернова, № 419].

¹² Социальная принадлежность 15,2% людей, сделавших вклады не установлена, но несомненно, среди них есть и люди демократических стратов общества.

сохранившихся здесь изданий и 82% всех экземпляров. В этом собрании нет «случайных» фактов. Если при средней цифре количества экземпляров одного московского издания (почти четыре), мы сталкиваемся с 10 и даже 20 экземплярами, то всегда речь идет о наиболее важных для своего времени книгах, или изданиях, ранее не издававшихся, или давно не издававшихся. Так, Евангелие 1653 года обнаружено в собрании Ростово-Ярославской земли в 23 экземплярах, Минея служебная на сентябрь–ноябрь 1666 г. – в 11 экземплярах; Евангелие 1677 г. сохранилось в 21 экземпляре, Сборник Скрижаль 1656 г. – в 7, Библия 1663 г. – в 8, первая половина Пролога 1685 г. – в 9. Важно, что в каждом случае большое количество экземпляров объясняется достаточно просто, также как и наличие 42 экземпляров всех изданий Верхней типографии, в том числе 12 и 14 экземпляров Обед душивного и Вечери душивной – первых книг в московской печати, содержавших материалы для церковной проповеди, которая с этого времени становится обязательной для Русской церкви.

Фактически из московских изданий в этом собрании отсутствуют, как и везде, книги для обучения, которые «зачитались», хотя в отличие от других регионов, здесь сохранились пять экземпляров четырех изданий Учебной псалтыри, 15 экземпляров Часовника девяти изданий (особенно важно, что сохранились даже два экземпляра Часослова 1685 г. с замечательным обращением к учащимся и их родителям) и два издания Букваря в трех экземплярах. Однако совершенно особое значение Ростово-Ярославского собрания подтвердила первая находка в России экземпляра Малой (или «на листу») учебной Азбуки 1686 г., происходящей из уникальной библиотеки архиепископа Арсения Верещагина (Азбука была выявлена уже В.Н. Лукьяновым). Из 256 тыс. экземпляров 51 издания Азбуки на Печатном Дворе во втор. пол. XVII в. – до сих пор были известны только два экземпляра в библиотеках Англии [Cleminson and etc., 2000, p. 145] – первый известный в России экземпляр этой Азбуки описан уже в Каталогах 2004 и 2009 гг., но в прекрасную книгу Е.Л. Немировского 2015 года не вошел [К.Яр. I №24; К.Яр. II №586; Немировский, 2015]¹³.

Чтобы понять характер и сроки поступления московских изданий в регион, поскольку многие записи этих дат не указывают, было проведено сравнение по десятилетиям количества изданий на Печатном дворе

¹³ Азбука, вышедшая в сентябре 1686 г. со станов Печатного двора описана в обоих каталогах книг Ростово-Ярославской земли.

и их наличия в Ростово-Ярославском собрании 1652–1700 гг. Результаты были поразительными и заставили предполагать наличие в эти годы постоянной информации о предстоящем в московской типографии выходе книг. В первое десятилетие (8 лет 1652–1660 гг.) второй половины XVII в. на Печатном дворе вышло 49 изданий – 19,5%, в собрании оказалось 35 изданий – 19,8%; во втором десятилетии вышло 42 издания – 17%, в собрании оказалось 31 издание – 17,6%; третье десятилетие дает цифры: 11,5% – в типографии и 10,8% – в Ростово-Ярославском собрании; четвертое – соответственно 24% и 23,4%. На Печатном Дворе в 1691–1700 гг. вышло 70 изданий – 28%, в собрании зафиксировано 50 – 28,4%.

Ещё более разительные данные мы получили, анализируя характер киевских изданий в Ростово-Ярославском собрании вт. пол. XVII в. Они представлены 83 экземплярами 28 изданий Киево-Печерской лавры, и только два из них – Псалтырь учебная и Апостол – издавались на Печатном Дворе; в остальном представлены тексты, особенно актуальные для своего времени, но никогда в Москве не печатавшиеся. Среди них: самая популярная в это время книга Лазаря Барановича «Меч духовный» – 11 (!) экземпляров; его же «Трубы словес проповедных» – 10 экземпляров; в Ростово-Ярославское собрание входит «Синопис» Иннокентия Гизеля, Патерик Печерский, представлены три тома Житий святых Дмитрия Ростовского в 20-ти экземплярах.

Ту же картину мы видим и в характере приобретённых книг ряда других типографий – показательно, что из черниговских изданий вт. пол. XVII в. в собрании только четыре (!) издания книги Димитрия Ростовского «Руно орошенное» и «Молитвослов».

Таким образом перед нами целенаправленное систематическое комплектование необходимой печатной продукции, возможное при двух условиях: наличие систематической информации о предстоящих (или вышедших) изданиях типографий и существование книжного рынка, связывающего если не все, то большинство типографий, печатающих кириллицей. Количество поступивших в регион изданий и их экземпляров не позволяет считать отмеченные факты случайностью. В свете этих открытий несколько иначе представляется кириллическое книгопечатание вт. пол. XVII в. и издательская политика типографий. Но если вернуться к результатам наших работ, то для каждого региона книжное собрание выявило определенные местные особенности книжной культуры – и в

составе фонда, и в его бытовании; в той или иной степени коррелирующие с нашими представлениями об общерусской книжности. Чтобы картина книжной культуры региона во вт. пол. XVII в. была более полной, напомним об архимандрите Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле Иосифе – подлинном библиофиле, старательном собирателе книг, пополнившим знаменитую библиотеку этой обители многими изданиями (и двумя рукописными хронографиями), приказавшем отреставрировать книги в этой книжнице; богослове, рачительном хозяине, поэте [Поздеева, 2004а, с. 219–231; Поздеева, 2006, с. 229–243].

В последние годы возникла, благодаря митрополиту Московскому и всея Руси РПСЦ Владыке Корнилию и епископу Всея Молдовы Евмению, возможность соединить наш постоянный интерес к книжности и традиционной культуре русского старообрядчества и методику академика Строева сплошного обследования территорий. В 2013–2016 гг. нами были описаны библиотеки 14 старообрядческих церквей и одного молитвенного дома республики Молдова, а также несколько личных коллекций – 1480 книжных памятников с фиксацией записей на всех книгах, что впервые позволило представить принципиальные особенности книжности зарубежных старообрядческих общин и понять ее в значительной степени модернизированный характер.

Стремясь проверить и подтвердить наши выводы, мы начали аналогичное выявление и описание кириллической книжности в Костромской области, древний книжный фонд которой можно рассматривать как дополнение или скорее продолжение Ростово-Ярославского. Здесь описание книжных памятников, так же как и в Пермском крае, сопровождается широкими современными этнологическими исследованиями, которые под руководством Н.В. Литвиной – организатора и руководителя всех полевых работ последних лет – ведет большая группа студентов истфака МГУ. В Костроме мы также начали с занятий, на которые собрались представители всех музеев и библиотек области. Но теперь в эти занятия вошли важнейшие темы сохранности и реставрации книжного фонда, которые также читает Н.В. Литвина.

Таким образом сотрудников основных центров российской археографии ждут описания многих тысяч книжных кириллических памятников, выполнить которые первоначальной и основной задачей считал ещё отец российской археографии П.М. Строев.

В завершение хочется напомнить замечательное приветствие Д.С.Лихачева участникам первой и, увы, последней конференции по

полевой археографии, в котором Дмитрий Сергеевич утверждал первородство археографии среди других гуманитарных наук: «археографией начинаются все науки, изучающие русскую культуру... и именно археография сохраняет будущим поколениям самое ценное в любой культуре, а в русской – особенно, – книги, рукописи, Слово» [Лихачев, 1979].

Хочется надеяться, что российская археография сможет выполнить заветы и П.М. Строева, и М.Н. Тихомирова, и Д.С. Лихачева, продолжит успешную деятельность С.М. Шмидта, и вернет нашей истории все ее памятники еще в XXI веке.

Литература

- Агеева, Кобяк, Смилянская, 1994 — Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Смилянская Е.Б. Рукописи Верхокамья XV–XX вв. в библиотеке Московского университета. М., 1994.
- Воробьева, 2001 — Воробьева Е.В. Школы-семинары повышения квалификации сотрудников библиотек, музеев и архивов, работающих с книжными памятниками // ОА. 2001. С. 54–57.
- Гадалова, 2008 — Гадалова Г.С. Максим Грек в Твери // Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории: посвящается 180-летию установления дипломатических отношений между Россией и Грецией: материалы конференции. Афины; М., 2008. С. 111–115.
- Гусева, 2003 — Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в.: сводный каталог. М., 2003. Кн. 1.
- Димухаметова, 2010 — Димухаметова С.А. Мир вещей русских крестьян XIX–XX века. Традиционная народная культура русского старообрядческого населения Верхокамья из собрания Пермского краеведческого музея: Каталог. Пермь, 2010.
- Духовные стихи, 2007 — Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации / под ред. И.В. Поздеевой. М., 2007.
- Летопись, 1979 — Летопись Московского университета 1755–1979. М., 1979.
- Киселев, 2009 — Киселев А.В. К истории книжной культуры в Ростовском уезде: географические и социальные аспекты бытования печатных книг в конце XVI–XVII веках // История и культура Ростовской земли. 2008. Ростов, 2009. С. 61–72.
- Ключкина, 2008 — Ключкина И.В. Научные публикации археографов МГУ имени М.В. Ломоносова и участников комплексных полевых исследований 1968–2007 гг. // Традиционная книга и культура позднего русского средне-

- вековья. Труды Всероссийской научной конференции к 40-летию археологических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.) (Мир старообрядчества. Вып. 7). Ч. 2. Ярославль, 2008. С. 321–369.
- К. П–3. — Кириллические издания XVII века в собрании Переславского музея-заповедника: Каталог / под ред. И.В. Поздеевой; авт.-сост.: Воробьева Е.В., Градобойнова Е.В., Гулина Т.И., Ерофеева В.И., Игошев В.В., Мазаев П.А., Мазурок О.И. М., 2012.
- К.П.1. — Кириллические издания XVI–XVII вв. в хранилищах Пермской области: Каталог. / под ред. И.В. Поздеевой; авт.-сост.: Банцирова Н.В., Белогорьев А.М., Богданов В.П., Баталова О.А., Воробьева Е.В., Губанова М.С., Дадыкин А.В., Демидова Е.В., Ерофеева В.И., Пигалева С.В., Поздеева И.В., Соломин И.И., Суркова Н.М., Трухин В.В. Пермь, 2003.
- К. П. П. — Кириллические издания XVIII века в хранилищах Пермского края: Каталог / под ред. И.В. Поздеевой; авт.-сост.: Баталова О.А., Белогорьев А.М., Белянкин Ю.С., Богданов В.П., Воробьева Е.В., Дракунова М.С., Гусева Е.В., Ерофеева В.И., Лебедь М.А., Нечепуренко Н.О., Пигалева С.В., Соломин И.И., Суркова Н.М. Пермь, 2008.
- К. П. III. — Кириллические рукописи XV–XVII вв. в хранилищах Пермского края: Каталог / под ред. И.В. Поздеевой, Ю.С. Белянкина; авт.-сост.: Баталова О.А., Белянкин Ю.С., Дадыкин А.В., Пигалева С.В., Соломин И.И. Пермь, 2014.
- К. Т. I. — Гадалова Г.С., Перелевская Е.В., Цветкова Т.В. Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI век – 1725 год): Каталог / под ред. И.В. Поздеевой. Тверь, 2002
- К. Т. II. — Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли: Каталог / под ред. И.В.Поздеевой; авт.-сост.: Бесполова Л.А., Бушлякова В.А., Быкова Л.А., Гадалова Г.С. Тверь, 2012.
- К. Яр. I. — Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652 гг.): Каталог / под ред. И.В. Поздеевой; авт.-сост.: Белогорьев А.М., Богданов В.П., Воробьева Е.В., Губанова М.С., Гулина Т.И., Гуляева Н.А., Дадыкин А.В., Ерофеева В.И., Киселев А.В., Поздеева И.В., Соломин И.И., Упицкая Н.А., Хатюхина А.В. Ростов; Ярославль, 2004.
- К. Яр. II. — Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли (1652–1700 годы): Каталог / под ред. И.В. Поздеевой; авт.-сост.: Воробьева Е.В., Градобойнова Е.В., Гулина Т.И., Гуляева Н.А., Дадыкин А.В., Дракунов А.П., Дракунова М.С., Ерофеева В.И., Зубатенко А.В., Зякина А.И., Киселев А.В., Киселева О.Г., Поздеева И.В., Рогушкина Е.В., Соломин И.И. Ярославль; Ростов; Рыбинск, 2009.
- Летопись, 1979 — Летопись Московского университета 1755–1979. М., 1979.

- Лихачев, 1979 — Лихачев Д.С. Приветствие участникам I Всесоюзной археологической конференции 1976 г. // Проблемы полевой археологии. М., 1979. С. 133.
- Немировский, 2015 — Немировский Е.Л. Азбуки Ивана Федорова и его учеников и последователей. Пятигорск, 2015.
- Попов, 1970 — Попов Г.В. Пути развития тверского искусства в XIV – начале XV вв. (Живопись, миниатюра) // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV–XVI вв. М., 1970. С. 310–358.
- Поздеева, 1978 — Поздеева И.В. Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (Из опыта работы археологов Московского государственного университета) // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 56–61.
- Поздеева, 1996 — Поздеева И.В. Продолжение традиции: Книжная культура старообрядцев Верхотамья // Книга. Традиция. Культура. М., 1996. С. 6–45. (Мир Старообрядчества. Вып. 3).
- Поздеева, 2000 — Поздеева И.В. Поливидовой территориальный архив Верхотамья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова 1972–1998) // ОА. 2000. №4. С. 24–35.
- Поздеева, 2004а. — Поздеева И.В. Архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иосиф: его библиотека и творчество // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2004. С. 219–231.
- Поздеева, 2004б. — Поздеева И.В. Московский университет в первой половине XIXв.: к 180-летию полевой археологии как научной дисциплины // Ломоносовские чтения 2004 г. К 250-летию Московского университета. История Московского Университета 1755–2004 гг. Материалы V Научных Чтений памяти профессора А.В. Муравьева. М., 2004. Вып. 30. С. 195–208.
- Поздеева, 2004с. — Поздеева И.В. Полевая археология // Историческая наука в Московском университете, 1755–2004 / под ред. С.П. Карпова. М., 2004. С. 262–294.
- Поздеева, 2006 — Поздеева И.В. Книжная культура российских монастырей: новое об архимандрите Спасо-Ярославского монастыря Иосифе // Love of learning and devotion to God in orthodox monasteries = Лубав према образовању и вера у Бога у православним манастирима: 5th Intern. Hilandar conference: selected proceedings. Београд; Columbus, 2006. P. 229–242.
- Поздеева, 2009 — Поздеева И.В. Ростово-Ярославская земля XVII в. Человек. Книга. История // История и культура Ростовской земли. 2008. Ростов, 2009. С. 47–60.

- Поздеева, Турилов, 1998 — Поздеева И.В., Турилов А.А. Новые находки и идентификации рукописей Хиландарской школы // Тверская старина. 1998. №18/19. С.115–122.
- Проблемы, 1979 — Проблемы полевой археографии: [Сб. статей] / под ред. В.А. Черных, С.О. Шмидта. М., 1979.
- Строев, 1828 — Строев П.М. О средствах удобнейших к открытию памятников отечественной истории и об успешнейшем способе обрабатывать оные // Труды и летописи ОИДР. М., 1828. Ч. 4, кн. 1. С. 277–301.
- Труды и летописи, 1827 — Труды и летописи ОИДР. М., 1827. Ч. 3, кн. 2.
- Cleminson and etc., 2000 — Cleminson R., Thomas C., Radoslavova D., Voznesensky A. Cyrillic books printed before 1701 in British and Irish collections: A union catalogue. London, 2000.
- Pozdeeva, 1996 — Pozdeeva I.V. Ranniaia kirillicheskaia kniga: Istoriko-kulturnoe znachenie poekzemplarnogo opisaniija // Solanus: International Journal for Russian and European Bibliographie. London, 1996. Vol. 10. P. 131–160.
- Pozdeeva, Turulov, 2003 — Pozdeeva I., Turulov A. New discoveries and identifications of manuscripts of the Hilandar scriptorium // Monastic Traditions: Selected proceedings of the Forth International Hilandar conferens (the Ohio State University, 14–15 August 1998). Bloomington, 2003. P. 244–262.

Академическая археография: миф или реальность?

Статья посвящена обоснованию понятия «академическая археография» в системе представлений об археографии как научной дисциплины.

Ключевые слова: археография, филология, текстология, документальная публикация, развитие научных методов, Академия наук

Понятие «академической археографии», вошедшее в название нашей конференции является новым явлением в языке науки и требует если не оправдания, то рассмотрения и изъяснения. Возникают вопросы, существует ли такое явление вообще, и если существует, то как оно соотносится с давно вошедшими в обиход понятиями археографии? Понятия эти весьма устойчивы: можно вспомнить, что в дискуссии по поводу статьи В.П. Козлова в 2001 г. [Теоретические основы, 2003; см. также: Козлов, 2003], предложенная им система новых терминов в археографии в целом не получила поддержки научного сообщества. Хотя стоит отметить, что В.П. Козлов обозначил ряд вопросов в археографии, на многие из которых до него не обращалось должного внимания.

Нужно иметь в виду и то, что пока идут теоретические споры, археография как дисциплина усложняется, на практике, области применения понятия «археография» постоянно расширяются и, соответственно, предлагается новая терминология.

Если в дореволюционной науке помимо археографии фигурировала еще только «военная археография»¹, то с 1960-х гг. стали выделяться такие направления археографической деятельности как полевая, камеральная,

¹ Военная энциклопедия М.: Изд-во Сытина, 1911–1915. Т. 3. С. 172; Т. 6. С. 466–468; Военный словарь [электронный ресурс] // <http://glossword.info/index.php/term/32-voennyj-slovar-258-voennaya-arheografiya.xhtml> (дата обращения 12.12.2016); Национальная политическая энциклопедия [электронный ресурс] // <http://politike.ru/termin/voennaja-arheografija.html> (дата обращения 12.12.2016)

эдиционная. Развивалась и специализация в области археографии отдельных видов или групп видов исторических источников. В 1950-60-е гг. обозначилась как отдельная наука текстология, область интересов ее – тексты и публикация литературных документальных памятников. (Однако, еще в 1970-х гг. высказывались обоснованные мнения о том, что текстология органически связана с археографией) [Селезнев, 1977, с. 3–5]. С точки зрения археографов текстология – это «литературная» или «филологическая» археография. В рамках общей археографии сформировалась актовая археография, исходя из специфики этого источника [Каштанов, 1998]. В свое время было предложено выделить журнальную археографию, исходя из специфики документальных публикаций в периодике, определяемой целями и задачами самих периодики, СМИ (и это понятие используется в литературе и в учебных программах) [Афиани, 1979; Афиани, 1988; Афиани, 1990; Афиани, 2009]. Мы с С.М. Каштановым спорим о том, как лучше обозначать разделы археографии по видам источников «актовая археография» или «археография актов» и имеет ли право на существование понятие «журнальная археография» [Каштанов, 1998, с. 7–8]. Это отдельный вопрос. Давно обозначена область публикации *фотодокументов* [Рекомендации, 1985], но до сих пор этот раздел не получил специального обозначения. В литературе встречаются такие термины как *археография книжных памятников* [Археография, 1996], который для меня не вполне понятен, и *археография музейных предметов* [Археография, 2012], что, в определенной мере, возвращает нас к первоначальному пониманию археографии в Западной Европе, когда она соперничала с археологией. Очевидно, что разделы археографии, учитывающие специфику видов и разновидностей источника или особенности их публикации, имеют свои особенности и выделяются вполне закономерно. Есть разделение направлений археографии даже «по национальному признаку», - по языку документальных памятников: «славяно-русская» или «славянская», «татарская», «восточная». С развитием информационных технологий в названии статей появились термины «компьютерная» или «электронная» археография [Папакін, 2013; Захаров, 2013; Батшев, 2015].

В украинской литературе возникало предложение (В.В. Нимчука) отделить от археографии родственную дисциплину «каинографию», или «новографию», которая должна изучать архивные документы на современных носителях информации [см.: Электронный ресурс: <http://nado.znate.ru/Археография>]. Там же предлагалось выделить эвристическую археографию, занимающуюся вопросами поиска в документальных системах.

Есть совершенно экзотическое употребление понятия «археографии» Иваном Коном – «археография любви» [см.: Read.in.ua. Книги из электронной библиотеки Ихтика // <http://www.read.in.ua/book208642/?razdel=23&p=30&s=%CA> (дата обращения 12.12.2016)]. Что имеется в виду, я, к сожалению, из этого текста так и не смог понять.

Можно говорить о некотором терминологическом хаосе, в который мы все, по мере возможности, стремимся внести свою лепту. А можно говорить об усложнении инфраструктуры археографии как научной дисциплины. И это усложнение мы пытаемся обозначить новыми понятиями.

Существуют предложения о выделении раздела археографии по учрежденческому признаку [Поздеева, 2014]. В статье об археографии на одном из сайтов, Фонд знаний Ломоносова, мне встретилось понятие «университетской» археографии [<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134305:article>]. Подчеркивалась активная роль университетов в XX веке в собирании и описании документальных памятников. В принципе, это не такая большая новость. Например, в учебнике по истории археографии в дореволюционной России, материал излагался, в основном по этому признаку [Корнева и др., 1969]. Выделялась деятельность Академии наук, архивов, обществ. И в таком контексте мне кажется выделение «академической археографии» достаточно закономерным.

В тоже время представляется, что понятие «академическая археография» более многозначно, имеет несколько смыслов.

Само зарождение археографии, понимаемой как деятельность по собиранию, описанию и публикации документов в интересах науки, связано в XVIII в. с Академией наук, прежде всего, с именем академика Г.Ф. Миллера. В XIX – XX вв. Академия наук внесла огромный вклад в развитие разных направлений в археографии. Академиками были П.М. Строев (не вполне справедливо называемый иногда «отцом русской археографии») и Я.И. Беренников. Затем можно назвать Н.Г. Устрялова, А.Ф. Бычкова, Я.К. Грота, П.П. Пекарского, Н.Ф. Дубровина (чл.-корр.), Н.В. Калачова, Н.А. Попова (чл.-корр.), А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова, А.А. Шахматова, С.Б. Веселовского, Б.Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Д.С. Лихачева, Л.В. Черепнина и др. Здесь перечислены только те члены Академии, которые занимались отечественной историей, славяно-русской археографией.

В XX веке при участии сотрудников исторических и филологических академических институтов и подготовлены основные фундаментальные

публикации документальных памятников. Таким образом, под «академической археографией» мы можем понимать археографическую деятельность академических учреждений.

С другой стороны, понятие «академический», «академическое» стали синонимом высшего научного уровня документальной публикации. В литературоведении, в текстологии с дореволюционного времени широко используется термин «академическое издание», «академическое собрание сочинений писателей»: они отличаются и спецификой целевого назначения – в первую очередь для специалистов, и высокими научными принципами археографических и текстологических подходов, и полнотой публикуемых произведений.

В археографии в типологии документальных публикаций среди разновидностей научных публикаций выделяется «академическое издание».

Но есть еще один аспект, связанный с «академической археографией», это трактовка целей и задач археографии. В теоретических спорах об археографии, ее задачах, предмете и объекте и т.п., на мой взгляд, редко заходит разговор о структуре археографии как научной дисциплины. Исключение составляет проблема т.н. «узкого» и «широкого» понимания археографии, в рамках которого приходится решать вопрос о том, входят ли вопросы собирания и описания документальных памятников в задачи археографии, или не входят, имеют ли под собой реальную почву полевая и камеральная археография или нет. В дискуссиях вокруг определения задач, предмета и объекта археографии многое вращается вокруг двух этих существенно отличающихся пониманий археографии. И эти дискуссии, на мой взгляд, имеют непосредственное отношение к теме нашей конференции. Кажется, все тонкости понимания «узкого» и «широкого» определения археографии подверглись обсуждению. Но сравнительно недавно, перечитывая материалы последней дискуссии по поводу статьи В.П. Козлова о теоретических основах археографии с позиций современности, я посмотрел на эту дискуссию с иного ракурса. И мне показалось, что все стало на свои места.

Помог мне в этом А.Д. Степанский, который в своем учебном пособии, рассматривая причины появления т.н. «широкого» и «узкого» понимания археографии, попытался исторически обосновать появление термина «археографии» с задачами, исключительно связанными с методикой публикации исторических документов и подготовкой их к изда-

нию. А.Д. Степанский писал, что «широкое» понимание археографии первоначально определялось «ситуацией в исторической науке, когда собиранием (хранением), и описанием, и изданием, и, часто исследованием исторических источников (преимущественно древних) занимались одни и те же специалисты». И здесь он во многом прав. Далее он писал, что в послереволюционное время, в советский период, «ситуация резко изменилась», была создана «принципиально новая система архивных и научно-исторических учреждений», «центр тяжести их деятельности» был перенесен на источники новейшего времени, XIX – XX вв., в работе с историческими документами произошла специализация, «публикация источников в значительной мере обособилась от их собирания (комплектования) и описания, превратилась в достаточно автономную сферу» [Степанский, 2004, с. 8].

Действительно, важную роль в утверждении «узкого» понимания археографии в советский период сыграли позиция руководства архивной отрасли и подчиненный ей Историко-архивный институт. С создания института шла борьба между сторонниками курса на «синтез энциклопедичности и специализации», восходящего к традициям Московского археологического института и «борцами за узкую специализацию», провозглашенную при создании института М.Н. Покровским. Побеждали последние. Поэтому не случайно А.А. Сергеев и А.А. Шилов, читавшие курс лекций по археографии, называли его «Теория и техника публикации документов». Тем не менее, в предисловии к труду А.А. Шилова опубликованному в 1939 г., уже после исключения М.Н. Покровского из числа корифеев исторической науки и архивного дела, в «Руководстве по публикации документов XIX в. и начала XX в.» автор предисловия Г.Д. Костомаров, после ритуальных восхвалений «Краткого курса истории ВКП(б)» и товарища Сталина и осуждения «вредительской деятельности троцкистско-бухаринских наймитов фашизма» и «антиисторической школы Покровского», высказал свои соображения об археографии. Он писал: «надо отметить и то, что некоторые историки крайне суженно трактуют задачи археографии, сводя их лишь к публикации документов. Таким образом они искусственно отрывают целый ряд процессов, связанных с изучением, обработкой и описанием документов, являющихся составной частью археографии» [Костомаров, 1939, с. 3–5].

Нужно заметить, что в эти годы преподавание археографией стало вообще подозрительным. В конце 1938 г. было сфабриковано «дело

Историко-архивного института», направленное против директора, профессионального архивиста К. С. Гулевича. Вот выдержка из докладной записки В. Меркулова, П. Шария, И. Никитинского, Д. Белова наркому внутренних дел СССР Л. П. Берия (не ранее 27 февраля 1939 г.): «[...] Одним из близких людей Соколова [директора ИАИ] являлся работающий ныне заведующий кафедрой Истории Народов СССР — Кузнецов И.В., который все время стремился превратить институт из специального учебного заведения, готовящего специалистов архивного дела, в институт, выпускающий историков вообще. Дирекция института и ГАУ не только не противодействовали этим стремлениям Кузнецова, но, чтобы не оставить его кафедру без аспирантов, придумали несуществующую специальность, создав аспирантуру “по публикации архивных материалов”» [...] [ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 2. Д. 3559. Л. 45–57; цит. по: Хорхордина, Романова, 2002; Электронный ресурс: Топография террора // <https://old.topos.memo.ru/istoriko-arhivnyy-institut>; То же. <http://gulevich.net/pirsonaly.files/ksg.htm>].

В Хрестоматии по археографии, изданной в 1955 г. под редакцией того же Г.Д. Костомарова, эта дисциплина уже однозначно ассоциируется с публикаций документов [Хрестоматия, 1955].

И А.Д. Степанский, делает вывод, что после упразднения в 1936 г. Историко-археографического института, преемника Археографической комиссии, «традиционное понимание термина “археография” было утрачено». И только после воссоздания Археографической комиссии в Академии наук «возродилось широкое понимание “археографии”». Далее А.Д. Степанский делает справедливый вывод: «Возвращение к широкому пониманию термина оказалось, однако, практически неприемлемым для Историко-архивного института (и архивного дела в целом)» [Степанский, 2004, с. 9].

Действительно, в задачи архивного ведомства, в задачи государственных, центральных и региональных, архивов не входило, да и сейчас не входит не только собирание древних рукописей, но и документальных памятников личного происхождения в среде их бытования, только в смысле личной инициативы архивистов. Главная задача – комплектование документами органов государственной власти и государственных учреждений. Таким образом, из узковедомственных, практических задач, в свое время, были сделаны теоретические выводы. Академические и университетские исследователи не ограниченные ведомственными инте-

ресами, могли развивать «широкое» понимание археографии, которое можно также называть «академическим». И потому, оно имеет право на существование.

Литература

- Археография, 1996 — Археография книжных памятников. Новосибирск. 1996.
- Археография, 2012 — Археография музейного предмета. Материалы Международной научной конференции Москва, 16–17 марта 2012 г. М.: РГГУ, 2012.
- Афиани, 1979 — Афиани В.Ю. Журнальная археография и историческая наука первой трети XIX в. // Вопросы источниковедения и истории историографии дооктябрьского периода: Сб. ст. / под ред. В.Т. Пашуто и С.О. Шмидта. М., 1979. С. 131–141.
- Афиани, 1988 — Афиани В.Ю. Начало журнальной археографии в России в XVIII в. // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 26–34.
- Афиани, 1990 — Афиани В.Ю. Становление журнальной археографии в России в первой трети XIX в. // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 28–37.
- Афиани, 2009 — Афиани В.Ю. Исторический документ в отечественной периодической печати (к вопросу об этапах развития журнальной археографии) // Батаевские чтения. Мультикультурная и многонациональная Россия: Материалы Всероссийской научно-теоретич. конф., посвященной памяти заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика МАН ВШ Тамары Васильевны Батаевой (4 апреля 2008). М., 2009. Ч. 2. С. 33–45.
- Батшев, 2015 — Батшев М.В. Электронная археография от РВИО // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2015. № 3. С. 62–67.
- Захаров, 2013 — Захаров А.В. Становление компьютерной археографии источников делопроизводства XVII–XVIII вв. // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 3 (5). С. 68–78.
- Каштанов, 1998 — Каштанов С.М. Актовая археография / отв. ред. акад. В.Л. Янин. М., 1998.
- Козлов, 2003 — Козлов В.П. Теоретические основы археографии. Новосибирск, 2003.
- Корнева и др., 1969 — Корнева И.И., Тальман Е.М. Эпштейн Д.М. История археографии в дореволюционной России. Учебное пособие / под ред. М.С. Селезнева. М., 1969.
- Костомаров, 1939 — Костомаров Г.Д. Предисловие // Шилов А.А. Руководство по публикации документов XIX в. и начала XX в. М., 1939. С. 3–5.

- Папакін, 2013 — Папакін Г.В. Сучасна електронна археографія: предмет, специфіка, складові, стан дослідження // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. [Т]. 21. Київ, 2013. С. 45–59.
- Поздеева, 2014 — Поздеева И.В. Университетская археография во второй половине XX – XXI веков // ИСТИНА: Интеллектуальная система тематического исследования наукометрических данных [электронный ресурс; режим доступа: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/10114894/>] (дата обращения: 12.12.2016).
- Рекомендации, 1985 — Рекомендации по изданию фотодокументов / сост. А.Д. Вартанян; под ред. В.Н. Автократова и В.М. Магидова. М., 1985.
- Селезнев, 1977 — Селезнев М.С. Текстология и ее роль в советской археографии. Учебное пособие. М., 1977.
- Степанский, 2004 — Степанский А.Д. Археография отечественной истории XX века: Учеб. пособие. М., 2004.
- Теоретические основы, 2003 — Теоретические основы археографии с позиций современности: материалы дискуссии. М., 2003.
- Хорхордина, Романова, 2002 — «Студенты просят, чтобы органы НКВД навели в институте большевистский порядок» / подгот. Т.И. Хорхордина, В.Ю. Романова // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6). С. 140–174.
- Хрестоматия, 1955 — Хрестоматия по археографии: пособие для студентов Московского государственного историко-архивного института / под ред. проф. Г. Д. Костомарова. М., 1955. 296 с.

К вопросу о взаимосвязи академической и университетской археографии

Статья посвящена особенностям подготовки профессиональных археографов в современных университетах и связи их с академической археографией. На примере студенческих публикаций документов (летняя практика) в Историко-архивном институте РГГУ рассматриваются тематика, методика подготовки и научный уровень работ начинающих археографов, некоторые из которых в дальнейшем выбрали путь научной и архивной карьеры.

Ключевые слова: университетская археография, Историко-архивный институт, документальные публикации

Влияние академической и институтской/университетской археографий – взаимное. Организуя археографические экспедиции, ставшие краеугольным камнем научной и академической археографии в России, П.М. Строев имел в виду образовательный момент – подключение к практической работе по описанию рукописей студентов и выпускников университета. Обсуждая со Строевым идею организации специального Археографического училища для чтения древних рукописей по образцу французской «École des chartes», Я.И. Бередников писал: «Надо исподволь готовить молодых людей, чтобы порода дельных русских археологов не переводилась; чего, при нынешнем направлении литературы, весьма опасаться можно» [Барсуков, 1878, с. 322–323; Пашков, 1985, с. 34]. Под «археологами» тогда понимали знатоков древностей в широком смысле.

Собственно говоря, реализация этой идеи воплотилась в жизнь в образе дореволюционных археологических институтов, а в XX веке – с созданием Историко-архивного института (1931). В качестве студентов МГИАИ – ИАИ РГГУ делали свои первые шаги в археографии В.А. Черных, С.М. Каштанов, А.Д. Степанский, Г.И. Королев, Е.М. Добрушкин, С.В. Чирков, В.П. Козлов и многие другие.

Важным элементом в преподавании археографии является практика. Традиционно учебный план специальности «историко-архивоведение» в ИАИ требовал на четвертом курсе летней практики по архивоведению и археографии. Сроки со временем менялись, в последнее время они составляли месяц для практики по архивоведению и две недели (вторая половина июля, сразу после изучения курса археографии) – для практики по археографии.

Практика подразумевала подготовку студентами учебных публикаций исторических источников под руководством кураторов от архивов и руководителя практики от института. Выбор архива и документов для публикации осуществлялся с учетом желания студентов и их научными интересами. С переходом на систему бакалавриат-магистратура поменялись учебные планы, и летняя практика по археографии ушла в прошлое. Ее возвращение возможно, но, вероятно, она примет уже другие формы. Поэтому традиционную летнюю практику в ИАИ вполне можно рассматривать как законченное историографическое явление.

Автор этих строк в течение 2011–2014 годов, то есть последних четырех лет ее существования, был руководителем студенческой археографической практики на факультете. Представленные ниже данные основываются на материалах ежегодных отчетов в Отдел (управление) производственной практики РГГУ. При всей своей кажущейся незначительности приводимые сведения, на наш взгляд, достаточно емко раскрывают процесс становления профессионального археографа, характеризуют тематику интересов и уровень работ. Все сказанное ниже призвано подтвердить ту очевидную мысль, что любой «академический» археограф был когда-то студентом и делал первые шаги. Но если эти шаги делались им сознательно и увлеченно, студенческая работа со временем перерастает в настоящую науку.

* * *

В летней учебной практике по курсу «Археография» в 2011 году приняли участие 22 студента факультета архивного дела. Практика прошла в следующих архивах: Архивно-музейном центре Горбачев-фонда – 5 человек; РГАСПИ – 4 человека, Национальном архиве Франции – 3 человека; АРАН – 2 человека; РГАЛИ – 2 человека; НПЦ «Холокост» – 2 человека; РГАДА – 1 человек; РГВИА – 1 человек; РГАФД – 1 человек; ЦМАМЛС – 1 человек.

Особенно ценной в этот год следует признать работу группы студентов в одном архиве над большим корпусом источников, где каждый берет свою часть (Горбачев-Фонд, РГАСПИ, «Холокост»). Такой подход позволяет студентам рассматривать свою работу как часть более общей, а значит, лучше видеть ее значение. Кроме того, тематика в большинстве случаев связана с публикаторской деятельностью архива, что позволяет практикантам изучить имеющийся архивный опыт и содействовать архивистам в деле подготовки изданий.

Выявление и отбор документов проводились под непосредственным наблюдением руководителей практики от архивов, которые также внимательно отнеслись к вопросам передачи текста источников. Археографическое оформление и подготовка научно-справочного аппарата публикации проводились в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов». При этом в ряде случаев наблюдались отклонения от «Правил», связанные со спецификой публикуемых документов.

Наибольшую сложность у студентов, и это вполне закономерно, вызвало оформление предисловия (его исторической и археографической частей) и комментариев. Меньше вопросов возникало в отношении «технической» стороны дела – передачи текста источников. Остановимся на характеристике наиболее значительных публикаций студентов.

В Горбачев-Фонде под наблюдением руководителя Архивно-музейного центра А.А. Литвина студенты (М.Е. Вовнянко, В.В. Десятник, В.А. Крамаренко, О.В. Михайлова, А.К. Червякова) работали над изданием дневников великого князя Николая Александровича. Были выбраны дневники за 1894 г., когда будущий император Николай II был цесаревичем. Каждый из студентов обработал и подготовил издание дневников за несколько месяцев 1894 г. В результате получилась объемная и интересная публикация. Отметим, что дневники – достаточно сложный источник для студенческого издания из-за большого количества иностранных слов и выражений, авторских подчеркиваний и т.д.

Такая единая общая тема была и у студентов, работавших в РГАСПИ (А.С. Бобкова, Д.А. Бурашников, А.Ю. Евдокимов, А.М. Кутнаева). Здесь практиканты занимались (под руководством Т.В. Царевской-Дякиной) публикацией документов по истории Второй ударной армии Власова, Русской освободительной армии и коллаборационистских формирований на оккупированной территории. Подготовленные документы пред-

ставляют собой интересный корпус источников, дополняющий наши знания об этой неоднозначной и противоречивой теме.

Трое практикантов совершили летом поездку в Париж (в качестве учебной стажировки) и проходили практику в Национальном архиве Франции (руководитель – Армель Ле Гофф). К публикации ими были подготовлены документы XVIII–XIX вв., в том числе по истории России (с приложением фотокопий): письмо Николая I Екатерине Вюртембергской 1834 г. (В.В. Горбунов), архитектурные проекты могил Наполеона Бонапарта и Жозефа Наполеона (Ю.Е. Телюкова), разрешение короля морскому офицеру де Сан-Савёру уйти в отставку 1776 г. (Е.Б. Светушкова). В этих публикациях заметно влияние традиций французской археографии – в оформлении заголовков, научно-справочного аппарата. Такая связь с западноевропейской традицией представляется полезной для самих студентов, получивших возможность изучить западный опыт.

В АРАН (руководитель практики – Е.В. Косырева) были подготовлены интересные и ранее не издававшиеся документы: доклад академика В.Н. Шапошникова от 28.09.1955 в МГУ, посвященный Луи Пастеру (О.В. Маланичева) и статья Е.П. Подъяпольской «Вопросы местной истории в русской историографии» 1920-х гг. (А.И. Васева). Студенты продемонстрировали хорошее владение методическими принципами археографии.

В архиве фонда «Холокост» практиканты (М.Б. Уколов, А.В. Феклисов) под руководством Л.А. Тёрушкина занимались публикацией писем евреев-участников Великой Отечественной войны, поступивших в фонд от их родственников. Это часть большой работы по публикации и изучению эпистолярного наследия участников войны, которая давно ведется в фонде.

Документами по дореволюционной истории занимались проходившие практику в РГАДА и РГВИА Н.И. Быкадорова и А.Ю. Мишин.

С материалами творческого характера практиканты (О.С. Колесникова, В.М. Сагаачева) имели возможность работать в РГАЛИ (руководитель – Е.В. Бронникова). Такие документы требуют особого внимания и хорошего знания исторического контекста. Сходный характер носит источник, опубликованный А.В. Гончаровой (руководитель – И.В. Наволокина), проходившей практику в РГАФД – воспоминания режиссера И.Е. Хейфеца о своей работе с В.С. Высоцким и О.И. Далем, съемках фильма «Плохой хороший человек» – была подготовлена к публикации расшифровка фонозаписи рассказа И.Е. Хейфеца.

Отметим также интересную работу Д.Р. Гарифьяновой, подготовившей публикацию письма музыкальному критику и дирижеру Е.А. Гунсту от неизвестного (начало XX в.) из собрания ЦММАМС. Письмо опубликовано на французском языке с переводом на русский, комментариями и указателями. Письмо, бытовое по содержанию, ярко рисует быт и нравы московской и провинциальной «богеми».

Практику 2012 года наибольшее число студентов проходило в АРАН (9 человек), где им была предоставлена возможность попробовать свои силы в публикации материалов по истории науки. Большинство работ связано с историей естественных наук и медицины. Так, М.С. Девятков подготовил к изданию доклад микробиолога Н.А. Красильникова «К вопросу об организации работ по антибиотикам» (1951 г.) – один из первых источников по данной теме в СССР. А.А. Железнов занимался публикацией доклада Л.С. Штерн о взаимодействии между кровеносной и центральной нервной системами (1943 г.), И.П. Ким – статьи Д.И. Щербакова «Антарктида в свете новых данных» (1961/62 гг.). Р.А. Седов посвятил работу публикации статей П.П. Подъяпольского «Критическая заметка об одном опыте, имеющем показать, что изображение внешних предметов в глазу будет обратное» (1906 г.) и «Алкоголизм как личное и общественное зло и лечение его гипнотическим внушением». К.В. Малькевич (Кривошеева) подготовила фрагмент воспоминаний экономиста М.Н. Фалькнер-Смит, Д.Д. Копытцева – статью Х.С. Коштыянца «Путь человека в космос» (1960 г.), Ю.С. Круговых – воспоминания В.М. Лавровского о поездке в Лондон с Е.А. Косминским в 1925 г., А.Ю. Ромащенко – статью С.С. Наметкина «Получение древесной уксусной кислоты».

Как положительный момент в публикациях документов АРАН можно отметить подготовку студентами солидных комментариев к терминам из области биологических и других естественных наук, встречающимся в документах.

Все работавшие на практике в РГАСПИ (6 человек) получили доступ к документам, так или иначе связанные с готовящимся архивом крупным изданием по истории 2-й ударной армии генерала А.А. Власова и последующей истории коллаборационистского движения времен Великой Отечественной войны. Часть практикантов в настоящее время (и ныне, после окончания института) работает в РГАСПИ в качестве сотрудников. Этот факт, а также большое внимание к практикантам со стороны научного консультанта д.и.н. Л.А. Лыковой, способствовали ровному

высокому уровню публикаций, подготовленных студентами в РГАСПИ. Сотрудничество Историко-архивного института с архивами в данном случае заметно дает свои плоды.

В публикации Н.М. Волхонской представлены переводы немецких документов: сообщение командования группы армий «Север» о ходе боев на Волховском фронте в январе–июне 1942 г. и сообщение о разгроме советских войск на этом направлении. А.С. Кандаки подготовила к публикации опрос полковника Красной армии Ф.Г. Гаврилова о пребывании его в 1-м русском национальном отряде СС – яркие свидетельства коллаборационистской деятельности. Д.А. Маглели опубликовала выписки из разведывательных сводок Ленинградского штаба партизанского движения. Д.М. Снопина выполнила подготовку документов по истории организаций Белого движения в годы Второй мировой войны, а А.А. Фурсова – документов Центрального и Белорусского штабов партизанского движения о действиях РОА.

В РГВИА проходили практику двое студентов. И.Р. Казакова опубликовала фрагменты дневника полковника А.Н. Чеховского времен Первой мировой войны (1915 г.). Помимо качественной передачи текста в данной работе заслуживает внимание обзор публикаций по военной истории, данный в предисловии. Близкой теме посвящена публикация В.И. Ласкаваго, подготовившего к изданию воспоминания о Первой мировой войне Б.К. Колчигина «Пятидесятилетия славы и горечи гвардии».

Е.Э. Жигульцова, проходившая практику в РГАНИ, подготовила к изданию письмо первого секретаря ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепина к Н.С. Хрущеву об итогах визита партийных работников в ГДР в июне 1953 г. – интересный документ, показывающий отчасти механизм принятия решений и отношения, складывавшиеся в верхушке ЦК КПСС. В работе обращает на себя внимание историческая часть предисловия и обзор части фонда «Аппарат ЦК КПСС» РГАНИ, из которого был взят документ.

Проходившая практику в Национальном архиве республики Калмыкия Л.Г. Манджиева подготовила к публикации документы об участии калмыков в наполеоновских войнах начала XIX в. Опубликованные источники отбирались в связи с подготовкой архивом сборника, посвященного юбилею войны 1812 г.

М. Алешин (ИРИ РАН) представил чрезвычайно интересную и объемную (55 с.) публикацию рукописного трактата конца XVII – начала

XVIII вв. под названием «О коронах». Названное сочинение готовилось к изданию в ИРИ РАН и М. Алешин являлся одним из составителей. Впоследствии этот источник был опубликован при участии М. Алешина в совместном русско-венгерском издании [Рукописный трактат, 2013, 255 с.]. Трактат касается вопросов процедуры коронации с библейских времен до начала XVIII в. и регалий королевской власти в Европе и на Востоке. По своему содержанию он значительно выходит за рамки исключительно геральдики. В источнике имеются иллюстрации, которые практикантом также воспроизводятся. Публикация М. Алешиным осуществлена квалифицированно, его работа с точки зрения ценности опубликованного источника, а также по археографическому уровню, без сомнения, является одной из лучших работ практикантов этого года. [См. другие его статьи этого времени по археографии: Алешин, 2012, с. 152–154; Алешин, 2014, с. 179–182]

В 2013 году практикой были охвачены следующие архивы: АРАН (12 человек), РГАСПИ (8 человек), ЦГАМО (2 человека), РГАФД (2 человека), РГАДА и др.

Наиболее ранние с точки зрения хронологии источники подготовленные к публикации А.В. Дедуком (РГАДА) – платежные книги Соловского уезда 1610–1620-х гг. Его публикация включает три источника – платежную книгу Плавского и Соловского уездов, оброчную книгу домниц Соловского уезда, припись к платежной книге Соловского уезда. Материалы были обнаружены А.В. Дедуком в сборнике XVII в. и ранее не публиковались. В работе было убедительно показано источниковедческое значение этих фискальных источников для изучения вопросов исторической географии, размера поместий, суммы взимаемых с них налогов и т.д. Заслуживает поощрения и то, что А.В. Дедук при передаче текста документов использовал методические наработки современной актовоей археографии (принципы С.М. Каштанова). Работу А.В. Дедука следует отнести к числу лучших публикаций практикантов этого года [См. подготовленное им тогда же издание и исследование двух грамот: Дедук, 2015, с. 55–62]. Ныне А.В. Дедук – заведующий хранилищем в РГАДА, автор многих работ по исторической географии и источниковедению.

Значительное число студентов работало в РГАСПИ, где они приняли участие в исследовательском проекте по подготовке серии сборников документов под общим названием «Первая мировая война в оценках ее современников: власть и российское общество». Рассмотрим работы этого цикла.

Публикация Д.В. Боровик посвящена воспоминаниям М.В. Родзянко в той их части, которая касается начала Февральской революции и обстоятельств отречения императора Николая II от престола. Е.А. Виноградова подготовила издание подборки писем времени Первой мировой войны (из коллекции ГА РФ). На описании личности Николая II в оценке генерала Ю.Н. Данилова сосредоточила свое внимание Л.А. Жукова. А.А. Киселева обратилась к проблеме степени готовности России к Первой мировой войне на основании мемуаров Н.И. Головина. Оценки личности Г. Распутина по воспоминаниям М.В. Родзянко посвящена публикация Д.Д. Павлюченковой, а событиям января–февраля 1917 г. в Петрограде в оценке того же автора – публикация Ю.В. Трифонова.

Публикации, подготовленные в РГАСПИ, неизменно отличает тщательность в передаче текста, что демонстрируют и названные работы. Целая серия студенческих публикаций, посвященных последним годам существования Российской империи, достаточно интересно показывает атмосферу той сложной эпохи.

Работы, написанные в АРАН, разнообразны по тематике. Публикацию записи беседы с Н.А. Морозовым (1941 г.) подготовила А.П. Бак. Двум неизданным статьям ботаника и историка науки В.А. Комарова посвящены работы И.В. Букатиной и Д.Е. Спектора. Неопубликованную статью биохимика, физиолога Л.С. Штерн подготовил С.В. Канайкин. Работа О.Д. Литкенс (Сретенской), по качеству выполнения относящаяся к числу лучших, посвящена лекции И.М. Майского о международных отношениях и внешней политики СССР, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1946 г. Вопросам, связанным с изучением Антарктиды, посвящена неизданная статья геохимика Д.И. Щербакова, подготовленная В.Д. Лучниковой. Работа по атомной физике стала объектом публикации Н.А. Москвитина.

Одной из лучших публикаций является также работа А.В. Оганесян, посвященная выступлению академика А.В. Топчиева по вопросам разоружения на Второй Пагоушской конференции. Публикацию А.В. Оганесян отличает внимательное и заинтересованное отношение к обстоятельствам создания источника и тщательность в работе над ним. [Ее статью по вопросам археографии см.: Оганесян, 2014, с. 313–316.]

Источник самого новейшего времени – неизданную программу лекций Н.Н. Болховитинова и В.В. Лебедева об экономических отношениях России и США, подготовил к публикации В.А. Степанов. Изданием вос-

поминаний В.М. Лавровского о поездке в Англию вместе с Е.А. Косминским в 1925–26 гг. занимался П.В. Чернов. Публикация А.И. Черных содержит пять писем Р.Ю. Виппера Д.М. Петрушевскому за 1906–1925 гг. Ныне А.И. Черных – преподаватель ИАИ РГГУ.

В публикациях, подготовленных в АРАН, как положительное явление отметим интерес к вопросам истории науки и выработку умения публиковать документы по негуманитарным дисциплинам, с использованием математических формул и специальных терминов.

Из работ, подготовленных в других архивах, следует назвать публикацию Н.А. Вукалова (ЦГАМО), подготовившего издание протокола заседания Звенигородского уездного съезда советов 1919–1920 гг. из фонда Московского губернского суда. Две публикации подготовлены студентами, проходившими практику в РГАФД. Это издание двух интервью В.С. Высоцкого (1979 г.), выполненное К.З. Тедеевой и публикация фрагмента выступления Ю.А. Гагарина в студии Центрального телевидения 17 апреля 1961 г., подготовленная И.Н. Лысенко. Таким образом, технотронные документы также стали объектом публикации в студенческих работах.

Еще одним достижением студенческой археографии стала подготовка к изданию М.С. Валовой под руководством О.И. Хоруженко дозорной, писцовой, платежной и межевой книг Оболенского уезда первой трети XVII века, вышедших впоследствии в виде отдельной книги (Писцовые книги, 2014, 431 с.). Издание выполнено по усложненным принципам передачи текста документов – с сохранением всех устаревших букв, передачей выносных и пропущенных под титлом и с обширным научно-справочным аппаратом. Ныне М.С. Валова – научный сотрудник ОР ГТГ.

Практика 2014 года была в своем роде заключительная, поскольку студенты последнего специалитета на факультете архивного дела ИАИ РГГУ закончили обучение в 2015 г. После 2014 года специальной летней археографической практики на факультете не было.

Летом 2014 года студенты проходили практику в следующих архивах: АРАН (12 человек), Архивный отдел НПЦ «Холокост» (10 человек), РГАСПИ (2), РГВИА (2), ЦГАМО (2), РГВА (1), РГАДА (1), АП РФ (1), Музей книги РГБ (1).

Среди интересных работ этого года отметим публикацию «Дипломатическая переписка английских послов, посланников и резидентов при русском дворе за 1755–1756 гг.» Н.Г. Захаровой, включающую ис-

точники на английском и французском языках из фондов РГАДА. Н.Г. Захаровой документы были подготовлены на языке оригинала и снабжены собственным переводом. Публикация представляет особый интерес, поскольку фактически продолжает незавершенную серию «Дипломатическая переписка иностранных послов, посланников и резидентов в России в XVIII – первой половине XIX вв.» Сборника Русского исторического общества (РИО). Подготовленные к изданию ранее не публиковавшиеся документы – копии английских источников, сохранившиеся в фонде РИО (ф. 1292).

Обращает на себя внимание достаточно трудоемкая публикация «Букварей языка словенска» 1704 и 1708 годов, подготовленная Ю.Б. Коловой по материалам Музея книги РГБ (консультация Ю.Э. Шустовой). Основная сложность заключалась в передаче текста букварей с использованием специальных шрифтов. Работа интересна также сопоставлением текстов двух букварей и рядом наблюдений в этой связи.

Традиционно особое место в работах практикантов занимали документы из фондов ученых, причем далеко не только гуманитариев (АРАН), а также документы, связанные с историей Великой Отечественной войны (НПЦ «Холокост»), в том числе писем с фронта на имя Сталина 1941 г. (работа А.А. Степановой по материалам АП РФ) и др.

Подводя итоги, стоит отметить пользу, которую приносила студентам институтская археографическая практика. Она приобщала их к научной публикаторской деятельности, знакомила с работой архивов, определяла для некоторых путь профессиональной карьеры. Архивисты, курировавшие работу практикантов, в подавляющем большинстве очень внимательно и ответственно подходили к делу, за что хочется выразить им всем искреннюю признательность. Радует тот факт, что и сейчас, несмотря на отсутствие археографической практики, отдельные студенты принимают деятельное участие в академических и архивных публикаторских проектах.

Среди подготовленных по итогам практики учебных работ есть такие, которые представляют существенный научный интерес и вполне готовы для публикации в серьезных изданиях, а их авторы спустя всего несколько лет стали сложившимися специалистами в области исторической науки и археографии. Практикантами публиковались документы различных типов (письменные, изобразительные), на разных языках (русском, французском, английском), разных носителях (письменные –

рукописи и машинописи, графика; фонодокументы), за период с XVII до конца XX века. Можно говорить о широте исследовательских интересов студентов, а также о богатых возможностях, которые предоставляют историкам и археографам отечественные архивы. На наш взгляд, именно самостоятельная работа студентов с архивными источниками является первой проверкой степени их профессионализма и необходимой ступенью в освоении археографии.

Литература

- Алешин, 2014 — Алешин М. Публикации немецких старопечатных книг в исследованиях по имагологии // Писменото наследство и информационните технологии E1Manuscript 2014: Материали от V международна научна конференция Варна–Камчия / отв. ред.: В.А. Баранов, В. Желязкова, А.М. Лаврентьев. Б.м., 2014. С. 179–182.
- Алешин, 2012 — Алешин М. Современные принципы публикации немецкоязычных исторических источников в российской археографии // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии: материалы XXIV междунар. науч. конф., Москва, 2–3 февр. 2012 г. М.: РГГУ, 2012. С. 152–154.
- Барсуков, 1878 — Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. III, V, 668 с.
- Дедук, 2015 — Дедук А.В. Грамоты «великого» князя Рязанского Олега Ингваревича Ивану Шае // Вестник РГГУ. Серия «История, филология, культурология, востоковедение. 2015. № 9 (152). С. 55–62.
- Оганесян, 2014 — Оганесян А.В. Публикация материалов идеологических комиссий ЦК КПСС (1958–1966) // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. мат. IV междунар. конф. Молодых ученых и специалистов Сlio 2014. М., 2014. С. 313–316.
- Пашков, 1985 — Пашков А.М. Законодательные источники в преподавании вспомогательных исторических дисциплин в Петербургском археологическом институте в к. XIX – нач. XX вв. // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Межвуз. сб. М., 1985. С. 34–40.
- Писцовые книги, 2014 — Писцовые книги Оболенского уезда первой трети XVII века / подгот. М.С. Валовой, О.И. Хоруженко. М., 2014. 431 с.
- Рукописный трактат, 2013 — Рукописный трактат «О коронах» начала XVIII в.: памятник русско-венгерских культурных связей / отв. ред. М.Е. Бычкова. М.; Печ, 2013. 255 с.

**Сочинения русских старообрядцев.
Программа научного описания
старообрядческих рукописей
Библиотеки РАН: замысел и воплощение**

В статье содержится информация о завершении работы над 3-м выпуском серии «Сочинения писателей-старообрядцев» (том 7 серии «Описание рукописного отдела БАН»). Автор говорит о многолетней (с 1970-х г.) программе научного описания старообрядческих рукописей БАН, которая базируется на основополагающем труде В.Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев». 3-й выпуск содержит описания рукописей из знаменитого собрания Дружинина, а также других старообрядческих сборников, в том числе малоизвестных. Автор знакомит читателей с достигнутыми результатами и с особенностями научной работы по описанию малоизученных старообрядческих сочинений второй половины XVIII в., их жанровыми и структурными особенностями, а также с дальнейшими планами продолжения в БАН «старообрядческой» серии описаний. Автор статьи сообщает о двух предыдущих изданиях БАН, посвященных ее старообрядческим фондам. Это описание лицевых старообрядческих рукописей XVII – первой половины XX вв. (т. 10, вып. 1 в серии «Описание рукописного отдела БАН». СПб, 2010) и Каталог гектографированных старообрядческих изданий последней четверти XIX – первой четверти XX вв. (СПб., 2012). Эти издания вводят в научный оборот значительный пласт новых источников по истории и культуре старообрядчества, а также намечает перспективы дальнейших планов по описанию и изучению рукописного наследия старообрядцев – наследников древнерусской культуры и письменной традиции.

Ключевые слова: Старообрядчество, научное описание рукописей, лицевые рукописи, миниатюры, гектографированные издания, Библиотека Академии наук

В настоящее время в Рукописном отделе БАН близится к завершению составление очередного 3-го выпуска 7-го тома систематической серии, посвященной научному описанию старообрядческих рукописей «Сочинения писателей-старообрядцев второй половины XVIII века». Составители Н.Ю. Бубнов и В.А. Клишева.

В середине 70-х гг. прошлого века нами был разработан проект и начата работа по выявлению в фондах Отдела и научному описанию старообрядческих рукописей [Бубнов, 1981, с. 215–222]. Важность проекта обусловлена оценкой старообрядческого движения в России как важнейшего альтернативного направления развития русской культуры, продолжившего древнерусскую традицию, и не имеющего сопоставимых аналогов в культуре других европейских народов. Актуальность поставленной задачи для БАН объясняется еще и тем, что в Рукописном отделе хранится замечательное рукописное собрание выдающегося исследователя старообрядческой письменности, члена-корреспондента РАН Василия Григорьевича Дружинина, включающее около тысячи рукописных сборников и более 100 гектографированных изданий с сочинениями старообрядческих писателей XVII – начала XX вв. Это уникальное собрание было положено исследователем в основу составленного им в 1912 г. подробного справочника-указателя старообрядческих сочинений «Писания русских старообрядцев» [Дружинин, 1912]. В справочник-указатель исследователь сумел включить материал из 200 рукописей своего рукописного собрания и готовил материал для нового издания. Поскольку авторская рукопись нового издания справочника, подготовленная и отданная в печать Дружининым в 1922 г., была утрачена, современными исследователями ставился вопрос о необходимости переиздания справочника 1912 г. с исправлениями и дополнениями [Кобяк, Круглова, Плигузов, Елпатьевская, 1995а, с. 38–45; Кобяк, Круглова, Плигузов, Елпатьевская, 1995b, с. 57–64; Бубнов, 1998, с. 51–56; Кобяк, Круглова, 2000, с. 58–67] или о создании нового репертуарного справочника-указателя сходного типа [Бубнов, 1988, с. 113–119; Кобяк, Круглова, 1999, с. 126–132]. В 1918–1829 гг. исследователь передал свое собрание на хранение в Библиотеку Академии наук, сделав его доступным всем исследователям старообрядчества, хотя до сих пор доступ к нему затруднен из-за отсутствия удовлетворительной архивной описи [Бубнов, 1985, с. 113–125]. Немало старообрядческих рукописей хранится и в других рукописных собраниях Рукописного отдела БАН, принадлежавших ранее многим собирателям и коллекционерам, а также в составе «территориальных» собраний, составленных из рукописей, привезенных археографическими экспедициями БАН с Русского севера и из других районов проживания старообрядцев. Территориальные собрания особенно важны, так как при их комплектовании учитывалось происхождение каждой рукописи: регион бытования и конфессиональная при-

надлежность пользователей. Общее количество рукописей, хранящихся в БАН и содержащих оригинальные сочинения писателей-старообрядцев превышает по нашим подсчетам две тысячи единиц¹, что изначально предопределяло необходимость создания многотомной серии, построенной по заранее намеченному плану. Описание старообрядческих сборников вводит в научный оборот сотни и тысячи оригинальных литературно-публицистических текстов и их списков, среди которых много неизвестных в науке. Значение этих текстов особенно велико в виду того, что они зачастую являются главными источниками по истории старообрядчества, поскольку архивы старообрядческих общин дошли до нас лишь фрагментарно [Бубнов, 2010а, с. 246].

Очередность выпусков серии (Описания Рукописного отдела БАН. Т. 7. Старообрядческие рукописи) решено было строилась по хронологическому принципу, начав с сочинений писателей-старообрядцев второй половины XVII века. Характер расположения описаний в каждом выпуске диктовалась характером описываемого в нем материала. Образцом для выработки структуры Описания послужил вышеназванный справочник-указатель В.Г. Дружинина, разбитый составителем на две части: 1) Авторские сочинения, распределенные по именам авторов, и 2) Анонимные сочинения. В последнем разделе сочинения расположены в порядке инципитов, или же сгруппированы в предметных рубриках, если название памятника отсутствует или является неустойчивым. Главная трудность для составителей заключалась в том, что В.Г. Дружинин строил свой справочник-указатель из отдельных сочинений, извлеченных им из старообрядческих сборников, тогда как составителям Описания предстояло описывать сборники целиком, датируя их по филиграммам, пытаясь выяснить их типологические особенности, происхождение, давая характеристику почеркам, украшениям и переплетам. При этом содержание многостатейных сборников плохо «ложилось» в авторские или тематические рубрики. Однако были и преимущества: наличие анонимного «конвоя» у главного авторского сочинения описываемого сборника, наряду с общими палеографическими признаками, давало возможность дополнительных авторских атрибуций. Разумеется, план предстоящего описания предполагал, что за последние годы появилось много

¹ Мы не включаем в это число рукописи с текстами древнерусской письменности, переписанные старообрядцами и входящие в круг их чтения.

новых исследований по истории и письменному наследию старообрядцев, что внесло определенные коррективы в работу. Это исследования Н.С. Гурьяновой [Гурьянова, 1996], Е.М. Юхименко [Юхименко, 2002; Юхименко, 2008], А.И. Мальцева [Мальцев, 2003], Л.В. Титовой [Титова, 2003], Е.В. Прокуратовой [Прокуратова, 2010], А.П. Крахмальникова [Крахмальников, 2012], О.Д. Журавель [Журавель, 2012] и др.

Первый выпуск Описания (Том 7, вып. 1), включивший сочинения писателей-старообрядцев второй половины XVII века, увидел свет в 1984 году [Сочинения писателей-старообрядцев, 1984]. В книге получили научное описание 133 рукописи старообрядческих авторов в списках второй половины XVII – начала XX вв. с сочинениями основоположников старообрядческого движения: протопопа Аввакума Петрова, дьякона Федора Иванова, инока Епифания, иноков Геронтия и Игнатия Соловецких и др. Шедевром Дружининского собрания является Пустозерский сборник с автобиографическими житиями протопопа Аввакума и инока Епифания, сочинениями дьякона Федора и священника Лазаря. В других собраниях сохранились не менее драгоценные Никаноровский сборник с сочинением Геронтия Соловецкого «Сказание о новых книгах», переписанным в годы осады царскими войсками Соловецкого монастыря рукой бывшего царского духовника архимандрита Никанора, а также сборник, включающий «Книгу о вере» Спиридона Потемкина, составленную его учеником дьяконом Федором. К сожалению, старообрядческих сборников, написанных в XVII столетии, сохранилось немного [Бубнов, 1995]. Как выяснилось в ходе описания, значительная часть автографов сочинений старообрядческих писателей XVII столетия сохранилась в отдельных тетрадах, часто переплетавшихся в сборники, переписанные позднее – преимущественно в XVIII веке, для придания сочинениям авторов следующего поколения большего авторитета. Если не находилось автографов, с сочинений отцов-основателей, для включения во вновь создаваемые сборники делались их новые списки. Подобная практика применялась преимущественно в поморском Выго-Лексинском монастыре и зависимых от него северных скитах. Этим объясняется наличие в первом выпуске Описания значительного количества сочинений писателей XVIII века, оказавшихся в составе обширных сборников и конволютов. Сложная структура рукописей, описанных в этом выпуске, не позволила систематизировать материал по тематическому принципу. Книгу удалось сформировать из разделов, основанных на датировке спи-

сков: 1) Рукописи XVII века; 2) Рукописи XVIII века; 3) Рукописи XIX и начала XX веков. Система указателей помогает поиску необходимых текстов.

Второй выпуск Описания (т. 7, вып. 2), включающий сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века, был завершен в 2001 году [Сочинения писателей-старообрядцев, 2001]. В издании получила научное описание 181 рукописная книга XVIII – начала XX вв. Поскольку в названный исторический период появляются крупные старообрядческие сочинения разных жанров, а количество сборников уменьшается, книгу удалось разбить на три тематических раздела: 1) Догматические сочинения; 2) Сочинения исторические и агиографические; 3) Публицистические сочинения. Среди сочинений, включенных в первый раздел, назовем «Поморские ответы» Андрея Денисова, «Дьяконовы ответы», многочисленные «слова» и послания Андрея Денисова и его брата Симеона, сочинения Даниила Викулина, Феодосия Васильева, Петра Прокопьева, Трифона Петрова, Мануила Петрова, Матвея Андреева, Менадра Гумбертова, Лукьяна Доровченцова, Михаила Вышатины, Тимофея Андреева, Андрея Борисова, Алексея Иродионова и др. Во второй раздел включены широко распространенное агиографическое сочинение Семена Денисова «Виноград Российский», его же «История о отцах и страдальцах соловецких», а также жития старообрядческих наставников и старцев Андрея Денисова, Семена Денисова, Геннадия Боровского, инока Корнилия Выговского, Кирилла Сунского, Феодосия Васильева, старообрядческое Сказание о патриархе Никоне, «История о зачале Выговской пустыни» Ивана Филиппова, «Истории о страдавших отцах Филипа и Терентия» и др. Третий раздел книги состоит из сборников публицистических сочинений, учительных слов, духовных завещаний, а также рукописей, содержащих переписку между руководителями старообрядческих общин, монастырские правила и уставы. Небольшие тексты, часто анонимные, включены в состав тематических или разнообразных «архивных» старообрядческих сборников. В эти сборники, хранившиеся в общинах, собирались разнообразные тексты (часто на листах бумаги разного формата и качества), с которых, по мере надобности, снимались копии.

Следует сказать и о появившихся в этот период так называемых «миссионерских» списках ряда сочинений. Эти рукописи переписывались для православных миссионеров с целью их знакомства с главными

«идеологическими» трудами старообрядцев и ведения «бесед» – диспутов на религиозные темы. Миссионерские списки отличаются от старообрядческих как своим внешним видом (картонные в коже переплеты, скорописный почерк), так и содержанием. В таких списках часто отсутствуют (выпущены) тексты, «неудобные» для полемики со старообрядцами. Среди известных нам сочинений в «миссионерском» исполнении назовем «Поморские ответы», «Дьяконовы ответы» 1-й четверти XVIII в., а также «Щит веры» Тимофея Андреева (Серебрянникова), написанный уже в конце века.

В готовящийся в настоящее время к печати третий выпуск Описания (т. 3, вып. 3), посвященный сочинениям писателей-старообрядцев второй половины XVIII века, составители планируют включить еще около 200 рукописей из разных рукописных собраний БАН. В этот исторический период старообрядческими писателями создано много объемных публицистических сочинений, обобщающих накопленный ими ранее полемический материал. В сочинениях представлена не только полемика старообрядцев-беспоповцев с апологетами православной церкви, которая преобладала ранее, но и обширная внутри конфессиональная полемика между различными старообрядческими направлениями и толками. Активно включились в эту полемику авторы беглопоповского направления, создавшие крупные компилятивные сочинения. Всего в книгу войдут сочинения следующих авторов:

	Авторы	Названия главных сочинений
1	Алексеев Иван (1709–1776). Беспоповец (федосеевец или поморец); проживал в Стародубье в слободе Климовой.	«История о бегствующем священстве» или «Разговоры между приемлющими настоящих иереев и не приемлющими»; «Книга о случаях последнего времени»; «О вечности священства Христова»; «О тайне брака»; «О власти преосвященного чина»; «О истинности церкви доказательство, кую и врата адова одолети не могут»; «О антихристе».

2	<p>Андреев (Серебренников) Тимофей (1745–1808). Беспоповец-поморец, уроженец г. Романов Ярославской провинции Московской губ., с конца 70-х гг. насельник Выгорецкой киновии, с 1791 г. настоятель общежительства на Лексе.</p>	<p>«Щит веры» или «Обские ответы»: «О начале раздора федосеевых с Выгорецким общежительством»; «Возражение на утверждение нынешних новых браков»; «Возражение на тетради, запрещающие записываться в число раскольников и платить двойной оклад»; «Слово о наставниках Выга»; «Надгробное слово киновиарху Андрею Борисовичу»; «История о пострадавших отец Филиппа и Терентия»; Житие киновиарха Семена Денисова и др.</p>
3	<p>Балчужный (Смирнов) Алексей Яковлевич (30-е гг. XVIII в. – 1815). Наставник общины Филипповского согласия, в Москве на Балчуге. В 1790 г. возглавил московский таганский Братский двор.</p>	<p>«Стостатейник» (устав Филипповского согласия, утверждён соборно 29 июня 1777 г.)</p>
4	<p>Беляев Яков (1751–?). Поповец Ветковского согласия из г. Муром, в мае 1773 г. поселился в Покровском монастыре в Стародубских слободах. Идеальный сподвижник старца Никодима Стародубского.</p>	<p>«О несужденных еретиках»; «Путь истинный и недестный, ведущий любимца к познанию единых, святых, соборных, апостольских церкви» (Кн. 1–3); «О реке начертаваемой во иконном изображении».</p>
5	<p>Битюговский Даниил (1763 – 1811). Член беспоповского Федосеевского согласия, московский мещанин, монах. Обратился к господствующей церкви.</p>	<p>«Собрание из разных книг с показанием свидетельств древних святых отец» (части 1 и 2).</p>

6	Борисов Андрей (1734–1791). Поморец, настоятель Выговской пустыни (1780 – 1791).	Житие Андрея Денисова, «О наименовании царей благоверными»; слова и послания на различные знаменательные события и праздники.
7	Венедикт (Иван Васильев), Чугуевский монах (1744–1811).	«Таблица о разньствии книг старопечатных и новоизданных»; «Извещение разглагольствия, бывшего у поморян с поповщиной в прошедшем 1768 году»; Послание 15 вопросов «Честным отцам Сергию, Аарону, Иосифу и Пафнутию и братьям всем поповлянского согласия»; «Книга о сокрытии священных церковных пастырей и бескровныя жертвы во времена всемирного веры отступления».
8	Вышатин Михаил Иванович (1667–1732), поморец, насельник Березовской пустыни	Книга «Бисер драгоценный»
9	Григорьев Михаил (1685–1775). Поморец, московский наставник.	«Слово о начале общежительства Данилова монастыря на Выгу реке и от кого начало прия и в кия лета»; Послание к Андрею Трофимовичу.
10	Данилов (Шапошников) Василий (1713–1783) Поморец, насельник Тихвинского скита на Выгу.	«Слово о выговских наставниках»; Сказание о чудесах Тихвинской иконы.
11	Евфимий (1743/44–1792 г.) Основатель (в 1784 г.) беспоповского согласия странников (бегунов). Родился и жил в Переяславле-Залесском.	«Разглагольствие о настоящем в древлацерковном последовании неких с друг другом несогласии»; Переработка соч. Ивана Алексева «О случаях последнего времени Титин потрясает вельми».

		О нем: «Описание достоверное о житии и о всем произошествии подвига старца Евфимия...»; «О начатке старца Евфимия, когда вконец раздел учинил со старообрядцами».
12	Иродионов Алексей (Попов) (1710–1780). Поморец, насельник Выговской пустыни. В 1747 году вернулся в лоно господствующей церкви.	«Зитуменос» (апология двуперстному знаменю из 25 пунктов); слова и проповеди на различные праздники.
13	Ковылин (Кавылин) Илья Алексеевич (1731–1809). Федосеевец, основатель (1771 г.) и наставник Преображенского кладбища в Москве.	«Ответы на три вопроса Ильи Ковылина»; «Поданные вопросы Ильи Алексеевича в Москву Алексею Яковлевичу, что на Балчуге в лето 1782»; полемические послания к поморцам и сторонникам «новожёнства»; «Статьи примерительные» к федосеевцам и филипповцам.
14	Матвеев Даниил (1687–1776). Поморец, насельник Выговской пустыни.	Послание к московским поморцам о браках (30 сент. 1768 г.); «Показательное списание на новоявившиеся философы и учителя...»; «Слово возразительное на новоявившееся новоженческое учение и бесстыдное укрепление еретических браков»; «Ответы древлеправославныя церкви последователей на вопросы новых готступников глаголемых новоженнов (27 вопросов и ответов).
15	Никодим Стародубский (1745–1784).	Книга «о миропомазании»; «Ответы Никодимовы»; письмо к Василию Васильевичу (1775 г.).

	Поповец, инок. Родился в Калуге, принял постриг на Иргизе, откуда перешел в Стародубье, позднее поселился в окрестностях посада Злынка Новозыбковского уезда.	См. также: Переписка по поводу выступления Никодима против миропомазания; «Наказ строителю Успенского монастыря монаху Никодиму»; «Письмо инок Никодиму Стародубскому».
16	Петров Мануил (1691–1759). Поморец, выговский настоятель (с 1744 г.).	Статьи и послания.
17	Петров Трифон (1670–1766). Поморец, выговский уставщик.	«Житие инока Корнилия Выгорецкого»; «Следование правил о крещении и о священстве».
18	Пошехонов (Пешехонов) Иван Федоров. Поповец Дьяконова согласия, писатель и иконописец втор. пол. XVIII в. Жил в Твери.	«Пешехоновы ответы» (на 95 вопросов поморцев и 10 вопросов «романовцев»).
19	Романовский (Корнаев) Григорий Иванович (1748–1796). Поморец, наставник общины в г. Романове.	«Книга об антихристе»; «Осуждение неприемлющих браки»; Письмо Стефана Андреевича к Григорию Ивановичу с 5-ю вопросами о молитве за царей и ответ последнего на эти вопросы; «Исповедание с Богом во единой вере святого крещения» (из 9 глав); «О молитве предалтарной» и др.
20	Самойлович Алексей (1691–1771). Федосеевец, новгородский наставник.	«Книга Меч духовный».
21	Сергий Ирگزиский (Симон Юршев) (? – не ранее 1799). Поповец, монах. В 1771 г. ушел на Ветку. В 1776 г. переселился на Ирگزиз, где с 1780 г. настоятель Исаакиевского скита.	«Церковь, состоящая на Ирگزизе, в которой священники с дьяконы богоугодную о всем мире приносят жертву по старопечатным книгам... Доказано в 1777 году»; «Церковь, состоящая в Астраханской

	В 1796 г. присоединился к единоверию и стал во главе Успенского единоверческого монастыря в Стародубье.	епархии, в Саратовском наместничестве на реке Иргизе ... Доказано в 1782 году» и др.
22	Федосеев Евстратий (1692–1768). Беспоповец-федосеевец, сын Феодосия Васильева. Проживал в Польше, где был одним из местных наставников, строитель обители в Гудишках.	«Житие Феодосия Васильева», сочинения о надписании титла на кресте, таинствах крещения и хиротонии.
23	Феодор, старец (? – не раньше 1767). Поповец.	«Книга, глаголемая Церковное утверждение».
24	Феофил Иргизский (XVIII в., 2-я пол.). Поповец. Полемизировал с Сергием Иргизским (Юршевым), жил при Воскресенском мон-ре на Иргизе.	«Ответы иргизские на вопросы Сергия»; «История о лжемонахе-Сергие».
25	Холин Яков Васильевич (1753–1820). Федосеевец, московский купец. Был наставником в Санкт-Петербурге и Риге, настоятелем федосеевского монастыря в Стародубье.	«Книга о сокрытии священных пастырей».
26		Письма и, послания насельников Выга, постановления выговских соборов, уставные правила, торжественные памятные слова, полемические сочинения анонимных авторов и др.

Более ста сочинений перечисленных здесь авторов представлены в Описании в одном или в нескольких списках, тексты которых содержат иногда существенные разночтения. Их авторская принадлежность обычно подтверждается старообрядческой традицией или установлена исследователем путем. Авторы некоторых небольших по объему сочинений можно назвать лишь предположительно, основываясь на тематике и стиле созданных ими сочинений.

Второй раздел готовящегося Описания включает сборники с анонимными сочинениями. Среди них есть крупные памятники, состоящие из многих глав, однако, преобладают списки, составленные из небольших статей, иногда подобранных по тематическому принципу (например, сочинения об Антихристе), либо уже упомянутые ранее «архивные» сборники, где собраны памятники самого различного характера. Такие сборники обычно хранились в общине и служили оригиналами для переписки в новые сборники. В архивных сборниках можно встретить пометы: «писать красным», т.е. украшать новые писарские копии киноварными заголовками и инициалами.

Среди рукописей немало автографов. Уже во втором выпуске Описания выявлены автографы шестнадцати писателей-старообрядцев XVIII столетия. В новом, третьем выпуске Описания мы помещаем сведения об автографах Даниила Викулина, Андрея Денисова, Даниила Матвеева, Мануила Петрова, Алексея Иродионова, Тимофея Андреева, Григория Романовского (Корнаева), Алексея Яковлева (Балчужного), Федора Бабушкина.

К сожалению, старообрядческая письменность XVIII столетия, особенно его второй половины, исследована недостаточно и почти не публиковалась. Между тем, это необъятный пласт национальной письменной культуры, продолжившей в новое время художественную традицию древнерусской литературы, а также великолепный источник для изучения духовного и культурного наследия Древней Руси.

Помимо описания сочинений старообрядческих писателей в трех выпусках 7-го тома «Описания РО БАН», в сфере нашего внимания оказались рукописи, переписанные и иллюстрированные старообрядцами в XVIII – первой половины XX вв. Их описанию посвящен 1-й выпуск 10-го тома систематической серии, вышедший в 2010 г., посвященный лицевым рукописям [Бубнов, Братчикова, Подковырова, 2010]. В книге получили научное описание 85 лицевых рукописей, 28 настенных листов

и 2 свитка. Книга состоит из 4-х разделов: 1) Сочинения старообрядцев; 2) Древнерусские и переводные сочинения; 3) Сборники, конволюты, цветники; 4) Настенные листы и другой изобразительный материал. Особенностью тома является подробное словесное описание сюжетов 4355 миниатюр и графических изображений в каждой рукописи, впервые предпринятое составителями в столь значительном объеме. Авторы описания попытались привязать изобразительный материал к известным школам иллюстрирования XVIII–XIX вв., что остается большой проблемой для исследователей, так эти школы изучены недостаточно, а художники почти неизвестны. Назовем лишь представленных рукописями БАН иллюстраторов конца XIX – начала XX вв. А.А. Виноградова и А.С. Каликина. Нет сомнения, что художники – профессионалы и их заказчики стремились иллюстрировать сочинения, особенно любимые старообрядцами. Лицевые старообрядческие рукописи можно образно назвать «Пестрый мир глазами старообрядцев», так как миниатюры содержат уникальную информацию о художественном восприятии мира не только художников, но и читателей. К сожалению, планировавшийся альбом иллюстраций к изданному описанию пока издать не удалось.

Еще одной серьезной работой последних лет стал изданный Библиотекой РАН в 2012 г. Каталог старообрядческих гектографированных изданий, включающий 578 хранящихся в фондах БАН гектографов последней четверти XIX – первой четверти XX в. в 700 экземплярах [Бубнов, 2012; Вознесенский, 2016, с. 306–314]. Издание репрезентативно и может быть положено в основу сводного каталога, который, не исключено, станет делом будущих поколений исследователей такого рода малотиражных изданий, хранящихся во многих архивах и библиотеках страны. Бесцензурные гектографированные издания – важный источник для изучения духовной и общественной жизни старообрядческих общин Нового времени [Прокуратова, 2010, с. 306–314].

Некоторые сочинения и документы, изданные старообрядцами и ранее неизвестные исследователям, по-новому раскрывают духовные искания старообрядцев. Таковы, например, материалы о старообрядческом лже-архиепископе Аркадии – основателе Беловодского согласия [Бубнов, 2011, с. 353–368; 22, с. 397–419].

Описание старообрядческих рукописей Библиотеки АН еще далеко до своего завершения. Археографы БАН планируют посвятить отдельный выпуск серийного Описания сочинениям, являющимися старооб-

рядческими редакциями древнерусских или переводных текстов различных жанров. Это поморские Торжественники, учебники риторики, логики, диалектики и грамматики, а также святцы, каноники, службы святым, переработка «Великой науки» Раймунда Луллия и многие другие тексты.

В последние десятилетия исследования старообрядческой письменности и культуры переживает подъем. Появляются новые исследования и публикации текстов. Однако эта работа значительно тормозится из-за отставания работ по научному описанию рукописей. Описание рукописных книг наших древлехранилищ является той областью источниковедения, которую необходимо относить к сфере фундаментальных исследований [Бубнов, 2010b, с. 239–252], однако, специалистов в этой области остроумно не хватает.

Литература

- Бубнов, 1981 — Бубнов Н.Ю. Основные задачи описания и издания старообрядческих рукописей // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. [14–16 февр. 1979 г.]. Л., 1981. С. 215–222.
- Бубнов, 1985 — Бубнов Н.Ю. В.Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 113–125.
- Бубнов, 1988 — Бубнов Н.Ю. Писания русских старообрядцев (К проблеме создания репертуарного справочника-указателя старообрядческих сочинений) // Историография общественной мысли дореволюционного Урала: Сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 113–119.
- Бубнов, 1995 — Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция / отв. ред. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина. СПб., 1995. 435 с.
- Бубнов, 1998 — Бубнов Н.Ю. Программа исследований старообрядческой письменности в Библиотеке Российской Академии наук (Итоги и перспективы камеральной археографии) // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы международной научной конференции 21–24 ноября 1995 г. в МГУ: Сб. науч. тр. М., 1998. С. 51–56.
- Бубнов, 2010а — Бубнов Н.Ю. Научное описание рукописей – фундаментальная историческая дисциплина (Опыт Библиотеки РАН) // Сборник научных трудов (По материалам науч. конф. БАН). СПб., 2010. С. 246.

- Бубнов, 2010b — Бубнов Н.Ю. Научное описание рукописей – фундаментальная историческая дисциплина (Опыт Библиотеки РАН) // Сб. науч. тр. (По материалам научных конф. БАН). СПб., 2010. С. 239–252.
- Бубнов, 2011 — Бубнов Н.Ю. Поиски старообрядцами истинного архиерейства. «Архиепископ» Аркадий Беловодский // Судьба старообрядчества в XX – начале XXI вв.: история и современность: сб. науч. тр. и мат. Киев; Винница, 2011. Вып. 5. С. 353–368.
- Бубнов, 2012 — Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской Академии наук последней четверти XIX – первой четверти XX вв. Каталог изданий и избранные тексты / автор-сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2012. 459 с.
- Бубнов, 2014 — Бубнов Н.Ю. Белокриницкая и беловодская иерархии: идеологическое противостояние // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. М., 2014. Т. 1. С. 397–419.
- Бубнов, Братчикова, Подковырова, 2010 — Лицевые старообрядческие рукописи XVIII– первой половины XX веков // Описание Рукописного отдела БАН. СПб., 2010. Т. 10, вып. 1 / авторы-сост.: Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова; отв. ред. Н.Ю. Бубнов. 672 с.
- Вознесенский, 2016 — Вознесенский А.Н. Первый опыт каталога старообрядческих гектографированных изданий // АЕ за 2012 год. М., 2016. С. 306–314.
- Гурьянова, 1996 — Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.
- Дружинин, 1912 — Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912.
- Журавель, 2012 — Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012.
- Кобяк, Круглова, 1999 — Кобяк Н.А., Круглова Т.А. Корпус имен писателей старообрядцев в книге В.Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» // *Florelegium*. М., 1999. С. 126–132.
- Кобяк, Круглова, 2000 — Кобяк Н.А., Круглова Т.А. Некоторые итоги работы над переизданием «Писаний русских старообрядцев» В.Г. Дружинина // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. IV. Русские староверы за рубежом. Тарту, 2000. С. 58–67.
- Кобяк, Круглова, Плигузов, Елпатьевская, 1995а — Кобяк Н.А., Круглова Т.А., Плигузов А.И., Елпатьевская Е.А. Писания русских старообрядцев В.Г. Дружинина (к разработке базы данных) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., 1995. №15, август 1995. С. 38–45.
- Кобяк, Круглова, Плигузов, Елпатьевская, 1995b — О переиздании книги В.Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» // Мир старообряд-

- чества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы международной научной конференции 21–24 ноября 1995 г. в МГУ. Сб. науч. тр. М., 1998. С. 57–64.
- Крахмальников, 2012 — Крахмальников А.П. Сочинения старообрядцев Белокриницкого согласия (1846–62 гг.). М., 2012.
- Мальцев, 2003 — Мальцев А.И. Сочинения инок Евфимия (тексты и комментарии). Новосибирск, 2003.
- Прокуратова, 2010 — Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура Коми края XVIII–XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб., 2010.
- Сочинения писателей-старообрядцев, 1984 — Сочинения писателей-старообрядцев XVII века // Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7. Вып. 1 / сост. Н.Ю. Бубнов. Отв. ред. А.И. Копанев. Л., 1984. 318 с.
- Сочинения писателей-старообрядцев, 2001 — Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века // Описание Рукописного отдела БАН. Т. 7, вып. 2 / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2001. 448 с.
- Титова, 2003 — Титова Л.В. Послания дьякона Федора сыну Максиму. Литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003.
- Юхименко, 2002 — Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1–2.
- Юхименко, 2008 — Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 1–2.

Книжно-рукописное наследие забайкальских старообрядцев в каталогах и справочных изданиях XX – нач. XXI вв.

Археографический поиск академическими экспедициями ведется в Забайкалье более пятидесяти лет. Главный итог многолетних исследований – формирование территориальных коллекций старообрядческой литературы в государственных хранилищах, а также базы данных выявленных частных и общественных библиотек. Полевые археографические исследования сыграли важнейшую роль в формировании источниковой базы для историко-книжных изысканий. Однако их дискретность и фрагментарность не дает возможности решения многих вопросов. Не было дано развернутое археографическое описание обретающихся в старообрядческой среде и находящихся в государственных хранилищах памятников письменности и печати. К концу XX столетия им было посвящено лишь несколько статей, частично описания собраний Института истории СО РАН и Музея истории Бурятии. Кардинально ситуация изменилась за последние 15 лет – вышло несколько каталогов, дающих представление о коллекциях Отдела редкой и рукописной книги ГПНТБ СО РАН, Национальной библиотеки Республики Бурятия, Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН и др.

Ключевые слова: археография, научное описание, камеральные исследования, Забайкалье, Бурятия, старообрядцы, книжная культура

Книжный мир старообрядчества Забайкалья издавна привлекал к себе внимание исследователей. П.С. Паллас, С.В. Максимов, Н.В. Ушаров, Н.В. Паршин, Н.П. Протасов, П.А. Ровинский, Ю.Д. Талько-Грынцевич, А.М. Станиловский упоминали в своих исследованиях старинные книги и рукописи, бытовавшие в среде семейских-старообрядцев. Серьезное внимание различным аспектам языка, фольклора и книжной культуры местных старообрядцев уделил в своей монографии известный профессор-славист А.М. Селищев [Селищев, 1920]. Первые академические экспедиции в Забайкалье начались лишь в середине прошлого столетия, а планомерные археографические работы сибирских уче-

ных – с 1965 г. В ходе экспедиций приобретались и были получены в дар старопечатные книги рукописи XVI–XX вв. Результатом регулярных экспедиций явилось формирование коллекций древних книг и рукописей из Забайкалья в фондах Отдела редкой и рукописной книги ГПНТБ (ОРИК ГПНТБ) и сектора источниковедения Института истории СО РАН. С 70-х гг. XX в. начинают формироваться и коллекции книг и рукописей кириллической традиции в музеях и библиотеках Улан-Удэ.

О результатах работы были сделаны немногочисленные сообщения в научной литературе. Однако, проблематика подготовки каталогов и научных описаний рукописных и старопечатных книг, находящихся в государственных учреждениях, не была актуальной для археографов вплоть до начала 80-х гг. XX в. Именно в этот период были сформулированы задачи и подготовлено первое описание памятников старообрядческой книжности из Забайкалья [Алексеев, 1981; Зольникова, 1985].

В 1990-х гг. выходит в свет развернутое постатейное описание рукописей XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН в двух частях [Панич, Титова, 1991; Мальцев, Панич, Титова, 1998]. В каталоги включены более пяти сотен рукописей, гектографических изданий и ксерографических копий, приобретенных экспедициями сектора источниковедения в 1965–1996 гг. в различных районах Сибири и Дальнего Востока, Забайкалья, Средней Азии. Авторы стремились дать полную характеристику описываемых экземпляров коллекции, как внешних их признаков, так и содержания. В описании приводятся шифр (содержащий указание на год приобретения), принятое в науке название памятника, дата написания рукописи с точностью до четверти века (если отсутствует ее датировка автором или писцом), формат рукописи в долях листа, тип письма (при его характеристике по возможности учитываются границы почерков, если их несколько) и общее количество листов. Отмечаются украшения рукописи: киноварные выделения текста, заставки и миниатюры. При описании переплета дается его общая характеристика с указанием материала, из которого он изготовлен, наличия застежек и степени его сохранности. Обязательным элементом описания является и учет записей в рукописях, которые воспроизведены полностью, включая и хозяйственные. Содержание сборников (рукописей, включающих более одного произведения) расписано постатейно с указанием листов, на которых располагается статья, ее названия (научного или самоназвания), приведено начало описываемого текста, указана библиография его изу-

чения. Описание дополнено приложениями, в которых публикуются некоторые тексты из описываемой коллекции. Завершает описание каждой рукописи указание места ее приобретения. Именно последнее обстоятельство позволяет (заметим – лишь в результате сплошного просмотра) выявить сведения о старообрядческих рукописях из Забайкалья.

В этот же период Байкальский регион включается в орбиту действия масштабного проекта ГПНТБ СО РАН по подготовке «Материалов к сводному каталогу рукописных, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока». В 1995 г. выходит в свет первая часть описания коллекции старопечатных книг и рукописей на русском и иностранных языках, хранящихся в Научной библиотеке Иркутского государственного университета, включившая описание 240 кириллических рукописей древнерусской и новой традиции [Русские и иностранные рукописи, 1995]. При подготовке этих материалов к изданию был учтен неоднородный состав рукописного собрания (богослужебные книги, многочисленные конспекты семинарских курсов, журнальных и книжных публикаций, списки известных литературных произведений, автографы писателей, рукописные журналы), в связи с чем был выбран принцип самой общей классификации данного материала. Расположение материала внутри разделов каталога – хронологическое; вначале даются точно датированные рукописи (в алфавите названий), далее (в алфавитном же порядке) следуют рукописи, датированные составителем в пределах частей века. Такой принцип, безусловно, приводит к рассредоточению однородного материала внутри разделов описания. Это же обстоятельство затрудняет и выявление старообрядческих рукописей – вновь нужен сплошной просмотр, и, зачастую, на происхождение указывают лишь топонимы или имена владельцев.

Первым опытом археографического описания собрания, хранящегося в Бурятии, стал каталог коллекции старопечатных книг Музея истории Бурятии имени М.Н. Хангалова [Книги кириллической печати, 1999]. Каталог содержит сведения о более чем 250 произведениях печати, включая не только названия книг и сведения о месте и времени их появления, но и информацию о формате, объеме, переплете, сохранности и инвентарном номере. Для экземпляров изданий, имеющих печатные описания, дана ссылка на наиболее известные из них. Выходные сведения поздних (второй половины XIX – начала XX вв.), старообрядческих и синодальных изданий приводятся полностью с указанием местоположения их в

самой книге. Книги в каталоге располагаются в строго хронологическом порядке по фактической дате выхода. Это обстоятельство особенно важно при атрибуции старообрядческих изданий XVIII – начала XIX вв. Однако, как и в предыдущих каталогах, старообрядческие памятники письменности возможно идентифицировать лишь по совокупности ряда признаков в результате сплошного просмотра.

В начале XXI в. стало ясно, что задачи полевой археографии в Забайкалье во многом исчерпали себя. В этой связи в регионе развернулись активные камеральные исследования памятников старообрядческой письменности, началась серьезная работа по полномасштабному выявлению, постановке на государственный учет, подготовке каталогов и научных описаний всех рукописных и старопечатных книг, находящихся в государственных учреждениях Забайкалья самого разного уровня [Бородихин, 2001].

В 2002 г. была издана вторая часть описания коллекции Иркутского государственного университета [Старопечатные книги, 2002]. Каталог включает описание 269 книг кирилловской печати XVI–XX вв., в том числе ранее принадлежавших св. Иннокентию, первому епископу Иркутскому. Особую источниковедческую ценность представляют многочисленные владельческие записи на книгах; они приводятся полностью. Описания книг расположены в хронологическом порядке и включают порядковый номер, имя автора, название, место и время издания, в сокращенном виде - ссылка на полные описания изданий, формат, количество листов, сведения о состоянии книги, переплета, имеющиеся записи, источник поступления книги в библиотеку и ее регистрационные данные. Более подробные сведения приводятся в тех случаях, когда издание не было обнаружено в каталогах, находившихся в распоряжении составителя.

В 2004–2005 гг. в результате совместного проекта археографов ГПНТБ СО РАН, НГУ и ИМБТ СО РАН были составлены научные описания старообрядческих рукописей и гектографов из Забайкалья, находящихся в фондах библиотеки музеев гг. Улан-Удэ, Читы и Новосибирска [Бураева, Бородихин, 2004].

Очередной выпуск «Материалов к Сводному каталогу рукописей старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока» представил фонды библиотечных, музейных, научных учреждений г. Улан-Удэ [Бородихин, 2009]. В каталоге получили отражение книжные

памятники наиболее крупных хранилищ республиканского центра – Музея истории Бурятии имени М.Н. Хангалова, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Национальной библиотеки Республики Бурятия, Этнографического музея народов Бурятии. В разделах каталога книги располагаются в строго хронологическом порядке по фактической дате выхода; с исчерпывающей полнотой приводятся обнаруженные на книгах владельческие, вкладные, дарственные, летописные, полемические, обрядовые и прочие записи и памятные пометы. В Приложении к разделу книг и рукописей Национальной библиотеки Республики Бурятия опубликованы прориси водяных знаков широкошрифтного Евангелия анонимной типографии. К сожалению, книги и рукописи, приобретенные и поставленные на учет после 2002 г., в настоящий каталог не были включены.

В 2009 г. впервые был издан каталог памятников письменности старообрядцев-семейских, представивший описание 44 певческих рукописей Забайкальского территориального собрания отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН [Казанцева, 2009].

Порядок расположения статей описания несколько отличается от принятого: первоначально рукописи сгруппированы по типам книг: Алфавит певческий. Демественник, Ирмологий, Обедница, Обиход. Октоих, Октоих с Обиходом, Стихирарь. Внутри разделов установлен традиционный хронологический принцип. Способ организации рубрик описания следующий: порядковый номер (нумерация сквозная), шифр рукописи, название, время создания, формат, объем рукописи в листах, тип бумаги, почерк, характер внутреннего декора, фонетическая редакция текста, тип нотации, виды распева, состав памятника, владельческие записи и иные пометы, переплет, физическое состояние памятника, место и время приобретения, инвентарный номер. В подстрочных ссылках приводятся сведения о первом упоминании рукописи в научной литературе. Рубрики, касающиеся фонетической редакции вербального текста, нотации и видов распева, носят дополнительный характер, так как необходимы только при описании певческих книг. Содержание различных типов певческих книг расписано с разной степенью подробности. Основным критерием здесь является фактор стабильности репертуара входящих в ту или иную книгу песнопений. В приложение включена подробная роспись состава Октоиха Q.III.33 [№ 20], включающего пореформенную редакцию гимнографического текста.

В 2010 г. публикация описаний певческих рукописей старообрядцев-семейских Т.Г. Казанцевой была продолжена [Казанцева, 2010]. В каталоге представлены коллекции певческих рукописей знаменной нотации из собраний Музея истории Бурятии имени М.Н. Хангалова, Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Научно-справочной библиотеки Национального архива Республики Бурятия (г. Улан-Удэ), Института истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). Описание певческих рукописей в настоящем каталоге осуществлялось в соответствии с рекомендациями, разработанными для издания «Материалов к Сводному каталогу рукописных, старопечатных и редких книг», с учетом специфики памятников крюковой нотации. Однако, в отличие от предшествующего издания, в данном выпуске не использовался принцип группировки рукописей по типам книг. По мнению автора описаний, небольшое число памятников музыкальной письменности семейских в описываемых фондах, единичность экземпляров, которыми представлен тот или иной тип певческой книги, а также наличие в собраниях сборников нестандартной структуры и содержания делает подобное объединение рукописей нецелесообразным. Поэтому в настоящем каталоге используется традиционный порядок представления рукописей - в хронологическом порядке в рамках каждого из собраний. Особо хотелось бы отметить указатели инципитов песнопений, встретившихся в крюковых певческих рукописях, бытовавших на территории Забайкалья, и названий певческих книг, описания которых помещены как в данном каталоге, так и в ранее изданном каталоге 2009 г. Тем самым указатели объединяют оба издания, посвященные музыкальной книжности семейских, представляя ее как единое целое.

В 2013 г. С.В. Бураевой было подготовлено аннотированное описание кириллической коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН [Аннотированное описание, 2013]. Специальные разделы посвящены рукописным памятникам, гектографам и старопечатным книгам, а также изданиям светской книжной традиции конца XIX – начала XX вв. Помимо традиционных параметров описания (название, самоназвание, формат, листовая формула, тип почерка, переплет, художественное оформление и др.), дана краткая аннотация состава с указанием имеющихся полных научных описаний. Издание снабжено приложениями с текстами корпуса записей и образцов художественного оформления старообрядческих рукописей. Записи систематизированы

по тематике и происхождению (писцовые, владельческие, мемориальные, купля-продажа и пр.), художественное оформление представлено по разделам – заставки, концовки, инициалы и т.п. Работа представляет коллекцию в полном объеме, включая описание памятников старообрядческой книжности, поступивших после 2002 г.

И, наконец, нельзя не упомянуть Историко-культурный энциклопедический справочник «Старообрядцы (семейские) Бурятии», вышедший в 2015 г. [Историко-культурный, 2015]. Это первое в Республике Бурятия систематизированное научно-популярное издание об истории и культуре старообрядцев-семейских. Особое внимание уделено духовной культуре, в том числе – книжности старообрядцев. Специальная глава справочника (вводная статья и словник) позволяет ознакомиться с репертуаром и возможностями чтения семейских старообрядцев Забайкалья.

Итак, особенности развития сибирской археографии привели к тому, что книжные и рукописные памятники, собранные на территории Забайкалья, оказались рассредоточенными по государственным, общественным и частным собраниям Новосибирска, Иркутска, Читы, Улан-Удэ, Кяхты. Общее руководство полевой и камеральной археографической работой в Байкальском регионе многие годы осуществляли ГПНТБ СО РАН и НГУ – профессор кафедры русской литературы Новосибирского государственного университета, д-р филол. наук Е. И. Дергачева-Скоп и заведующий до 2009 г. отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, доцент, канд. филол. наук В.Н. Алексеев. Значительный вклад в создание научных описаний старообрядческих памятников внесли Н.Д. Зольникова, А.Ю. Бородихин, Т.Г. Казанцева. Исследования осуществлялись при поддержке РГНФ, Президиума Сибирского отделения РАН, Правительства Республики Бурятия.

Однако опубликованные каталоги лишь частично раскрывают содержание коллекций. Старообрядческие памятники письменности могут быть идентифицированы в этих публикациях как правило лишь по совокупности признаков в результате сплошного просмотра.

В связи с этим перед нами по-прежнему стоит задача составления максимально полного научного описания всех без исключения памятников книжной культуры Забайкалья, как рукописей, так и печатных изданий, связанных с появлением и укоренением в этом регионе русских переселенцев (семейских). Выполнение этой задачи даст необходимый

материал для обоснованных выводов и заключений обобщающего характера, которые наиболее полно и достоверно представят историю бытования древнерусской книги в Забайкалье, позволят воссоздать историю согласий и их взаимоотношений, представленных через исторические судьбы книжных памятников и собраний.

Литература

- Алексеев, 1981 — Алексеев В.Н. Об описании территориальных коллекций фонда редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюз. конф. [14–16 февр. 1979 г.]. Л., 1981. С. 180–185.
- Аннотированное описание, 2013 — Аннотированное описание коллекции кириллической традиции ЦВРК ИМБТ СО РАН / сост. С.В. Бураева. Улан-Удэ, 2013. 145 с.
- Бородихин, 2001 — Бородихин А.Ю. Задачи камеральной археографии в Бурятии // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы III Международной научно-практической конференции, 26–28 июня 2001 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2001. С. 366–368.
- Бородихин, 2009 — Бородихин А.Ю. Рукописи и книги кириллической традиции государственных учреждений г. Улан-Удэ (Республика Бурятия): каталог / А. Ю. Бородихин, А. А. Юдин; Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отделения Рос. акад. наук; науч. ред. В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2009. 218 с. (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока) (Книжные памятники и книжные собрания).
- Бураева, Бородихин, 2004 — Бураева С.В., Бородихин А.Ю. Книжная традиция старообрядцев-семейских Забайкалья: итоги и перспективы исследований // Российский гуманитарный научный фонд и фундаментальная наука в Сибири: материалы региональной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2004. С. 49–53.
- Дергачева-Скоп, 1996 — Дергачева-Скоп Е.И. Книжная культура старообрядцев и их четья литература: к проблеме типологии чтения / Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев // Русская книга в дореволюционной Сибири: археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 1–40.
- Зольникова, 1985 — Зольникова Н.Д. Описание книг кирилловской печати XVI – XVII вв. (Собрание ИИФиФ СО АН СССР) // Археография и источниковедение Сибири. Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 163–190.

- Казанцева, 2009 — Казанцева Т.Г. Певческие рукописи Забайкальского территориального собрания ГПНТБ СО РАН: каталог. - Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2009. 220 с. (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока) (Книжные памятники и книжные собрания).
- Казанцева, 2010 — Казанцева, Т.Г. Певческие рукописи старообрядцев-семейских из собраний Улан-Удэ и Новосибирска: каталог. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2010. 360 с. (Материалы к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг в собраниях Сибири и Дальнего Востока) (Книжные памятники и книжные собрания).
- Книги кириллической печати, 1999 — Книги кириллической печати в собрании Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова: Каталог // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях Сибири и Дальнего Востока: Материалы к Сводному каталогу / сост. каталога Ц.-Х.В. Очирова; науч. ред. А.Ю. Бородихин. Новосибирск, 1999. 120 с.
- Мальцев, Панич, Титова, 1998 — Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН; Сост. А.И. Мальцев, Т.В. Панич, Л.В. Титова. Новосибирск, 1998.
- Панич, Титова, 1991 — Панич Т.В., Титова Л.В. Описание собрания рукописей ИИФФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991. 280 с.
- Русские и иностранные рукописи, 1995 — Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского государственного университета. Ч. 1: Кириллические рукописи древнерусской и новой традиции / Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях Сибири и Дальнего Востока: Материалы к Сводному каталогу / сост. описания Н.Д. Игумнова; науч. ред. В.Н. Алексеев. Новосибирск, 1995. 242 с.
- Селищев, 1920 — Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920.
- Старопечатные книги, 2002 — Старопечатные книги Зональной научной библиотеки Иркутского государственного университета: Каталог / Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях Сибири и Дальнего Востока: Материалы к Сводному каталогу / сост. Н.Д. Игумнова; науч. ред. В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2002. 142 с.

В.И. Ерофеева, А.В. Дадыкин

О подготовке каталога «Книги кириллической печати XVI–XVII вв. Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова»

Авторы доклада подводят итоги подготовки тома, в который вошли научные описания 10 экземпляров 8-ми изданий XVI в. и 349 экземпляров 192-х изданий XVII в. Книга станет продолжением каталогов НБ МГУ, опубликованных в 1980 и 2000 гг. Поэтому составитель и научный редактор тома стремились, с одной стороны, сохранить преемственность в методике описания кириллических книг, а с другой стороны, – использовать новации в этой сфере. Для некоторых редких изданий приводятся ранее не учтенные в историографии особенности, которые помогут идентифицировать дефектные экземпляры. Описание переплетов существенно расширено в том числе за счет информации о технологии работ. Все «значимые» записи на книгах даются с порядковыми номерами, что облегчает работу с указателями.

Ключевые слова: Археография, книговедение и история книги, каталог кириллической печатной книги XVI–XVII вв., история русского и славянского книгопечатания XVI–XVII вв.

Сотрудники отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (далее НБ МГУ) завершают подготовку каталога книг кириллической печати XVI–XVII веков (составитель В.И. Ерофеева, научный редактор А.В. Дадыкин). Этот том станет прямым продолжением двух аналогичных каталогов НБ МГУ [Каталог МГУ, 1980; Каталог МГУ, 2000]. В него войдут научные описания 359 экземпляров 200 изданий (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Хронологическое распределение описанных в каталоге книг

Период	Количество изданий	Количество экземпляров
До 1600 г.	8	10

1601 – ноябрь 1641 гг.	32	36
Декабрь 1641 – август 1652 гг.	75	194
Сентябрь 1652 – 1700 гг.	85	119
Всего	200	359

Большинство книг были получены участниками археографических экспедиций в районах с компактным проживанием старообрядцев. Экспедиции организовала и провела Археографическая лаборатория Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Авторы доклада пользуются случаем еще раз поблагодарить сотни граждан, которые сохранили и передали Московскому университету уникальные кириллические памятники.

Семь из десяти книг XVI в., описанных в томе, отсутствуют в списках известных экземпляров по Сводному каталогу изданий второй половины XVI в. [Гусева, 2003]. Издания русского и украинского первопечатника Ивана Федорова представлены в нашем каталоге львовским Апостолом 1574 г. и тремя экземплярами острожской Библии 1581 г. К самым редким из попавших в каталог книг XVI в. можно отнести виленские Октоих 1582 г. и Псалтирь 1600 г. (т.н. «Псалтирь с черными точками»).

В готовящийся том вошли научные описания 36 книг, изданных между 1601 и 15 ноября 1641 г. Именно на последней дате остановились авторы предыдущего каталога НБ МГУ [Каталог МГУ, 2000, с. 4]. Большинство экземпляров, относящихся к указанному хронологическому отрезку, поступили в библиотеку после 1997 г. Среди наиболее редких можно упомянуть виленскую Псалтирь (ок. 1628–1629 гг.), московский Часовник (11 декабря 1635 г.), а также два издания, выпущенные печатником Спиридоном Соболев: Иоанн Мосх. Лимонарь (Буйничичи или Кутейн, середина 1630-х гг.) и Иоанн Дамаскин. Октоих (Могилев, после 1638 г.).

Более половины всех описанных в каталоге экземпляров кириллических изданий относятся к периоду с конца 1641 до начала августа 1652 г. Большая часть этого хронологического отрезка приходится на правление московского патриарха Иосифа — время расцвета Московского печатного двора. В каталоге представлены описания 183-х экземпляров 66-ти московских изданий указанного десятилетия (это примерно две трети

всех известных в библиографии российских изданий, вышедших с 1642 по июль 1652 гг. и во все последующие века пользовавшихся у староверов непререкаемым авторитетом). Специфически старообрядческий характер данной части собрания НБ МГУ можно проиллюстрировать следующим примером: в каталоге есть описания 28 (!) экземпляров 11-ти изданий малой (или учебной) Псалтири. Таким образом, в том вошли все московские издания этой книги за 1642 – июль 1652 гг., экземпляры которых известны ученым [Вознесенский, 2010, №№22–32]. Факт, тем более показательный, что малая Псалтирь как одна из дешевых книг для обучения грамоте обычно зачитывалась, а потому до наших дней сохраняется меньше ее экземпляров в сравнении с другими типами изданий первой половины XVII в. [Каталог МГУ, 2000, с. 8]. Большим количеством книг также представлены месячные служебные Миней круга 1644–1646 гг. (38 экземпляров 12-ти изданий), Пролог 1642–1643 гг. (17 экземпляров двух изданий), Апостол 1644 и 08.10.1648 гг. (11 экземпляров) московской печати, что стало прямым следствием старообрядческих «корней» этой части собрания НБ МГУ. Среди редких книг, описанных в готовящемся каталоге, — издания Диоптры (Евье или Вильна, 1642 и Кутейн, 1651), московские Часовники (12 марта 1643, 15 февраля 1645, 26 июня 1651 г.) и девять канонов (после 1646 г.), киевский Полуустав (1643 г.), кутейнский Октоих (1646 г.) и Триодь цветная, вышедшая в Терговище 7 июня 1649 г.

Ко времени патриаршества Никона и его преемников относятся 119 книг. Не менее трети из них поступили в НБ МГУ от старообрядцев (в основном — представителей согласий, которые принимают священство). Например, именно от староверов попали в библиотеку все пять экземпляров московской Кормчей 1653 г., описанных в каталоге. Среди редкостей этого периода — московские издания Псалтири (26 января 1654, декабрь 1689 г.) и Канона митрополиту Алексию (по архивным данным датирован 19 ноября 1659), киевский Службник (1653 г.), львовские Требник (1668 г.), Шестоднев (1689 г.) и Орологион (1692 г.), могилевская Диоптра (1698 г.). Отдельно хочется упомянуть экземпляр (инв. 1909-10-83) киевских Святцев 1680 г. издания. Первый лист (с единственной в книге ксилографической заставкой) этой достаточно точной перепечатки с московского издания 1648 г. был заменен на лист 1 Святцев уневского издания 1693 г. Идентифицировать малоформатное (16°) киевское издание помогла А.А. Гусева, которую авторы до-

клада искренне благодарят за эту и другие консультации при подготовке каталога.

Место издания всех описанных в каталоге книг охарактеризовано в Таблице 2.

Таблица 2. Список городов, в которых изданы описанные в каталоге книги

Города	Издания	Экземпляры
Вильна	10	12
Киев	23	32
Кутейн	6	7
Львов	10	12
Могилев	2	3
Москва	144	285
Острог	1	3
Терговище	1	1
Унев	2	3
Иверский монастырь	1	1
Всего: 9 городов, 1 монастырь	200	359

Поскольку наш справочник станет прямым продолжением каталога НБ МГУ 2000 г., автор и научный редактор готовящегося тома взяли за основу *методику поэкземплярного описания* кириллических печатных книг, использованную в указанном каталоге [Поздеева, 2006]. Эта методика доработана с учетом новаций последнего десятилетия. Текст каждого описания состоит из двух частей, представляющих издание и экземпляр. Первая из них опирается на библиографические справочники. Их авторы или составители описывали издания с разной степенью полноты, располагали рубрики в разном порядке, а порой пользовались разными терминами. Мы стремились добиться максимальной унификации в описании изданий разных типографий с обязательным указанием

следующих параметров: формат, тетрадная и листовая формулы, количество строк, размер шрифтов, наличие и расположение колонтитулов и кустодов на полосе набора, характеристика элементов ксилографического орнамента (без указания количества каждого типа элементов) и всех разновидностей наборных украшений, наличие строк вязи и колофонов, характеристика иллюстраций (с указанием страниц), наличие и (по возможности) характерные особенности вариантов набора, прочие особенности издания (включая наличие и расположение относительно полосы набора клейм сотрудников типографии и номеров станков), печать с кинварью или без, характеристика и место расположения сигнатур, фолиации или пагинации. Для сигнатур, фолиации (пагинации) обязательно фиксируется наличие точек, знаков акцентации или любых иных знаков при соответствующих цифрах (с их перечислением), использование кинвари/черной краски для разных цифр (с их перечислением), наличие и характер опечаток, свойственных для всего издания или группы экземпляров (с перечислением). При отсутствии той или иной информации по изданию в библиографических справочниках мы вносили ее в текст описания издания или — чаще — помещали после библиографических ссылок (в любом случае — с обязательным указанием, на основании анализа какого количества экземпляров издания сделано дополнение). С этой точки зрения особое внимание уделено редким изданиям, порой описанным в библиографии по дефектным экземплярам. Например, в каталоге приводятся различия в наборе 20-ти страниц виленской Псалтири ок. 1628–1629 гг. и Псалтири из виленского издания Нового Завета с Псалтирью 1641 г. (первая из них встречается только в составе издательского конволюта 1641 же года). Идентифицировать эти Псалтири до сих пор можно было только путем сверки экземпляров *de visu* и анализа филиграней. По тем же принципам указываются характерные особенности малоформатной Диоптры, изданной в Евье или Вильно в 1642 г. Это позволяет отличить ее от одноименного кутейнского издания 1651 г.

Описание собственно экземпляра начинается с указания его инвентарного номера и размеров книжного блока. В развитие используемой методики автор и научный редактор каталога стремились последовательно представить читателю два уровня информации: 1) минимально необходимый набор обобщенных сведений об экземпляре и 2) развернутая справка по каждому (при возможности) подпункту описания экземпляра (с обоснованиями, ссылками на справочники, пояснениями, наблюде-

ниями и даже иногда субъективными предположениями). Информация второго уровня сосредоточена в примечаниях, количество которых в описании каждой книги по сравнению с каталогом 2000 г. резко выросло. В результате примечания по объему порой в несколько раз превышают основной текст описания. Как представляется, подобная схема подачи информации, с одной стороны, еще больше сближает описание печатной кириллицы с описанием рукописей (не перегружая при этом основной текст избыточными для большинства читателей деталями). С другой стороны, такой подход в будущем позволит легче трансформировать печатный каталог в его электронную (и даже интерактивную) версию. Примечания следуют после раздела «поступление» и зрительно отделяются от основного текста описания при помощи шрифта меньшего кегля.

Описание сохранности книги начинается с перечисления утраченных и переставленных листов, характеристики типографского брака (при наличии), замен (с идентификацией фрагментов использованных изданий) или рукописного восстановления утраченных листов, а также вставок и дополнений к оригинальному тексту. Во всех случаях в соответствующей части описания указывается только датировка печатных или рукописных фрагментов, а ее обоснование (ссылка на библиографический справочник, альбом филиграней, характеристика почерка, а также полнота и разбиение восстановленного текста на строки/страницы в сравнении с оригинальным текстом, перечисление источников вставок и дополнений и т.д.) выносится в примечания. Далее следует обобщенное краткое описание физического состояния книжного блока (характер повреждений тетрадей или листов, датировка реставрации). Автор и научный редактор нового каталога предварительно выполнили т.н. «охранное описание» вошедших в том кириллических книг, что позволило в большинстве случаев заменить термины «отдельные», «некоторые», «ряд», «многие листы подклеены (и т.д.)» на указание количества реставрированных страниц («не менее 10 страниц», «до 115 страниц» и т.д.). Эта информация также приводится в примечаниях и позволяет читателю составить более точное представление о состоянии книги.

Описание переплета в сравнении с каталогом НБ МГУ 2000 г. дополнено характеристикой схемы слепого тиснения по коже крышек и корешка (в примечаниях), информацией о наличии/отсутствии кантов, фасок, капталов. Автор каталога пользуется специальной терминологией, предложенной Е.В. Крушельницкой и Э.В. Стриженко [Крушельниц-

кая, Стриженко, 2004]. Обоснование датировки припереплетных листов перенесено в примечания.

Вкладные, продажные, владельческие и иные «значимые» записи, а также экслибрисы (штампы, наклейки и т.д.) *нумеруются* и передаются полужирным шрифтом в орфографии, приближенной к оригиналу [Поздеева, 2006, с. 46–56]. При этом раскрытые сокращения, гипотетически восстановленные фрагменты утраченных слов или фраз даются обычным шрифтом, что позволяет лучше представить «оригинальный вид» записи. После текста записи в скобках обычным шрифтом указывается ее расположение в книге, тип почерка, сохранность. Все остальные сведения, включая справочную информацию о персоналиях, церквях, монастырях, географических объектах, упомянутых в записях, содержатся в примечаниях, как это было и в каталоге 2000 г. Записи располагаются в хронологическом порядке (если записей много и некоторые из них связаны друг с другом, возможно отступление от хронологического порядка, что всегда оговаривается в примечаниях). В указателях ссылка на каждую запись содержит не только номер экземпляра по каталогу, но и соответствующий номер записи в тексте описания, что облегчает поиск необходимой информации в описаниях с большим количеством записей. Подобные принципы оформления сближают эту часть научного описания экземпляра с такой формой каталога, как «корпус записей на книгах» [ср.: Киселева, 1992]. После пронумерованных записей в отдельном абзаце описания приводится обобщенная краткая информация о маргиналиях, пометах, правке текста книги читателями, подчеркиваниях, закладках, пробах пера. Все необходимые пояснения к этой части описания переносятся в примечания.

Информация о дате и источнике поступления книги в НБ МГУ дается в той же форме, что и в каталоге 2000 г.

Том будет снабжен системой указателей, аналогичных указателям к каталогу 2000 г.

Подготовка каталога кириллических печатных книг НБ МГУ позволила получить новую информацию по истории некоторых изданий Московского печатного двора XVII в. Например, А.В. Дадыкин собрал и проанализировал сведения о наличии и характере клейм сотрудников типографии на экземплярах упомянутого выше круга месячных Миней 1644–1646 гг. в собрании НБ МГУ (клейма обнаружены на экземплярах 9-ти из 12-ти изданий), расписках мастеровых на этих книгах и особенностях использования киновари и черной краски для оттиска сигнатур. Эти сведения были сопо-

ставлены с архивной информацией о тиражировании указанных изданий [Поздеева, 1986, №№ 122, 124, 127–130, 132, 134–138; Лукьянова, 2002, №№ 84, 86, 88–92, 94–98] и составе мастеровых, которые в эти годы работали на Печатном дворе [Дадыкин, 2001]. В результате во многих случаях удалось установить номера станов, которые занимались тиражированием той или иной *тетради* месячной Минеи и соответственно атрибутировать клейма (так, тередорщик Кондрат Иванов пользовался аббревиатурами КО, КД, КН или КО^н, наборщик Алексей Дмитриев — А^а, **W**ЛЕ, **W**ЛЕ^к, батырщик Федор Исаев — Ф, ФЕ^а, **Ф**Е^а и т.д.). Важно отметить, что клеймо не было жестко «закреплено» за мастерovým, его мог использовать и тезка сотрудника, работавший «у другого стана».

Появилась возможность проследить некоторые принципы распределения нагрузки между разными станами при тиражировании одного издания и систему «сигналов», позволявших руководству типографии легко определить ответственного за печатание каждой тетради. Например, при печатании сентябрьской Минеи (вышла 6 декабря 1644 г.) каждый наборщик 1-го и 6-го стана обозначал киноварью сигнатуру первой тетради в «своей партии», а наборщики 5-го стана отмечали таким образом, наоборот, последнюю тетрадь [ср.: Вознесенский, 2004, с. 466, 467]. И главное: в месячных Минеях 1644–1646 гг. до 5 процентов клейм, выявленных на одних и тех же парных листах разных экземпляров одного издания, не совпадают, хотя чаще всего такие клейма принадлежат мастерovým одного и того же стана. Как предположила А.А. Гусева во время одной из консультаций, это может объясняться наличием не опубликованных в библиографии типографских вариантов соответствующего издания. Для сравнения: в стереотипных московских изданиях XVIII в. на одних и тех же листах всегда располагаются одинаковые клейма сотрудников (с номерами станов). На этом основана универсальная методика идентификации печатных книг этого времени, разработанная и примененная А.А. Гусевой при составлении сводного каталога кириллических изданий XVIII века Москвы и Санкт-Петербурга [Гусева, 2010].

Литература

Вознесенский, 2004 — Вознесенский А.В. Сведения и заметки о кириллических печатных книгах. 10. О киноварных сигнатурах в московских изданиях XVII века (на примере изданий Псалтири) // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 55. С. 462–467.

- Вознесенский, 2010 — Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири. М.; СПб., 2010.
- Гусева, 2003 — Гусева А.А. Издания кирилловского шрифта второй половины 16 в.: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 1–2.
- Гусева, 2010 — Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.
- Дадыкин, 2001 — Подьячие, справщики, мастерские люди и сторожа Московского печатного двора. 1614–1652 гг. / сост. А.В. Дадыкин // Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М., 2001. С. 444–511.
- Каталог МГУ, 1980 — Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М. Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1980. В каталог вошли научные описания 683 экземпляров.
- Каталог МГУ, 2000 — Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М. Кириллические издания. XVI век – 1641 г. Находки археографических экспедиций 1971–1993 годов, поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М., 2000. Представлены научные описания 375 экземпляров.
- Киселева, 1992 — Корпус записей на старопечатных книгах: записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. / сост. Л.И. Киселева. СПб., 1992. Вып. 1.
- Крушельницкая, Стриженко, 2004 — Крушельницкая Е.В., Стриженко Э.В. К вопросу унификации специальной терминологии при описании переплетов славянских рукописей в системе электронного каталога // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 31–47.
- Лукьянова, 2002 — Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. М., 2002. Вып. 2: 1626–1650 / сост. Е.В. Лукьянова.
- Поздеева, 1986 — Поздеева И.В. Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора: первая половина XVII в. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические рекомендации. М., 1986.
- Поздеева, 2006 — Поздеева И.В. Описание экземпляров старопечатной книги кириллического шрифта. Методические рекомендации. Ростов Великий, 2006.

Новейшие опыты публикации источников XVIII – XXI вв. сотрудниками и студентами исторического факультета МГУ

Статья посвящена опыту публикации источников, предпринятому сотрудниками и студентами исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В результате с 2009 по 2016 гг. было выпущено девять сборников документов, охватывающих период XVIII – XXI вв. Тематически эти документы распадаются на два больших блока: документы, характеризующие традиционную (в первую очередь, старообрядческую) культуру разных регионов, и документы, отражающие участие «людей Московского университета» в Великой Отечественной войне. Фактически, данные издания могут рассматриваться не только как публикации источников, но как справочники.

Ключевые слова: археография, публикация, Великая Отечественная война, старообрядчество, традиционная культура, исторические источники.

В 2005 г., в год 60-летия Победы, Тихомировские чтения были посвящены Великой Отечественной войне. Автор этих строк выступал с докладом об архиве Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. «Археографический ежегодник за 2005 год» вышел с обзорной статьей на эту тему [Богданов, 2007], а также со статьей Е.О. Ягодкиной, посвященной фонду М.Т. и И.М. Белявских [Ягодкина, 2007]. В это самое время полным ходом шел разбор документов указанного архива и сложился небольшой коллектив, который готовил их к публикации: многолетние сотрудники факультета, ветераны войны С.И. Антонова (1909–2007), Ю.А. Мошков (1922 г/р) и аспиранты В.П. Богданов и Е.О. Ягодкина. Проблема заключалась в том, что хранящиеся в нашем архиве документы представляют собой источники разных типов и видов. Здесь есть и фотоматериалы, и рисунки фронтовиков, а также большое количество автобиографических записок, писем, копий и подлинников делопроизводственного характера. Тем не менее, был найден способ, позволивший привести все это разнообразие к

более или менее единому виду. Так, в основу публикации легли источники личного происхождения: воспоминания, дневники и письма участников войны. Они были расположены по хронологии прихода на факультет их авторов. Делопроизводственные документы, а также разрозненные краткие записки (например, сделанные С.И. Антоновой со слов какого-либо ветерана) легли в основу справочного аппарата издания. В результате получилась книга «Мы шли навстречу ветру и судьбе: воспоминания дневники, письма историков МГУ имени М.В. Ломоносова» (М.: Весь мир, 2009). Книга содержит списки участников войны (как погибших, так и вернувшихся с войны) с краткими биографиями.

Однако далеко не все материалы архива удалось объединить в этой книге. Так, в архиве хранятся большие по объему памятники мемуарной литературы, которые нельзя было публиковать: в силу своего размера они бы нарушили структуру книги. Поэтому было решено публиковать их отдельно. В результате было выпущено еще две книги [Дневники и письма, 2010; Летописи войны, 2012].

Надо сказать, что в ходе подготовки новых книг расширился и круг составителей. Так подключились другие аспиранты и студенты истфака: К.В. Бергела, А.А. Лиманов и др.

В настоящее время издание документов, характеризующих деятельность исторического факультета в годы Великой Отечественной войны, закончилась публикацией воспоминания С.И. Антоновой [Антонова, 2014]. Сложность работы над последней книгой заключалась в том, что легшие в ее основу материалы – это устные воспоминания, надиктованные мемуаристом в 2003 – 2005 гг. Составителям предстояла многоступенчатая работа: перевод текста в машиночитаемый вид, редактирование устной речи под «книжную». Значительная часть воспоминаний Серафимы Ивановны касается истории факультета, а также поисковой деятельности Комнаты боевой славы. Поэтому все четыре книги можно считать своеобразной серией. Вообще в ходе работы удалось установить судьбы 850 истфаковцев – участников войны, а список погибших расширить с 222 до 245.

Здесь следует сказать о роли Сигурда Оттовича Шмидта (1922–2013) в подготовке данных изданий. Он, будучи студентом истфака МГУ с 1939 г., лично знал многих участников войны. Сигурд Оттович всегда помогал в восстановлении судеб истфаковцев разных лет, а иногда и предоставлял материалы. В частности, от него была получена машинопись (оригиналы хранятся в архиве РАН) писем А.И. Неусыхина к В.В. До-

рошенко периода 1941 – 1945 гг. Несколько писем удалось опубликовать [Мы шли, 2009, с. 382–396]. Со слов Сигурда Оттовича было записано много фактов биографий его знакомых по факультету. Примечательна в этом плане история с восстановлением имени Семена Рабова, студента 1940 г., погибшего в годы войны. К 2010-м гг. С.О. Шмидт оказался единственным, кто помнил этого человека. При этом имени Рабова не значилось даже в делопроизводственных документах, которыми располагали наши активисты [Московский университет, 2015, с. 515]. Только в дневниках другого истфаковца 1940 г., Г.В. Раевского, встретилось имя Рабова [Летописи войны, 2012, с. 17]. В настоящее время эта фамилия значится на Доске памяти исторического факультета, а его краткая биография помещена в одном из изданий [Летописи войны, 2012, с. 320]. Важно отметить, что в случае с Рабовым именно Сигурд Оттович направил нашу поисковую деятельность.

Издание названных документов значительно облегчило работу над итоговой книгой «Московский университет в Великой Отечественной войне» [Московский университет, 2015], в подготовке которой приняли участие В.П. Богданов и Е.О. Ягодкина.

Примечательно, что многие участники этой публикаторской работы имели опыт археографических экспедиций. Они были 4-м и 5-м поколением (начиная с И.В. Поздеевой, в 1966 г. ставшей инициатором этих экспедиций) полевых археографов Университета. Возможно, именно данный опыт привил внимательное отношение к памятнику прошлого как к носителю социальной памяти. Не удивительно, что тот багаж, который был накоплен ими при издании материалов Комнаты боевой славы, был перенесен и на публикацию материалов экспедиций. В результате появились следующие издания: [Материалы, 2012; Материалы, 2013; Старообрядчество, 2013; Материалы, 2016; Последняя война, 2016]. К изданию этих книг подключались также: заведующий Межкафедральной археографической лабораторией МГУ В.П. Пушков, сотрудник музея истории МГУ Е.А. Агеева, доцент Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института В.К. Семибратов, аспирант УрФУ А.А. Михеева, аспиранты и студенты исторического факультета МГУ Н.А. Высоцкий, Е.В. Градобойнова, А.А. Макарова, А.И. Пчелинцев, А.А. Солдатов и др.

В результате было введено в научный оборот несколько десятков новых документов, а некоторые, уже известные ранее, удалось по-новому датировать и атрибутировать. Кроме того, благодаря комплексному из-

учению документов, бытовавших в Верхокамье и на Южной Вятке, удалось локализовать один крупный старообрядческий центр, до этого не выявленный в историографии – Глазовский уезд Вятской губернии [Богданов, 2014].

Е.Е. Дутчак в рецензии на сборники, посвященные Южной Вятке и Верхокамью, отметила комплексный характер публикаций и то, что при их составлении активно использованы те данные, которые часто считаются «скучным атрибутом» полевой работы. Но в указанных изданиях они «работают» на воссоздание общей картины традиционной культуры двух регионов [Дутчак, 2015]. Благодаря этому, данные книги, как и издания, посвященные Великой Отечественной войне, выполняют не только функции публикации источников, но и справочников.

В целом же с 2009 г. небольшим коллективом сотрудников, аспирантов и студентов исторического факультета МГУ, было опубликовано девять сборников, содержащих свыше 200 документов XVIII – XXI вв., общим объемом свыше 200 печ. л. В них воссоздаются судьбы или хотя бы детали биографии порядка 2500 человек. И здесь нельзя не вспомнить высказывание Д.С. Лихачева о том, что археографы «открывают людей» [Лихачев, 2005, с. 7]. В этом плане особенно примечательна публикация писем периода Первой мировой войны [Последняя война, 2016]. Участники этой переписки уже давно нет в живых, их потомки покинули регион, а населенные пункты, в которых они проживали, уже не существуют. Случайная находка, сделанная местным краеведом Е.Н. Носковой, воскресила целый пласт жизни края в период 1914 – 1918 гг. Сама Е.Н. Носкова стала одним из составителей сборника.

Проделанная «альтернативным» (т.е. не имеющим никакого официального статуса) коллективом работа была бы невозможна без грантовой поддержки. Документы были подготовлены и изданы в рамках следующих проектов:

– Грант РГНФ № 04-01-00066а «“Мы шли на встречу ветру и судьбе...”: воспоминания, стихи, письма историков МГУ–участников Великой Отечественной войны»;

– Грант РГНФ № 07-01-00223а. «Изменения в повседневной жизни студенчества Московского университета им. М.В. Ломоносова в 1930–1960-х гг.»;

– Грант президента РФ № 16.120.11.2285-МК «Традиционная культура в условиях модернизации в конце XIX–XXI вв. (на примере крестьян-старообрядцев)»;

– Грант РГНФ № 15-01-18096 «Южная Вятка: археографическая экспедиция исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова».

Подводя итог проделанной эдиционной работе, следует поделиться двумя наблюдениями.

Первое: в связи с развитием технологий и доступностью информации по-новому ставится вопрос комментирования источников нового времени. То обилие сведений, которое в настоящее время аккумулировано сейчас, в частности, в интернете, не только облегчает создание справочного аппарата, но делает его обязательным и необходимым атрибутом любой публикации. В противном случае информационная значимость вводимого в научный оборот документа резко снижается.

Второе: в связи с доступностью информации работа по публикации источников становится все более и более социально значимой. В книгах, подготовленных на основе материалов, хранящихся в МГУ, многие люди смогли получить новые сведения о своих родственниках, а сами ветераны — информацию о своих товарищах, судеб которых они не знали. Аналогично староверами Южной Вятки были приняты книги по истории их края. Полевым археографам знакома ситуация, когда носители традиции спрашивают исследователей: «Зачем вам это нужно?». Книги, выпущенные по результатам археографических работ на Южной Вятке стали своего рода отчетами историков МГУ перед теми, кто уделял им свое время, делился с ними своими знаниями.

В настоящее время участники коллектива продумывают возможность презентации опубликованных документов в интернете. Для документов, отразивших участие историков МГУ в Великой Отечественной войне, эта задача частично решена. Так, в рамках подготовки к празднованию 70-летия Победы на интернет-странице Московского университета появился соответствующий раздел: «К 70-летию Великой Победы» (<http://www.msu.ru/projects/k-70-letiyu-velikoy-pobedy/> (дата обращения: 31.08.2016)). В настоящее время создается также ресурс, посвященный традиционной культуре: «Традиционная культура в условиях модернизации (на примере крестьян-старообрядцев)» (http://www.hist.msu.ru/Labs/RusCulture/Staff/tk_proj.htm (дата обращения: 31.08.2016)).

Литература

- Антонова, 2014 — Антонова С.И. Воспоминания советского человека. М., 2014.
- Богданов, 2007 — Богданов В.П. Архив Комнаты Боевой и трудовой славы исторического факультета Московского государственного университета // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 42–55.
- Богданов, 2014 — Богданов В.П. Глазовский уезд XVIII – начала XIX века как крупный старообрядческий центр // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XI Международной научной конференции, 11–13 ноября 2014 г., г. Москва. М., 2014. Т. 1. С. 256–261.
- Дневники и письма, 2010 — Дневники и письма Ирины Михайловны и Михаила Тимофеевича Белявских (1941-1945) / сост. С. И. Антонова и др., отв. ред. Е.О. Ягодкина. М., 2010.
- Дутчак, 2015 — Дутчак Е.Е. Полевая археография вчера, сегодня и завтра: размышления о новых публикациях Московского университета // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 85–90.
- Летописи войны, 2012 — Летописи войны: воспоминания, дневники, письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / отв. ред. В.П. Богданов и Е.О. Ягодкина. М., 2012.
- Лихачев, 2005 — Лихачев Д.С. Археографическое открытие Сибири // Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. С. 3–8.
- Материалы, 2012 — Материалы по истории старообрядчества Южной Вятки (по итогам комплексных археографических экспедиций МГУ имени М.В. Ломоносова): сборник документов / отв. ред. В.П. Богданов. М., 2012.
- Материалы, 2013 — Материалы к истории старообрядчества Верхокамья: по итогам комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: сборник документов / отв. ред. В.П. Богданов, В.П. Пушков. М., 2013.
- Материалы, 2016 — Материалы к истории старообрядчества: документы из архива Л.А. Гребнева. М., 2016.
- Московский университет, 2015 — Московский университет в Великой Отечественной войне. 3-е изд. М., 2015.
- Мы шли, 2009 — «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания дневники, письма историков МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2009.
- Последняя война, 2016 — Последняя война Российской империи в письмах крестьянской семьи (1914 – 1918 гг.): сб. документов. М., 2016.
- Старообрядчество, 2013 — Старообрядчество в условиях модернизации: исследование и материалы. М., 2013.
- Ягодкина, 2007 — Ягодкина Е.О. Документы Ирины Михайловны и Михаила Тимофеевича Белявских в архиве Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 205–222.

Опыт публикации источников в пособиях по отечественной палеографии (XIX – XXI вв.)

Один и тот же рукописный источник может быть опубликованным в ряде пособий по русской палеографии в двух вариантах. Один вариант воспроизводит рукописный оригинал факсимильно. Второй вариант передает текст обычным современным шрифтом. Последнюю разновидность условно можно назвать публикацией «эталонного прочтения» источника. Обе разновидности появились в 1844 г. в первом печатном пособии по русской палеографии и были позаимствованы из археографической практики.

Каждый вид публикаций занимает в обучении чтению рукописных исторических источников определенное место. Публикации, репродуцирующие внешние особенности рукописных оригиналов, являются в палеографическом пособии обязательными. Они представляют собой хрестоматию разновременных материалов, отобранных для приобретения навыков их чтения. Другой вид публикаций используется в пособиях факультативно, и их назначение состоит в контроле над ходом обучения.

Анализ публикаций «эталонного прочтения» выявил их недостатки. Чтобы усовершенствовать подобные образцы, необходимо изменить подходы к их созданию с учетом различных задач, стоящих перед составителем палеографического пособия и археографом.

Ключевые слова: учебное пособие, археография, палеография, исторический источник, публикация, факсимильное издание, «эталонное прочтение» источника, транскрипция

Правил публикации в палеографических пособиях исторических источников не существует, и необходимость в них, похоже, никогда не возникала. Для специалистов в области палеографии представляется естественным и справедливым тот факт, что обучение чтению рукописей должно осуществляться по оригиналам. Если же оригиналы не доступны, используются специальные учебные пособия, в которых присутствует хрестоматия, или альбомная часть, где образцы письма разных периодов отечественной письменности воспроизводятся с предельной точностью – практически факсимильно.

Уровень точности воспроизведения внешнего вида рукописного источника, и прежде всего форм его буквенных начертаний, зависит от технических возможностей, которыми на разных этапах развития отечественной палеографии располагали публикаторы [Королев, Чирков, 1990]. В начале XX в. В.Н. Щепкин, сравнивая известные в то время способы репродуцирования внешних особенностей письменных источников, заметил: «Литография и хромолитография, которыми широко пользовались в прежнее время, никогда не передают оригинал вполне точно. Ибо изображаемое дважды копируется от руки» [Щепкин, 1910, с. 168]. По мнению этого авторитетного палеографа, внешний вид источников точнее, чем литография и хромолитография, передает фотография. Сегодня, в начале XXI в., возможности факсимильного издания источников многократно возрастают благодаря цифровым технологиям. Исторические материалы, воспроизведенные с их помощью, и в будущем, без сомнения, останутся неотъемлемой частью в структуре учебных пособий по палеографии.

В ряде палеографических пособий встречается помимо факсимильного еще один способ репродукции того же самого источника – шрифтами, которые переводят рукописные формы букв в печатные. Этот вариант условно можно назвать публикацией «эталонного прочтения» источника. Подобная публикация, если она предусмотрена, имеет в учебном процессе вспомогательную функцию для самостоятельного овладения графикой источника, воспроизведенного в пособии факсимильно. Учащиеся имеют возможность сверить с правильным прочтением текста собственное, увидеть ошибки и их исправить. Одновременная работа с двумя вариантами публикации одного и того же источника, способствуя запоминанию разнообразных начертаний букв, создает предпосылки для успешного прочтения других рукописных исторических источников.

Разумеется, к подобным образцам должны предъявляться строгие требования, среди которых на первом месте стоит точность в передаче шрифтом всех письменных знаков источника, встреченных в факсимиле.

К середине XIX в., когда было создано первое печатное палеографическое пособие, идея о привнесении в учебный процесс «эталонного прочтения», как говорится, витала в воздухе. Идею подпитывала практика отечественной археографии, в которой еще в XVIII в. обозначились два подхода к публикации исторических источников: «критический» и «буквальный, т.е. буква в букву». Именно с последним подходом, как представляется, связан анализируемый метод.

«Эталонное прочтение» было введено в первое печатное пособие по русской палеографии, увидевшее свет в 1844 г. [Иванов, 1844]. Его составил известный в то время архивист П.И. Иванов [Жуковская, 1963, с. 45–46; Шохин, 1999; Осокина, 2001, с. 36–38; Беленький, 2008, с. 24–25; Грико, Круглова, 2013, с. 12–19].

В историографии принято видеть ценность пособия П.И. Иванова в большом количестве факсимильных репродукций текстов средневекового и нового периодов отечественной истории [Срезневский, 1885, с. 26; Черепнин, 1956, с. 46; Пронштейн, 1989, с. 336; Леонтьева, 2000, с. 6; Леонтьева, 2003, с. 28]. Лишь некоторые палеографы считали издание «именно учебным пособием» [Жуковская, 1963, с. 45]. Представление об истинном назначении издания искажалось его названием. Из трех структурных частей пособия в заглавии отображена только одна – альбомная. Поэтому название не раскрывало учебного характера издания, разделы которого – «Исторический взгляд на развитие славяно-русской письменности и словесности», «Объяснение содержания литографированных снимков с древних актов» и альбом (собственного заглавия не имел) – были связаны между собой [Круглова, 2016, с. 302–303]. Об учебно-методической направленности труда П.И. Иванова позволяет говорить содержание второго раздела, где опубликованы «эталонные прочтения» текстов, размещенных в альбоме.

В новейшей литературе высказано мнение о том, что опубликованные П.И. Ивановым образцы прочтения были «переводом текста со старорусского на современный (XIX в.) русский язык» [Осокина, 2001, с. 38]. С таким мнением нельзя согласиться, если под переводом в данном случае подразумевать замены в тексте, например, архаичных слов современными. В публикации обновлялась не лексика, а буквенный состав слов. Буквы кириллического алфавита, уже не употреблявшиеся в XIX в., заменялись другими. Исключались греческие буквы «кси» (ξ) и «пси» (ψ). Они передавались буквами кириллического алфавита «како+слово» (кс) и «покой+слово» (пс). Греческая буква «омега» (ω) заменялась буквой «он» (о). Без каких-либо оговорок или внешних обозначений в сокращенно написанные слова включались пропущенные буквы. В опубликованных образцах без внимания оказались выносные буквы. Они переносились из междустрочий в слова без каких-либо оговорок, и уже в строке после выносных букв вписывались, согласно нормам XIX в., буквы «ъ» или «ь».

В целом можно сделать вывод о том, что в первом печатном палеографическом пособии «буквальность» в передаче прочтения рукописных текстов была относительной. Относительность могла быть обусловлена многими факторами, в том числе не только индивидуальными представлениями П.И. Иванова о мере «буквальности», но и общими представлениями тогдашних археографов о реализации «буквального» подхода в публикации источников.

Через шесть десятилетий после выхода в свет пособия П.И. Иванова прием публикации «эталонного прочтения» источника был повторен в пособии, подготовленном архивистом и археографом И.С. Беляевым [Беляев, 1907; Жуковская, 1963, с. 64–65; Шохин, 1999]. Образцы собственного прочтения документов, представленных в пособии в виде фотографических снимков, он называл «печатной транскрипцией» или «печатным переводом» [Беляев, 1907, с. 50].

Как и П.И. Иванов, И.С. Беляев связывал обучение чтению рукописных источников с археографической практикой своего времени. В этом плане красноречиво его замечание о способах копирования учащимися оригиналов (копирование рукописного текста было, согласно методике И.С. Беляева, одним из этапов в обучении чтению): «До настоящего времени практика по печатанию текстов (т.е. археографическая деятельность. – Т.К.) старинных рукописей выработала для их переписки три следующих приема, или системы» [Беляев, 1907, с. 51]. Источники, созданные до начала XVIII в., с помощью первой системы копировались «с точным соблюдением особенностей древнего письма..., насколько возможно приближаясь к самому оригиналу» [Беляев, 1907, с. 51]. Вторая система разрешала вводить «в копии для удобства и быстроты в чтении прописных букв, знаков препинания в полном составе их теперешнего употребления, твердых и мягких знаков в окончаниях и предлогах, с раскрытием титл и выносных букв» [Беляев, 1907, с. 51–52]. Третья система допускала «полную свободу копировки» для материалов, относящихся к периоду от начала XVIII в. до начала XX в. [Беляев, 1907, с. 52]. Свои же «печатные транскрипции» И.С. Беляев создавал, следуя второй системе и повторяя подход к передаче «эталонного прочтения», предложенный в пособии 1844 г.

В археографии начала XX в., между тем, при выборе системы передачи текста кроме критерия даты публикуемого источника явно обозначился критерий целевого назначения самого издания. Так, в подготовлен-

ном в 1905 г. «Проекте правил для отдельных изданий Императорской Археографической комиссии» было особо указано: «Издания актов и документов XVI–XVIII в. имеют целью доставить материал для *исторических*, а не *палеографических* исследований, почему при передаче правописания подлинников наблюдаются следующие правила» (курсив наш. – Т.К.) [ЛЗАК, 1907, с. 10]. Предложенные правила, сочетали, с одной стороны, требование в ряде случаев сохранять правописание оригинала, а с другой – возможность вмешиваться в его правописание [ЛЗАК, 1907, с. 12–13], и поэтому они во многом соответствовали, по И.С. Беляеву, второй системе копирования текстов. Примечательным в «Проекте» являлось утверждение о том, что свод предлагаемых правил правописания не предназначался для палеографических изданий, в число которых, несомненно, входили и учебники.

В методическом аспекте новым в пособии И.С. Беляева было дополнение к обоим вариантам публикаций источника сугубо палеографических по содержанию «Примечаний». В них приводились словесные описания многих начертаний, встреченных в данном конкретном оригинале, иногда делались отсылки на рисунки букв в сводной «Азбуке скорописи XV–XVIII столетий» [Беляев, 1907, с. 12–17], предвалявшей небольшой альбом с материалами для самостоятельной работы учащихся. Пособие П.И. Иванова было лишено таких комментариев полностью.

В новейшей историографии принято считать И.С. Беляева новатором в области разработки методических приемов для обучения чтению. Значение созданного И.С. Беляевым «Практического курса...» видят в том, что он «на несколько десятилетий определил структуру учебных пособий по палеографии, а его методические приемы были настолько успешными, что они и в настоящее время используются при обучении чтению рукописей прошлых столетий» [Чекунова, 2010, с. 83]. Однако эта оценка свидетельствует о том, что до сих пор пособию П.И. Иванова не отведено истинного места в истории подготовки учебных палеографических изданий. Между тем именно оно было первым пособием, в котором использованы публикации образцов прочтения рукописных источников, а его трехчастная структура соответствует построению позднейших палеографических пособий [Круглова, 2012, с. 122–130; Круглова, 2016, с. 301–303].

При всех несомненных достоинствах пособие И.С. Беляева следует признать промежуточным звеном между первым печатным палеографи-

ческим пособием 1844 г. и пособиями XX – начала XXI вв. Был ли знаком И.С. Беляев с пособием П.И. Иванова, неизвестно. «Изобретение» методического приема, опробованного несколькими десятилетиями ранее, отчасти можно объяснить устойчивым представлением научной ответственности о зависимости методических приемов обучения чтению рукописных источников от состояния археографии.

Дореволюционный опыт создания палеографических пособий был использован позднее. Из тех изданий, в которых давались образцы «эталонного прочтения» источника, отметим пособия М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьева [Тихомиров, Муравьев, 1966], Г.Н. Айплатова и И.Г. Иванова [Айплатов, Иванов, 2003], Е.В. Крушельницкой [Крушельницкая, 2003, с. 9–161], А.Е. Чекуновой [Чекунова, 2010].

В пособии, вышедшем в 1966 г., М.Н. Тихомиров и А.В. Муравьев отводили публикациям образцов правильного прочтения источников незначительное место. Это видно из того, что из начальной строки каждого репродуцированного источника, в печатную форму они трансформировали всего несколько слов, а не весь текст, как делалось ранее. В переизданном в 1982 г. пособии протяженность текста, приводимого в качестве образца прочтения, немного удлинилась. В первом издании составители дали примеры прочтения, проигнорировав особенности правописания публикуемого источника. Однако публикации «эталонного прочтения», помещенные в переиздании пособия, уже отражали максимальную приближенность к правописанию оригинала. Иначе говоря, тексты в образцах «эталонного прочтения» передавались «буква в букву»: количество буквенных знаков было одинаковым в факсимиле источника и в образце его прочтения, одни буквы не заменялись другими.

Пособие Г.Н. Айплатова и И.Г. Иванова интересно тем, что в нем предложены «Приемы и методы транскрипции рукописей» [Айплатов, Иванов, 2003, с. 30–31]. Составители пособия трактуют «транскрипцию» как «воспроизведение, переписывание», поэтому копирование текстов рассматривается ими, как ранее и И.С. Беляевым, в качестве одного из этапов овладения студентами чтением рукописных источников. Основой рекомендаций для транскрипции послужили, скорее всего, «Правила издания исторических источников в СССР» (М., 1990). Правда, составители упоминают этот свод правил, не в разделе о транскрипции источников, а в разделе «Палеографическое описание рукописей». Можно предположить, что при создании образцов «эталонного

прочтения» составители будут руководствоваться собственными рекомендациями. Однако предложенные правила реализованы в пособии по-разному. В одних случаях прослеживаются попытки им следовать [Айплатов, Иванов, 2003, с. 60–61, 124–125, 132–133 и т.д.], в других – тексты опубликованы в новейшем правописании [Айплатов, Иванов, 2003, с. 74–75, 136–137 и т.д.].

В «Палеографическом альбоме», составленном Е.В. Крушельницкой, повторена структура пособия И.С. Беляева. Здесь к факсимильному воспроизведению каждого рукописного источника добавлены «Транскрипция» и «Палеографический комментарий». «Транскрипция» – это публикация прочтения текста, осуществленная без указания принципов воспроизведения источников.

Вопрос о публикации правильного прочтения текстов поднят и в новейшем палеографическом пособии А.Е. Чекуновой [Чекунова, 2010, с. 73–83]. Здесь опубликованы «эталонные прочтения», названные автором «транскрипциями, т.е. графической передачей текста прошлых столетий современным письмом» [Чекунова, 2010, с. 74]. Как отмечает А.Е. Чекунова, при подготовке «транскрипций» она руководствовалась «Правилами издания исторических источников в СССР». Следовательно, и в новейшем пособии по палеографии образцы «эталонного прочтения» разработаны, как и прежде, в русле археографической деятельности, ориентированной на публикацию источников для исторических исследований. Но эти образцы не могут считаться качественными методическими материалами для обучения чтению рукописных исторических источников, поскольку создавались с совершенно другими целями.

Почему же неточные примеры «эталонного прочтения» включают в палеографические пособия до сих пор? На наш взгляд, в этом постоянстве просматривается дань традиции составления палеографических пособий, формировавшейся в период еще слабого разграничения археографии и палеографии.

Чтобы в будущем снять выявленное противоречие, составителям пособий следует разрабатывать образцы с учетом, прежде всего, различий в задачах обучения палеографии и в задачах археографии как деятельности по изданию исторических источников. Представляется, что публикация-образец, независимо от даты или вида рукописного исторического источника, должна соответствовать смыслу оборота «буква в букву». Только при сопоставлении, с одной стороны, факсимильно воспроизведенных

рукописных оригиналов, а с другой стороны, примеров их действительно «эталонного прочтения» можно добиться осмысленного усвоения учащимися формы и назначения каждого письменного знака. Достигнутый высокий уровень палеографической подготовки позволит специалисту успешно осуществлять деятельность, регламентируемую современными принципами и правилами эдичионной и камеральной археографии.

Литература

- Айплатов, Иванов, 2003 — Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Русская палеография. Учеб. пособие. М., 2003.
- Беленький, 2008 — Беленький И.Л. Иванов Петр Иванович // Московская энциклопедия. М., 2008. Т. 1: Лица Москвы, кн. 2: И – М. С. 24–25.
- Беляев, 1907 — Беляев И.С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. Со снимками: устава и полуустава, азбуки, отдельных слов и целых рукописей, заставок и заглавных цветных букв, вязи и белорусского письма. М., 1907; М., 1911 (2-е изд., испр. и доп.).
- Грико, Круглова, 2013 — Грико Т.И., Круглова Т.А. Из истории преподавания гуманитарных дисциплин в технических вузах (на примере Константиновского Межевого института) // Актуальные проблемы гуманитарных, социально-экономических наук и высшего образования: Сб. ст. [материалы межвузовской научно-практической конференции кафедры «История и политология»]. М., 2013. С. 12–19.
- Жуковская, 1963 — Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963.
- Иванов, 1844 — Иванов П.И. Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданный для воспитанников Межевого ведомства. М., 1844.
- Королев, Чирков, 1990 — Королев Г.И., Чирков С.В. Факсимильные издания исторических источников: Учеб. пособие. М., 1990.
- Круглова, 2012 — Круглова Т.А. «Книгописание» в археологии XIX века // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Книга в історії культури: міжвуз. зб. наук. праць. Об'єднаний випуск 2011–2012 рр. Дніпропетровськ, 2012. С. 122–130.
- Круглова, 2016 — Круглова Т.А. Первое печатное пособие по русской палеографии: традиции и новаторство // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 301–303.

- Крушельницкая, 2003 — Крушельницкая Е.В. Палеография. Палеографический альбом. Образцы изводов, типов письма, почерков XI–XVIII вв. // Специальные исторические дисциплины. 2-е изд., испр. СПб., 2003. С. 9–161.
- Леонтьева, 2003 — Леонтьева Г.А. Палеография и археография // Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2003.
- Леонтьева, 2000 — Леонтьева Г.А. Палеография. Хронология. Археография. Геральдика. М., 2000.
- ЛЗАК, 1907 — Летопись занятий Императорской Археографической комиссии за 1905 год. СПб., 1907. Вып. 18.
- Осокина, 2001 — Осокина И.В. Петр Иванович Иванов (1794–1864) как историк-архивист и преподаватель вспомогательных исторических дисциплин // Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы: Тезисы докладов и сообщений XIII научной конференции. Москва, 1–2 февраля 2001. М., 2001. С. 36–38.
- Пронштейн, 1989 — Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-на-Дону, 1989.
- Срезневский, 1885 — Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. Лекции, читанные в Императорском Санкт-Петербургском университете в 1865–1880 гг. СПб., 1885.
- Тихомиров, Муравьев, 1966 — Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. М., 1966; М., 1982 (2-е изд.).
- Чекунова, 2010 — Чекунова А.Е. Русское кириллическое письмо XI–XVIII вв. М., 2010.
- Черепнин, 1956 — Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.
- Шохин, 1999 — Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.
- Щепкин, 1910 — Щепкин В.Н. Конспект курса славяно-русской палеографии: Курс, читанный в Императорском Московском Университете в 1910/11 академическом году. Изд. студ. С. Игнатова. М., 1910.

Научно-издательская деятельность по публикации таможенных книг России XVI–XVIII вв.: итоги и перспективы

В статье в хронологической последовательности начиная с середины XIX века и до настоящего времени рассматриваются основные этапы научно-издательской деятельности по публикации таможенных книг — важнейших массовых источников по истории внутренней и внешней торговли России XVII — первой половины XVIII века. Приведена количественная, географическая и хронологическая характеристика всех имеющихся на сегодняшний день изданий этих источников, показаны особенности наиболее важных публикаций, представлены сведения о имеющихся в них вспомогательных указателях. В общей сложности в статье имеются данные о публикациях 87 таможенных книг 35 городских и сельских населенных пунктов России (Аятская слобода, Белгород, Березов, Великие Луки, Великий Новгород, Великий Устюг, Верхотурье, Вологда, Воронеж, Вязниковская слобода, Елец, Енисейск, Кузнецк, Курск, Лебедин, Мангазея, Мирополье, Морёвская слобода, Москва, Обоянь, Орел, Пелым, Повенец, Саранск, Сольвыгодск, Старый Оскол, Сургут, Тара, Тобольск, Томск, Тотьма, Туринск, Тюмень, Холмогоры, Яицкий Гурьев городок) и одного таможенного поста (в Невском устье). Показано как распределяются между собой имеющиеся публикации по местам хранения документов, по хронологии издания, по методике воспроизведения текстов (лингвистические, исторические, факсимильные). Намечены перспективы дальнейшего издания памятников данной группы, определены комплексы документов, имеющие в этом отношении приоритетное значение. Сообщаются также сведения о некоторых фрагментарных публикациях таможенных книг.

Ключевые слова: Таможенные книги, археография, источниковедение, библиография, публикации исторических источников, архивы, музеи, экономическая история, торговля, таможня

Первые фрагментарные публикации таможенных книг — важнейших массовых источников по истории внутренней и внешней торговли России XVII — первой половины XVIII вв. — появились на рубеже 1840–1850-х гг. В 1849 и 1851 гг. И. Д. Беляев опубликовал отрывки таможенных книг Макарьевской ярмарки 1724 г. [Книга записная Ма-

каръевской ярмонки..., 1849, с. 87–104 2-й паг.] и Нижнего Новгорода 1722 г. [Явочная книга нижегородской таможи 1722 года, 1851, с. 13–23 5-й паг.].

В середине 1850-х гг. М. П. Заблоцкий-Десятовский подготовил к публикации таможенную книгу Вязьмы 1653/54 г., хранившуюся в то время в МГАМИД. Этот ученый впервые в отечественной исторической науке в полной мере оценил значение таможенных книг для изучения экономической истории страны и указал возможности их использования в качестве исторических источников. В 1858 г. Заблоцкий-Десятовский скончался, и памятник, привлекаящий его внимание, так и не был издан [подробнее см.: Раздорский, 2010 а].

В 1872 г. опубликована усть-сысольская таможенная книга 1684/85 г. Этот небольшой по объему документ (4 л.), хранящийся ныне в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (НИА СПбИИ РАН), включает 10 приходных таможенных записей за период с 23 ноября 1684 г. по 28 марта 1685 г., а также итоговые показатели мелочного сбора и расходные статьи [ДАИ, 1872, № 21, с. 284–285].

В 1902 г. в сборнике «Первое столетие Иркутска» напечатаны фрагменты иркутских таможенных книг 1692/93, 1702 и 1712 гг. [Первое столетие Иркутска, 1902, с. 63–92]. В 1903 г. в сборнике «Тюмень в XVII столетии» опубликованы фрагменты хранившихся в МАМЮ тюменских таможенных книг 1637, 1657, 1674 г. и 1697/98 гг., снабженные краткими примечаниями. В введении к этому изданию П. М. Головачевым дана сжатая характеристика источников [Тюмень в XVII столетии, 1903, с. 8, 9, 104–129].

В 1950–1951 гг. Институт истории АН СССР предпринял издание полных текстов 20 таможенных книг трех крупнейших рыночных центров Русского Поморья — Великого Устюга, Сольвычегодска и Тотмы из фондов ЦГАДА (ныне РГАДА) [Таможенные книги Московского государства XVII века, 1950–1951]. Работа над этой трехтомной фундаментальной публикацией, осуществленной под руководством А. И. Яковлева, продолжалась (с перерывами) более 40 лет — с 1908 по 1949 г. По Великому Устюгу и Устюжскому уезду опубликованы таможенные книги 1633/34, 1635/36 гг. (т. 1), 1650/51, 1652/53, 1655/56 гг. (т. 2), 1676/77, 1678/79, 1679/80 гг. (т. 3), по Сольвычегодску и Сольвычегодскому уезду — 1634/35, 1635 гг. (т. 1), 1651/52, 1655/56 гг. (т. 2), 1677/78, 1678/79 гг. (т. 3), по Тотме и Тотемскому уезду — 1634/35,

1635 г. (т. 1), 1653/54, 1655/56 г. (т. 2), 1675/76, 1676/77 г. (т. 3). К каждой опубликованной таможенной книге составлены по три указателя: фамилий и имен упоминаемых лиц, местностей, по которым обозначены эти лица; названий товаров, находившихся в обращении; общий географический указатель названий местностей, как таковых, без упоминания людей — ко всем источникам, вошедшим в том.

В 1951 г. под редакцией А. И. Яковлева опубликована таможенная книга Саранска 1691/92 г. из собрания ГИМ [Саранская таможенная книга за 1692 г., 1951]. В издании приведен также текст книги саранского кружечного двора 1691/92 г. и два кратких обзора саранской торговли этого времени. Научно-справочный аппарат включает указатели имен, товаров и географических названий.

В 1956 г. С. И. Сакович издала черновой экземпляр «Книги записной мелочных товаров Московской Большой таможни» 1694 г., также хранящейся в ГИМ [Сакович, 1956]. В публикации содержатся краткое археографическое введение, указатели имен, географической принадлежности лиц, явивших товар или деньги, товаров, находившихся в обращении.

В 1961 г. та же исследовательница подготовила к изданию еще три таможенные книги Московской Большой таможни из собрания ГИМ — Новгородскую, Астраханскую и Малороссийскую, относящиеся к 1693/94 г. [Книги Московской Большой таможни..., 1961]. Первый источник отражает привоз товаров в Москву через Новгород Великий «из-за Свейского рубежа», второй — через Астрахань из стран Востока, третий — из северских, «польских» городов и Малороссии. Указатели составлены к каждой из трех книг. Научно-вспомогательный аппарат включает, кроме того, краткий терминологический словарь названий товаров и мерных единиц.

В 1982 г. Институт русского языка АН СССР опубликовал 19 таможенных книг шести южнорусских городов из собрания ЦГАДА [Памятники южновеликорусского наречия, 1982]. В издание, подготовленное лингвистами С. И. Котковым и Н. С. Котковой, вошли тексты таможенных книг Белгорода 1641/42, 1646/47 и 1651/52 гг., Воронежа 1620, 1620/21 (две книги), 1622/23 гг., Ельца 1615/16, 1629/30, 1646/47 гг., Курска 1619 (две книги — за февраль-июль и июль-ноябрь), 1623/24, 1626/28, 1628/29, 1641/42, 1647/48 гг., Орла 1652 г., Старого Оскола 1651/52 гг. Тексты некоторых из документов приведены (с оговорками) в неполном виде. Так, с купюрами опубликованы все курские памятни-

ки, представляющие собой документы комплексного характера — таможенные и кабацкие книги. Сведения о казенной питейной торговле, составляющие в этих источниках особый раздел («припойные книги»), в публикацию не вошли, только частично воспроизведены годовые и месячные итоговые сводки о суммах, собранных таможенных и питейных доходов. Курские таможенные записи напечатаны без пропусков, за исключением данных о конской торговле с 6 апреля по 6 мая 1629 г. Из текстов белгородских таможенных и кабацких книг также выпущены данные о питейной торговле и производстве алкогольных напитков. В издании имеются указатели слов, имен и географических названий.

В 1983 г. Институт истории СССР издал в трех томах таможенную книгу Вологды 1634/35 г. из фонда ЦГАДА, подготовленную к публикации Е. Б. Французовой [Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг., 1983]. В предисловии даны общий обзор ассортимента товаров вологодского рынка и географии торговых связей города. В издании помещены указатели имен и географических названий.

Отрывок книги речных проходных пошлин и оброчных сборов Вязниковской слободы Владимирского уезда 1645 г. опубликован в 1984 г. лингвистами в сборнике деловых текстов XVII в. [Памятники деловой письменности XVII века, 1984, с. 141–143].

В 1996 г. Новгородская таможня, Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН и Государственный архив Швеции издали таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 гг., хранящиеся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме в составе документов так называемого Новгородского оккупационного архива [Таможенные книги Великого Новгорода..., 1996]. Публикация подготовлена новгородскими историками В. А. Варенцовым и Г. М. Коваленко. В издании приведены именной и географический указатели. Как и в публикации вологодской таможенной книги 1634/35 г., здесь отсутствуют указатели наименований товаров. Кроме того, издатели без всякой на то необходимости применили в книге стилизованные славянские шрифты, что лишь затруднило восприятие опубликованных текстов.

В 1997–2005 гг. группой ученых под руководством Д. Я. Резуна из Института истории Сибирского отделения РАН были опубликованы 17 таможенных книг 12 сибирских городов: Сургута 1674/75 г., Тары 1674/75 г., Туринска 1674/75 г., Кузнецка 1696/97 г., Томска 1624/25, 1627, 1671/72 гг., Верхотурья 1673/74 г., Тюмени 1672/73 г., Пельыма

1675/76, 1676/77, 1677/78, 1678/79 гг., Тобольска 1673/74 г., Березова 1686/87 г., Енисейска 1685/86 г. и Мангазеи 1676/77 г. (енисейская и мангазейская книги опубликованы в приложении к монографии Д. Я. Резуна) [Таможенные книги сибирских городов XVII века, 1997–2004; Резун, 2005, с. 93–96, 101–118]. Этому изданию присущ ряд крупных недостатков. Ряд источников неверно датирован. Так, тобольская таможенная книга, включающая сведения за период с 1 сентября по 31 августа 7182 г. (т. е. за 1673/74 г.), вопреки общеизвестному правилу редукации дат, ошибочно датирована публикаторами 1672/73 г. Таможенная книга Березова, содержащая записи с 1 сентября по 31 августа 7195 г. (т. е. за 1686/87 г.), датирована 1687/88 г. В опубликованных текстах присутствует большое количество опечаток и неверных чтений. Указатели к текстам отсутствуют. Данное издание было подвергнуто специалистами аргументированной критике [см., например: Тимошина, 1999, с. 270–283; Тимошина, 2001, с. 223–238; Раздорский, 2009, с. 14–15].

В. А. Перевалов издал в 1997 г. обнаруженный им в Дрелехранилище Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника небольшой по объему фрагмент таможенной книги Томска 1711 г. [Перевалов, 1997].

В 1998 г. Г. М. Коваленко опубликовал отдельным изданием небольшой по объему документ — таможенную запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье, где располагался шведский таможенный пост, осуществлявший контроль за проходившими кораблями с товарами [Коваленко, 1998].

В 1999 г. изданы пять хранящихся в РГАДА таможенных книг Великих Лук (1669/70, 1670/71, 1671/72 (черновая и беловая), 1675/76 гг.), подготовленные к печати А. В. Юрасовым. В публикации имеются три вспомогательных указателя: личных имен, географических названий, предметный [Таможенные книги города Великие Луки, 1999].

В 2000 г. Л. А. Тимошина опубликовала отрывок черновой таможенной книги Холмогор 1658 г., хранящейся в ГИМ. В сопроводительной статье рассмотрены особенности таможенной службы в Двинском устье, личный состав местной таможенной администрации, приведен подробный источниковедческий, археографический и палеографический комментарий публикуемого документа [Тимошина, 2000].

В 2005 г. опубликованы две таможенные книги: Великого Новгорода 1614/15 г. [Новгородская таможенная книга 1614/15 г., 2005] и Не-

вского устья 1616 и 1618 гг. [Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг., 2005]. Оба памятника, как и изданные до этого новгородские таможенные книги 1610/11 и 1613/14 гг., находятся в Государственном архиве Швеции. Новгородская таможенная книга обнаружена шведской исследовательницей Л. Нордквист и подготовлена к публикации Г. М. Коваленко. Небольшую по объему книгу Невского устья открыл и опубликовал петербургский ученый А. А. Селин. Тексты обоих памятников не сопровождаются вспомогательным аппаратом.

В 2009 г. Новгородский государственный университет, Государственный архив Швеции и Новгородская таможня выпустили CD-ROM, на котором в формате PDF содержатся тексты двух указанных таможенных книг, а также аналогичных источников по Великому Новгороду 1610/11 и 1613/14 гг. и Невскому устью за 1615 г. [Новгородские таможенные книги XVII в., 2009]. В электронном издании представлена статья Г. М. Коваленко «Таможенные книги Великого Новгорода начала XVII века в Государственном архиве Швеции», содержащая краткий очерк истории происхождения и изучения публикуемых источников, а также характеристику их структуры и содержания. Тексты документов снабжены общими именованными и географическими указателями, однако указатель товаров отсутствует, что отчасти компенсируется возможностью проведения компьютерного поиска слов или их отдельных фрагментов по тексту электронной публикации.

В собрании Новгородского оккупационного архива находится и таможенная книга Повенецкого ряда 1612 г. Сканированные копии всех ее 13 листов воспроизведены в выпущенной в 2003 г. «Рабочей тетради по курсу русской палеографии», составленной И. А. Черняковой (в текстуальной форме передан только первый лист книги) [Чернякова, 2003, с. 88–100]. В 2006 г. осуществлена электронная публикация этого памятника, в которой представлены сканированные копии листов, текст документа (с латинской транскрипцией), а также комментарии отдельных слов и географических названий [Чернякова, 2006].

В 2007 г. автором настоящей статьи опубликована книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. [Раздорский, 2007]. Подобный источник, относящийся к XVIII в., издан впервые: до этого предпринимались публикации таможенных книг исключительно XVII столетия. Введенный в научный оборот источник содержит также данные о казенной питейной торговле и торговле табаком в Курске.

В издании приведена подробная источниковедческая характеристика опубликованного документа, а также содержится исследовательский раздел. К тексту публикации составлено шесть вспомогательных указателей (имен, географических названий, ярмарок, социальных характеристик торговцев, названий товаров, названий мерных и тарных единиц), а также биографические и терминологические комментарии.

В 2010 г. автор настоящей статьи опубликовал две небольшие таможенные книги городов Слободской Украины — Лебедина за 1687/88 г. и Мирополя за 1692/93 г. [Раздорский, 2010 б]. Следует отметить, что по «малороссийским городам» таможенных книг не имеется, но по Слобжанщине, на которую в XVII в. распространялись общероссийские таможенные правила, такие источники существуют.

В 2011 г. нами опубликована древнейшая русская таможенная книга, составленная на исходе XVI в. в Морёвской слободе Деревской пятины Новгородской земли [Раздорский, 2011]. Этот документ, датированный 1599 г., дошел лишь в отрывках. «Весьма ветхие и полуистлевшие» отрывки морёвской таможенной книги были подарены в 1927 г. Постоянной историко-археографической комиссии АН СССР С. Ф. Платоновым. Вероятно, вскоре после этого их изучением и, по-видимому, подготовкой к публикации занимался Б. Д. Греков. Он выполнил транскрипцию памятника, которая хранится ныне в одном деле с оригиналом в НИА СПбИИ РАН. Трудно сказать, почему Греков так и не опубликовал отрывки. Не исключено, что этому помешали события, связанные с пресловутым «академическим делом». Значительная фрагментированность морёвской книги побудила нас использовать при передаче ее текста некоторые приемы, используемые при публикации берестяных грамот.

В 2012 г. автор настоящей статьи опубликовал таможенную книгу Обояни 1653/54 г. [Раздорский, 2012]. Из обоянских таможенных книг этот источник представляет особый интерес, поскольку в нем отражено состояние местного рынка в начальный период его формирования — спустя всего три года после завершения строительства Обоянского острога.

В том же 2012 г. изданы две разнотипные таможенные книги Великого Устюга середины XVIII в.: записная пошлинная книга, содержащая записи с 2 января 1748 г. по 26 июля 1749 г., и досмотровая явочная книга, в которой приведены записи с 3 января 1751 г. по 20 января 1752 г. [Таможенные книги Великого Устюга..., 2012]. Их оригиналы хранятся в

Великоустюгском центральном архиве. Издание подготовили Г. Н. Чебыкина и М. С. Черкасова. «Конвой» публикации включает вступительное слово, написанное Н. В. Козловой, историко-археографическое введение, тексты четырех таможенных выписей устюжской и вологодской таможен 1692–1753 гг., хранящихся в Государственном архиве Вологодской области и РГАДА, вспомогательные указатели к текстам таможенных книг (именной, географических названий, предметно-терминологический, центральных и местных учреждений). В издании помещены также две статьи, написанные на материале опубликованных источников: «Книжная торговля в Великом Устюге по данным таможенных книг 1748/49 и 1751/52 гг.» А. Н. Красикова и «Таможенные книги Устюга Великого 1748/49 и 1751/52 гг. как памятник русского языка» С. Н. Смольникова. Публикацию устюжских таможенных книг XVIII в., находящихся в провинциальном архиве, причем архиве того города, в котором они были когда-то составлены, следует признать важным, знаковым событием в отечественной археографии. С одной стороны, данное издание продолжает начатый в 2007 г. процесс введения в научный оборот текстов таможенных книг XVIII в., а с другой, в нем впервые представлены источники рассматриваемого типа из провинциального архивохранилища (ранее издавались таможенные книги, хранящиеся только в столичных архивах и музеях: в РГАДА и ГИМ).

Еще один документ из регионального архива — таможенная книга Яицкого Гурьева городка 1725 г., хранящаяся в Государственном архиве Астраханской области — опубликован автором настоящей работы в 2013 г. [Раздорский, 2013].

В 2013–2016 гг. вышли четыре выпуска новой документальной серии «Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.», подготовленные С. Н. Кистеревым и Л. А. Тимошиной [Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в., 2013–2016]. Первый выпуск включает текст таможенной книги Великого Устюга 1634/35 г., второй — аналогичного документа по этому городу за 1636/37 г., третий — сохранившегося отрывка древнейшей дошедшей до нашего времени таможенной книги Тотьмы 1625/26 г. и полной книги по этому городу за следующий 1626/27 г., четвертый — тотемской книги 1627/28 г. Данная серия, по утверждению ее издателей, призвана продолжить практику публикации таможенных книг Сухоно-Двинского речного пути, начатую в 1950-е гг. А. И. Яковлевым. Так, книга, опубликованная в первом выпуске, в хронологическом

ряду устюжских памятников находится между изданными в 1950 г. первой и третьей книгами 1633/34 и 1635/36 гг., книга, изданная во втором выпуске, по хронологии является четвертой. Научно-справочный аппарат издания включает именной и географический указатели. Крупным недостатком является отсутствие предметно-терминологических указателей, без которых использование опубликованных текстов сопряжено с многочисленными трудностями. В этом отношении рассматриваемое издание является шагом назад как по отношению к публикации А. И. Яковлева, где такие указатели имеются, так и новейшим изданиям таможенных книг, где предметно-терминологические ключи являются непременным атрибутом.

В качестве конечной цели предпринятого сериального издания публикаторами заявлено «опубликование всего известного в настоящее время и доступного фонда таможенных книг городов Сухоно-Двинского речного пути на протяжении XVII в.». Судить о сроках реализации этой амбициозной задачи весьма затруднительно. Отметим только, что в обозримой перспективе это едва ли стоит ожидать, ведь по указанным трем городам сохранилось 126 таможенных книг суммарным объемом около 30 тыс. листов. На сегодняшний же день, с учетом публикаций 1950-х гг. и 2013–2016 гг., издана примерно только 1/6 их часть.

Помимо традиционных изданий таможенных книг на бумажных носителях начинают появляться и сетевые публикации этих памятников. Так, в 2014 г. А. Г. Ушенин разместил на своем авторском сайте «1670.гу. Аятская слобода и село Черемисское с деревнями» текст хранящейся в РГАДА таможенной книги Аятской слободы Верхотурского уезда 1699/1700 г. [Таможенная книга Аятской слободы, 2014].

Таким образом, к концу 2016 г. издано (без учета фрагментарных публикаций) 87 таможенных книг XVI–XVIII вв. по 35 городским и сельским населенным пунктам России и одному таможенному посту (в Невском устье). Относительно общего количества сохранившихся источников рассматриваемого типа (по самым приблизительным подсчетам их насчитывается порядка трех тысяч) эта цифра выглядит более чем скромно (2,8%). Из 87 опубликованных книг 1 относится к XVI в., 82 — к XVII в. и 4 — к XVIII в. Из них 73 книги находятся в РГАДА, 5 — в Государственном архиве Швеции, 4 — в ГИМ, по 2 — в НИА СПбИИ РАН и Великоустюгском центральном архиве, 1 — в Государственном архиве Астраханской области. В 1870-е гг. опубликована 1 книга, в 1950-е — 22, в 1960-е — 1,

в 1980-е — 21, в 1990-е — 13, в 2000-е — 16, в 2010-е (по 2016 г. включительно) — 13. После взлета в 1950-е гг. и последующего за ним провала в 1960–1970-е гг. в издании таможенных книг в целом наблюдается положительная динамика.

20 таможенных книг изданы по «лингвистическим правилам» публикации (с фиксацией выносных букв и т. д.), 65 — по «историческим». Одна книга (повенецкая) издана факсимильным способом, еще одна (морёвская) — с применением отдельных приемов издания берестяных грамот.

В настоящее время ждут публикации еще несколько таможенных книг. А. В. Юрасов с начала 2000-х гг. занимается подготовкой к изданию обширного комплекса приходо-расходных книг таможенного и питейного сбора Пскова и его пригородов за 1670/71 г., находящегося в древлехранилище Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. И. А. Малышева подготовила к публикации (по лингвистическим правилам) уникальную таможенную книгу Архангельска 1719 г., хранящуюся в РГАДА.

В организационном плане публикация таможенных книг может вестись двумя путями: либо в рамках государственной научной программы по изданию рукописных памятников, либо по инициативе отдельных исследователей или небольших коллективов публикаторов. До сих пор преобладал второй подход, вероятно, существующая тенденция сохранится и в дальнейшем. Вместе с тем, в последнее время на разных уровнях высказываются предложения о необходимости разработки комплексной программы по изданию массовых исторических источников (в том числе таможенных книг) на основе целевого государственного финансирования. Если такая программа будет принята, то неизбежно возникнет вопрос об определении документов, обладающих наивысшим приоритетом для публикации. В отношении таможенных книг, на наш взгляд, первоочередное значение должны получить три проекта: 1) завершение начатой в 1950-е гг. и возобновленной в 2013 г. публикации всех таможенных книг Устюга Великого, Тотьмы и Соли Вычегодской; 2) издание всего комплекса таможенных книг Тихвинского монастыря из НИА СПб ИИ РАН и 3) публикация всех сохранившихся таможенных книг Москвы XVIII столетия, хранящихся в РГАДА.

Литература

- ДАИ, 1872 — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1872. Т. 12.
- Книга записная Макарьевской ярмонки..., 1849 — Книга записная Макарьевской ярмонки Большой таможи, по сибирским отпускным выписям, 1-й половины 724 года / [публ. И. Д. Беляева] // Временник ОИДР. 1849. Кн. 2.
- Книги Московской Большой таможи..., 1961 — Книги Московской Большой таможи – 1693–1694 гг. Новгородская, Астраханская, Малороссийская. М., 1961. 119 с. (Тр. ГИМ; Вып. 38).
- Коваленко, 1998 — Коваленко Г. М. Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье. Новгород, 1998. 32 с.
- Новгородская таможенная книга 1614/15 г., 2005 — Новгородская таможенная книга 1614/15 г. / публ. Г. М. Коваленко // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 384–466.
- Новгородские таможенные книги XVII в., 2009 — Новгородские таможенные книги XVII в.: [Электронный ресурс] / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого и др. Великий Новгород, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Памятники деловой письменности XVII века, 1984 — Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край / изд. подгот. С. И. Котков и др. М., 1984.
- Памятники южновеликорусского наречия, 1982 — Памятники южновеликорусского наречия: Тамож. кн. / изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982. 343 с.
- Первое столетие Иркутска, 1902 — Первое столетие Иркутска: Сб. материалов для истории города с «Введением» и заключ. ст. прив.-доц. П. М. Головачева... СПб., 1902.
- Перевалов, 1997 — Перевалов В. А. Сибирские документы XVII—XVIII вв. в собрании Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника // Тобольский исторический сборник. Тобольск, 1997. Вып. 2, ч. 2. С. 41–44.
- Раздорский, 2007 — Раздорский А. И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007. 623 с.
- Раздорский, 2009 — Раздорский А. И. Исследования и публикации таможенных и кабацких книг в 2002–2009 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 9–21.
- Раздорский, 2010 а — Раздорский А. И. Из истории изучения таможенных книг XVII в. М. П. Заблоцким-Десятовским // ОА. 2010. № 6. С. 18–22.

- Раздорский, 2010 б — Раздорский А. И. Книги таможенного и питейного сбора Лебедина и Мирополья XVII в. // Сумський історико-архівний журнал. 2010. № 8/9. С. 17–31.
- Раздорский, 2011 — Раздорский А. И. «Того ж дни продал старорущанин два луба соли без розмеры»: Таможенная книга Морёвской слободы 1599 г. // ИА. 2011. № 5. С. 155–171.
- Раздорский, 2012 — Раздорский А. И. Таможенная книга Обояни 1653/54 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2012. Вып. 15. С. 310–323.
- Раздорский, 2013 — Раздорский А. И. Таможенная книга Яицкого Гурьева городка 1725 г. // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 438–448.
- Резун, 2005 — Резун Д. Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005.
- Сакович, 1956 — Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. М., 1956. 148 с. (Тр. ГИМ; Вып. 30).
- Саранская таможенная книга за 1692 г., 1951 — Саранская таможенная книга за 1692 г. / под ред. А. И. Яковлева. Саранск, 1951. 82 с.
- Таможенная книга Аятской слободы, 2014 — Таможенная книга Аятской слободы (01.09.1699–01.03.1700) [Электронный ресурс] / публ. А. Г. Ушенина // 1670.ru. Аятская слобода и село Черемисское с деревнями: [сайт]. [М.], 2014. URL: <http://1670.ru/customs/1700/> (11.04.2017).
- Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг., 1983 — Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. / сост. и авт. введения Е. Б. Французова; отв. ред. М. Я. Волков. М., 1983. [Вып.] 1. 194 с.; [Вып.] 2. 195–370 с.; [Вып.] 3. 371–531 с.
- Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг., 2005 — Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. / публ. А. А. Селина // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 475–482.
- Таможенные книги Великого Новгорода ..., 1996 — Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996. 288 с.
- Таможенные книги Великого Устюга ..., 2012 — Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII века / сост.: Г. Н. Чебыкина (отв. ред.), М. С. Черкасова. Вологда, 2012. 431 с.
- Таможенные книги города Великие Луки, 1999 — Таможенные книги города Великие Луки 1669—1676 гг. / подгот. к печати А. В. Юрасов. М., 1999. 278 с.
- Таможенные книги Московского государства XVII века, 1950–1951 — Таможенные книги Московского государства XVII века / под ред. А. И. Яковлева. Т. 1. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633–1636 гг. М.; Л., 1950. 887 с.; Т. 2. ... в 1650—1656 гг. 899 с.; Т. 3. ... в 1675–1680 гг. 887 с. М.; Л., 1951.
- Таможенные книги сибирских городов XVII века, 1997–2004 — Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 1997–2004. Вып. 1: Сургут и Тара. 1997. 124 с.; Вып. 2: Туринск, Кузнецк, Томск. 1999. 123 с.; Вып. 3: Верхотурье, Красноярск. 2000. 146 с.; Вып. 4: Тюмень, Пелым. 2001.

- 146 с.; Вып. 5: Тобольск, Кетск. 2003. 215 с.; Вып. 6: Томск, Нарым, Березов. 2004. 96 с.
- Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в., 2013–2016 — Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1–4 / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. СПб., 2013–2016.
- Тимошина, 1999 — Тимошина Л. А. О публикации таможенных книг в 1996–1997 годах // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 270–283.
- Тимошина, 2000 — Тимошина Л. А. Холмогорская таможенная книга 1658 г. // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 186–236.
- Тимошина, 2001 — Тимошина Л. А. О публикации таможенных книг в 1999–2000 годах // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. 223–238.
- Тюмень в XVII столетии, 1903 — Тюмень в XVII столетии: Собр. материалов для истории города с «Введением» и заключ. ст. прив.-доц. П. М. Головачева ... М., 1903.
- Чернякова, 2003 — Чернякова И. А. Рабочая тетрадь по курсу русской палеографии: Учеб. пособие. Петрозаводск, 2003.
- Чернякова, 2006 — Чернякова И. А. Повенецкая таможенная книга 1612 г. [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК). 2006. № 1/2 // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии: [сайт]. Петрозаводск, 2006. URL: http://illmik.petsu.ru/Alkonost/pdf_s/Povenets.pdf (11.04.2017).
- Явочная книга нижегородской таможни 1722 года, 1851 — Явочная книга нижегородской таможни 1722 года / сообщ. И. Беляевым // Временник ОИДР. 1851. Кн. 11. С. 13–23, отд. «Смесь».

Актуальные проблемы и перспективные задачи археографии в области истории декабристов: историографический контекст

Статья посвящена ключевым научным проблемам, связанным с публикацией документального наследия декабристов. Рассмотрение археографических задач в связи с историографическими традициями изучения темы позволяет сформулировать и наметить итоги и перспективы издания материалов по истории движения декабристов.

Ключевые слова: декабристы, историография, источниковедение, археография

История декабризма – одна из наиболее развитых областей исследования российского общественного движения и общественной мысли. Плодотворное развитие декабристоведческих разработок имело своим основанием, в первую очередь, немалые успехи, достигнутые в области источниковедения и археографии. Исследователям декабристов принадлежат несомненные достижения в этой области, получившие высокую оценку в специальной литературе и отмеченные в учебных курсах и пособиях по отечественному источниковедению, археографии и палеографии нового времени [Источниковедение, 1970, с. 178–180; Валк, 1948, с. 26–27, 73, 185–186; Черепнин, 1956, с. 74, 511; Миронова, Юхт, 1972, с. 248–262; Очерки, 1966, с. 342–344].

Главным образом, в советский период, на протяжении 1920-х – 1980-х гг., были выпущены в свет многочисленные публикации исторических источников – от конституционных проектов, идеологических, публицистических и литературных сочинений до дневников, писем и воспоминаний декабристов, сводов мемуарных и эпистолярных свидетельств современников, хрестоматии основных документов декабристских обществ, фундаментальных изданий в сериях «Литературное наследство» и «Литературные памятники», а также сборники докумен-

тов, подготовленные отдельными архивами (ГА РФ, АРАН, рукописные отделы РГБ, ГИМ, ГЛМ, ИРАИ и т.д.). Особое место занимает основополагающая серия «Восстание декабристов», публикующая документы фонда следствия и суда – более 20 томов, включающих личные следственные дела, журналы Следственного комитета и докладные записки императору, материалы Верховного уголовного суда, биографический свод «Алфавит...» А.Д. Боровкова, документы расследования в армии и т.д. Следует отметить, что выработанные в данной серии приемы издания документов оказали значительное влияние на археографические принципы научных публикаций, начиная с 1920-х гг., в особенности на издание следственной документации. Подготовленные, по оценке С.Н. Валка, «с исключительной тщательностью», тома «Восстание декабристов» определили на многие годы принципы научного издания такого рода источников, в частности, определенные приемы передачи текста, текстологические комментарии, сопроводительные статьи исследовательского и археографического характера (в т.ч. описание рукописей), именной и предметный указатели. Серийная публикация задала высокую планку источниковедческих и археографических работ в последующие десятилетия, открыв, по словам С.Н. Валка, «новую страницу в истории нашей археографии» [Валк, 1948, с. 27, 185–186].

В 1975–1976 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» и «Археографического ежегодника» появились обзорные статьи Р.Г. Эймонтовой, близкие по содержанию, но различающиеся по композиции [Эймонтова, 1975, с. 19–31; Эймонтова, 1976, с. 222–243].

Несмотря на внушительный перечень сделанного в области источниковедения и археографии истории декабристов, Р.Г. Эймонтова, тем не менее, утверждала: издано «далеко не все, заслуживающее внимания», а некоторая часть уже опубликованных источников нуждается в более качественной републикации [Эймонтова, 1976, с. 242; здесь и далее курсив наш. – П.И.]. Примечательна осторожность автора, который, опираясь на впечатляющие результаты масштабной работы, проведенной исследователями, казалось бы, мог сделать выводы о введении в оборот основного массива источников по данной проблематике. Нет, речь идет только об «основном массиве важнейших источников». Понятие «важнейший источник» весьма изменчиво: новые открытия добавляют к ним новые материалы, а смена приоритетов в изучении может вывести источник из разряда важнейших на периферию научного значения. Р.Г. Эймонтова

указывает на необходимость продолжения архивного поиска, обнаружения и введения в науку новых документов.

Дело даже не в том, что в ходе развития исторических исследований, в связи с постановкой новых проблем, постоянно возникают новые задачи, в том числе, источниковедческого характера, но также и в том, что некоторые ранее поставленные задачи в области археографии и источниковедения, как видно из осторожных выводов Р.Г. Эймонтовой, не были решены в полной мере. В археографическом и источниковедческом плане об исчерпанности можно говорить в том случае, если введены в оборот и изучены все основные комплексы источников – с необходимой полнотой и на высоком научном уровне. Можно ли все-таки утверждать, применительно к декабристоведению, что исчерпана хотя бы археографическая сторона, учитывая охарактеризованные выше достижения в этой области? Ответ на этот вопрос дает работа другого авторитетного специалиста.

В том же 1975 г. на юбилейной конференции «Декабристы и русская культура», проходившей в Иркутске, был сделан доклад известного архивиста и археографа С.В. Житомирской «*Источниковедение декабризма: некоторые нерешенные задачи*», спустя три года опубликованный в виде статьи [Житомирская, 1978].

Любопытно отметить, что уже в 1975 г. С.В. Житомирская отмечала «устойчивую иллюзию известной исчерпанности темы», сложившуюся, по ее мнению, после выхода обобщающей монографии М.В. Нечкиной «*Движение декабристов*» (1955 г.) и ряда других исследований. В целом, высоко оценив сделанное исследователями и архивистами в области декабристоведения на протяжении 1920-х – 1970-х гг., С.В. Житомирская весьма критически отнеслась к современному положению дел. Она сконцентрировала свое внимание на трех, по ее мнению, основных проблемах источниковедения, археографии и архивной эвристики: 1) отсутствие полных, научно выверенных, академических изданий источников; 2) необходимость широкого подхода к поиску, публикации и анализу исторических материалов; 3) отсутствие указателя неопубликованных источников.

Важнейшие выводы, к которым пришла С.В. Житомирская, заключались в выдвигании следующих источниковедческих и археографических задач: 1) необходима полноценная академическая публикация многих (в том числе основных) источников, изданных с существенными погрешностями и изъянами текста, выполненная на современном научном уровне;

2) необходимо *систематическое научное издание источников частного происхождения*, с этой целью следует учредить новое крупное научное предприятие – особый документальный многотомник, «где на современном уровне были бы изданы или переизданы разбросанные по множеству почти недоступных изданий памятники декабристской мысли и творчества, их документы и письма» [Житомирская, 1978, с. 31]; 3) требуется *более широкий охват источников*, не только «первого слоя», но и значительно расширенного круга материалов эпохи, оставленных современниками; 4) требуется учет сохранившихся источников по теме, в частности – *подготовка сводного указателя архивных материалов по истории декабристов*, «хранящихся хотя бы в крупнейших архивохранилищах страны».

После выхода в свет статьи С.В. Житомирской прошло уже более 40 лет и, безусловно, за это время отечественными историками и архивистами было сделано немало. Ученые не сидели, сложа руки – список достижений в области декабристского источниковедения и археографии вырос еще больше. Были ли за это время реализованы идеи и предложения С.В. Житомирской, ликвидированы ли выявленные лакуны в источниковой базе и недостатки в археографической работе? Можно уверенно констатировать: далеко не полностью.

Прежде всего, следует отметить, что одна из важнейших задач источниковедческого и археографического характера – систематическое издание источников личного происхождения воплотилась в документальной серии «Полярная звезда». Данная серия была задумана как систематическое и полное издание всего исторически значимого письменного наследия участников декабристского движения. За последние 30 лет это многотомное издание завоевало статус второй основополагающей фундаментальной серии, наряду с серией «Восстание декабристов». Идея серии, если опираться на указанный доклад 1975 г., принадлежала С.В. Житомирской, однако замысел монументального издания, несомненно, витал в воздухе, так как другие авторы отдают приоритет в авторстве идеи документальной серии сибирским историкам (С.Ф. Коваль и др.), Б.С. Мейлаху, Н.Я. Эйдельману [Житомирская, 2006, с. 380–381; Эйдельман, 2003, с. 129; Коваль, 2009, с. 98–100]. Организационная инициатива исходила от известного иркутского историка С.Ф. Ковалья и Восточно-Сибирского книжного издательства. В 1978 г. на заседании в Институте истории СССР АН СССР была образована редколлегия, ко-

торуую возглавила М.В. Нечкина, утвержден перспективный план серии [Коваль, 1996, с. 51–53].

За истекшие годы вышли в свет сочинения, дневники, воспоминания, письма и другие документы, принадлежащие деятелям декабристского движения – политическим мыслителям, публицистам, ученым, писателям, мемуаристам, создателям богатых эпистолярных архивов – М.А. Фонвизину, В.Ф. Раевскому, С.П. Трубецкому, М.С. Лунину, В.И. Штейнгейлю, Г.С. Батенькову, А.Н. Муравьеву, Н.А. Бестужеву и др. Издание осуществляется на уровне, приближенном к академическому: воспроизведение текста выполняется по наиболее полным оригиналам или наиболее полным публикациям (если оригинал не сохранился), с приведением разночтений различных редакций. В томах серии даются подробный реальный комментарий, археографические комментарии и другие основные публикаторские элементы, помещается развернутая научная биография в виде вступительной статьи.

После 1975 г. продолжалось и другое основополагающее серийное издание – документальная серия «Восстание декабристов». За прошедшее время была завершена публикация личных следственных дел осужденных по приговору суда (т. 14, 15), осуществлена публикация значительной части личных дел лиц, не преданных суду (т. 18, 19, 20), опубликованы журналы и докладные записки Следственного комитета императору (т. 16), материалы Верховного уголовного суда (т. 17). Последние по времени 21-й том аккумулировал остававшиеся неизданными дела участников выступления 14 декабря и документы, касающиеся первых недель работы следствия, 22-й том – бумаги из личного архива П.И. Пестеля, оказавшиеся в фонде следствия и суда [ВД, Т. 21, 2008; Т. 22, 2012].

В течение последних 40 лет в виде отдельных сборников было осуществлено издание целого ряда декабристских мемуаров (Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981; Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982), сводов мемуарных, эпистолярных и дневниковых свидетельств современников о декабристах (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1–2; Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988), о событиях 14 декабря 1825 г. (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999), казни 13 июля 1826 г. (см. документальное приложение к книге Г.А. Невелева «Пушкин об 14-м декабря» (СПб., 1998. С. 78–151)). Опубликованы мемуарные

свидетельства, собранные М.А. Корфом в ходе подготовки первой официальной истории междоусарствия 1825 г. (Записки очевидцев 14 декабря 1825 г. Из архива М.А. Корфа // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 3, 4, 6. СПб., 2000–2004). Осуществлена научная публикация воспоминаний и полного эпистолярного архива И.И. Пущина, полное научное издание сохранившейся части дневника В.К. Кюхельбекера, научное издание полного текста записок и всех выявленных писем А.Е. Розена [Пущин, 1999–2001, Кюхельбекер, 1979, Розен 2008а, Розен, 2008b]. В последние годы впервые подготовлен к печати полный перевод текста известного мемуарно-публицистического произведения Н.И. Тургенева «Россия и русские», научное издание комплекса записок по различным вопросам внутренней и внешней политики А.О. Корниловича, издана сохранившаяся часть воспоминаний видного деятеля Союза благоденствия Ф.П. Толстого, недавно обнаруженные ранее неизвестные записки С.П. Трубецкого и его письма И.Н. Толстому, относящиеся ко времени до 1825 г. [Тургенев, 2001, Корнилович, 2004, Толстой, 2001, Трубецкой, 2011].

Таким образом, полноценное введение в оборот нового разнообразного источникового материала, извлеченного из фондов государственных учреждений, следствия и суда, личных фондов декабристов и их современников, различных коллекций и собраний историков, собирателей и т.д., успешно развивалось в советский период после 1975 г., затем в период перестройки и продолжается до настоящего времени [см. также: Освободительное движение; Сибирь и декабристы; 14 декабря 1825 года; Декабристы и их время, 1995, 170 лет спустя. Декабристские чтения, 1999, Николай I. Личность и эпоха, 2007, Из эпистолярного наследия декабристов, 2008, Переписка Е.П. Оболенского с Я.И. Ростовцевым, 2011, Невелев, 2012].

Одним из важных результатов деятельности историков и архивистов в последние десятилетия стал выход в свет справочников по архивным фондам и коллекциям, содержащим материалы, связанные с историей декабристов. Такие справочники вышли по фондам РГВИА (1975), РГИА (1981), ОПИ ГИМ (1995) [Движение декабристов, 1975, Движение декабристов, 1981, Калантырская, 1999, с. 177–252]. Эти издания стали новым важным шагом в одном из главных направлений, обозначенных в упомянутом докладе С.В. Житомирской 1975 г. – регистрации и изучения архивных фондов, содержащих неопубликованные первоисточники.

Плодотворно развивалась и биографика, непосредственно связанная с источниковедческими исследованиями, обработкой и публикацией источникового материала. В 1988 г. вышел в свет биографический справочник «Декабристы». Особый раздел в нем был отведен участникам тайных обществ, которые, в подавляющей части, не были обнаружены официальным следствием – их принадлежность к тайным обществам была установлена на основе разнообразных исторических источников. Эта концептуальная новация открыла путь для систематического поиска и изучения всего комплекса документов следствия, других источников, мемуарных текстов, с целью расширения круга участников движения, ранее не известных в исторической традиции, и установления степени причастности к движению лиц, принадлежность которых к декабристскому движению не была выяснена в полной мере. Серия работ, появившихся в 1980-е – 2000-е гг., принесла в этом отношении значительные результаты. Своим итогом они имели составление наиболее полного на данный момент и критически выверенного свода участников движения декабристов [Пушкина, 1986, с. 242–244, Пушкина, Ильин, 2000, с. 9–77, Ильин, 2001, Ильин, 2002, Ильин, 2003, Ильин, 2004а, Ильин, 2004б, Ильин, 2009]. Это направление исследований непосредственно опирается на большой объем источниковедческой работы, основывается на критическом анализе и сопоставлении документов; она была бы невозможна без введения в полноценный научный оборот новых, ранее не изученных источников.

Таким образом, некоторые важнейшие из намеченных в 1975 г. С.В. Житомирской направлений археографической работы в последующие годы развивались плодотворно и успешно. Систематическое издание источников частного происхождения, расширение круга привлекаемых документов, качественная и выверенная публикация документов на высоком научном уровне, регистрация архивных материалов, составление сводных справочников архивных документов, – все эти идеи и предложения С.В. Житомирской нашли в той или иной степени свое воплощение в работе историков и архивистов последующих лет.

Тем не менее, несмотря на это, значительная часть обозначенных С.В. Житомирской в 1975 г. задач сохранила свою актуальность вплоть до настоящего времени, а другие – не были решены в полной мере.

Об этом свидетельствует, прежде всего, рассмотрение вопроса о перспективах двух основополагающих документальных серийных изданий –

«Восстание декабристов» и «Полярная звезда». В 1987 г. опубликована обзорная статья С.В. Мироненко о серии «Восстание декабристов» [Мироненко, 1987]. Запланировано издание томов, содержание которых должны составить: 1) программные и уставные документы тайных обществ; 2) бумаги П.И. Пестеля, изъятые при аресте и сохранившиеся в фонде следствия и суда; 3) дела участников польских тайных обществ, привлекавшихся к процессу декабристов; 4) доносы на тайные общества; 5) дела об имущественном положении арестованных; 6) справочный том, включающий аннотированную опись фонда следствия и суда и указатель неопубликованных материалов. При этом С.В. Мироненко, ныне возглавляющий серию, оценил ее потенциал следующим образом: «Тщательный анализ остающихся еще пока не опубликованными материалов убедил нас, что продолжать издание необходимо. Среди архивных документов есть еще достаточное количество материалов, достойных публикации» [Мироненко, 2001, с. 7, Мироненко, 2008, с. 8]. Воплощение в жизнь полного замысла этого крупнейшего археографического проекта потребует еще значительного объема работы.

В отношении другой фундаментальной серии «Полярная звезда» можно утверждать с еще большим основанием, что она далека от своего завершения. 3 декабря 2009 г. на заседании, посвященном 30-летию серии, состоявшемся в Санкт-Петербургском институте истории РАН, отмечалось, что первоначальная ее программа выполнена лишь наполовину [Перцева, Ильин, 2010, с. 123–124]. В частности, нельзя не указать на необходимость подготовки первого научного издания полного письменного наследия В.К. Кюхельбекера, А.О. Корниловича, Е.П. Оболенского, И.И. Горбачевского, П.И. Борисова, комплекса мемуарных текстов и писем Д.И. Завалишина, А.П. Беляева, никогда не собиравшихся под одной обложкой, отсутствует полное научное издание дневников и писем А.А. Бестужева-Марлинского, не завершено издание сочинений и писем И.Д. Якушкина, Н.М. Муравьева, П.Н. Свистунова, С.Г. Волконского и др. [Ильин, 2012, с. 25–35]. С удовлетворением следует отметить, что некоторые из перечисленных изданий в настоящее время готовятся к печати. Всего, в рамках серии «Полярная звезда», которая посвящена только осужденным декабристам, оказавшимся, в подавляющей части, в Сибири, должно быть подготовлено к печати, по крайней мере, еще не менее 20 изданий. Только после этого замысел серии можно считать выполненным.

Таким образом, систематическая публикация письменного наследия декабристов должна быть продолжена. Поскольку, в ряде случаев, до сих пор отсутствует научное издание ряда ценнейших исторических материалов личного происхождения, значимость данной работы по введению в научный оборот тщательно подготовленных, критических выверенных текстов трудно преувеличить.

Для более полной и всесторонней оценки современной ситуации в области декабристovedческой археографии и источниковедения важны работы, посвященные проблемам изучения и публикации источников, появившиеся в последние десятилетия.

В 1990 г. была издана статья А.В. Семеновой «Источники о движении декабристов: сравнительный анализ, перспективы изучения и издания» [Семенова, 1990, с. 145–147]. А.В. Семенова обращает внимание на следующие, по ее мнению, важнейшие направления актуальных источниковедческих и археографических занятий:

1) первоклассные по своему значению материалы содержат фонды III Отделения Собственной канцелярии, которые, «несмотря на значительную изученность», все еще хранят множество неизвестных сведений и неисследованных документов (пример: вновь обнаруженные данные об управах тайных обществ на периферии, отголосках событий 1825 г. в провинции и ранее неизвестные доносы на декабристов);

2) необходимо вновь привлечь внимание к личным фондам декабристов: «Во многих из них хранятся неизученные или недостаточно исследованные записки, проекты, другие документы» [Там же, с. 147]. В качестве примера автор приводит собственные находки, обнаруженные в фондах Ф.П. Шаховского (ГА РФ), Г.А. Римского-Корсакова (РГАЛИ) и др.;

3) значительно большего внимания заслуживают личные архивные фонды современников (государственных и общественных деятелей, книгоиздателей, известных и малоизвестных представителей дворянства, купечества, различных слоев чиновничества и т.д.), сохранившие множество заслуживающих внимания источников;

4) наконец, нельзя упускать из виду материалы местных архивов, где хранятся переписка поднадзорных декабристов с властями, рапорты о надзоре, и где возможны самые неожиданные находки (например, записи церковных метрических книг, позволяющие уточнить биографические данные) [Там же].

Наблюдения А.В. Семеновой важны как отражение взгляда известного исследователя на актуальные задачи источниковедческих и архивно-

эвристических работ, как свидетельство того, что эти работы далеки от исчерпанности и могут принести новые и весьма значительные результаты.

Итак, следует признать, что даже осторожная оценка Р.Г. Эймонтовой, высказанная в статье 1975 г., – о введении в научный оборот «*основного массива важнейших источников*», ныне нуждается в определенной коррекции. В первую очередь, это связано с сохраняющимися существенными лакунами даже в основной части источниковой базы, необходимостью ее расширения, более широкого охвата исследуемых и публикуемых документов, порожденного задачами исследовательской работы на современном этапе. Кроме того, необходимость научной републикации на современном эдиционном уровне целого ряда важнейших источников обуславливается уходом в прошлое многих принципов публикаций прежних лет, в особенности изданий 1920-х – 1950-х гг., необходимостью пересмотра их интерпретационной части. Подводя итог, следует заключить, что, вопреки распространенному мнению об исчерпанности темы и законченности археографических и источниковедческих занятий в области истории декабристов, приведенные результаты даже первоначального анализа уже сделанного и еще предстоящего в области источниковедения и археографии, а также сформулированные в историографической традиции перспективные задачи декабристского источниковедения и археографии говорят о совершенно противоположном.

Литература

- ВД — Восстание декабристов. Документы. М., 1925–2014. Т. 1–22.
- Валк, 1948 — Валк С.Н. Советская археография. М., 1948.
- Движение декабристов, 1975 – Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. М., 1975. Вып. 1–3.
- Движение декабристов, 1981 — Движение декабристов. Аннотированный указатель к документам фондов и коллекций ЦГИА СССР. М., 1981.
- Декабристы и их время, 1995 — Декабристы и их время М., 1995 (Тр. ГИМ. Вып. 88).
- Житомирская, 1978 — Житомирская С.В. Источниковедение декабризма: некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 28–40.
- Житомирская, 2006 — Житомирская С.В. Просто жизнь. М., 2006.
- Из эпистолярного наследия декабристов, 2008 — Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. СПб., 2008. Т. 2.

- Ильин, 2001 — Ильин П.В. Безвестные декабристы: О лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д. Боровкова // 14 декабря 1825 года. Источники, исследование, историография, библиография. СПб., 2001. Вып. 4. С. 363–468.
- Ильин, 2002 — Ильин П.В. Предполагаемые декабристы: Обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. // 14 декабря 1825 года. Источники, исследование, историография, библиография. СПб., 2002. Вып. 5. С. 95–213.
- Ильин, 2003 — Ильин П.В. Прощенные декабристы: Участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг., освобожденные от наказания // Освободительное движение в России. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 8–43.
- Ильин, 2004а — Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.
- Ильин, 2004б — Ильин П.В. Персональный состав тайных обществ декабристов. Проблемы изучения // ОИ. 2004. № 6. С. 117–126.
- Ильин, 2009 — Ильин П.В. Неподтвержденное (снятое) обвинение на следственном процессе 1825–1826 гг.: к постановке вопроса об оправданных участниках декабристских обществ // Освободительное движение в России. Саратов, 2009. Вып. 23. С. 47–82.
- Ильин, 2012 — Ильин П.В. 30-летие документальной серии «Полярная звезда»: достижения и перспективы // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2012. С. 25–35.
- Источниковедение, 1970 — Источниковедение истории СССР XIX – начала XX вв. М., 1970.
- Калантырская, 1999 — Калантырская И.С. Указатель материалов по истории движения декабристов из собрания ОПИ ГИМ // 170 лет спустя... Декабристские чтения <1995 г.>. Статьи и материалы. М., 1999. С. 177–252.
- Коваль, 1996 — Коваль С.Ф. «Полярная звезда»: к истории возникновения. Задачи и перспективы // Земля Сибирская. 1996. № 6. С. 51–53.
- Коваль, 2009 — Коваль С.Ф. Несколько дополнений к подлинной истории серии «Полярная звезда» // Сибирь и декабристы. Иркутск, 2009. Вып. 6. С. 88–100.
- Корнилович, 2004 — Корнилович А.О. Записки из Алексеевского рavelина. М., 2004.
- Кюхельбекер, 1979 — Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
- Мироненко, 1987 — Мироненко С.В. 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов» // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 24–34.
- Мироненко, 2001 — Мироненко С.В. Государственный архив РФ к 175-летию юбилею восстания декабристов // АЕ на 2000 год. М., 2001. С. 3–7.
- Мироненко 2008 — Мироненко С.В. Введение // Восстание декабристов. Документы. М., 2008. Т. 21. С. 7–8.
- Миронова, Юхт, 1972 — Миронова И.А., Юхт А.И. О деятельности М.В. Нечкиной в области археографии и источниковедения // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 248–262.

- Невелев, 2012 — Невелев Г.А. Декабристский контекст. Документы и описания. СПб., 2012.
- Николай I. Личность и эпоха — Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007.
- Освободительное движение — Освободительное движение в России. Сб. научных трудов. Саратов, 1971–2009. Вып. 1–23.
- Очерки, 1966 — Очерки истории исторической науки. М., 1966. Т. 4.
- Переписка Е.П. Оболенского с Я.И. Ростовцевым, 2011 — Переписка Е.П. Оболенского с Я.И. Ростовцевым 1857–1860 гг. СПб., 2011.
- Перцева, Ильин, 2010 — Перцева Т.А., Ильин П.В. Заседание в Санкт-Петербургском институте истории РАН [к 30-летию юбилею документальной серии «Полярная звезда»] // ОА. 2010. № 3. С. 123–124.
- Пушкина, 1986 — Пушкина В.А. Схема (и комментариев к ней) декабристских и связанных с ними организаций // Общественная мысль в России XIX века. Л., 1986. С. 242–244
- Пушкина, Ильин, 2000 — Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826): Справочный указатель // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 9–77.
- Пуцин 1999–2001 — Пуцин И.И. Сочинения и письма. М., 1999–2001. Т. 1–2.
- Розен, 2008a — Розен А.Е. Записки декабриста. СПб., 2008.
- Розен, 2008b — Розен А.Е. Письма декабриста. СПб., 2008.
- Семенова, 1990 — Семенова А.В. Источники о движении декабристов: сравнительный анализ, перспективы изучения и издания // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990. С. 145–147.
- Сибирь и декабристы — Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978–2010. Вып. 1–6. 170 лет спустя. Декабристские чтения — 170 лет спустя... Декабристские чтения <1995 г.>. Статьи и материалы / Труды ГИМ. Вып. 105. М., 1999
- Толстой, 2001 — Записки графа Ф.П. Толстого. М., 2001.
- Трубецкой, 2011 — Трубецкой С.П. Записки. Письма к И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011.
- Тургенев, 2001 — Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001.
- Черепнин, 1956 — Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.
- 14 декабря 1825 года — 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб., 1997–2010. Вып. 1–8.
- Эйдельман, 2003 — Дневники Н. Эйдельмана. М., 2003.
- Эймонтова, 1975 — Эймонтова Р.Г. Советские публикации источников по истории движения декабристов // ВИ. 1975. № 12. С. 19–31.
- Эймонтова, 1976 — Эймонтова Р.Г. Источники по истории декабристов в советских изданиях // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 222–243.

Славяно-молдавские рукописи XV–XVII вв. в собраниях Государственного исторического музея

Статья посвящена обзору славянских рукописей молдавского происхождения XV–XVII вв. в собраниях Государственного исторического музея (Москва). Результаты изучения *de visu* рукописей, указанных в библиографии, прежде всего румынской (работы Раду КонстантINESCU (Radu Constantinescu), Вирджила Кындеа (Virgil Căndeа) и др.) показали, что значительная часть рукописей, отмеченных в указанных археографических описаниях как происходящие с территории средневековой Молдавии, таковыми вовсе не являются, а принадлежат памятникам средневековой болгарской, украинской (южнорусской), сербской и даже русской традиции. Приведен уточненный автором перечень славяно-молдавских рукописей XV–XVII вв. в собраниях Е.В. Барсова, А.С. Уварова, П. И. Щукина, А.Д. Черткова, А. И. Хлудова, в Музейском собрании и Синодальном певческом.

Ключевые слова: археографическое описание, рукописи, славяно-молдавские, рукописные собрания, Государственный исторический музей, румынская библиография

Для изучения средневековой рукописной книжности важнейшим инструментом и зачастую единственным источником являются инвентари, каталоги и описания рукописных книг. Зависимость корректности, полноты и глубины археографических описаний от научной квалификации и соответствующей эрудиции составителей каталогов и описаний очевидна и неоднократно уже подтверждена временем, однако есть еще один аспект этой зависимости, а именно – влияние качества выполненной работы археографа на формирование представлений о корпусе источниковой базы для изучения средневековой книжности.

Особенно наглядно это проявляется при изучении славяно-молдавских рукописных книг XV–XVII вв., определение объема и состава которых в отечественных книгохранилищах, не смотря на появление в последние годы целого ряда сводных каталогов и описаний рукописных

собраний, и прежде всего подготовленных румынскими исследователями, до сих пор остается одной из насущных задач отечественной камеральной археографии. Ее решение одновременно является фактически составной частью проводимой Археографической комиссией РАН многолетней работы по подготовке Сводного каталога славяно-русских книг [Предварительный список, 1986; Дополнения, 1993].

В процессе подготовки Предварительного списка славяно-молдавских рукописных книг XV–XVII вв. из хранилищ Москвы и Санкт-Петербурга автору пришлось столкнуться с тем, что достаточно большое количество рукописей, отмеченных в уже опубликованных сводных каталогах и описаниях, как происходящих с территории средневековой Молдавии, таковыми по своему происхождению вовсе не являются, а принадлежат памятникам средневековой болгарской, украинской (южнорусской), сербской и даже русской традиции.

Если говорить о наиболее известных и чаще всего цитируемых в румынской археографии подобных изданий, появление которых в первую очередь именно в Румынии вполне объяснимо, то среди них необходимо выделить прежде всего вышедший в 1986 году Каталог Раду КонстантINESКУ [Constantinescu, 1986]. Его значение для археографических описаний средневековых рукописей Дунайских княжеств трудно недооценить – автор на основе данных из ранее опубликованных описаний и каталогов (включая дореволюционные) и собственных наблюдений учел 1358 рукописных книг в хранилищах всего мира, из которых 591 – в России.

Кроме того, авторитет этой работы КонстантINESКУ в румынской исторической научной литературе оказался настолько велик, что данные из каталога этого автора практически без изменений и проверки использованы и в самых современных сводных изданиях корпуса рукописных источников по истории Румынских княжеств – это прежде всего Сводный каталог записей на рукописных книгах [Însemnări de pe manuscrise, 2008] и Каталог источников [Virgil Căndea, 2012].

Однако при непосредственном знакомстве с указанными У КонстантINESКУ рукописями обнаруживаются существенные ошибки в их происхождении и датировках, на что уже обращали внимание исследователи [Паскаль, 1991, с. 3–4; Турилов, 2005, с.151, 157. Примеч. 16].

Рукописные собрания ГИМ также не избежали этой участи. По нашим наблюдениям, не менее 30 рукописей XV–XVII вв., указанных КонстантINESКУ, на самом деле относятся к памятникам другой рукописной книжности. Например:

болгарской – Хлуд.76 [Constantinescu. 1986. № 646], Щук. 339 [Constantinescu. 1986. № 683], Щук. 361 [Constantinescu. 1986. № 687], Синод. 35 [Constantinescu. 1986. № 709];

южнорусской (украинской) – Хлуд. 1Д [Constantinescu. 1986. № 653], Чудов. 36(12) [Constantinescu. 1986. № 656], Щук. 303 [Constantinescu. 1986. № 672];

сербской – Барс.151 [Constantinescu. 1986. № 636], Хлуд.42 [Constantinescu. 1986. № 645], Хлуд.76 [Constantinescu. 1986. № 646], Хлуд.118 [Constantinescu. 1986. № 648], Хлуд.131 [Constantinescu. 1986. № 649], Хлуд.173 [Constantinescu. 1986. № 650], Хлуд.175 [Constantinescu. 1986. № 651], Щук. 301 [Constantinescu. 1986. № 670];

восточнославянской – Хлуд. 273 [Constantinescu. 1986. № 652], Чудов. 31(7) [Constantinescu. 1986. № 655], Чудов. 39(15) [Constantinescu. 1986. № 657], Чудов. 43(19) [Constantinescu. 1986. № 658], Чудов. 209(7) [Constantinescu. 1986. № 659], Чудов. 218(16) [Constantinescu. 1986. № 660], Щук. 64 [Constantinescu. 1986. № 669], Синод. 193 (919) [Constantinescu. 1986. № 711], Увар. 922 [Constantinescu. 1986. № 712], Увар. 75 [Constantinescu. 1986. № 715], Увар. 35 [Constantinescu. 1986. № 722], Увар. 374 [Constantinescu. 1986. № 730], Увар. 389 [Constantinescu. 1986. № 737], Увар. 141 [Constantinescu. 1986. № 739], Вахром. 47 [Constantinescu. 1986. № 744].

Приводимый ниже уточненный нами Предварительный перечень славяно-молдавских рукописей XV–XVII вв. в собраниях Государственного исторического музея основан прежде всего на изучении *de visu* рукописных книг и включает в себя: название собрания, номер в собрании, название рукописи, предварительную датировку рукописи, размер, количество листов, материал письма (специально указан материал письма только для рукописей на пергамене, остальные выполнены на бумаге).

Отдельно следует отметить небольшой фрагмент на славянском языке «Бог Господь» на л. 44 об. в греческой певческой Анфологии первой половины XV в. из библиотеки монастыря Путна (Собрание Синодальное певческое, № 1109), а также сохранившийся автограф протопсалта Евстатия из монастыря Путна – его собственное сочинение «Елицы во Христа креститесь» с греческим текстом на л. 77 об. и внесенные его рукой добавления в музыкальном тексте на л. 62 об. и 63 в греческой певческой Анфологии первой половины XV в. (Собрание Е.В. Барсова, № 1345). Атрибуция произведена А.А. Елисейевой, которой автор приносит свою сердечную благодарность.

Краткость приводимых описаний рукописей обусловлена их предварительностью и требованиями к объему данной статьи (подробные описания с полной библиографией каждой рукописи планируется выпустить отдельным изданием).

Предварительный перечень славяно-молдавских рукописей XV–XVII вв. в собраниях Государственного исторического музея

Собрание Е.В. Барсова

- № 3. Библейские книги: Пятикнижие Моисеево, Иисуса Навина, Судей, Руфь. Вторая половина XV в. 2°, 224 л.
№ 26. Псалтырь. Первая половина XVI в. 4°, 4 л. (фрагмент).
№ 152. Синтагма Матфея Властаря. 1556–1567 гг. 1°, 400 л.
№ 1139. Устав церковный ок. 1577 г. 4°, 299 л.
№ 1224. Минея, июнь. Конец XVI – начало XVII в. 1°, 185 л.
№ 1238. Канонник. Середина XVII в. 8°, 283 л.
№ 1411. Сборник смешанного содержания. Вторая половина XVI в. 8°, 333 л.

Музейское собрание

- № 1416. Минея праздничная и общая. Третья четверть XVI в. 4°, 259 л.
№ 3442. Евангелие-тетр. 1491 г. 1°, 307 л. Пергамен.
№ 3451. Апостол апракос. Вторая половина XVI в. 1°, 324 л. Пергамен.
№ 3641. Евангелие-тетр. 1492 г. 1°, 280 л. Пергамен.
№ 3877. Сборник апокрифов. Вторая половина XVI в. 4°, 32 л. (фрагмент).
№ 3980. Евангелие-тетр. Начало XVII в. 1°, 357 л. Пергамен.

Собрание Синодальное певческое

- № 1102. Певческая Анфология. 1515 г. 8°, 297 л. Часть текста на греческом языке.

Собрание А. С. Уварова

- № 88. Службы избранные на Пятидесятницу. 1616 г. 1°, 137 л. Пергамен.
№ 91. Евангелие-тетр. Первая половина XVI в. 1°, 299 л. Пергамен.
№ 102. Псалтырь. Начало XVII в. 1°, 181 л. Пергамен.
№ 108. Евангелие-тетр. 1623 г. 1°, 243 л.
№ 109. Псалтырь. 1625 г. 1°, 121 л. Пергамен.

- № 132. Евангелие-тетр. 1498 г. 1°, 291 л. Пергамен.
№ 135. Октоих. Начало XVII в. 1°, 239 л. Пергамен.
№ 328. Апостол. Конец XVI – начало XVII в. 1°, 243 л. Пергамен.
№ 329. Апостол. Конец XVI – начало XVII в. 1°, 239 л. Пергамен.
№ 335. Псалтырь. Начало XVII в. 1°, 103 л. Пергамен, бумага.
№ 391. Триодь цветная. 1543 г. 1°, 146 л. Пергамен.
№ 499. Псалтырь. Первая половина XVI в. 4°, 186 л. Пергамен.
№ 498. Псалтырь. Конец XVI – начало XVII в. 4°, 234 л. Пергамен.
№ 500. Псалтырь. 1634 г. 4°, 267 л. Пергамен.
№ 512. Евангелие-тетр. Первая половина XVI в. 1°, 234 л. Пергамен.
№ 598. Служебник. 1557 г. 4°, 95 л. Пергамен.
№ 677. Служебник. Начало XVII в. 4°, 57 л. Пергамен.
№ 717. Часослов. Конец XVI в. 4°, 92 л. Пергамен.
№ 751. Псалтырь. Конец XVI – начало XVII в. 4°, 150 л. Пергамен.
№ 837. Минея январь–февраль. Начало XVII в. 1°, 541 л.
№ 877. Минея декабрь. 1611 г. 1°, 316 л.
№ 913. Октоих. Вторая половина XVI в. 1°, 266 л.
№ 1176. Часослов. XV в. 4°, 2 л. Пергамен.

Собрание П. И. Щукина

- № 1. Псалтырь с дополнительными статьями. Вторая половина XVI в. 1°, 286 л.
№ 10 Б. Евангелие-тетр. Фрагмент рукописи (миниатюра с изображением ап. Луки). XVI в. Пергамен. 1°, 1 л.
№ 18. Апостол. Вторая половина XVI в. 1°, 2 л. (фрагмент). Пергамен.
№ 63. Сборник поучений и слов. 1613 г. 1°, 282 л.
№ 302. Евангелие-тетр. 1530 г. 1°, 357 л.
№ 304. Евангелие-тетр. 1547 г. 4°, 304 л.
№ 307. Евангелие-тетр. Конец XVI – начало XVII в. 1°, 276 л.
№ 310. Апостол. 1631 г. 1°, 337 л.
№ 314. Апостол. Первая четверть XVI в. 1°, 9 л. (фрагмент).
№ 319. Часослов с дополнительными статьями. Вторая половина XVI в. 1°, 161 л.
№ 320. Псалтырь с Часословом. 1582 г. 1°, 247 л.
№ 322. Псалтырь. Первая половина XVI в. 4°, 43 л. (фрагмент).
№ 334. Октоих. 1669 г. 1°, 255 л.

- № 335. Октоих. Третья четверть XVII в. 1°, 233 л.
- № 350. Певческая Анфология. 1511 г. 4°, 158 л. Часть текста на греческом языке.
- № 360. Поучения аввы Доротея с дополнительными статьями. Вторая половина XVI в. 1°, 284 л.
- № 369. Иоанн Златоуст. Маргарит. 1443 г. 1°, 7 л. В составе Сборника-конволюта XIV–XV вв. № 369 (л. 43–49 об.). Фрагмент из основной рукописи, находящейся в Румынии (Бухарест. БАН Румынии. № 136).
- № 370–IV. Торжественник триодный, первая половина XV в. 1°, 14 л. В составе Сборника-конволюта XIV–XV вв. № 370 (л. 52–65 об.). Фрагмент из основной рукописи, находящейся в Румынии (Бухарест. БАН Румынии. № 149).
- № 409. Пролог, январь–апрель. 1625 г. 1°, 327 л.
- № 507. Библейские книги 16 пророков с толкованиями. 1475 г. 1°, 298 л.
- № 864. Октоих. Вторая половина XVI в. 1°, 1 л. (фрагмент).
- № 875. Псалтырь. Вторая половина XVI в. 1°, 1 л. (фрагмент).
- № 883. Псалтырь. XVI в. 1°, 2 л. (фрагмент). Пергамен.

Собрание А. Д. Черткова

- № 162. Псалтырь. 1618 г. 1°, 206 л.

Собрание А. И. Хлудова

- № 2. Псалтырь. Вторая половина XVI в. 4°, 154 л. Пергамен.
- № 5. Псалтырь. Начало XVII в. 4°, 243 л. Пергамен.
- № 8 Д. О постничестве Василия Великого. 1444 г. 1°, 308 л.
- № 113. Служебник. 1574 г. 4°, 96 л. Пергамен.

Литература

- Дополнения, 1993 — Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986) / сост.: Н.А. Охотина, А.А. Турилов; отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1993.
- Паскаль, 1991 — Паскаль А. Д. Источники по истории славяно-молдавской книжности XV–XVI вв. (По материалам хранилищ Москвы и Ленинграда): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1991.

- Предварительный список, 1986 — Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / сост. А. А. Турилов. М., 1986.
- Турилов, 2005 — Турилов А.А. Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С.139–168.
- Însemnări de pe manuscrise, 2008 — Însemnări de pe manuscrise și cărți vechi din Tara Moldovei, corpus editat de I. Caproșu și E. Chiaburu: vol. I. Casa Editorială Demiurg. Iași, 2008.
- Constantinescu, 1986 — Radu Constantinescu. Manuscrise de origine românească din colecții străine: repertoriu. București: Direcția Generală a Arhivelor Statului din Republica Socialistă România, 1986.
- Virgil Căndea, 2012 — Virgil Căndea. Mărturii românești peste hotare: creații românești și izvoare despre români în colecții din străinătate. Serie nouă. IV. Polonia – Rusia. Editori coordonatori: Ioana Feodorov și Andrei Timotin. București: Biblioteca Bucureștilor, 2012.

Обследование книжных фондов Томского областного краеведческого музея и его филиалов*

Археографическое обследование Томской области силами местных исследователей началось в середине 1980-х гг. При этом книги, находящиеся на хранении в государственных учреждениях (в частности, в филиалах ТОКМ), не подвергались систематическому изучению. Описание рукописей и книг кириллической печати, хранящихся в головном музее ТОКМ, велась О.Н. Бахтиной и рядом сотрудников ТГУ. Был составлен ряд охранных описей, опубликовано 3 каталога. Особо следует отметить исследование и публикацию текста Степенной книги, проводившиеся под руководством Н.Н. Покровского.

На настоящий момент в головном музее ТОКМ хранится 188 ед. в составе коллекции рукописей, не опубликованы описания на 106 ед. Коллекция кириллических книг на сегодняшний день составляет 195 ед., на которые были опубликованы 162 описания. Сведения по филиалам отрывочны и нуждаются в проверке.

Было принято решение о полном обследовании фондов ТОКМ, включая его филиалы, сформирован творческий коллектив, включающий сотрудников ИБ ТГУ, ТОКМ и ГПНТБ СО РАН, выигран грант «Томская археографическая экспедиция: обследование книжных фондов Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова и его филиалов» (16-11-70601 е/р).

В настоящее время существенная часть работ по проекту уже проведена: обследован почти весь рукописный фонд головного музея и фонды Асиновского краеведческого музея. Выявлен ряд ошибок и неточностей в предыдущих описаниях.

Работы по проекту в настоящее время продолжают. На август 2016 г. запланирована поездка в два филиала: Колпашевский краеведческий музей и Подгорненский краеведческий музей. Также необходимо закончить работу по завершению обследования фондов головного музея.

Ключевые слова: археография, палеография, рукописи, Томский областной краеведческий музей

* Работа выполнена при поддержке РГНФ и Администрации Томской области в рамках научного проекта №16-11-70601 е(р)0

Археографическое обследование Сибири началось еще в XVIII в., когда Сенат и Синод требовали от местных властей предоставить сведения о различных предметах старины [Покровский, 2008, с. 43]. К концу 1950-х – началу 1960-х гг. относится знаменитое «археографическое открытие» Сибири, когда по инициативе академика М.Н. Тихомирова были организованы первые археографические экспедиции на территории Сибири, а затем налажена подготовка специалистов и работа археографического центра в Новосибирске. Тогда же впервые была обследована и Томская область, признанная одним из перспективных районов для поиска памятников традиционной русской книжности.

В середине 1980-х гг. по инициативе зав. отделом редких книг и рукописей Г.И. Колосовой и профессора филологического факультета ТГУ О.Н. Бахтиной началась систематическая археографическая работа в Томске и области, в которой принимали участие местные исследователи.

Между тем, в ходе экспедиционных работ книги, находящиеся на хранении в государственных учреждениях, в частности, в филиалах Томского областного краеведческого музея (ТОКМ), не подвергались систематическому изучению. Стояла задача в первую очередь выявить и сохранить то, что находилось на руках у населения и могло быть утрачено в силу разных причин. О.Н. Бахтина и ряд сотрудников ТГУ в течение ряда лет вели работы по описанию коллекций, хранящихся в головном музее ТОКМ: в 1986 г. была составлена охранная опись на 26 рукописных книг Томского областного краеведческого музея, в 1987–1990 гг. проведена первичная обработка собрания рукописных книг, составлены научные паспорта на ряд памятников. Однако в результате были опубликованы описания лишь отдельных частей коллекции, ее полное и систематическое описание закончено не было. Так, О.Н. Бахтиной и Е.Е. Дутчак было опубликовано описание коллекции Нифантовых (рукописи 7 ед., кириллические издания 19 ед.) [Старообрядческая библиотека, 2005], О.Н. Бахтиной были описаны также кириллические издания, хранящиеся в головном музее ТОКМ [Бахтина, 1996], составлена и опубликована охранная опись на библиотеку Тиуновых (рукописи, 75 ед.) [Бахтина, 1987]. В 2014 г. был издан каталог берестяных рукописей библиотеки Тиуновых («Займочной» коллекции), хранящихся в ТОКМ, Колпашевском филиале ТОКМ, отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ) и секторе археографии Института истории СО РАН (ИИ СО РАН, г. Новосибирск) [Есипова, Куклина, 2014].

При этом пополнение коллекции музея продолжалось: в 1990-е – 2000-е годы она осуществлялась в основном путем дарения и закупок книг у населения. На настоящий момент в головном музее ТОКМ хранится 188 ед. в составе коллекции рукописей, не опубликованы описания на 106 ед. Коллекция кириллических книг на сегодняшний день составляет 195 ед., на которые были опубликованы 162 описания. Сведения по филиалам отрывочны: так, известно, что Подгорненский районный филиал ТОКМ имеет 403 экспоната в составе документального и книжного фондов, но профессиональное палеографическое описание их не выполнено.

Таким образом, в настоящий момент полное описание рукописных книг и книг кириллической печати, хранящихся в ТОКМ, нельзя признать завершенным. Учитывая наличие в фондах ТОКМ таких значимых памятников, как один из древнейших списков Степенной книги царского родословия [Сиренов, 2007], работа по описанию коллекции ТОКМ представлялась необходимой и перспективной.

Исходя из вышесказанного, было принято решение о полном обследовании фондов ТОКМ, включая его филиалы. Был сформирован творческий коллектив, включающий сотрудников НБ ТГУ, ТОКМ и Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (ГПНТБ СО РАН) и подана заявка на конкурс региональных проектов РГНФ ««Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2016 – Томская область». Проект называется «Томская археографическая экспедиция: обследование книжных фондов Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова и его филиалов» (16-11-70601 е/р).

В настоящее время существенная часть работ по проекту уже проведена: обследован почти весь рукописный фонд головного музея и фонды Асиновского краеведческого музея.

В головном музее на настоящий момент описано более 100 ед. рукописей XVI–XX вв. Рассмотрим их более детально по хронологическим группам. К XVI в. в коллекции относятся четыре единицы: ТОКМ 7328. Феофилакт, архиеп. Болгарский. Евангелие толоковое. 2я часть: Евангелия от Луки и Иоанна [Бахтина, 1987, №1]; ТОКМ 7903/1. Псалтирь с толкованиями Афанасия Александрийского [Старообрядческая библиотека, 2005, №1]; ТОКМ 7903/2. Книга степенная царского родословия и ТОКМ 7365. Псалтирь с воследованием [Бахтина, 1987, №6, датирована XVIII в.].

К XVII в. в коллекции относятся также четыре единицы, в том числе: ТОКМ 7903/3. Григорий Богослов (Назианзин). 16 слов с толкованием Никиты, митр. Иракийского. XVII в. (20–30-е гг.) [Бахтина и др., 1984, №3], а также ТОКМ 7903/4. Хронограф 1617 г. (особый вид) [Старообрядческая библиотека, 2005, №3, описан как Сборник хронографический]. Дата составления текста последнего памятника определяется, как известно, из статьи «Об отложении мяса иноком» (л. 572–573), где указаны следующие даты: «Феодор Студит был по седмом соборе в лета 6342, а до сех времен за 783 лета» и ниже: «А Никон уже был в лета 6580-го, а до сего времени за 545 лет»; обе цифры при подсчетах дают 1617 год. Как установил О.В. Творогов, Основная редакция Хронографа 1617 г. состоит из 169 глав [Творогов, 1970, с. 164]; в рассматриваемом же списке насчитывается как минимум 200 глав; установить их точное количество затруднительно, поскольку начало и конец рукописи утрачены. Первоначальное обследование рукописи позволяет выдвинуть предположение, что настоящий список Хронографа может являться некоторым промежуточным звеном между редакциями 1512 и 1617 г., однако для более точных выводов необходимы дальнейшие изыскания.

Рукописей XVIII в. на настоящий момент описано 12 ед. Среди них ТОКМ 7903/6. «Книга... нравочений в поучение иноком» (XVII в. (кон.) – XVIII в. (нач.) [Бахтина и др., 1984, №5. Описана как Лествица]. Фактически рукопись содержит обширные выписки из «Лествицы», но не полный текст памятника. Отсутствует вводная часть (Житие Иоанна Лествичника, переписка между Иоанном Лествичником и Иоанном Раифским). Ряд слов разделен по разным главам, имеются существенные разночтения. Отметим, что существовало много переводов Лествицы, что было отмечено и в послесловии к первому ее русскому изданию [Лествица, 1647, л. 311]. Для редактирования использовались многочисленные рукописные памятники [Николаев, 1993]. Не исключено, что описываемая рукопись также привлекалась для этой работы, однако это предположение требует отдельного доказательства.

Также к концу XVII – началу XVIII в. относится ТОКМ 7903/5. Страсти Христовы и Житие Иоанна Кущника [Бахтина и др., 1984, №6]. Рукопись принадлежала Платону Никаноровичу Агентову (1862–1903), кандидату богословия, преподавателю Кирилловского духовного училища. В 1876 г. он окончил Вологодское духовное училище, затем Вологодскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию.

В 1886 г. преподавал в Барнаульском духовном училище [Агентов, 2013]. Ему же принадлежала рукопись ТОКМ 7903/18.

Началом XVIII в. датируется еще одна рукопись ТОКМ 7560. Лаврентий Зизаний Тустановский. Катехизис (приобретена в 1985 г. у А.А. Постовалова, ранее не описывалась). В сравнении с изданием [Лаврентий Зизаний, 1783] в описываемом экземпляре отсутствуют главы: «Глава 28. О ключах церковных» и «Глава 33. О еже како удостоитися в животе вечнем»; главы 3–4, 27–28, 32–33, 48–50, 56–59, 60–66, 73–74 объединены; в результате общее количество глав меньше, чем в издании. Имеются разночтения в заголовках и в тексте. Отметим также оттиснутую на л. 18 заставку-рамку (гравюра на меди). Эта гравюра была выполнена, как установил О.Р. Хромов, в конце XVII в. на Соловках.

Также к XVIII в. относятся: ТОКМ 7351. Сборник житийно-поучительного характера (выписки из Пролога, Великого Зеркала и др.) [Бахтина, 1987, №7], ТОКМ 7903/10. Симеон Денисов. Виноград Российский [Бахтина и др., 1984, №7; Старообрядческая библиотека, 2005, №4], ТОКМ 7373. Исаак Сирий. Слова постнические (2-я редакция) [Бахтина, 1987, №5; (описана как Слова постнические Исаака Сирина (без начала)) и ТОКМ 7903/7 Октоих на крюковых нотах.

Также на настоящий момент описано 35 рукописей XIX в. и 31 рукопись XX в., а также 19 записок и писем. Отметим среди этих рукописей ТОКМ 7903/15. Изборник 1073 г. и Вопросы князя Антиоха с ответами Афанасия Александрийского [Бахтина и др., 1984, №17. Описана как Сборник старообрядческий]. Писцовая запись, воспроизведенная на л. 499 настоящей рукописи, позволяет идентифицировать оригинал, с которого она переписывалась. Это Овчинниковский список 1619 г., писанный в Александрове Петром Левоновичем из Ровного по заказу иерея Козьмы Левковского; ныне хранится в РГБ, собр. П.А. Овчинникова (ф.209) №745 [Темчин, 2015, с. 258]. В писцовой записи указан 1627 г., а официально считается, что Овчинниковский список датирован 1619 г. Скорее всего, писец ошибся при написании года, когда списывал с оригинала. По классификации Камчатнова, Овчинниковский список относится к Полной редакции, наиболее близкой к оригиналу 1073 года [Камчатнов, 1984].

Также было дополнительно описано 6 рукописей на бересте, не вошедший в опубликованный ранее каталог [Есипова, Кукулина, 2014].

Заслуживают отдельного обсуждения источники поступления в ТОКМ перечисленных выше рукописей. В настоящее время известно

лишь о некоторых: это старообрядческие библиотеки Нифантовых и Тиуновых [Старообрядческая библиотека, 2005; Есипова, Куклина, 2014]. Однако часть книг была приобретена музеем у других частных лиц; в подавляющем большинстве это единичные памятники, а не библиотеки. Так, три из вновь описанных берестяных рукописи были приобретены в 1988 г. в Томске; владелец сообщил, что книги были найдены в одном из деревянных домов по ул. Тверской г. Томска. Кроме того, довольно большой массив рукописей хранился до 1984 г. в составе библиотеки ТОКМ; откуда они поступили, еще предстоит разобраться.

К сожалению, при обследовании выяснилось, что при описании в предыдущих публикациях имеются неточности и ошибки. Так, «Сборник поучений о вере и страхе Божии» (ТОКМ 7903/18) [Бахтина и др., 1984, №24] оказался сочинением Тихона Задонского «Наставление о собственных всякого христианина должностях», «Житие Василия Великого (фрагмент)» (ТОКМ 7359) [Бахтина, 1987, №48] на самом деле является Житием Василия Нового, «Сборник хронографический» (ТОКМ 7903/4), [Старообрядческая библиотека, 2005, №3] – это Хронограф 1617 г. (особый вид) и т.д. Имеются неточности и в описании книг кирилловской печати: так, издание, описанное как Псалтирь. Украинское издание XVII в. (ТОКМ № 7904/32) [Бахтина, 1996, №66] фактически является Псалтирью 1737 г., изданной в типографии Киево-Печерской лавры [Запаско, Исаевич, 1984, №1276] и др.

Кроме того, были подготовлены к внесению в инвентарные книги четыре рукописи, до этого не описанные вообще. Среди них оказалось, например, «Донесение Парфения, митрополита Лаодикийского, его императорскому величеству государю императору Петру Первому о том, как он освободил из турецкого плена российских подданных» (рукопись начала XVIII в.). Текст Донесения воспроизведен сначала на греческом языке, а затем – на русском, каллиграфической скорописью XVIII в. с использованием золота.

Начаты работы по обследованию коллекции кириллических книг головного музея ТОКМ. На настоящий момент осмотрены книги, не вошедшие ни в один из опубликованных ранее каталогов, начато их описание. Отметим, что среди этих книг имеется экземпляр Острожской Библии (ТОКМ 12.262), издания XVII в. (ТОКМ 7026) и XVIII в. (ТОКМ 6220, 7350, 7366 и др.), но преобладают как старообрядческие, так и синодальные издания XIX–XX вв. Отдельного и более вниматель-

ного описания заслуживают литографированные и гектографированные издания, которых в коллекции насчитывается четыре единицы. Представляет несомненный интерес исследование вопросов бытования книг этой коллекции: среди них обнаружены, в числе прочего, издания, подаренные Г.С. Батеньковым одной из томских церквей (например, ТОКМ 8778). К сожалению, и здесь были обнаружены ошибки и неточности в уже опубликованных каталогах. Так, издание Апостола (М., 1635. ТОКМ 7904/3) оказалось описано как второй экземпляр издания 1597 г. [Бахтина, 1996. №3]; Псалтирь (1737 г.) была датирована XVII в. [Бахтина, 1996. №66] и др. Также оказалось, что отдельные издания гражданской печати были описаны как кириллические издания и вошли в этом качестве как в состав соответствующей коллекции, так и в каталог, например ТОКМ НВ 2255 [Бахтина, 1996. №157]. Таким образом, в дальнейшем необходима будет более детальная работа с коллекцией кириллических изданий ТОКМ; ограниченные временные рамки проекта не позволяют выполнить ее полностью в текущем году.

В рамках проекта также была совершена поездка в Асиновский краеведческий музей, где было описано 6 рукописей XIX–XX вв. и 6 кириллических изданий XIX–XX вв. Наиболее ранней рукописью коллекции является «Каноны Зосиме и Савватию и ангелу-хранителю» (АКМ П275/925), относящаяся к 30-м гг. XIX в. Рукопись включает тексты очень распространенных в старообрядческой среде канонов: Зосиме и Савватию Соловецким и ангелу-хранителю. Самым ранним изданием является «Алфавит духовный» (АКМ П435/1436), напечатанный в Синодальной типографии Санкт-Петербурга в 1811 г. На форзаце книги имеется запись, свидетельствующая о ее принадлежности прихожанину Духовской единоверческой церкви Якову Петрову. Таким образом, в коллекции Асиновского краеведческого музея представлены как книги, принадлежавшие единоверцам, так и бытовавшие в старообрядческой среде.

Работы по проекту в настоящее время продолжают. На август 2016 г. запланирована поездка в два филиала: Колпашевский краеведческий музей и Подгорненский краеведческий музей. Также необходимо закончить работу по завершению обследования фондов головного музея. Вопрос о публикации текста описания пока не решался, но авторский коллектив считает, что он должен быть доступен как в виде традиционного каталога, так и в форме интернет-публикации.

Литература

- Агентов, 2013 — Агентов Платон Никанорович // Древо. Открытая православная энциклопедия. Электрон. дан. М., 2010–2016 [электронный ресурс; режим доступа: drevo-info.ru/articles/24809.html] (дата обращения 29.06.2016 г.).
- Бахтина, 1987 — Бахтина О.Н. Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 139–161.
- Бахтина, 1996 — Бахтина О.Н. Старопечатные книги Томского историко-архитектурного музея / под ред. В.Н. Алексеева и А.Ю. Бородихина. Новосибирск, 1996. 172 с.
- Бахтина и др., 1984 — Бахтина О.Н., Ветшева Н.Ж., Комарова О.Ю. Рукописи и старопечатные книги Томского областного краеведческого музея // Русская книга в дореволюционной Сибири: книгописная деятельность и крутчение сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 118–150.
- Есипова, Кукулина, 2014 — Есипова В.А., Кукулина Т.Э. «Займочная» коллекция: рукописи XX в. на бересте. Томск, 2014. 124 с., ил.
- Запаско, Исаевич, 1984 — Запаско Я.П., Исаевич Я.Д. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків виданих на Україні. Львів, 1984. Кн. 2, ч.1: (1701–1764). 132 с.
- Лествица, 1647 — Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Печатный двор, 1647. 344 лл.
- Камчатнов, 1984 — Камчатнов А.М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 года // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 5–19.
- Лаврентий Зизаний — Лаврентий Зизаний Тустановский. Катехизис большой. Гродно, 1783. 396 Электронная копия издания URL: <http://sobornik.ru/text/kathehisis/kathehisis.htm> (дата обращения: 29.06.2016 г.).
- Николаев, 1993 — Николаев Н.И. Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 48. С. 277–283.
- Покровский, 2008 — Покровский Н.Н. Археографические исследования в работе Института истории СО РАН (1965–2006) // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005). Новосибирск, 2008. Т. 1. С. 41–50.
- Сиренов, 2007 — Сиренов А.В. Степенная книга: история текста / отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2007. 544 с.
- Старообрядческая библиотека, 2005 — Старообрядческая библиотека Нифантовых (из фондов Томского областного краеведческого музея): Каталог /

- сост. О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак, Е.Г. Захарова; под ред. Н.А. Кобяк. Томск, 2005. 104 с., ил.
- Творогов, 1970 — Творогов О.В. О Хронографе редакции 1617 г. // ТОДРА. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 162–177.
- Темчин, 2015 — Темчин С.Ю. Новый восточнославянский список Изборника болгарского царя Симеона из Великого княжества Литовского // Круго-тыра. Vilnius, 2015. Т. 65. С. 254–268.

Научные описания собрания рукописей А.Д. Григорьева, хранящегося в Славянской библиотеке в Праге: итоги и перспективы

В статье собрана информация о существующих печатных описаниях древнерусских рукописей, хранящихся в Славянской библиотеке города Праги и путях формирования этого фонда. Кратко характеризуются работы Е. Ф. Максимовича, В. Д. Кузьминой, Л. П. Лаптевой, А. В. Флоровского, Н. В. Савельевой. Преимущественное внимание уделено собранию А. Д. Григорьева, известного фольклориста, археографа, диалектолога и исследователя древнерусской литературы, хранящемуся в Славянской библиотеке, приводятся основные факты его биографии, сообщается история передачи рукописей, собранных А. Д. Григорьевым в селах по реке Пинеге, в Поморье, в Томске, в Славянскую библиотеку. В хронологической последовательности приводятся работы, в той или иной степени касающиеся коллекции русского рукописного материала из фондов Славянской библиотеки. Дается сравнительная характеристика двух описаний собрания А. Д. Григорьева – описания А. В. Флоровского (1960 г.) и Н. В. Савельевой (2003 г.): приводятся разделы их описаний, состав описания отдельной рукописи, оценивается объем и точность описания. Приводятся данные о работе Славянской библиотеки по оцифровке древнерусских рукописей из собрания А. Д. Григорьева. Обозначаются задачи дальнейших работ по описанию этого собрания.

Ключевые слова: Описание древнерусских рукописей, Славянская библиотека в Праге, коллекция севернорусских рукописей А.Д. Григорьева

В пражской Славянской библиотеке, являющейся частью Национальной библиотеки Чехии, помимо большого количества русской и советской литературы (около полмиллиона книг) хранится несколько сотен древнерусских и старообрядческих рукописей и большое собрание русских актов XVII—XVIII вв. Эти материалы разными путями попадали в фонды Славянской библиотеки: благодаря покупкам, которые производили в 20—30-е годы сотрудники министерства иностранных дел Чехословакии у частных лиц, в антикварных магазинах и на рынках Москвы,

Ленинграда, Киева, Риги, Парижа и Берлина, отчасти благодаря поступлениям от русских историков-эмигрантов, живших в Праге [Бегунов, 1970, с. 327].

Наиболее ранняя опубликованная работа по описанию русских материалов Славянской библиотеки принадлежит историку-эмигранту Е. Ф. Максимовичу [Максимович, 1964]. Им составлена и полная черновая опись 1100 актовых документов, оставшаяся не опубликованной [Лаптева, 1968, с. 204; Бегунов, 1970, с. 327]. На эти материалы частично опиралась и Л. П. Лаптева в своем обзоре этой коллекции рукописных документов, принадлежавшей, по предположению Е. Ф. Максимовича, В. О. Ключевскому [Лаптева, 1968, с. 204], Они относятся к истории Московского государства и XVIII века. Исследовательница выделила две группы материалов внутри данного фонда – материалы правительственных архивов и документы семейных и родовых архивов – и охарактеризовала некоторые из них. В 1970 г. Ю. К. Бегунов представил обзор древнерусских литературных рукописей и документов XV—XX вв. (78 единиц хранения) из собрания Славянской библиотеки, не представляющих собой какого-либо территориального собрания, и привел наиболее интересные сочинения как литературно-богословского содержания (оригинальные и переводные), так и рукописи исторического и делового содержания, а также литературные произведения XVIII в. с указанием их шифров [Бегунов, 1970]. В 80-е годы с рукописями Славянской библиотеки работала Н.С. Демкова, но сделанные ею наблюдения пока не опубликованы.

Особую часть фонда русских материалов Славянской библиотеки составляет коллекция севернорусских рукописей, собранных на Пинеге и в Поморье в конце XIX – начале XX в. известным фольклористом, археографом, диалектологом и исследователем древнерусской литературы Александром Дмитриевичем Григорьевым. Судьба этого замечательного ученого сложилась необычно. Родившись в Варшаве (в 1874 г.), он получил образование в Москве, где в 1899 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета, а в 1913 г. защитил магистерскую диссертацию. После защиты он был профессором Варшавского русского университета, а после революции 1917 г. переселился в Томск, став первым деканом историко-филологического факультета Томского университета. Однако трудные условия работы, оторванность от крупных научных центров подвигли А. Д. Григорьева со всей семьей переехать

в Польшу, где в это время жил его отец. Но в высшей школе ему больше не удалось поработать, и он занялся педагогической работой в средней школе. В 1936 г. А. Д. Григорьев переселился с семьей в Прагу, где интенсивно занялся научной работой, которую вынужден был прервать из-за тяжелой болезни. 4 мая 1945 г., в последние дни немецкой оккупации Чехословакии, А. Д. Григорьев скончался. Незадолго до смерти он передал свое собрание древнерусских рукописей в Славянскую библиотеку г. Праги, основанную в 1925 г. [Флоровский, 1960, с. 573; Флоровский, 1958]

Рукописи из собрания А. Д. Григорьева были найдены ученым на Пинеге и в Поморье, куда он ездил по поручению Библиотеки Российской Академии наук в 1899, 1900 и 1901 гг. и куда передал большую часть приобретенных тогда рукописей, о чем он печатно сообщил в своем отчете [Отчеты, 1902]; см. также его отчет о записях старин в Поморье [Былинная традиция, 1900, с. 648–653]. Всего пражское собрание Григорьева насчитывает 67 рукописных книг XVI–XIX вв.

Первое печатное описание этого собрания относится к 1959 г. Оно представляет собой инвентарную опись, составленную В. Д. Кузьминой и помещенную в Приложении к ее статье о поездке в Чехословакию [Кузьмина, 1959]. Годом ранее другим ученым – историком и славистом А. В. Флоровским было составлено более полное описание собрания А. Д. Григорьева, опубликованное позже – в 1960 г. в Трудах отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома [Флоровский, 1960]. Позднее статья была переиздана в чешском журнале [Флоровский, 1964]. Описание рукописей А. В. Флоровский предварил небольшим вступлением, в котором он рассказал о происхождении коллекции А. Д. Григорьева и дал самую общую характеристику его собрания. Отмечая научное значение собрания рукописей А. Д. Григорьева, ученый пишет: «По своему составу собрание А. Д. Григорьева — при всей случайности и отрывочности — дает возможность наблюдать судьбу двух слагаемых старорусской книжности на русском севере. С одной стороны, тут представлена в более или менее традиционном составе религиозная и церковно-поучительная литература, восходящая к весьма старой переводной традиции и к известным и в позднейшей печати сборникам: Прологу, Измарагду, Патерикам, Ирмологию и т. д. С другой стороны, тут имеется довольно значительный подбор повествовательной литературы, как связанной с церковно-учительной и апокрифической литературой, так и уже вполне светской»

[Флоровский. 1960, с. 574]. Особое внимание А. В. Флоровский обратил на то, что в состав коллекции А. Д. Григорьева вошел целый комплекс рукописей, связанных с одним из крестьянских родов Поморья – родом Верещагиных, в котором в течение нескольких поколений культивировался интерес к книге и рукописи, что позволяет «поставить и вопрос о той социальной и территориальной среде, которая хранила у себя старорусскую рукописную и книжную традицию» [Там же]. Отметил ученый и значение литературного материала местного архангельского характера, в том числе и связанного со старообрядчеством. А. В. Флоровским была написана и более развернутая статья, посвященная жизни и научной деятельности А. Д. Григорьева, которая, к сожалению, осталась не опубликованной [Флоровский, 1958]. К биографии А.Д. Григорьева обращались и другие исследователи [Соучкова, 2004; 2008].

Описание, составленное А. В. Флоровским, разделено на три неравных по объему материала раздела, сформированных по территориальному принципу, что соответствует распределению рукописей по группам, сделанному самим собирателем в списке рукописей, передаваемых в Славянскую библиотеку [Флоровский. 1960, с. 574]. Первый раздел описания А. В. Флоровского «Рукописи с р. Пинеги, Архангельской губернии» включает два подраздела: «а. Светские» (24 рукописи) и «б. Рукописи главным образом культового содержания» (25 рукописей). Этот тематический принцип ученым, следовавшим за указаниями составителя коллекции, выдержан не совсем последовательно, т. к. во второй подраздел попали и сборники, включающие сугубо литературные сочинения (например, сборник № 22, содержащий различные слова и поучения, а также повесть о происхождении табака, сказание о царе Соломоне и другие литературные тексты). Второй раздел описания объединяет рукописи, приобретенные в Поморье (в Онежском и Кемском уездах Архангельской губернии) и включает 12 рукописей. Раздел не имеет внутренних тематических подразделов. Третий раздел включает всего 6 рукописей, найденных в Томске.

Описание отдельной рукописи в публикации А. В. Флоровского включает следующие разделы: унифицированное название рукописи, ее датировку, тип почерка, количество листов, формат рукописи и место ее приобретения, если таковое известно по указаниям собирателя. Далее следует обзор содержания с указанием начального листа текста и его, как правило, унифицированным названием (иногда приводится и самоназва-

ние сочинения в рукописи). При наличии в рукописи каких-либо записей они цитируются в конце описания, но далеко не в полном объеме. Иногда в конце приводятся некоторые наблюдения собирателя – А. Д. Григорьева, например, о связи сходных по содержанию рукописей № 17 и № 20 (Страсти Христовы). В ряде случаев составитель описания комментирует, иногда достаточно развернуто, содержание некоторых текстов. Например, о рукописи № 21 из раздела I а «Описание приключений шкипера поморского Константина Верещагина» А. В. Флоровский замечает «Вполне возможно, что это автограф составителя (...). Рассказ касается морской службы К. Верещагина в последние годы XVIII в. и в самом начале XIX в. вплоть до воцарения Александра I. Составлено это описание после выхода в отставку (...), автор испытывал «душевное повеление» рассказать о своих приключениях. Служил он во флоте на р. Пинеге. В описании много подробностей о тяжелых условиях службы, о жестоким режиме, побоях, голодовках и т. п.» [Флоровский, 1960, с. 576].

Описание А. В. Флоровского до недавнего времени было единственным достаточно подробным путеводителем по собранию А. Д. Григорьева. В 2003 г. большую его часть (рукописи, собранные на Пинеге) заново описала Н. В. Савельева, занимавшаяся в рамках работы над докторской диссертацией изучением пинежской книжно-рукописной традиции и привлекая пинежские рукописи, собранные А. Д. Григорьевым. Составленное ею описание было опубликовано как одно из приложений к ее монографии [Савельева, 2003]. Н. В. Савельева сохранила деление пинежского раздела в описании А. В. Флоровского на два подраздела, убрав их тематические названия, но сохранив нумерацию, данную рукописям ее предшественником.

Н. В. Савельева значительно расширила описание рукописи в соответствии с современными требованиями камеральной археографии. Помимо основных палеографических и кодикологических характеристик (датировка, формат, объем, почерк) были введены разделы, характеризующие переплет рукописи, описание водяных знаков и штемпелей; раздел «записи» значительно расширился – в него были включены все имеющиеся на рукописи пометы, включая записи самого А. Д. Григорьева; расширился кодикологический раздел описания, в котором появилась характеристика составных частей рукописи, их почерка, указания на писца той или иной части, если удавалось его установить. Принципиально изменился и раздел «содержание». Помимо унифицированных назва-

ний включенных в сборник произведений, Н. В. Савельева приводит их самоназвания, инципиты и окончания, а также дает ссылку на основные исследования этого произведения. В случае его издания по списку из собрания А. Д. Григорьева, указываются выходные данные этой публикации. В ряде случаев, когда этого требует недостаточная известность произведения, дается комментарий, что собой представляет данный текст. Указываются близкие по тексту списки одного и того же произведения, читающиеся в разных сборниках григорьевского собрания.

Н. В. Савельева существенно уточнила и датировку некоторых рукописей, приведенную в описании А. В. Флоровского (например, сборник № 1, содержащий «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о начале Москвы», «Хождение Трифона Коробейникова» и другие литературные произведения, датированный А. В. Флоровским XVII веком, оказался сборником середины XIX в.). Все датировки Н. В. Савельевой в ее описании базируются на анализе филиграней и штемпелей, приводимом в одном из разделов описания.

Описание, опубликованное Н. В. Савельевой, значительно облегчает исследовательскую работу с севернорусскими рукописями, хранящимися в Славянской библиотеке. Однако остался еще достаточно большой пласт григорьевских рукописей, которые не попали в описание Н. В. Савельевой (18 рукописей, найденных А. Д. Григорьевым в Поморье и в Томске). Эту задачу руководство библиотеки надеется решить с помощью российских археографов. Пока же на основе описания Н. В. Савельевой в Славянской библиотеке при активной поддержке директора библиотеки пана Лукаша Бабки ведется планомерная работа по оцифровке древнерусских рукописей из собрания А. Д. Григорьева. К июню 2016 г. было уже оцифровано 9 рукописей. Это сборники, описанные Н. В. Савельевой под номерами: А 5, А П 1, А П 6, А П 8, А П 10, А П 11, А П 13, А П 16, А П 19. Сборник А П 17 стоит в плане оцифровки на 2016 г. Ознакомиться с их электронными копиями можно по электронному адресу: <http://www.manuscriptorium.com/node/835>. По мере уточнения описания и поморских и томских рукописей, будет оцифрована и эта часть собрания.

Требует современного описания и остальная часть древнерусских рукописных материалов, хранящихся в Славянской библиотеке. Как заметил в конце своей статьи Ю. К. Бегунов, полное и подробное описание всех русских рукописных книг и документов Славянской библиотеки — одна из важнейших задач будущего [Бегунов, 1970, с. 329].

Литература

- Бегунов, 1970 — Бегунов Ю.К. Малоизвестные рукописи Славянской библиотеки в Праге // ТОДРА. М.; Л., 1970. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. С. 327–329.
- Былинная традиция, 1900 — Былинная традиция на Белом море (из отчетов о поездках А.В. Маркова и А. Д. Григорьева) // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 2. С. 641–653.
- Кузьмина, 1959 — Кузьмина В. Д. Научная командировка в Чехословакию. Приложение // ИОЛЯ. 1959. Т. 28, № 2. С. 186–187.
- Лаптева, 1968 — Лаптева Л. П. Русские рукописи в Славянской библиотеке в Праге // ИСССР. 1968. № 4. С. 204–206.
- Максимович, 1964 — Максимович Е. Ф. Русский актальный материал в Славянской библиотеке // *Ruská literatura ve Slovanské knihovně. Z rukopisných sbírek*. Praha, 1964. С. 3–16.
- Отчеты. 1902 — Отчеты о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии за 1900 и 1901 гг. // Сообщения ОРЯС. СПб., 1902. Т. 71. С. 26–29.
- Савельева, 2003 — Савельева Н. В. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI–начала XX вв.: Опыт исследования. Источники. СПб., 2003. Т. 1. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции: описание рукописных источников. Приложение 2. Описание пинежских рукописей из собрания А. Д. Григорьева. (Славянская библиотека. Прага). С. 668–713.
- Соучкова, 2004 — Соучкова М. Научная жизнь А.Д. Григорьева в Чехословакии. Из Ужгорода в Пряшев // Комплексное соби́рание, систематика, экспериментальная текстология / отв. ред. В.М. Гацак, Н.В. Дранникова. М., 2004. Вып. 2: Материалы VI Международной школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 года).
- Соучкова, 2008 — Соучкова М. Научная деятельность фольклориста Александра Дмитриевича Григорьева в Чехословакии. Из Прешова в Прагу // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии: Сб. ст. М., 2008. С. 211–220.
- Флоровский, 1958 — Флоровский А. В. Собрание старорусских рукописей профессора А. Д. Григорьева (Славянская библиотека, Прага). Машинопись. 1958 г.
- Флоровский, 1960 — Флоровский А. В. Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге // ТОДРА. Л., 1960. Т. 16. С. 573–580.
- Флоровский, 1964 — Флоровский А. В. Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке // *Ruská literatura ve Slovanské knihovně. Z rukopisných sbírek*. Praha, 1964. С. 17–22.

Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы публикации документальных памятников*

Статья посвящена археографической деятельности Русского заграничного исторического архива в Праге. В ней рассматриваются обстоятельства подготовки в 1929 г. сборника документов «Русский исторический архив», попытки создания периодического исторического издания в 1930-х гг. и др. В статье также рассмотрены практики использования документов. В основу статьи положены документы из российских и зарубежных архивов.

Ключевые слова: Русский заграничный исторический архив в Праге, русская эмиграция, Чехословакия, археография, Я. Славик, А.Ф. Изюмов, Б.И. Николаевский

Археографическая практика первоначально не входила в круг задач Русского заграничного исторического архива (РЗИА), созданного в 1924 г. на базе Архива русской эмиграции. Его деятельность была направлена исключительно на собирание и хранение документов. Однако крупные ученые-историки (А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло и др.), принимавшие в работе архива непосредственное и деятельное участие, прекрасно осознавали важность публикации русских документальных памятников, сконцентрировавшихся в Праге. Они внимательно следили за активной публикаторской работой в Советской России, например за сборниками документов о восстании декабристов [Цепилова, Ковалев, 2009, с. 92]. Их стремление разделяя и одобрял профессор Ян Славик (1885–1978), видный специалист по российской истории, как представитель чехословацкой стороны курировавший работу РЗИА после его перевода в марте 1928 г. под контроль Министерства иностранных дел. Начало публикаторской деятельности архива было официально

* Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-01-00236а.

положено в 1928 г., после того как 15 мая Совет РЗИА одобрил представление Ученой комиссии о подготовке первого сборника документов. Для этой цели была избрана комиссия в составе самого Я. Славика, а также Александра Александровича Кизеветтера (1866–1933) и Александра Филаретовича Изюмова (1885–1951) [Русский заграничный исторический архив, 1929, с. 2]. Примерно тогда же было одобрено печатание под эгидой архива мемуаров А.А. Кизеветтера «На рубеже двух столетий (1881–1914)». Руководство РЗИА пыталось найти поддержку (главным образом, с финансовой стороны) для своей публикаторской деятельности и с этой целью в конце 1929 г. заключило договор со Славянским институтом в Праге [Русский заграничный исторический, 1930, с. 12].

Русские ученые торопились подготовить сборник, желая приурочить его выход к 5-летию РЗИА. В результате кропотливой работы в начале 1929 г. появилась книга «Русский заграничный исторический архив». На ее обложке стоял подзаголовок «Сборник первый», дававший понять читателю, что речь идет о начале серийного издания. Действительно, предполагалось, что сборник документов и материалов, извлеченных из фондов РЗИА, и профессионально подготовленных к публикации, станет первой вехой на пути введения в научный оборот новых уникальных источников. Но судьба распорядится так, что сборник 1929 г. станет первым и последним.

Принципы отбора документов для публикации остаются не вполне понятными. Сборник открывается избранными фрагментами из дневников и рабочих записей генерала М.В. Алексеева за 1916–1917 гг., затем следуют материалы Уфимского государственного совещания 1918 г., после них – письма М.Н. Каткова к П.А. Валуеву 1863 г., а в заключительной части приводятся письма П.А. Кропоткина к Н.В. Чайковскому конца XIX – начала XX вв. В такой композиции можно усмотреть смысловую и хронологическую эклектику. Однако, думается, что определенная логика имела тут место. Издатели сборника хотели продемонстрировать многообразие имеющихся в архиве материалов, их связь с различными периодами русской истории и различными исследовательскими сюжетами. При этом ясно видно, что эти материалы прямо или косвенно связаны с тематикой освободительного движения, что также отражало одну из идейных установок создателей РЗИА. Издатели признавали, что сделанный ими выбор документов может породить немало вопросов и вызвать полемику. Но они были твердо уверены в одном – при публикации нельзя

было выходить за хронологические рамки 1918 г., поскольку именно десятилетний срок является «вполне достаточным для спокойного отношения к публикуемым документам» [Русский исторический архив, 1929, с. 9]. Таким образом, они выразили не просто принцип собственной публикаторской практики, но свое отношение к возможности изучения современной истории. На эту идейную установку стоит обратить особое внимание, ибо она будет проявлять себя в работе РЗИА на всем протяжении его существования.

Издатели следовали археографическим принципам, выработанным еще до революции. Но эмигрантские реалии внесли в них определенные коррективы. Кажется, что лаконичность вступительных статей и краткость отдельных комментариев была вызвана потребностью банальной экономии на издательских расходах, тем более что подобные примеры имели место в эмигрантской научной жизни. Трудности возникли и вокруг вопроса об орфографии, который имел для эмиграции не столько практическое, сколько политическое значение. Для многих русских изгнанников признание новой орфографии означало идейное примирение с большевиками, которые провели реформу правописания. Использование дореволюционной орфографии выражало для них ориентацию на код русской культуры и неприятие советской власти. Однако немалое число эмигрантов осознавало абсурдность орфографического пуризма. После некоторых дискуссий было решено, что все вводные статьи и комментарии в сборнике будут напечатаны по новой орфографии, а вот сами документы сохраняют нормы правописания оригиналов.

Среди современников сборник получил одобрительную оценку. Так, 17 марта 1929 г. Б.И. Николаевский написал о нем из Берлина А.Ф. Изюмову: «Получился он у вас, по-моему, очень ценным. В нем нет сенсационного материала, такого, на который охотно бросается обычный читатель газет. Но ваша задача, мне кажется, и не должна сводиться к конкуренции с “Архивом” Гессена и “Белым делом”. В печати мемуаров “авантюрного” типа вам с ними соревноваться не имеет смысла. А в отношении исторической ценности данные вами материалы весьма значительны... И сборник вообще в историческую литературу войдет прочно и с хорошей репутацией» [ГА РФ, ф. 5962, оп. 1, д. 11, л. 27]. Критике с стороны Б.И. Николаевского подверглась лишь сделанная В.А. Мякотиным публикация писем П.А. Кропоткина, вступительную статью и комментарии к которым он счел «дилетантскими» [ГА РФ, ф. 5962, оп. 1,

д. 11, л. 27 об.], к слову, не без веских оснований. Б.И. Николаевский указал на ошибочную датировку двух из шести напечатанных писем: первое письмо он отнес не к 1885 г., а к 1895 г., второе – не к 1895 г., а к 1896 г. Впрочем, сам А.Ф. Изюмов версию своего берлинского корреспондента не поддержал и встал на сторону В.А. Мякотина [ГА РФ, ф. 5962, оп. 1, д. 11, л. 27 об.–28, 32–32 об.].

Будущий сотрудник РЗИА А.Ф. Изюмов неоднократно предлагал издавать исторический журнал, наподобие «Красного архива», в котором бы публиковались документы из пражского собрания [Павлова, 1996, с. 33]. Его идея оказалась близка к воплощению в 1937 г., когда Русское историческое общество в Праге начало работу по подготовке эмигрантского исторического журнала. Горячим сторонником такого издания был председатель общества профессор А.В. Флоровский, который с 1924 г. входил в состав Совета РЗИА и его Ученую комиссию [Ковалев, 2014, с. 85]. По предложению А.Ф. Изюмова, такой журнал не должен был состоять сплошь из публикаций документальных памятников, но им следовало отвести важное место. Он также предлагал создать специальную рубрику «По архивам, музеям и библиотекам» и информировать в ней о поступлениях новых материалов в эмигрантские и иностранные собрания, о зарубежной архивной Россике [Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOOR. Krab. XLII. Ruská historická společnost v Praze. Materiály k přípravě vydávání historického časopisu. № 4]. К сожалению, межличностные конфликты внутри эмигрантского научного сообщества, а также политические потрясения в Европе в конце 1930-х гг. не дали возможности довести планы до конца. Русский исторический журнал так и не начал издаваться в Праге.

Именно А.Ф. Изюмов, будучи высококвалифицированным архивистом, как никто другой осознавал важность археографической составляющей в деятельности РЗИА. Этому пониманию способствовал его личный успешный опыт публикаторской деятельности (до революции он издал ценные источники по истории землевладения в XVI–XVII вв. [Изюмов, 1913, 1917]). Одним из направлений работы А.Ф. Изюмова в годы эмиграции стало изучение документов А.И. Герцена и Н.П. Огарева, которые целенаправленно собирались сотрудниками РЗИА в 1930-е гг. Результатом его кропотливых изысканий стала подготовленная публикация писем В.С. Печерина (1807–1885), осуществленная сначала в 1933 г. в немецком журнале «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven»

[Izjumov, 1933], а затем в 1935 г. в расширенном виде, в эмигрантском журнале «Путь» [Изюмов, 1935]. А.Ф. Изюмову удалось реконструировать важный эпизод в биографии видного общественного и религиозного деятеля, эмигрировавшего из России в 1836 г., и прошедшего на чужбине путь от сен-симониста до ревностного католика. На основе изученных писем историк установил, что в 1860–1862 гг. в душе В.С. Печерина произошёл перелом, который заставил его бросить свой монашеский орден, возобновить переписку с А.И. Герценом и регулярно посылать пожертвования в фонд «Колокола». А.Ф. Изюмов связывал эти перемены с надеждами В.С. Печерина на реформаторский курс Александра II, а также с его глубоким разочарованием в папской власти после посещения Рима в 1859 г. Публикация А.Ф. Изюмова является примером высококвалифицированной археографической работы, соединенной с глубоким и вдумчивым исследованием в сфере интеллектуальной истории. Введенная им в научный оборот переписка В.С. Печерина с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, несомненно, открывала новые страницы в истории русской общественной мысли и освободительного движения. Увы, эта публикация так и осталась единственной в своем роде.

Но почему издание документов РЗИА не приобрело широкого размаха? Свою роль сыграли суровые условия эмигрантской действительности и постоянная нехватка средств. Но были и другие весомые препятствия на пути издания документальных памятников. Они коренились в жестких внутренних архивных правилах, ограничивавших возможность работы с документами. В основе работы РЗИА лежало представление об аполитичном характере его деятельности. Недаром эсер В.В. Руднев писал, что «при разнородности русской эмиграции особенное значение приобретает правильная организации архива, обеспечивающая этому учреждению всеобщее доверие к его внепартийности» [Руднев, 1924, с. 51]. Эта позиция нашла выражение в ограничении возможностей использования документов. Сотрудники архива учитывали их современный характер и разрешали «пользоваться лишь теми документами, которые Архивом проверены и описаны, или теми, на которых не лежит запрещение владельцев или авторов» [Отдел документов, 1933, с. 4]. Я. Славик полагал, что архив хранит множество документов в политическом отношении «не остывших», а, значит, они не могут быть выданы исследователям. Чешский историк считал основной задачей архива собирание и сохранение документов от возможной гибели. Еще не пришло время для

исполнения главной миссии РЗИА – «быть сокровищницей исторических материалов, открытой для исследователей, пишущих о русской революции» [Библиография русской революции, 1938, с. XII]. Я. Славик отмечал, что, несмотря на разочарование исследователей, архив должен собирать и охранять документы от возможной гибели и не предпринимать ничего, что могло бы нанести ущерб их сохранности и помешать собирательной работе архива. Главное, фондообразователи должны быть уверены, что их бумаги ни при каких обстоятельствах не должны стать «предметом политического злоупотребления» [Библиография русской революции, 1938, с. XII]. Когда в середине 1920-х гг. РЗИА вел переговоры о приобретении обширного собрания Н.В. Чайковского, архивное руководство подчеркивало, что полученные документы могут быть использованы только для изучения биографии видного революционера, и только в необходимых для этого пределах. Снятие копий с материалов фонда допускалось лишь «для составления биографий без права их использования для другой цели, отчуждения или опубликования» [British Library of Political and Economic Science, Archives Division, Melgunov Collection, Correspondence, A.V. Florovsky to S.P. Melgunov, 13.10.1926].

Жесткие правила сильно затрудняли работу исследователей, лишая их возможности пользоваться необходимыми документами. Б.И. Николаевский с горечью сетовал в мае 1927 г: «Относительно приезда в Прагу дело очень сомнительное. Прежде всего, у меня трудно с деньгами, и собраться в поездку нелегко. Я мог бы на нее пойти, если бы был уверен, что получу возможность поработать над архивными материалами, но этого ведь нет, у меня складывается убеждение, что меня пускать к работе не хотят...» [ГА РФ, ф. 5962, оп. 1, д. 11, л. 17 об.]. Причем вопреки официальному запрету пользоваться документами по истории революции и Гражданской войны, он распространялся и на документы более ранних эпох. Все тот же Б.И. Николаевский, получивший отказ на работу с материалами 1870–1880-х гг. сожалел: «Я не совсем понимаю, какие деловые мотивы могут быть для недопуска к работе над этим старьем» [ГА РФ, ф. 5962, оп. 1, д. 11, л. 18 об.].

Ограничительные правила сорвали участие архива в реализации международного проекта по изданию документов А.И. Герцена, инициатором которой выступил Б.И. Николаевский. Руководство архива оставило без ответа его предложение, о чем он в июле 1934 г. написал своему другу А.Ф. Изюмову: «Досадно, что ваши “боны” не дали по-

ложительного ответа по вопросу об использовании материалов архива Герцена. А у меня подбирается все больше и больше других герценовских материалов. Теперь нашел несколько его писем к Луи Блану и одно большое и весьма важное письмо к полякам-народникам 1867 г. Думаешь ты, что решение проф[ессора] Славика окончательное? Не полагаешь ли ты, что на него можно воздействовать через чешских социалистов? У меня имеются связи с последними, и я мог бы их мобилизовать для нужного давления» [ГА РФ, ф. 5962, оп. 1, д. 11, л. 50]. Но профессор Я. Славик просьбам не внял. Проект по изданию герценовских материалов так и не состоялся.

Несмотря на осознание многими сотрудниками РЗИА важности археографической работы, отношение к ней оставалось противоречивым. С одной стороны, в Праге сосредоточились уникальные источники по российской истории, которые следовало бы ввести в научный оборот, но, с другой стороны, практическая работа с ними была крайне затруднена в силу внутренних ограничений. Отдельные ученые, и к ним, кажется, принадлежал сам Я. Славик, опасались быть втянутыми в политические споры, а потому предпочитали крайне осторожно подходить к использованию и публикации источников по российской истории рубежа XIX–XX вв., а тем более по истории революции 1917 г., Гражданской войны и эмиграции. Успешные опыты публикации документов лежали, в основном, в русле журнальной археографии. Это объяснялось не только глубокой традицией и накопленным опытом, но и чисто практическими соображениями. В условиях постоянной нехватки средств крайне трудно было издавать тематические сборники документов. Именно поэтому ученым приходилось прибегать к «малым формам» – публиковать документальные памятники в журналах или в качестве приложений к монографиям и коллективным трудам. Таким образом, следует признать, что археографическая деятельность РЗИА была довольно вялой и непоследовательной, и причина такого положения вещей заключалась в существовании внутренних ограничений, порожденных устойчивыми стереотипами и предубеждениями.

Литература

Библиографии русской революции и гражданской войны (1917–1921): Из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива / сост.

- С.П. Постников; под. ред. Я. Славика. Прага: Русский заграничный исторический архив, 1938. 445 с.
- ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 11.
- Изюмов, 1913 — Изюмов А.Ф. Жилецкое землевладение в 1632 году. М., 1913. 230 с.
- Изюмов, 1917 — Изюмов А.Ф. Вкладные книги Антониево-Сийского монастыря, 1575–1694 (7084–7202) гг. М., 1917. 104 с.
- Изюмов, 1935 — Изюмов А.Ф. Духовное возвращение В.С. Печерина на родину (по его неопубликованным письмам к А.И. Герцену и Н.П. Огареву) // Путь. Париж, 1935. № 47. С. 28–50.
- Ковалев, 2014 — Ковалев М.В. «Издание исторического журнала, посвященного прошлому России..., является ... необходимым»: Документы Славянской библиотеки в Праге о несостоявшемся проекте российской научной эмиграции (1937–начало 1940-х гг.) // ОА. 2014. № 5. С. 84–100.
- Отдел документов, 1933 — Отдел документов Русского заграничного исторического архива в Праге. Прага: Русский заграничный исторический архив, 1933. 19 с.
- Павлова, 1996 — Павлова Т.Ф. А.Ф. Изюмов и РЗИА // ОА. 1996. № 4. С. 28–37.
- Руднев, 1924 — Руднев В.В. Русское дело в Чехословацкой республике. Париж: Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, 1924. 54 с.
- Русский заграничный исторический архив, 1929 — Русский заграничный исторический архив в 1928 году. Прага: б.и., 1929. 10 с.
- Русский исторический архив, 1929 — Русский исторический архив. Сб. I. Прага: Русский заграничный исторический архив, 1929. 320 с.
- Русский заграничный исторический архив, 1930 — Русский заграничный исторический архив при Министерстве иностранных дел Чехо-Словацкой Республики в 1929 году. Прага: б.и., 1930. 14 с.
- Цепилова, Ковалев, 2009 — Цепилова В.И., Ковалев М.В. «Пишу всякую всячину только для заработка». Письма А.А. Кизеветтера к В.А. Мякотину и К.Н. Гулькевичу. 1923–1932 гг. // ОА. 2009. С. 87–98.
- British Library of Political and Economic Science, Archives Division, Melgunov Collection, Correspondence, A.V. Florovsky to S.P. Melgunov.
- Izjumov, 1933 — Izjumov A.F. Der Briefwechsel V.S. Pečerin's mit A.I. Herzen und N.P. Ogarev // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1933. B. IX. H. IV. S. 493–517.
- Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-FLOR. Krab. XLII. Ruská historická společnost v Praze. Materiály k přípravě vydávání historického časopisu. № 4.

К вопросу о составе архива Н.Н. Глубоковского (из опыта подготовки Каталога личных архивных фондов отечественных историков)*

Статья посвящена архиву выдающегося богослова и историка церкви, библеиста, филолога, члена-корреспондента Российской (1909) и Болгарской (1929) академий наук Н.Н. Глубоковского (1863–1937), исторически разделенного между пятью хранилищами в России, Болгарии, США. Подробно освещена история находки в 2002 г. в Болгарии большого комплекса документов ученого, считавшегося погибшим во время Второй мировой войны, но сохранившегося в частной коллекции в Софии благодаря усилиям учеников Глубоковского и болгарского священника Х. Пудина. Ныне этот фонд находится в Архиве Московской духовной академии в Сергиевом Посаде. Новые сведения содержатся в разделе статьи, посвященном фонду Н.Н. Глубоковского, хранящемуся в США, в Архиве Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле, в том числе о рукописи долгое время считавшегося утерянным «Библейского словаря» Н.Н. Глубоковского. На запрос автора заведующий архивом Свято-Троицкой семинарии сообщил важные сведения о составе этого фонда, пока не описанного полностью. Архив Н.Н. Глубоковского пополняется новыми находками, он активно используется исследователями и издателями и востребован в научной жизни в России и за границей.

Ключевые слова: Историки церкви, историография, «Каталог личных архивных фондов отечественных историков», Н.Н. Глубоковский, российская эмиграция, архивы, находки

Описание архивов историков церкви занимает важное место в «Каталоге личных архивных фондов отечественных историков», издающемся Археографической комиссией и Институтом славяноведения РАН. Если в первом томе, посвященном историкам XVIII века, их всего двое – составитель «Церковного словаря» дьякон, затем священник Архангельского собора П.А. Алексеев и митрополит Платон (П.Г. Левшин), автор первого систематического изложения истории русской церкви, «Крат-

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 12-01-00254.

кой российской церковной истории» (1805), то в следующем томе, посвященном первой половине XIX в., уже целое созвездие имен историков церкви. Помимо митрополита Макария (М.П. Булгакова), автора много-томной «Истории русской церкви» (СПб., 1846–1863), «Истории русского раскола, известного под именем старообрядчества» (СПб., 1855) и др., это духовный писатель, религиозный деятель, собравший ценную коллекцию икон и рукописей, А.Н. Муравьев; историк, археограф, палеограф митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов); профессор и ректор Московской духовной академии, археограф А.В. Горский; палеограф, археограф, археолог, церковный историк К.И. Невоструев; ректор Киевской духовной академии, автор «Истории русской церкви в связи с историей церковью славянских» (Харьков, 1857) архиепископ Иннокентий (И.С. Борисов); протоиерей Казанского собора в Москве, исследователь церковнославянских книг А.И. Невоструев; протоиерей и ключарь Киево-Софийского кафедрального собора, историк церкви и библиограф Н.Я. Оглоблин; ректор Виленской духовной римско-католической академии, историк, автор работ по истории литовской и польской церкви Алоизий Осинский.

В томах, посвященных второй половине XIX – началу XX в. количество историков церкви возрастает лавинообразно, а история церкви выходит в это время на новый высочайший уровень. Это и архимандрит Антонин (Капустин), историк христианского Востока, византист, археолог, археограф, нумизмат, собиратель и исследователь рукописей, настоятель русских посольских церквей в Афинах, Константинополе, глава Русской духовной миссии в Иерусалиме, значительно расширивший сферу влияния православной церкви в Палестине и увеличивший ее владения в этих землях, и такие замечательные ученые как автор работ по истории древнехристианских коптской, эфиопской и сирийской церквей, истории христианского Востока и общей истории церкви В.В. Болотов; богослов и историк церкви А.И. Бриллиантов, арестованный по Академическому делу; историк церкви и христианского просвещения епископ Борис (В.В. Плотников); византист, археограф, историк церкви А.А. Дмитриевский, описавший литургические рукописи и иконы православного Востока.

Среди архивов церковных историков – хранящиеся в ОР РГБ фонды историка православного монашества П.С. Казанского, богослова и библиеиста А.Д. Беяева, а также большой фонд выдающегося археографа,

многолетнего заведующего отделом рукописей Румянцевского музея, книговеда и историка церкви Г.П. Георгиевского. Вошли также в Каталог описания архивов перешедшего в православие католического священника, монаха-бенедиктинца Августина (Б.-О. де Мовильона), ставшего помощником настоятеля церкви при св. Синоде в Санкт-Петербурге и даже архиепископом, автора работ по агиографии, истории церкви, церковной археологии; профессора Киевской духовной академии и Киевского университета С.Т. Голубева; сотрудника Археографической комиссии, историка церкви, духовного писателя, коллекционера Н.В. Елагина; попечителя армянских церквей Тифлиса, собирателя материалов по истории Армении и историка церкви Г.К. Аганяна; автора работ по истории церкви, организовавшего на собственные средства раскопки и исследования Зверинецких иноческих пещер XII в. в Киеве епископа Иоасафа (В.Д. Жевахова), расстрелянного в 1937 г. Представлен в Каталоге и такой историк церкви, как оставивший четырехтомное «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии...» (Зарайск; Рязань, 1884–1891) священник в Михайловском уезде Рязанской губернии, археограф, библиограф, краевед И.В. Добролюбов, чей архив хранится в ГА Рязанской обл.

Одним из важных и интересных архивов, чье описание вошло во вторую часть 3-го выпуска Каталога «Г-3», является архив выдающегося богослова и историка церкви, библеиста, филолога, члена-корреспондента Российской (1909) и Болгарской (1929) академий наук Николая Никаноровича Глубоковского (1863–1937). Более 25 лет он преподавал на кафедре Священного писания Нового завета в Санкт-Петербургской духовной академии. Центральное место в его изысканиях занимало изучение деяний и произведений апостола Павла. С 1904 г. Н.Н. Глубоковский был редактором и цензором Православной богословской энциклопедии, выходившей с 1900 г. под редакцией А.П. Лопухина в качестве ежегодного бесплатного приложения к журналу «Странник». Под руководством Глубоковского вышло 7 томов (Т. VI–XII) энциклопедии, ставшей ценным научным изданием; в ней было напечатано более 20 его статей, помимо многочисленных дополнений. Его труды по патристике и библеологии получили не только всероссийскую, но и мировую известность. Он был автором биографических очерков преподавателей Санкт-Петербургской духовной академии для готовившегося к 100-летию академии (1909) издания «Биобиблиографического словаря».

Книга Н.Н. Глубоковского «Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский: (Его жизнь и деятельность)» (СПб., 1914), в которую вошли публиковавшиеся им в 1908–1914 гг. статьи о ректоре Санкт-Петербургской духовной академии (1830–1832), была отмечена рядом научных премий.

Н.Н. Глубоковский принимал деятельное участие в реформировании духовного образования, в работе по подготовке Поместного собора. В 1918 г. он был избран профессором Петроградского университета, с 1919 по 1921 гг. исполнял обязанности архивариуса и редактора в бывшем Синодальном архиве (его должность называлась архивариус IV секции II Отделения ЕГАФ). В августе 1921 г., будучи не в силах смириться с «богопротивной» сущностью нового государства и видя невозможность заниматься на родине гуманитарными исследованиями, Н.Н. Глубоковский эмигрировал. Он писал А.А. Шахматову 14 марта 1920 г.: «Жестокий опыт привел меня к неотразимому убеждению, что ныне можно работать научно лишь за границей» [цит. по: Богданова, 2004, с. 169]. Одной из причин, повлиявшей на такое решение, было убийство его брата А.Н. Глубоковского в 1918 г. Вместе с женой он выехал в Финляндию, затем переехал в Сербию, потом в Прагу и, наконец, в Болгарию. 14 лет (с 1923 по 1937 г.) он заведовал кафедрой Священного писания Нового завета на только что открывшемся богословском факультете Софийского университета, где ученый стал «великой опорой» факультета. Моральный и научный авторитет Глубоковского был очень высок и среди духовной интеллигенции в России, и в эмиграции. За свою жизнь Глубоковский написал около сорока крупных работ и около тысячи статей и заметок. И хотя большая часть его трудов была написана и опубликована в России, плодотворную научную деятельность ученый продолжал и после того, как покинул родину: находясь в эмиграции, он опубликовал несколько монографий и более ста статей.

Сейчас творчество и деятельность Глубоковского вызывает большой интерес у исследователей, появилось немало статей и публикаций о нем. В 2010 г. вышла фундаментальная книга крупнейшего специалиста по творчеству Н.Н. Глубоковского Т.А. Богдановой, основанная на изучении его архива: [Богданова, 2010], она же является автором большого числа статей о нем (часть – в соавторстве с А.К. Клементьевым). Деятельности Н.Н. Глубоковского посвящены статьи и публикации: [Юревич, 2003–2004; Юревич, 2006; Грилихес, Юревич, 2007], [Воронцова, 2008], [Робинсон, Сазонова, 2012].

Архивное наследие Глубоковского оказалось разделенным на несколько частей. Самая большая его часть, охватывающая 1870-е – 1920-е г., хранится в ОР РНБ и составляет 2608 ед. хр. Ее тщательное описание было составлено для нашего Каталога сотрудницей ОР РНБ М.А. Смирновой. Среди творческих материалов в описании выделяются разделы, в которых сгруппированы его работы об апостоле Павле, статьи и материалы, посвященные епископу Кирскому Феодориту и архиепископу Смарагду, работы по переводу Нового завета, по истории Санкт-Петербургской духовной академии и биографические работы об ее преподавателях, статьи для «Православной богословской энциклопедии», богословские труды. В этом фонде находится большое количество архивных материалов, связанных со службой Глубоковского в редакциях журналов «Церковный вестник», «Христианское чтение» и в «Православной богословской энциклопедии», с его преподаванием в Воронежской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, с работой в органах Русской православной церкви и Синода. В фонде имеются воспоминания об обучении в Московской духовной академии (1914) и записки, озаглавленные «За тридцать лет: 1884–1914 гг.». Ценнейшим источником является обширная переписка Н.Н. Глубоковского, здесь и его письма и письма к нему от более восьмисот корреспондентов.

Интересен находящийся в этом фонде комплекс материалов о жизни и деятельности брата Глубоковского – Матвея Никаноровича (1857–1903), врача, журналиста, изобретателя, основателя журнала «Наука и жизнь», близкого к народникам и находившегося под негласным надзором полиции. Это документы о его политической неблагонадежности, записка об организации бесцензурной газеты, материалы о его врачебной деятельности и изобретениях, его статьи, очерки и рассказы. Кроме документов М.Н. Глубоковского, в фонде сохранилось много материалов по церковной истории и религиозно-философских работ разных лиц, все они отражены в этом описании.

Второй личный фонд Н.Н. Глубоковского, хранящийся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), неизмеримо меньше (он составляет 38 ед. хр.). В нем главным образом биографические материалы (свидетельство о рождении, формулярные списки) и материалы о его участии в разных обществах и церковных братствах.

Часть архива Н.Н. Глубоковского хранится в Центральном государственном архиве Республики Болгария в Софии. Это, главным образом,

автографы прижизненных статей, опубликованных в иностранных периодических изданиях.

Не так давно был по счастливому обстоятельству образован еще один фонд Глубоковского. В 2002 г. в Болгарии иеромонаху Петру (Еремееву), проректору Московской духовной академии, удалось разыскать большой комплекс архивных материалов ученого. До 2002 г. считалось, что рукописное наследие и переписка Н.Н. Глубоковского софийского периода погибли во время Второй мировой войны, однако значительная часть архива сохранилась в частной коллекции в Софии. Очень подробная первичная опись новонайденного архива вместе с рассказом об обстоятельствах его находки была опубликована по горячим следам в 2003 г. в журнале «Церковь и время» [Петр (Еремеев), иеромонах, 2003].

«Более полутора лет я спрашивал у всех, кто был причастен к Софийскому богословскому факультету, и в особенности – у софийского духовенства старшего поколения, о судьбе архива Глубоковского. Я не сомневался, что часть его все-таки сохранилась. Долгое время результатов не было, но один из старых почтенных софийских священников сказал мне как бы между прочим: “Ну, приезжай, посмотрим, что-нибудь да найдем”. Когда я приехал к нему на приход, то с большим удивлением и радостью увидел документы и рукописи. Оказалось, что это не просто тетрадка или конверт с несколькими документами. Это был большущий, увесистый чемодан. Сам он был сделан из дерева, окован железом. В этом чемодане архив Глубоковского был аккуратно сложен, упакован в пачки и надписан – как считается, проф. Мариновым, преподавателем Софийского университета. Он был учеником Глубоковского и, по всей видимости, последним обладателем этого архива», - рассказал о. Петр. Архив был сохранен болгарским священником Христо Пудиним. Разбор архива был осуществлен под руководством о. Петра (Еремеева). По его словам, «обнаруженный архив представлял собой массу неразобранных бумаг. Нами был осуществлен первичный разбор и систематизация документов, составлена опись. Как выяснилось, большинство найденных работ никогда не издавалось. Весь материал, а это свыше 6 тыс. листов, писем и фотографий, был сгруппирован в 10 папок, создано 112 единиц хранения. Теперь предстоит огромная работа по дальнейшей каталогизации». Ныне этот фонд находится в Архиве Московской духовной академии в Сергиевом посаде.

Среди творческих материалов этого софийского архива – исследование о Посланиях святого апостола Павла (поздние, неизданные работы

Н.Н. Глубоковского, объемом в 720 л.); лекции по историческим источникам Священного писания Нового и Ветхого завета, прочитанные в 1892–1902 гг. и 1922–1923 гг., и лекции, прочитанные в 1918 г. в Упсале; переписка; биографические материалы, среди которых имеется справка из посольства Швеции о приглашении Н.Н. Глубоковского в Упсалу для чтения лекций от 23 июля 1918 г., удостоверение о командировании Н.Н. Глубоковского с супругой за границу от Петроградского университета 11 августа 1921 г. и диплом об избрании его действительным членом Болгарской Академии наук (1929). Здесь также очень интересен раздел генеалогических работ ученого, озаглавленных им «Глубоковские – Генеалогические справки и личные припоминания для себя и для своих» (объемом 1049 л.). В 2005 г. были опубликованы три произведения Н.Н. Глубоковского из Софийского архива: «Академические обеты и заветы (из академических уроков за 1891–1918 учебные годы)», «Из автобиографических записок», «Обращение к выпускникам, учащимся и наставникам Вологодской духовной семинарии» (Синодальная библиотека Московского патриархата. М.; Сергиев Посад, 2005).

Существует еще один личный фонд Н.Н. Глубоковского, который хранится в Архиве Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле, США, штат Нью-Йорк.

Для того чтобы понять, отчего важная часть рукописного наследия ученого оказалось именно в архиве Свято-Троицкой семинарии, надо немного вернуться к истории этого духовно-учебного заведения. В 1930 г. в штате Нью-Йорк иеромонахом Пантелеймоном с несколькими единомышленниками был основан Свято-Троицкий ставропигиальный монастырь. Чтобы выкупить участок земли для монастыря, им пришлось с 1928 г. работать на заводе, принадлежавшем русскому авиаконструктору и изобретателю И.И. Сикорскому. Свято-Троицкий монастырь стал не только духовным, но и церковно-общественным центром русского зарубежья, объединил очень многих представителей русской эмиграции в США. В 1948 г. при монастыре была открыта Свято-Троицкая духовная семинария - высшее учебное заведение Русской Православной Церкви Заграницей. В 1983 г. при семинарии был создан архив, куда начали поступать материалы русских эмигрантов и различных эмигрантских объединений и организаций. «Именно сюда стали стекаться разные документы со всех уголков рассеяния, – писал заведующий библиотекой и архивом, декан Свято-Троицкой семинарии протоиерей В. Цуриков

(ныне он является директором Музея русского искусства в Миннеаполисе – М.М.). – Эмигранты первой и второй волны, а также их потомки пересылали и продолжают пересылать сюда воспоминания, дневники, письма и множество других материалов. В результате за тридцать лет архив Свято-Троицкой семинарии стал обладателем богатейшей коллекции самых разных документов» [Цуриков, 2012, с. 6]. Среди хранящихся в этом архиве фондов – материалы известных деятелей русской эмиграции писателя И.С. Шмелева, казачьего генерала П.Н. Краснова, военного инженера и писателя В.К. Абданк-Коссовского, собравшего ценнейшую коллекцию о жизни русских эмиграции в 1916–1961 гг., генерал-майора, автора исследования по истории Белой армии «Белый альбом» С.В. Денисова, церковных историков В.И. Алексева, В.А. Маевского, К.Н. Николаева, А.К. Свитича, Н.Д. Тальберга, журналиста и литературоведа В.Д. Самарина, священнослужителей архиепископа Аверкия (Таушева), архиепископа Аполлинария (Кошевого), митрополита Лавра (Шкурлы) и др. Помимо личных фондов, здесь были собраны архивы военных и общественных организаций – Российского общевойскаского союза (РОВС), Суворовского кадетского корпуса и др. Архив включает также коллекцию дореволюционных периодических изданий, выходивших в России, газет и журналов русской эмиграции (всего 600 наименований). Имеются в архиве и разнообразные музейные экспонаты.

Одним из ценных фондов архива является фонд Н.Н. Глубоковского. Центральное место в нем занимают черновики «Библейского словаря». Еще летом 1905 г., считая, что русской библейской науке необходимо справочное издание энциклопедического характера, Глубоковский начал работу над этим словарем. За основу им была взята «Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия», изданная в Москве в 1891–1892 гг. в четырех выпусках настоятелем Высокопетровского монастыря, архимандритом Никифором (Бажановым). В 1915 г. Глубоковский как член Училищного совета при Святейшем Синоде предложил издать словарь, который должен был стать общедоступным пособием для церковных и церковно-приходских школ. Предложение было принято, и в течение этого года Глубоковский полностью переработал «Библейскую энциклопедию». В конце 1916 г. он передал рукопись в типографию, но набор не был осуществлен [Гриликес, Юревич, 2007, с. 13–14].

«Библейский словарь» долгое время считался отечественными исследователями утраченным. Однако в архиве Свято-Троицкой се-

минарии сохранился машинописный текст словаря, подготовленный Н.Н. Глубоковским. Как же он туда попал? Перед отъездом за границу Н.Н. Глубоковский часть рукописных материалов, принадлежавших ему, передал К.Я. Здравомыслову, до революции бывшему начальником архива и библиотеки св. Синода, а в 1918 г. возглавившему 2-е отделение IV Секции Петроградского отделения ЕГАФ. Однако с некоторой частью своей библиотеки и архива Н.Н. Глубоковский не мог расстаться и, вместе с разрешением на выезд из Советской России, смог выхлопотать и право на вывоз ее. Среди вывезенных ученым рукописных материалов был и «Библейский словарь». В 1930 г. он продолжил работу над ним, а в 1932–1933 гг. собственноручно переписал словарь начисто [Гриликес, Юревич, 2007, с. 13–14].

После смерти Глубоковского и его жены часть рукописных материалов ученого, включая словарь, перешла к его душеприказчику Ивану Кондратьевичу Пучкову. Протопресвитер Георгий Шавельский в письме, отправленном из Софии 13 сентября 1945 г. профессору Свято-Тихоновской духовной семинарии В.А. Маевскому, среди этих материалов особо упоминал «Толкование на Апокалипсис», «Библейский словарь» и «Воспоминания». При этом он сообщал о том, что обширная личная библиотека Глубоковского, «с множеством его заметок на полях книг, приобретенная здешним Синодом у вдовы покойного, в 1944 году во время бомбардировки вся погибла» и высказывал опасение, что могут затеряться и рукописи. И.К. Пучков завещал рукописи Ирине Михайловне Посновой – дочери бывшего коллеги и друга Глубоковского, историка церкви М.Э. Поснова. В 1962 или 1963 г. вдова М.Э. Поснова Елена Григорьевна передала часть рукописного наследия Глубоковского митрополиту Николаю (Еремину), бывшему тогда экзархом Патриарха Московского в Западной Европе. Он, в свою очередь, передал их в Свято-Троицкий монастырь Русской Православной Церкви Заграницей в Джорданвилле. Ректором Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле с 1952 г. являлся один из учеников Глубоковского по богословскому факультету Софийского университета, выпускник 1930 г., архиепископ Аверкий (Таушев). Под его руководством в 1966 г. было осуществлено издание труда Глубоковского «Благовестие христианской славы в Апокалипсисе», намеревались издать и «Объяснительный библейский словарь», но издание тогда не состоялось [Гриликес, Юревич, 2007, с. 16–17]. Каков же состав этой части архива Н.Н. Глубоковского? Я об-

ратилась с вопросом об этом к заведующему архивом Свято-Троицкой семинарии о. Владимиру Цурикову (кстати, представителю известной и достойной семьи дворян Орловской губернии, из которой вышел юрист Александр Александрович Цуриков, очень близкий к Льву Толстому, и общественно-политический деятель Белой эмиграции Николай Александрович Цуриков). О. Владимир прислал обстоятельный ответ, из которого следовало, что «Библейский словарь» пока полностью не описан. Он хранится в шести коробках. В 1–4-ой коробках находятся черновики «Библейского словаря» с правкой Глубоковского, состоящий из 36 папок. Примерно 70% материала – машинопись с авторскими правками, остальное – рукописи. Все материалы подлинны. Только пронумерованных страниц 1266, но фактически объем в несколько раз больше. Датированию поддается несколько папок. На одной из них в конце карандашом написано: «Август 1914 г. Калуга», другая датирована: «София, 1933».

В 5-й коробке – рукописные проповеди (1922–1930). В коробке № 6 находится подготовленный к изданию «Библейский словарь» с пометками автора. Кроме того, там имеются списки афонских святых по монастырям и другие справочные материалы. Алфавитные списки святых составлены по географическому принципу. Списки святых, соборов и другие справочные материалы представляют собой две тетради по 80 л. в каждой. По поводу этой рукописи о. Владимир отметил: «Я не графолог, но, на мой взгляд, авторство Глубоковского спорно, т. к. почерк сильно отличается от того, каким написаны рукописи Библейской энциклопедии. Кроме того, Глубоковский обычно пользовался коричневыми чернилами, в данном же случае они фиолетовые».

В 2007 г., в ознаменование 70-летия со дня смерти Н.Н. Глубоковского, «Библейский словарь» был издан. Кроме того, сложилось так, что выход книги оказался приурочен к воссоединению в мае 2007 г. двух частей Русской Церкви - Русской Православной Церкви Заграницей с Русской Православной Церковью Московского Патриархата. Как сказано в предисловии, заново открыть этот памятник русской библейской науки удалось благодаря активно развивающемуся в течение последних лет сотрудничеству между Московской духовной академией (в частности, между Центром изучения церковной истории русского зарубежья при Московской духовной академии, созданным в 2005 г.) и Свято-Троицкой духовной семинарией в Джорданвилле. Издание открывается посвящением: «Священной памяти моего дорогого брата Александра,

который мученически убиен большевиками как верный и мужественный свидетель Христов». Александр Никанорович Глубоковский – богослов, преподаватель Уральского духовного училища, выпускник Казанской духовной академии, был взят в заложники большевиками и расстрелян в июне 1919 г. в г. Уральске. Именно после гибели брата окрепло желание Н.Н. Глубоковского уехать из России.

Издание «Библейского словаря» осуществлено по машинописи «Объяснительного библейского словаря», хранящейся в архиве Свято-Троицкой духовной семинарии. Как указывали издатели, работа над подготовкой «Библейского словаря» к печати оказалась чрезвычайно затруднена из-за низкого качества машинописи, большого количества опечаток и погрешностей в тексте. Издатели старались как можно бережнее воспроизвести авторский текст, но в то же время не могли оставить без исправлений очевидные ошибки, которые возникли в результате многочисленного переписывания, дешифровки рукописи и машинописного набора. Ряд фактических сведений, содержащихся в словаре, при подготовке настоящего издания был уточнен и обновлен.

Архив Н.Н. Глубоковского, как мы видим, пополняется неожиданными и радостными находками, он активно используется исследователями и издателями, он востребован в научной жизни в России и за границей.

Литература

- Богданова, 2004 — Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский: судьба церковного ученого (по архивным материалам) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 119–171.
- Богданова, 2010 — Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб., 2010.
- Юревич, 2003–2004 — Юревич Д., диакон. Профессор Н.Н. Глубоковский: библеист, опередивший время // Церковный вестник. 2003. № 12. С. 29–33; 2004. № 1/2. С. 43–48.
- Юревич, 2006 — Юревич Д., священник. Профессор Н.Н. Глубоковский как экзегет Священного писания // Глубоковский Н.Н. Лекции по Священному писанию Нового завета / подгот. текста и прим. В. Пислякова, науч. редакция протоиерея Л. Грилихеса, предисл. священника Д. Юревича. М., 2006. С. 14–40.
- Грилихес, Юревич, 2007 — Грилихес Л., протоиерей, Юревич Д., священник. Библейско-богословская деятельность профессора Н.Н. Глубоковского

- в эмиграции // Глубоковский Н.Н. Библейский словарь. Сергиев Посад; Джорданвилль, 2007. С. 6–18.
- Воронцова, 2008 — Воронцова И.В. Розанов и Глубоковский: по письмам Н.Н. Глубоковского из архивного фонда В.В. Розанова // *Религиоведение*. 2008. № 2. С. 115–127.
- Робинсон, Сазонова, 2012 — Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Судьба составленного Н.Н. Глубоковским описания рукописных и старопечатных книг из библиотеки Упсальского университета // *Славянский альманах*: 2011. М., 2012. С. 266–283.
- Петр (Еремеев), иеромонах, 2003 — Петр (Еремеев), иеромонах. Софийский архив Н.Н. Глубоковского // *Церковь и время*. 2003. № 2 (23). С. 140–156.
- Цуриков, 2012 — Цуриков В.А. История России в документах архива Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. М., 2012.

Проблемы описания «массовой» литературы высокого средневековья на примере университетских рукописей по праву и теологии

Большой объем сочинений по каноническому и римскому праву XII–XIV вв., насчитывающих не одну сотню листов, и, главное, очень большое количество списков, рассредоточенных по хранилищам всей Европы, а частью вывезенных в Россию и США, являются трудно преодолимым препятствием на пути их научного изучения. Для основных сводов канонического права, входящих в состав «Corpus iuris saconici», до сих пор отсутствуют современные критические издания, не прояснена история текста, не для всех даже выявлено количество сохранившихся списков.

Поскольку редакцию текста определить невозможно, особую ценность приобретают данные о локализации и датировке списков. Однако и это зачастую бывает сложно сделать из-за интернационального характера готического книжного «обычного» письма, единых «стандартов» оформления университетских книг в разных странах, большой мобильности книг и их владельцев, студентов и преподавателей. Для уточнения датировки и локализации приходится обращаться к содержанию маргинальных глосс читателей, к изучению других текстов в рукописи, а также более внимательно анализировать кодикологическую информацию (структуру тетрадей, качество пергамента, пеции, рекламы, разметку листа, отверстия для переплета).

В качестве примера дается описание списка латинских мнемотехнических стихов для запоминания Библии «Summarium Biblicum» РНБ. Lat. O. v. I. № 53 (XIII / перв. пол. XIV в., Германия).

Ключевые слова: средневековые университеты, каноническое право, «Декреталии Григория IX», теология, рукописи, Библия, мнемотехника, «Summarium Biblicum»

Процессы внутренней колонизации и внутренней христианизации в Европе XII–XIV вв., обусловившие рост городов и городского населения, кардинальные изменения в системе передачи знаний и образования, прежде всего в областях религии и права, появление университетов и на-

учных дисциплин, рост общей грамотности и как его следствие распространение благочестивых практик в среде духовенства и мирян, вызвали быстрый рост литературы, прежде всего духовной и учебной, и стремительный рост количества рукописных книг, сопровождавший переход от монастырского книгопроизводства к городскому [Angenendt, 2009, 51].

Объемы производства книг в университетских городах прежде всего Северной Италии и Франции в период со второй четверти XIII в. до Черной смерти (1348 г.) были очень значительными. Самой массовой была литература по теологии, следом идут книги по каноническому праву. Ведущий специалист по римскоправовым рукописям Г. Долецалек приводит в базе данных «Manuscripta juridica» следующую статистику [Dolezalek, 2012, страница Statistics]:

Век	Правовые своды и комментарии к ним	Количество рукописей
VI в. и ранее	56	42
VII в.	10	10
VIII в.	61	23
IX в.	457	161
X в.	197	86
XI в.	344	74
XII в.	2426	404
XIII в.	7740	1478
XIV в.	6847	1948
XV в.	6143	2103
XVI в.	579	389
XVII в.	97	81
XVIII в.	56	45
XIX в. и позднее	21	19

Эти данные неполные, так как из ок. 8600 учтенных в «Manuscripta juridica» рукописей, используются только ок. 5800, и, в основном, это рукописи по римскому праву, более многочисленные рукописи канонического права учтены лишь частично [Ibid., страница Start].

Так, несмотря на большие потери в период Реформации, сохранилось 678 полных списков и крупных фрагментов «Декреталий Григория IX» («Liber Extra», 1234 г.) [Bertram, 2015, S. 300–301; Bertram, 2014]; этот свод считается самым массовым правовым памятником средневековья. Немного меньше, чем «Liber Extra», сохранилось (и было произведено?) списков «Декрета Грациана» – около 600, около 500 рукописей со вторым по значимости декретальным сводом «Liber Sextus» папы Бонифация VIII 1298 г. Рукописей со сводами светского права насчитывается в разы меньше: менее 300 полных списков Кодекса Юстиниана [Bertram, 2015, S. 300–301; Bertram, 2008, S. 31] (ср. с около 460 списками «Саксонского зерцала», составленного Эйке из Репгова в 20-е – 30-е гг. XIII в.). Схожие цифры дает и актовый материал там, где он есть. Например, в Болонье XIII–XIV вв., судя по регистрам частнопроводных актов «Libri memoriali» за 1265–1350 гг., картина была схожая, но доминанты другие, преобладали рукописи по римскому праву: в сделках упоминаются 571 рукопись «Digestum vetus», 321 – «Digestum novum», 286 – «Infortiatum» (все три упомянутых – средневековое деление Дигест), 554 – Кодекса Юстиниана. Рукописи «Liber Extra» упоминаются только 480 раз, «Декрета Грациана» – 230 раз [Bertram, 2015, S. 301 Anm. 69 со ссылками на работы Антонио Перес Мартена и Франка Сутермера]. Как отмечает специалист по рукописям канонического права XIII–XIV вв. М. Бертрам, почти все университетские крупноформатные пергаменные правовые манускрипты, о которых идет речь, были созданы до 1370–1380-х гг.: в конце XIV в. их производство по не вполне проясненным причинам практически прекращается [Bertram, 2008, S. 32].

Большой объем этих сочинений, насчитывающих не одну сотню листов, и, главное, очень большое количество списков, рассредоточенных по хранилищам Европы от Польши до Британских островов и от Пиренейского полуострова до Скандинавии, а частью вывезенных в Россию и США [см., например, карты современных мест хранения «Декреталий» и добавлений к ним «Novae constitutiones» папы Иннокентия IV: Казбекова, 2014], являются трудно преодолимым препятствием на пути их научного изучения. Научные издания существуют, в основном, для религиозной литературы. Поскольку она имеет непреходящую ценность и востребована и в наше время, ее изучение и издание не испытывает недостатка в специалистах и финансировании. Сочинения же по средневековому каноническому и римскому праву представляют уже только истори-

ческий интерес и остаются уделом энтузиастов. Например, для основных сводов канонического права, входящих в состав «*Corpus iuris canonici*», до сих пор отсутствуют современные критические издания, не прояснена история текста, не для всех даже выявлено количество сохранившихся списков. Еще хуже ситуация с комментариями средневековых юристов на этих своды. В лучшем случае они существуют в раннепечатных изданиях. Между тем, комментаторская литература была крайне важна, достаточно сказать, что с XIII в. университетское преподавание основных сводов по теологии, праву, медицине шло только по т. н. ординарным, общепринятым глоссам-комментариям, и подавляющее большинство списков сводов канонического и римского права имеют в своем составе ординарные глоссы.

Типичным примером чрезвычайно широко распространенного объемного университетского текста являются «Декреталии Григория IX». Как уже упоминалось, сохранилось 678 полных списков и крупных фрагментов и огромное число мелких фрагментов. «Декреталии» состоят из пяти книг, их списки насчитывают в среднем по 280–350 листов. История их текста не установлена, «критическое» издание XIX в. выполнено по четырем десяткам рукописей из немецких хранилищ. Четыре списка из 678 и несколько мелких фрагментов находятся в России в отделах рукописей РНБ и РГБ. При их описании перед исследователями стоит задача дать своим коллегам в других странах и текстологам хоть какой-то материал, который позволил бы судить о том, что представляет собой их текст. Но это очень сложно, поскольку редакции не выявлены, контрольные чтения не определены, что-либо подобное фингерпринту в инкунабуловедении отсутствует. Вынужденно приходится прибегать к сопоставлению с чтениями из немецкого издания XIX в., отмечая наличие разночтений. Но использованные в нем рукописи представляют собой, как стало понятно в XXI в. после приблизительного определения числа сохранившихся списков, во многом случайную выборку. По той же причине малорезультативно и обращение к выложенным на сайтах европейских библиотек отдельным спискам «Декреталий»; самые же ранние датированные списки пока не оцифрованы. Немного лучше обстоит дело и с ординарной глоссой к «Декреталиям». Вчерне определены лишь этапы работы над глоссой ее автора Бернардо Пармского и переработка Джованни д'Андреа в XIV в., но это лишь начало большой работы по выявлению ее редакций.

Поскольку невозможно определить редакцию текста «Декреталий», особую ценность приобретают данные о локализации и датировке списков. Однако и это зачастую бывает сложно сделать. Причина как в интернациональном характере готического книжного «обычного» письма, очень часто не поддающегося более точной датировке, чем середина XIII – середина XIV вв., и единых «стандартах» оформления университетских книг в разных странах, так и в большой мобильности книг и их владельцев, студентов и преподавателей. В очень значительной части списков основной текст, глосса и/или иллюминация созданы в разное время в разных регионах: например, итальянское письмо текста и глоссы и французская иллюминация, или, наоборот, или французский / альпийский текст и итальянская глосса и т. д. Учитывая равную важность основного текста и глоссы, в таких списках растянутую на столетие-полтора датировку письма (отдельно текста и глоссы) приходится дополнять двойной локализацией («Италия / Франция» и пр.).

В этих условиях для уточнения датировки и локализации приходится обращаться к содержанию маргинальных глосс использовавших рукопись читателей с комментариями и добавлениями к тексту и к глоссе, к анализу других текстов в рукописи (как правило, это учебные материалы по каноническому и римскому праву, покаянной дисциплине, теологии: различные указатели к сводам, разбор правовых казусов, вставленные декреталии и пр.), а также более внимательно анализировать кодицилогическую информацию (структуру тетрадей, качество пергамента, пеции, рекламы, разметку листа, отверстия для переплета), что сильно удлиняет время работы.

В качестве примера приведу рукопись одного из распространенных учебных текстов по теологии из собрания РНБ Lat. O. v. I. № 53 с мнемотехническим текстом для запоминания содержания глав Библии.

Помимо ординарных глосс, нужды университетского преподавания обусловили появление в XIII–XIV вв. различных жанров комментаторской литературы, и в частности, большого количества мнемотехнических пособий к основным текстам по теологии, праву, медицине. Они также крайне слабо изучены. Одним из наиболее распространенных был ориентированный на студентов-будущих проповедников написанный гекзамером анонимный «*Summarium Biblicum*» для запоминания содержания глав Библии (Рис. 1).

Ниже привожу в качестве примера фрагмент с подстрочным переводом с л. 5 об. для запоминания содержания Евангелия от Марка (в скоб-

ках даны глоссы к ключевым словам): Cap. I. Predicat (Xpistus). II. Excusatur (discipulos). III. Sociat (sibi XII). IV. Proverbia (loquitur). V. Porci (merguntur). // VI. Saltat (filia Herodis). VII. Non lotis (manibus etc.). Ut frondes [вместо arbores – Е.К.] (homines ambulantes). IX. Follo [вместо fullo – Е.К.] (fecit candidas). X. Camelis (per foramen acus). // XI. Sternunt (vestimenta). XII. Era duo (ponit vidua). XIII. Dolor (precedens iudicium). XIV. Azima (comeditur). XV. Passio (Xpisti). XVI. Vita (resurges).

Гл. I. Проповедует (Христос). II. Оправдывает (учеников [перед фарисеями]). III. Присоединяет (себе двенадцать). IV. Притчи (говорит). V. Свиньи (потопаются). // VI. Пляшет (дочь Ирода). VII. Не умытыми (руками и пр.). VIII. Как ветки с деревьев [вместо «деревья»] ([исцеляемый слепой видит] проходящих людей). IX. Суконщик (сделал белыми [вместо «не может отбелить»]). X. Верблюдам (!) (через игольное ушко) // XI. Одежды (постилают). XII. Две лепты (кладет вдова). XIII. Скорбь (предстоящий суд). XIV. Опресноки (съедается (!)). XV. Страсти (Христовы). XVI. Жизнь (воскреснешь (!)).

История текста этого небольшого сочинения не изучена. Как правило, в рукописях оно приписывается Александру из Вильдьё (de Villa Dei) (ок. 1170 – ок. 1240/1250), но встречается и атрибуция Альберту Великому [Doležalová, 2010, P. 4–6; Doležalová, 2012, P. 43, 46–48]. По данным чешской исследовательницы Люси Долежаловой [Doležalová, 2010, P. 5, 7, 9, 23], насчитывается существенно больше 367 списков, датируемых, в основном, XIV–XV вв. (РНБ. Lat. O. v. I. № 53 не упомянут). «Summarium» долго сохранял популярность и много раз издавался с изобретением книгопечатания [Doležalová, 2013, P. 170–171].

Список «Summarium» в РНБ входит в состав коллекции П.П. Дубровского. Он – ранний и был создан, по мнению Л.И. Киселевой, в XIII в. в Германии (в каталоге дается под заголовком списка «Versus super tota Biblia» [Киселева, 2005, с. 203–204. № 42]). Судя по листу использования, рукопись как минимум с 60-х гг. XX в. известна исследователям, ее просматривали В.А. Романова, А.Д. Люблинская, И.П. Мокрецова, П.В. Конаков, Г. Уи, однако текст так и не был идентифицирован.

Рукопись Lat. O. v. I. № 53 карманного формата, представляет собой конволют (1 ½ бум. + 6 + 6 + 1 бум.; 152–154 x 118–122 мм, поле текста 133–134 x 95–100 мм; структура тетрадей 1⁶, 2⁴, 3² – неполный кватернион, неполный тернион, унион). Сохранность удовлетворительная, загрязнения пергамена по преимуществу в первой части.

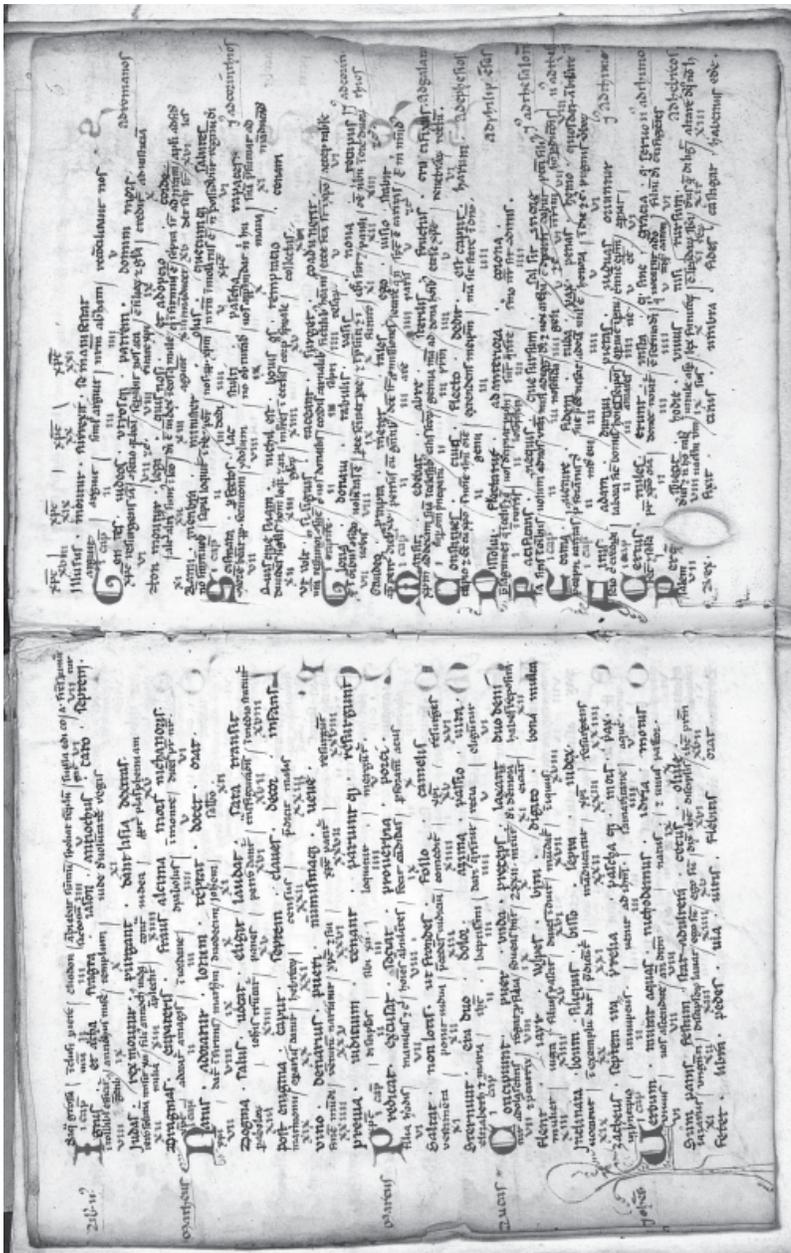

Рис. 1. РНБ. Lat. О. v. I. № 53. л. 5 об. – 6. «Summarium Biblicum».

Л. 1–6 об. занимает «*Summarium Biblicum*». Он написан на тонком пергамене очень хорошей выделки, мясная и волосяная стороны определяются у большинства листов только на ощупь, правило Грегори – Рэнда не соблюдается. Тетрадь – кватернион, но два последних листа вырезаны. Заголовок наполовину обрезан, в утраченной части видна петля от «g» (*Isti sunt versus super tota[m] bibliam et quibus ...*); эксплицит – «*explicit optima res*» с допиской «*Vetus et novum testamentum*».

Layout «*Summarium*» типичен для списков этого произведения. «*Summarium*» написан в один столбец, текст организован как подобие таблицы: 18 строф на листе по три строки в каждом: глоссы – номера глав красным – ключевые слова; всего 54 строки. Две серии незаметной разлиновки свинцовым карандашом: 1) под другой текст в два столбца ограничительная, с наколами на верхнем поле (возможно, кватернион был частью «карманного» списка Библии: в высокое средневековье они обычно линовались в два столбца); 2) под «*Summarium*» – ограничительная без наколов и строчная с наколами на 36(?) строк (видны 18 наколов в верхней половине листа), наполовину ошибочная. Высота букв глосс – 1 мм, номеров глав – 2 мм, ключевых слов – 1,5 мм. Четыре писца: ключевые слова, глоссы, рубрики и, возможно, инициалы написаны писцом 1 (письмо *Semitextualis libraria/ currens* по классификации Лифтинка – Дероле, местами с курсивными элементами); единичные исправления курсивом XV в. на л. 1, 2–2 об. (*Cursiva currens*) – писцом 2; полстроки в эксплиците и исправление на л. 5 об. (Евангелие Ин. 10 «*olive*» на «*ovile*») – писцом 3 (конец XIII в.; *Hybrida currens*). Писец 4 лишь исправил коричневыми чернилами ошибочный инициал «S» на л. 2 об. и подчеркнул рубрики. Иллюминация красная, простая, но выполнена умелой рукой: красные рубрики с названиями книг Библии на полях, номера глав (и те, и другие выполнены писцом 1) и средние инициалы, кое-где с простыми *fleuronné*. Обрезка по всем полям минимум 3–5 мм. Сшивка тетрадей в первоначальном переплете была выполнена по серии из пяти парных надрезов; современного картонного переплета XIX в. – по пяти проколам. Фолиация поздняя.

Особенности графического оформления и разница в орфографии свидетельствуют о том, что сначала писец 1 писал ключевые слова, затем номера глав и лишь потом глоссы; глоссы имеют с текстом разные протографы. Судя по приводимым Л. Долежаловой чтениям [Doležalová, 2012, P. 31, 68–97], текст петербургского списка (ключевые слова) при-

надлежит к редакции, которую она определяет как основную, но имеет разночтения; история текста глоссы не установлена, поэтому определить редакцию не представляется возможным. Из приводимых Л. Долежаловой фото полутора десятков списков «Summarium» преимущественно из австрийских, немецких и чешских библиотек [Doležalová, 2012, passim], петербургский список по чтениям и орфографии ближе всего к двум родственным спискам XV в. из Праги NL. XI A 14 и NL. I. G. 11a.

В коллекции П.П. Дубровского в РНБ имеются как минимум две чешские рукописи XV в. с университетскими мнемотехническими текстами: Lat. Q. XIV. № 117 (1412 г., Богемия) с алфавитной подборкой изречений и пословиц морализаторского характера и «Summa penitentie versificata compendiose», приписываемой Джону Гарландскому (de Garlandia, ок. 1190 – ок. 1270) и Lat. O. II. № 34 (вторая половина XV в., Богемия?) с «Moralitas scaccorum abbreviata» и стихами для запоминания «Сентенций» Петра Ломбардского. Нельзя исключать того, что список «Summarium» Lat. O. v. I. № 53 был приобретен П.П. Дубровским вместе с этими рукописями и также был связан с Чехией. Впрочем, при отсутствии сравнительных данных по другим спискам, прежде всего из Германии, это только предположение.

Вторая часть конволюта (л. 7–12 об.) – это выписки из «Flores Helinandi» Элинанда из Фруамона (ок. 1160 – ок. 1237), из «Meditationes de humana conditione», приписываемых Бернарду Клервоскому, и др. Они сделаны «обычным» книжным письмом с курсивными элементами (Hybrida currens) конца XIII – первой половины XIV вв. уже упоминавшимся писцом 3. Помимо него, под одной фразе на л. 10 об. и 11 дописали писец 5 и 6. Курсивное письмо писца 5 А.И. Киселева датирует XV в. (инципит молитвы «Magnificat»), а письмо с курсивными элементами писца 6 (фраза из «Summa sententiarum» Гуго Сен-Викторского) – XIII в. Возможно, писец 6 идентичен писцу 4, оставившему небольшую правку в «Summarium». В этой части рукописи пергамен немного хуже и более грубой выделки, более толстый, но белый, бархатистый с обеих сторон. Разлиновка, судя по всему, отсутствует. Под переплет сделано пять одинарных надрезов, современный переплет выполнен также по ним.

Вероятно, свой современный вид и состав конволют получил довольно рано: писец 3 дополнил неполный кватернион тернионом и унионом, сделав на них отрывочные выписки и оставив много свободного места – часть листов осталась без текста, возможно, поэтому в тернионе были

вырезаны четвертый и шестой листы (л. 10, 12–12 об.; в унионе текст только на половине первого листа – л. 11). После него рукопись прошла через руки еще минимум двух владельцев (писцы 4 и 5). По крайней мере, один из них, писец 4, еще, вероятно, использовал не только первую, но и вторую часть, поскольку он присоединил к выпискам писца 3 свои – из «Summa sententiarum» Гуго Сен-Викторского.

Таким образом, можно предположить, что рукопись РНБ. Lat. O. v. I. № 53 представляла собой некое подобие позднесредневековых сборников цитат, выписывавшихся при чтении церковной литературы для лучшего понимания прочитанного (ср. распространенный в рамках *Devotio moderna* жанр «*Raparium*»). Основная ее ценность для владельцев заключалась в «*Summarium Biblicum*», о чем говорит большее загрязнение пергамента в первой части. А относительно неплохая сохранность обусловлена кратковременным характером использования этого текста – вызубрив наизусть, к нему больше не обращались.

Литература

- Казбекова, 2014 — Казбекова Е.В. Пространственный аспект в кодикологических исследованиях списков *Novae constitutiones* папы Иннокентия IV XIII–XVI вв. // ЭНОЖ «История». 2014. Выпуск 8 (31) [электронный ресурс; режим доступа для зарегистрированных пользователей: history.jes.su/s207987840000926-7-1] (дата обращения 01.09.2016).
- Киселева, 2005 — Киселева Л.И. Латинские рукописи XIII в. Российской Национальной библиотеки. СПб., 2005.
- Angenendt, 2009 — Angenendt A. *Geschichte der Religiosität im Mittelalter*. 4. Aufl. Darmstadt, 2009.
- Bertram, 2008 — Bertram M. *Dekorierte Handschriften der Dekretalen Gregors IX. (Liber Extra) aus der Sicht der Text- und Handschriftenforschung* // *Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft*. Bd. 35. 2008. S. 31–65.
- Bertram, 2014 — Bertram M. *Signaturenliste der Handschriften der Dekretalen Gregors IX. (Liber Extra)*. 1. Teil (Stand Oktober 2005). 2. Teil (Stand April 2010). Neubearbeitung April 2014. Rom, 2005, 2010, 2014 [электронная публикация; URL: // http://www.dhi-roma.it/bertram_extrahss.html] (дата обращения 01.09.2016).
- Bertram, 2015 — Bertram M. *Überlegungen zu einem qualifizierten Überlieferungsbild der Dekretalen Gregors IX. (Liber Extra)* // *Rechtshandschriften des deutschen Mittelalters. Produktionsorte und Importwege* / Hrsg. v. P. Carmassi,

- G. Drossbach. (Wolfenbütteler Mittelalter-Studien, 29). Wiesbaden, 2015. S. 285–302.
- Doležalek, 2012 — Doležalek G. Manuscripta juridica. Data Base. Max-Planck-Institut für europäische Rechtsgeschichte. Frankfurt/Main, 2012. [электронная публикация; URL: <http://manuscripts.rg.mpg.de> (страница Start) и <http://manuscripts.rg.mpg.de/statistics> (страница Statistics)] (дата обращения 01.09.2016).
- Doležalová, 2010 — Doležalová L. Mémoriser la Bible au bas Moyen Âge? Le Summarium Biblicum aux frontières de l'intelligibilité // Les usages sociaux de la Bible, XIe–XVe siècles. (Cahiers électroniques d'histoire textuelle du Laboratoire de Médiévisitique Occidentale de Paris, T. 3). Paris, 2010. (1re éd. en ligne 2011).
- Doležalová, 2012 — Doležalová L. Obscurity and Memory in Late Medieval Latin Manuscript Culture: The Case of the Summarium Bibliae. (Medium Aevum Quotidianum. Sonderband XXIX). Krems, 2012.
- Doležalová, 2013 — Doležalová L. The Summarium Biblicum: A Biblical Tool Both Popular and Obscure // Form and Function in the Late Medieval Bible / ed. by E. Poleg and L. Light. Leiden, 2013. P. 163–184.

Состав поучений о Вселенских соборах в славянских рукописных сборниках XII–XVII вв.: археографические аспекты исследования

В статье рассматривается репертуар посвященных Вселенским соборам переводных и оригинальных поучений, характерных для славянской рукописной традиции, отраженной в составе сборников уставных чтений XII–XVII вв. Выделены две группы таких поучений, первая из которых включает перечни семи Вселенских соборов, а вторая — тематически организованный корпус из гомилий Кирилла Туровского, Кирилла Александрийского и Томаса римского папы Льва I Великого. Обсуждается вопрос о том, каким образом сведения о составе входящих в сборники поучений могут быть полезными исследователям в определении происхождения и датировки кодексов.

Ключевые слова: Вселенские соборы, славянская книгописная традиция, рукописные собрания, гомилии, патриарх Кирилл Александрийский, епископ Кирилл Туровский, римский папа Лев I Великий

Исследователями давно признана ключевая роль сборников уставных чтений в культуре славянской рукописной книжности XI–XVII вв. Разнообразие состава таких сборников было чрезвычайно широким: в них включались произведения дидактического и торжественного красноречия, агиографические сочинения, полемические тексты, толкования и др. [Черторицкая, 1985, с. 236–238]. Тем самым к уставным чтениям принято относить множество сборников разных типов, представленных сотнями и тысячами списков. В начале прошлого века Н. К. Никольский возвышенно утверждал, что «уставным чтениям выпало на долю быть главным источником русских духовных идеалов» [Никольский, 1901, с. 224–225]. В. П. Виноградов, первым исследовавший уставные чтения как комплексное явление средневековой русской книжности в связи с историей богослужебного устава на Руси, понимал их как произведения «литургико-гомилетической природы... чрезвычайно широкого объе-

ма» [Виноградов, 1914, с. VI]. Исследователь подчеркивал, что содержание и состав сборников уставных чтений не были строго регламентированы, и это обусловило эволюцию сборников и многообразие их типов. К «главнейшим» сборникам уставных чтений В.П. Виноградов относил Толковое Евангелие, Торжественник, Златоуст и Четьи минеи [Виноградов, 1915, с. 6].

Даже спустя полвека после этих обобщающих наблюдений Е. Э. Гранстрем отмечала, что «многовековая история складывания учительных сборников не прослежена ни в греческой, ни в славяно-русской рукописной традиции», и указывала, что «систематическое изучение должно начинаться с тщательного выявления содержания сборников... и при обязательном сопоставлении с греческими сборниками того же рода» [Гранстрем, 1974, с. 192]; имея в виду, что базовым пособием для такого сопоставления является многотомный (но, к сожалению, незавершенный) труд А. Эрхарда [Ehrhard, 1937–1952]¹. По мнению Т. В. Черторицкой, исследовавшей эту проблематику в последние десятилетия минувшего века, определенные типы сборников уставных чтений, за редким исключением, на Руси в XI – XIV вв. не выделяются [Черторицкая, 1980, с. 97–114] (ср. схожие соображения: [Димитрова, 2011, с. 68–69]), а время наиболее широкого распространения сборников уставных чтений в древнерусской письменности относится к концу XIV – XVI в. В этот же период, полагала исследовательница, в связи с членением и распространением древнейших четьих книг происходит типовое оформление многих четьих сборников, таких как Торжественник, Златоуст, Рай и другие [Черторицкая, 1985, с. 236–238]. При этом, как писала Т. В. Черторицкая, «в славяноведении по настоящее время не разработаны научно приемлемые принципы классификации сборников как основной формы бытования памятников письменности эпохи Средневековья; само понятие системы славянской книжности существует чисто теоретически: не прослежены связи и не выявлены типологические взаимодействия или противостояния разных составляющих этой “системы”» [Čertorickaja, 1994, S. 38] (в связи с этим о проблеме соотношения книг уставного и келейного чтения: [Грицевская, 2012, с. 162–187]; краткий обзор проблем

¹ Эта намеченная Е.Э. Гранстрем исследовательская программа воплощена в составленном Й.-Р. Мирчей каталоге переводных и оригинальных памятников славянской письменности, хранящихся в библиотеках Румынии [Migsea, 2005], где переводные сочинения при необходимости сопровождаются ссылками на греческие оригиналы по А. Эрхарду.

соотнесения уставных чтений с литургической практикой: [Мещерский, 2013, с. 242–248]; ср. также [Крizza, 2014, р. 137–139]]. Однако Т.В. Черторицкая, сделавшая весьма много для исследования репертуара и истории эволюции восточнославянских сборников, все же не проводила последовательного сопоставления их состава с календарными сборниками греческого происхождения, что оставляет ее выводы уязвимыми для критики (ср. [Крizza, 2006, с. 376–377]). Очевидно, что для преодоления этих проблем необходим синтез исследовательских методик археографии, источниковедения и текстологии.

Одной из важных составляющих «системы» славянской книжности (при всей терминологической условности понятия) является корпус поучений о Вселенских соборах, составивших эпоху патристики IV–VIII вв. Значение таких учительных текстов определяется не только статусом собраний Вселенского епископата, которые считаются в православной традиции органами высшей власти Церкви, а догматические установления таких собраний трактуются как обладающие статусом непогрешимости. Общеизвестно, что правила Вселенских соборов составляли основу содержания славянских сборников канонического права [Срезневский, 1899, с. 1]. Однако поучения, в которых рассказывалось об исторических обстоятельствах принятия канонических решений и их богословском значении, изучались в меньшей степени. Соответственно, не вполне ясной остается и типология, и своего рода «репертуарная история» таких поучений, различавшихся по содержанию, и включавшихся как в Кормчие, так и в календарные сборники уставных чтений в разных вариантах.

В соответствии с месяцесловами в тех книгах, где чтения располагались в соответствии с солнечным календарным циклом, такие гомилии находились среди чтений на 16 июля (минейные Торжественники, Миней четьи), а в сборниках, приуроченных к лунному календарю (триодные Торжественники, Златоусты), гомилии о Вселенских соборах читались на седьмое воскресенье после Пасхи (Неделю свв. Отцов)². Это

² Нужно заметить, что в византийском и восточнославянском православных календарях подвижных дат счет Неделю свв. Отцов различается: в византийском календаре это шестое воскресенье по Пасхе, в восточнославянском — седьмое. Происходит это потому, что в византийском календаре счет послепасхальных недель начинается с недели апостола Фомы [Beck, 1959, S. 257], тогда как в восточнославянском календаре первая послепасхальная седмица именуется Светлой, а Фомина неделя (Антипасха или Новая неделя) отменяется после нее, ср. [Черторицкая, 1990, с. 356–357].

соотнесение чтений с календарными циклами подчинялось церковным уставам: Устав Великой церкви предусматривал для памяти IV Вселенского собора в Халкидоне 16 июля как постоянную дату празднования, тогда как в календарях Иерусалимского устава эта же дата трактовалась более широко — как день памяти свв. отцов шести Вселенских соборов; а в Студийском уставе этот день понимался как подвижный праздник [Лосева, 2001, с. 47, 384]; ср. [Пентковский, 2001, с. 107–108; Христова-Шомова, 2012, с. 794–796, 803–804]. Отчасти проблемы изучения приуроченных к этим дням чтений о Вселенских соборах затрагивались мной ранее [Полонский, 2014а, с. 130–135; Полонский, 2015, с. 63–70], однако приведенные в предшествующих работах сведения нуждаются в фактографических уточнениях и дополнениях.

Среди бытовавших в славянской книжности поучений о Вселенских соборах выделяются две разнородные группы текстов. Во-первых, это содержащие перечни Вселенских соборов статьи, представляющие собой краткие перечисления главных действующих лиц и деяний собраний епископата христианской Церкви. В жанровом отношении такие статьи безусловно относятся к четвым текстам; как поучения их можно определить в том смысле, что в них содержится изложение важнейших догматических соборных решений и формулируется их вероучительное значение, однако гомилиями эти статьи, конечно, не являются. Разнообразие таких перечней отражается в византийских сочинениях [Munitiz, 1974, р. 147–186], послуживших источниками для ряда славянских переводов. Соответствующие статьи содержатся уже в древнейших славянских рукописях – Изборнике 1073 г. и Ефремовской Кормчей XII в., причем эти тексты о Вселенских соборах различаются степенью подробности изложения и восходят к различным греческим источникам (ср. [Щапов, 1977, с. 333–334]).

Вместе с тем, присутствие статей, содержащих перечни соборов в составе сборников такого распространенного типа, как Торжественники — относительная редкость для славянской традиции. В работах Т. В. Черторицкой, исследовавшей состав триодных и минейных Торжественников [Черторицкая, 1979, с. 23; Черторицкая, 1990, с. 341, 358; Ćortorickaja, 1994, S. 418–423], случаи подобных включений не указаны. Мне известны только четыре кодекса Торжественников, датируемых XVI–XVII вв., в состав которых такие перечни включены. Первый из кодексов постаейно описан В.И. Срезневским и Ф.И. Покровским в составе рукописей

Библиотеки Российской Академии наук (БАН) под № 31.6.26, причем в этой рукописи, как отметили археографы, присутствуют записи, указывающие на ее бытование не позднее 1650 г. на территории современной Западной Украины [Срезневский, Покровский, 1915, с. 371–383]; также на полях кодекса неоднократно встречаются записи на польском языке. По заключению М. В. Корогодиной, основанному на анализе филигранных, рукопись следует датировать третьей четвертью XVI в.³

Еще три перечня были выявлены в составе рукописных четых сборников, хранящихся в Львовской национальной научной библиотеке (ЛННБ) Украины имени В. Стефаника. Приведу сведения о них:

1. Торжественник минейный на март–август. Собрание рукописей Центрального Василианского архива и библиотеки во Львове (МВ 106), конец XVI – начало XVII в. (описание: [Кольбух, 2007, № 290, с. 377–380]).

2. Торжественник минейный (годовой). Собрание кириллических рукописей библиотеки А. С. Петрушевича (АСП 6), 1618 г. Согласно описанию начала XIX в. – «Сборник житий святых на весь год»: [Свенціцький, 1906, № 6, с. 112–128].

3. Торжественник общий. Собрание кириллических рукописей библиотеки А. С. Петрушевича (АСП 34), первая четверть XVII в. В описании начала XIX в. и указателе к нему назван и датирован двояко: как «Сборник», который «складывается из Торжественника и Триодных поучений» конца XVI в. [Свенціцький, 1906, № 34, с. 130] и как «Сборник святоотеческих слов», XVII в. [Свенціцький, 1911, с. 183].

Во всех четырех сборниках, примерно в одно время созданных, по-видимому, на территории Речи Посполитой, под 16 июля помещены одинаковые чтения о семи Вселенских соборах, представляющие собой краткие перечисления основных исторических деятелей и ключевых решений каждого из соборов, причем открывается этот цикл небольшой по объему «памятью» о четвертом соборе, «иже в Халкидоне...» (инципит: «Сий с(вя)тый отцы Х(рист)овоу бл(а)г(о)датию при Маркиане бл(а)гочестивом ц(а)ри съшедшемся...»). Показательно, что благодаря помещению этой «памяти» на первом месте именно IV Вселенский собор фактически предстает здесь важнейшим из семи перечисленных. Затем в составе перечня на соответствующем месте следует более под-

³ Сердечно благодарю М. В. Корогодину, уточнившую по моей просьбе датировку рукописи.

робное изложение о халкидонских деятелях и установлениях. При этом во всех указанных сборниках цикла о Вселенских соборах предшествует статья о крестителе Русской земли князе Владимире (в рукописях БАН 31.6.26 и МВ 106 эта статья обозначена как «житие», в АСП 6 и АСП 34 — как «успение»), далее в кодексах из ЛННБ под 17 июля следует статья о «мучении» св. Марины, а в рукописи БАН — под 20 июля Житие св. пророка Илии. Можно было бы думать, что состав этих четырех сборников отражает специфический состав чтений, сформированный на территории восточно- и западнославянского пограничья в конце XVI — начале XVII вв. По-видимому, это верно только в отношении типологической разновидности сборников: несмотря на то, что в Торжественниках и Минеях четых, составлявшихся и переписывавшихся на Руси, состава чтений о Вселенских соборах, идентичного статьям из кодексов БАН 31.6.26, МВ 106, АСП 6 и АСП 34, не обнаруживается, можно назвать по крайней мере один некалендарный сборник, где присутствуют те же статьи (однако в иной редакции, с лексическими разночтениями и без вводной по отношению ко всему перечню «памяти» о IV Вселенском соборе). Это знаменитый сборник книгописца Ефросина из Кирилло-Белозерского собрания РНБ № 22/1099, определенный Р. П. Дмитриевой как энциклопедический и предназначенный для индивидуального келейного чтения ([Дмитриева, 1970, с. 89–90], см. также [Каган и др., 1980, с. 3, 82–83]); интересующий нас текст писан на л. 357–360, вероятно, в 1460-е годы [Новикова, 2016, с. 32]. Это позволяет предполагать, что источником статей о Вселенских соборах для православных книжников Галиции был текст, ранее известный в монастырях на Руси. Дополнительное указание на связи книжников следует усматривать и в том факте, что в сборниках БАН 31.6.26, АСП 6 и АСП 34 под 20 июля после похвалы пророку Илие помещена получившая общерусскую известность повесть первой четверти XV в. о чудесном спасении пророком утопавшего нижегородца Григория Авксентьева [Соболевский, 1915, с. 277–284; Бегунов, 1981, с. 61–88] (в сборнике БАН, однако, герой сказания назван «Георгие сын Уксентиев»); предположительно распространение этого сочинения в т.н. «западнорусских» сборниках объясняется «династическими связями суздальско-нижегородских князей с Великим княжеством Литовским» [Турилов и др., 2009, с. 245].

Таким образом, можно полагать, что статьи, содержащие перечни Вселенских соборов, — относительная редкость для состава таких

сборников, как Торжественники, причем, судя по предварительным наблюдениям, соответствующие перечни появляются в Торжественниках сравнительно поздно, и их распространение и бытование связано с территориями Речи Посполитой.

Вторая группа текстов о Вселенских соборах, чаще всего встречающаяся как в славянских Златоустах, триодных и минейных Торжественниках (в южнославянской археографической традиции – Панегириках), так и в Минеях четьих, представляет собой памятники гомилетики.

Сведения о самом, по-видимому, раннем варианте гомилии, которую полагалось читать в монастырях на Руси в Неделю свв. Отцов, содержатся в старшем из наиболее полно сохранившихся кодексов Студийско-Алексиевского устава (ГИМ. Син. 330, кон. XII в.; описание: СК XI–XIII, № 138), определявшего «в последней трети XI–XIV столетиях богослужебную традицию Русской Церкви и устройство древнерусских монастырей» [Пентковский, 2001, с. 5]. Здесь указано, что в воскресенье в Неделю свв. Отцов «иже в Никеи» полагается читать некое «Слово Георгия отцем» с зачалом «Покарайтесь старейшинам» [Пентковский, 2001, с. 271], представляющим собой цитату из послания ап. Павла (Евр. 13: 17). Обращение к своду византийских четьих сборников, составленному А. Эрхардом, позволяет уточнить содержание уставного указания. Как выяснил исследователь, в греческом сборнике монастыря Влатадон в Фессалониках № 6(7)⁴ содержится читавшаяся в тот же день гомилия, атрибутируемая Георгию, пресвитеру Кесарии Каппадокийской, также посвященная отцам Никейского собора и воспроизводящая по-гречески тот же инципит: «Πεῖθεσθαι τοῖς ἡγουμένοις» [Ehrhard, 1938, S. 246; Ehrhard, 1943, S. 483, annot. 2]. При этом рукопись Влатадон, № 6(7) – далеко не единственный (хотя, несомненно, один из ранних) созданный в Византии манускрипт, где был помещен оригинал этого поучения, причем авторские атрибуции текста в греческих календарных сборниках различаются. Так, например, автор гомилии назван Георгием Кесарийским в рукописях Государственного исторического музея ГИМ. Син. греч. 234 (сер. X в.; описание состава: [Владимир, 1894, №217, с. 272]; уточ-

⁴ В отношении датировки кодекса имеются расхождения: А. Эрхард считал несомненной (unbedenklich) датировку концом IX в. [Ehrhard, 1938, S. 242], однако рукопись датируется XII в. в современной базе данных парижского Института исследований и истории текстов (Pinakes = Πίνακες; Textes et manuscrits grecs; <http://pinakes.irht.cnrs.fr> [дата обращения: 20.12.2016]).

нение датировки и библиография: [Фонкич, Поляков, 1993, с. 79–80]) и Син. греч. 5 (1445 г.; описание состава: [Владимир, 1894, № 412, с. 613]; библиография: [Фонкич, Поляков, 1993, с. 135]), афонского монастыря Эсфигмен (№ 17, XI в.; описание: [Lambros, 1895, № 2030, р. 173]) и Национальной Библиотеки Греции (Εθνική Βιβλιοθήκη της Ελλάδος) в Афинах (ΕΒΕ № 2083, XIII/XIV в., описание: [Πολίτης, 1991, σ. 118]; ΕΒΕ № 2471, XIV в., описание: [Πολίτης, 1991, σ. 473]); тогда как в сборниках афонских монастырей Пантократор (№ 3, XIII/XIV в.; описание: [Lambros, 1895, №1037, р. 91]) и Симонопетра (№ 55, XV в.; описание: [Lambros, 1895, №1323, р. 120]) он же значится как Григорий Кесарийский (пресвитер с этим именем известен также как агиограф, автор жития св. Григория Богослова: [Beck, 1959, S. 545]). С этой второй атрибуцией греческий текст был опубликован еще Ж.-П. Минем [PG 111, 1863, col. 419–440].

Восточнославянский перевод приписываемой Георгию (или Григорию) Кесарийскому гомилии, указанной в Студийско-Алексиевском уставе, неизвестен: во всяком случае, он не получил распространения в таких популярных сборниках уставных чтений, как Торжественники (ср. [Каталог XI–XIV вв., 2014, с. 130–148]). Однако южными славянами эта византийская гомилия была переведена. Соответствующий «среднеболгарский» перевод отмечен в сборниках, датируемых концом XIV в.: один из них принадлежал собранию архим. Антонина (Капустина) — РНБ. Ф. 550 (ОСРК). № F.I. 829 (в детальном описании охарактеризован как «Сборник слов на Пятидесятницу»: [СРБП, 2009, с. 178]); другой хранится в Болгарии в Библиотеке Рильского монастыря (далее БРМ) под №4/7, в нем имеется вкладная запись 1479 г. в этот монастырь (постатейное описание сборника и записей: [Спространов, 1902, с. 96–103, п. 85]; краткое описание с уточненной датировкой: [Христова и др., 1982, с. 54, № 113])⁵. Составы сборников РНБ. № F.I. 829 и БРМ № 4/7 весьма схожи, целый ряд учительных статей в них совпадает, и, по-видимому, ти-

⁵ Эту рукопись *de visu* мне изучить не удалось. Сердечно благодарю А.А. Турилова за уточнение датировки и сведения о последнем печатном описании рукописи БРМ № 4/7. Рукопись ныне классифицируется как Торжественник цветной, однако из 102 входящих в него поучений (не считая утраченных — двух полностью и одного частично), Иоанну Хризостому атрибутируются 59 гомилий (т.е. почти 60% состава), так что правомерно определять сборник как Златоуст, как и сделано Е. Спространовым в первом печатном описании.

пологически они оба относятся к Златоустам цветным (пятидесятым); а складывание и распространение всего корпуса статей есть основания связывать с Тырновской книжной школой. Еще один содержащий ту же гомилию сборник, датируемый первой половиной XV в. и хранящийся в Библиотеке Академии наук Румынии в Бухаресте (далее — VAR, № 149; см. [Mircea, 2005, pp. 67, 230]), писан создателем славяно-молдавской каллиграфической школы Гавриилом Уриком, чья книгописная деятельность, по определению А.А. Турилова, «во многих отношениях представляет связующее звено между традицией тырновской Болгарии и книжной культурой Молдавского княжества XV–XVI вв.» [Турилов, 2005b]⁶. Наконец, четвертая известная мне южнославянская рукопись, также содержащая указанную гомилию Георгия Кесарийского, как удалось установить, происходит из сербского монастыря Крушедол и ныне хранится в собрании Музея Сербской православной церкви в Белграде (МСПЦ № 127). Этот сборник определен сербскими археографами как Златоуст цветной, кодекс датирован по филиграням 1620–1630-ми гг. [Станковић, 2003, с. 42].

Во всех четырех сборниках начальные слова поучения Георгия Кесарийского сформулированы несколько иначе, чем в Студийско-Алексиевском уставе: Слово «Георгия пресвитера Кесария Кападокийские о с(вя)тых 318 отцех и о Константине бл(а)гочестивем ц(а)ри» фигурирует с начальной фразой «Покаратисе наставником от ап(о)с(то)льскаго предповелень бывъ оучительства о Феофиле...» (РНБ. № F.I. 829. Л. 276об.⁷; БРМ № 4/7. Л. 296; VAR. № 149. Л. 121; МСПЦ № 127. Л. 236–240 об.).

Примечательно, что в Златоустах РНБ № F.I. 829 и МСПЦ № 127 этой гомилии предшествует приписанное Иоанну Хризостому «Слово повестительно» «о с(вя)тем и вселенstem съборе и ещез о злочьстии Ариеве и о сквръннем его развращени[и]» (инципит: «Въ деветь на десетое лето Диоклитианова ц(а)рства...»), а затем после Слова Георгия Кесарийского помещено «Арсения мниха и презвитера и игумена Слово о с(вя)тых 318 от(е)ць иже в Никеи» (инципит: «Облаци оубо иже от дымешуюсе землю въздоухом на превышнюа и от воды морские земное лице напоити...»). В рильском Златоусте БРМ № 4/7, судя по описанию Е. Спространова, нет гомилии константинопольского архиепископа, но

⁶ Новейший перечень рукописей, атрибутируемых Гавриилу Урику: [Паскаль, 2016].

⁷ В этой рукописи не «предповелень», как в трех других, а «пред повесь», — очевидно, ошибочно.

после поучения Георгия так же, как и в двух других названных кодексах, присутствует Слово Арсения мниха⁸.

Для Златоустов древнерусской традиции характерен иной состав чтений, приуроченных к дням памяти о Вселенских соборах. Как показал О.В. Творогов, изучавший составы различных разновидностей сборника, память о Вселенских соборах в древнерусских Златоустах отмечена регулярным присутствием единственной гомилии (ее инципит: «Днесь память св. отец чтется...»), посвященной I Вселенскому собору, и характерной именно для такого типа сборников [Творогов, 1985, с. 283]. Авторство этого поучения в различных рукописях Златоуста либо не указывается, либо приписывается как самому Иоанну Хризостому, так и жившему в XIII в. епископу Ростовскому Кириллу. При этом в некоторых рукописях гомилия встречается не только среди чтений на седьмое воскресенье после Пасхи, но и на шестую неделю после главного христианского праздника [Творогов, 1987, с. 283; Черторицкая, 1990, с. 358]: расположение второго из указанных типов присутствует, например, в сборниках ГИМ собрания А.С. Уварова № 111 и № 314. Таким образом, в южнославянских Златоустах присутствуют сразу три переводные поучения об одном I Вселенском соборе в Никее (325 г.), атрибутируемые трем разным авторам. Восточнославянская традиция редакций сборника Златоуст для соответствующего памятного дня, напротив, знает, как правило, только одно восхваляющее деятелей Никейского собора поучение, причем отличное от трех гомилий, известных болгарским и сербским книжникам XIV–XVII вв.

Однако ситуация в отношении состава и содержания гомилий о Вселенских соборах, включавшихся в восточно- и южнославянские Торжественники (Панегирики), оказывается принципиально иной по сравнению с вхождением приуроченных к тем же дням гомилий в цветные Златоусты.

⁸ В сборнике VAR. №149, который классифицируется как Торжественник триодный в новейшем перечне [Паскаль, 2016, с. 34], гомилии Арсения мниха и Иоанна Златоуста также присутствуют, однако первоначальная последовательность листов рукописи существенно перепутана [Mircea, 2005, p. 29 (№44), p. 103 (№509)]. Вместе с тем, все три указанные гомилии, включая поучение Георгия Кесарийского, не обнаруживаются в авторитетных каталогах учительных слов, составленных преимущественно по рукописям восточнославянского происхождения: [Čertoričková, 1994], [Гранстрем и др., 1998], [Каталог XI–XIV вв., 2014].

По наблюдениям Т.В. Черторицкой, для писавшихся в Средневековой Руси Торжественников, как правило, характерно следующее распределение чтений о Вселенских соборах: в «устойчивый состав статей» минейного Торжественника какие-либо гомилии о Вселенских соборах вообще не входят [Черторицкая, 1979, с. 23; Черторицкая, 1990, с. 341], а триодный Торжественник последовательно включает гомилию Кирилла Туровского (ок. 1130 – ок. 1182) с похвалой отцам I Вселенского собора в Никее и приписываемую Кириллу Александрийскому (ок. 376 – 444) «Беседу», посвященную участникам III Вселенского собора в Эфесе (431 г.). Гомилия Туровского епископа была написана на славянском языке во второй половине XII в.; старшая рукопись, где она встречается, датируется второй половиной XIII в.: это знаменитый Толстовский сборник (РНБ. Ф. 550 (ОСРК), № Ф.п.I.39; описание: [Čertorickaja, 1994, № 5.001, S. 537]).

В свою очередь, «Беседа», приписываемая Александрийскому патриарху, представляет собой памятник, переведенный с греческого языка на славянский. Как убедительно показал А. Эрхард еще в конце XIX в., греческий оригинал этого сочинения не мог быть написан Кириллом Александрийским: [Ehrhard, 1889, S. 97–113]; ср. [Du Manoir de Juaye, 1944, p. 59–60]. Поэтому в каталогах рукописных книг и публикациях для точности следовало бы указывать авторство как принадлежащее «Псевдо-Кириллу», однако работа Эрхарда, насколько можно судить, осталась практически неизвестной исследователям славянских рукописей, так что такое условное именование автора гомилии пока не принято (ср. [Каталог XI–XIV вв., 2014, с. 218–219]). В южнославянских минейных гомилияриях это приписываемое Кириллу Александрийскому поучение, согласно исследованию К. Ивановой, оказалось единственным текстом, приуроченным к дням памяти о Вселенских соборах [Иванова, 2008, с. 583–584]. Стоит заметить, что один из списков «Беседы» входит под 16 июля в состав минейного Торжественника на февраль–январь с дополнениями (Рильского панегирика), переписаного в 1478–1479 гг. в монастыре Матейче выдающимся южнославянским книжником Владиславом Грамматиком (БРМ № 4/8; постатейное описание сборника: [Спространов, 1902, с. 104–114]; о Владиславе Грамматике, с указанием литературы: [Турилов, 2005а, с. 99–101]).

Старший же славянский список «Беседы» содержится в Успенском сборнике [Успенский сб., 1971, с. 433–440] конца XII – начала XIII в.,

где также присутствует ряд гомилий южнославянского происхождения [Мещерский, 1995, с. 30–31]. В сборниках уставных чтений «Беседа» бытовала по меньшей в двух редакциях, различавшихся вариантами финала [Šertorickaja, 1994, № 18.0.02, S. 418; Там же. № 18.0.15, S. 422–423], текст в Успенском сборнике относится ко второй из них.

Третий по счету после гомилий Кирилла Туровского и Кирилла Александрийского памятник, как правило, завершающий цикл четврьх текстов о Вселенских соборах, имеет более сложную комплексную структуру, чем предшествующие. Он включает, во-первых, Слово «О четвертом соборе», содержащее краткое изложение событий на IV Вселенском соборе в Халкидоне (451 г.); во-вторых, написанное в 449 г. и переведенное в XII в. в Киевском Печерском монастыре с греческого языка комментированное послание, известное также как Томос (в славянском переводе – «Епистолию») римского папы Льва I Великого к константинопольскому архиепископу Флавиану о единстве воплощения божеского и человеческого естества во Христе, провозглашенное Халкидонским собором «столпом» православной веры. В свою очередь, этот второй текст подразделяется на три части: предисловие переводчика Феодосия Грека, саму «Епистолию» Льва I в переводе Феодосия, и послесловие переводчика.

Целиком памятник единственный раз опубликован еще в первой половине XIX в. [Бодянский, 1848, с. 1–20]. В конце прошедшего столетия Т.В. Черторицкая опубликовала сведения о 10 списках, входивших в триодные четврь сборники [Šertorickaja, 1994, S. 419–421]. Однако комплекс из четырех отмеченных выше текстов (Слово «О четвертом соборе», предисловие переводчика, «Епистолия» Льва I, послесловие Феодосия) исследовательница структурировала своеобразно и, на мой взгляд, неоправданно, выделив Слово «О четвертом соборе» как самостоятельное произведение (№ 18.0.05 по указанному каталогу Т. В. Черторицкой), потом все четврь памятника как одно целое, тем самым еще раз учтя Слово «О четвертом соборе» (№ 18.0.06), затем отдельно предисловие переводчика под названием «Сказание римския епистолии» (№ 18.0.07), и, наконец, перевод послания папы Льва в соединении с послесловием Феодосия (№ 18.0.08).

С учетом собранных исследовательницей данных к настоящему времени удалось выявить и систематизировать сведения о 42 списках комплекса, бытовавшего, как правило, в качестве целостного памятни-

ка. Списки датируются XV–XVII вв., из них 26 приходится на триодные Торжественники (либо триодные части Торжественника общего), 8 — на июльские кодексы Миней четых, 4 — на Торжественники минейные, 1 список входит в состав сборника Златоуст, прочие относятся к сборникам особого состава (перечень кодексов приведен в статьях: [Полонский, 2014b, с. 136; Полонский, 2016]). Комплекс из четырех связанных с Халкидонским собором текстов содержится в полном составе в 39 из отмеченных выше 42 списков. Это не вполне согласуется с мнением Т.В. Черторицкой и И.М. Грицевской о том, что отдельные части комплекса «могли восприниматься как самостоятельные сочинения» [Čertorickaja, 1994, № 5.001, S. 420, 762].

В приведенном количественном соотношении обращает внимание преимущественное распространение комплекса текстов, тематически связанных с IV Вселенским собором, в составе триодных Торжественников, тогда как в минейные сборники гомилий комплекс включался примерно вдвое реже: в десятках кодексов минейных Торжественников, созданных в скрипториях русских монастырей, чтения на 16 июля вообще отсутствуют. Тем не менее, общее количество списков и разнообразие типов кодексов позволяют говорить о том, что комплекс связанных с IV Вселенским собором сочинений систематически включался русскими книжниками в уставные четьи сборники XV–XVII вв., и неоднократно переписывался в монастырях Москвы, Новгорода, Переславля-Рязанского, Пскова, а также на русском Севере. В частности, такие сборники находились в библиотеках Антониева–Сийского, Воскресенского Новоиерусалимского, Иосифо-Волоколамского, Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей. В 1538–1541 гг. Минею четью на июль, включающую названный комплекс, переписал для Софийского свода Великих Миней четых монах Боровского Пафнутьева монастыря Аркадий (РНБ. Ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собора), № 1323) [Абрамович, 1907, с. 131–154], а в 1596 г. список Торжественника, куда комплекс связанных с IV Вселенским собором текстов также вошел, составил в Глушицком Сосновецком (Дионисиеве) монастыре Иоанна Предтечи близ города Кадчикова под Вологдой иеромонах Евстрат по прозванию Лобан, — причем, вероятно, эта рукопись размером 20x14 см, в отличие от софийской минеи, предназначалась для келейного чтения (ныне она находится в рукописном собрании РГБ (Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова), № 235).

Тем самым в целом можно констатировать, что для восточнославянской рукописной традиции XV–XVII в. репертуар святоотеческих поучений о Вселенских соборах демонстрирует устойчивую последовательность чтений, связанную с жанровой типологией сборников. В составе Торжественников среди этих чтений перемежаются переводные и оригинальные сочинения, составленные не позднее XII–XIII в., причем из всех Вселенских соборов поучения посвящались первому (325 г.), третьему (431 г.) и четвертому (451 г.). Также оказывается, что в созданных на Руси календарных сборниках уставных чтений «Беседа» Кирилла Александрийского, как правило, предшествует комплексу текстов о IV Вселенском соборе. Южнославянская традиция, представленная только этой «Беседой», оказывается скромнее восточнославянской в отношении состава поучений интересующего нас вида применительно к Торжественникам. Как показывает сопоставление с византийскими гомилиярными, где чтения располагались в соответствии с христианскими праздниками по солнечному календарю, в данном отношении византийская традиция является непосредственной предшественницей южнославянской (ср. [Ehrhard, 1937, S. 270; Ehrhard, 1938, S. 201; Ehrhard, 1943, S. 66, 74, 156]). Вместе с тем, хотя приписываемая Кириллу Александрийскому «Беседа» и послание папы Льва были переведены с греческого языка, в византийских сборниках не удается обнаружить выраженной традиции соединения этих произведений в последовательный корпус, так что эта особенность репертуара календарных сборников, вероятно, является характерной особенностью только восточнославянской книжности.

В восточнославянских сборниках соединение в последовательном составе чтений на Неделю свв. Отцов «Беседы» Кирилла Александрийского с комплексом связанных с темой IV Вселенского собора текстов, а затем и со «Словом» Кирилла Туровского (помещавшимся в большинстве сборников перед «Беседой») произошло, видимо, не ранее, чем в середине XV в. До этого в известных мне славянских сборниках XIII–XIV в. эти тексты существуют по отдельности, причем «Слово» Кирилла Туровского «представляет» восточнославянскую ветвь постепенно складывающейся традиции, а «Беседа» Кирилла Александрийского — южнославянскую, прямо наследующую, в свою очередь, византийской традиции.

Противоречие этому наблюдению, казалось бы, можно усмотреть в составе триодного четьего сборника конца XIV в. РГБ. Ф. 304. I. (собр.

Троице–Сергиевой Лавры), № 9 (описание состава: [Ѓertorickaја, 1994, № 7.005, S. 539]), где присутствуют оба эти текста. Однако в сборнике они сильно разнесены, так что между ними расположено более двух десятков других поучений: «Беседа» Кирилла Александрийского находится между воскресными чтениями на четвертую и пятую недели поста, тогда как «Слово» Кирилла Туровского – на месте чтений на Неделю свв. Отцов, то есть между чтениями в Неделю о слепом и на Пятидесятницу. Объяснение такому расположению гомилий в троицком кодексе, очевидно, состоит в содержании «Беседы» Кирилла Александрийского, посвященной не только III Вселенскому собору в Эфесе, но в значительной степени прославлению Богородицы (что было связано с противостоянием патр. Кирилла архиеп. Константинопольскому Несторию, осужденному на III Вселенском соборе за «еретическое» именование Богородицы «Христородицей»; подробнее об этом: [Wessel, 2004; Селезнев, 2005]), акафист которой традиционно читался в субботу пятой недели поста. Таким образом, в отношении чтений о Вселенских соборах состав троицкого сборника № 9, с одной стороны, отражает восточнославянскую ветвь состава гомилий, а с другой – свидетельствует о том, что в конце XIV в. в восточнославянских сборниках этот состав гомилий еще не сложился в устойчивый корпус последовательно расположенных текстов с соответствующей календарной приуроченностью.

Устойчивость, позволяющую говорить о традиции, корпус гомилий о Вселенских соборах обретает позднее, – по-видимому, не ранее, чем во второй половине XV столетия. В рукописях первой четверти XV в. в ряду триодных чтений эта традиция также еще не выражена: так, в сборнике ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 509 «Беседе» предшествует не «Слово» Кирилла Туровского, а надписанная именем Иоанна Златоуста гомилия «о жене самаряныни», тогда как в Торжественниках ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 262; ГИМ, собр. А. С. Уварова. № 511 и Псковского музея-заповедника, собр. И. П. Елагина № 111 на этом месте также находится не «Слово» Кирилла Туровского, а поучение Иоанна экзарха Болгарского на Вознесение ([Успенский сб., 1971, с. 429–432]; в описании [Осипова, 1991, с. 8–9] неверно названо «Словом на вшествие... Иисуса Христа в Иерусалим»). Следовательно, можно полагать, что означенный корпус гомилий на дни чтений о Вселенских соборах складывался поэтапно: сначала в триодных Торжественниках были последовательно соединены приписываемая Кириллу Александрийскому «Беседа» и целостный ком-

плекс из четырех текстов, связанных с Халкидонским собором (включая «епистолию» папы Льва Великого), затем к ним было добавлено «Слово» Кирилла Туровского, и потом весь сложившийся таким образом корпус был перенесен в минейные сборники.

Эти факты определяют те «типологические взаимодействия или противостояния» поучений о Вселенских соборах как частей «системы» книжности, о которых писала Т.В. Черторицкая. Для историка литературы, текстолога и археографа, занимающегося описанием славянских рукописных книг, эти сведения (конечно, наряду с данными кодикологии и палеографии), возможно, могут послужить признаками, определяющими происхождение кодекса и примерное время составления его протографа. Соответствующие признаки могут быть описаны нижеследующей схемой.

Во-первых, если в календарном сборнике в соответствующем месте встречается только «Беседа» Кирилла Александрийского – значит, с высокой вероятностью перед исследователем кодекс сербского, болгарского либо молдавского происхождения; либо составленный на Руси, но исходя из ориентации на южнославянскую традицию. Во-вторых, если в сборнике наблюдается соединение «Беседы» Кирилла Александрийского и комплекса текстов, связанных с IV Вселенским собором при отсутствии в этой последовательности «Слова» Кирилла Туровского, то это позволяет полагать, что сборник не только составлялся на Руси, но и восходит к протографу первой четверти XV в. И, наконец, в-третьих, присутствие в сборнике корпуса из трех групп произведений — «Слова» Кирилла Туровского, «Беседы» Кирилла Александрийского и комплекса сочинений, связанных с IV Вселенским собором, включая «Епистолию» Льва I, — скорее всего означает, что исследователь имеет дело с кодексом, составленным в восточнославянских землях в традиции, берущей начало от середины XV в.

Литература

- Абрамович, 1907 — Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. II: Четьи Миней. Прологи. Патерики. СПб., 1907.
- Бегунов, 1981 — Бегунов Ю. К. Нижегородская повесть XV в. о спасении утопающего // Литература Древней Руси: Сб. науч. трудов / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина; отв. ред. Н. И. Прокофьев. М., 1981. С. 61–68.

- Бодянский, 1848 — Бодянский О. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И.Н. Царского // ЧОИДР. 1848. № 7. Отд. II. С. XV–XXII, 1–20.
- Виноградов, 1914–1915 — Виноградов В. П. Уставные чтения (проповедь книги). Историко-гомилетическое исследование. Вып. I. Уставная регламентация чтений в греческой церкви. Сергиев Посад, 1914; Вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915.
- Владимир, 1894 — Владимир [Филантропов], архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1: Рукописи греческие. М., 1894.
- Гранстрем, 1974 — Гранстрем Е.Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.) // ТОДРА. Л., 1974. Т. 29. С. 186–193.
- Гранстрем и др., 1998 — Гранстрем Е.Э., Творогов О.В., Валевицус А. Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий. СПб., 1998.
- Грицевская, 2012 — Грицевская И.М. Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв. СПб., 2012.
- Димитрова, 2011 — Димитрова М. «Ягичев Златоуст»: средновековен български паметник със слова и поучения от началото на XIV век. София, 2011.
- Дмитриева, 1970 — Дмитриева Р.П. Изучение русских рукописных четьих сборников XV–XVI вв. // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Ленинград, 1970. С. 85–95.
- Иванова, 2008 — Иванова К. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008.
- Каган и др., 1980 — Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРА. Л., 1980. Т. 35. С. 3–300.
- Каталог XI–XIV вв., 2014 — Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / отв. ред. Д.М. Буланин; [сост. Д.М. Буланин, А.А. Романова, О.В. Творогов, Ф. Томсон, А.А. Турилов]. СПб., 2014.
- Кольбух, 2007 — Кириличні рукописні книги у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України: каталог. Т. 1: XI–XVI ст. / уклад.: М.М. Кольбух (гол. ред.). Львів, 2007.
- Крizza, 2006 — Крizza А. Византийские источники древнерусского богословия иконы — четьи тексты Торжества Православия // Studia Slavica Hungarica. 2006. No. 51/3–4. P. 373–386.
- Лосева, 2001 — Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Мещерский, 1995 — Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб., 1995.
- Мещерский, 2013 — Мещерский Н.А. История христианской литургической письменности. СПб., 2013.
- Никольский, 1901 — Никольский Н.К. Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в московской Руси и их значение для современной гомиетики // Христианское чтение. 1901. № 2. С. 220–236.

- Новикова, 2016 — Новикова О.Л. Кодикологическое изучение сборника Ефросина Кир.-Бел. 22/1099 // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 16. М.; СПб., 2016. С. 3–37.
- Осипова, 1991 — Осипова Н.П. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX вв.). Вып. 1. Псков, 1991.
- Паскаль, 2016 — Паскаль А.Д. Новые данные о рукописном наследии Гавриила Урика в славяно-молдавской книжности первой половины XV в. // Румянцевские чтения – 2016. Ч. 2. М., 2016. С. 31–36.
- Пентковский, 2001 — Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Полонский, 2014a — Полонский Д.Г. Особенности распространения поучений о Вселенских соборах в восточнославянской традиции уставных чтений XV–XVII веков // Румянцевские чтения – 2014: материалы международной научной конференции (15–16 апреля 2014): [в 2 ч.]. Ч. 2. М., 2014. С. 130–135.
- Полонский, 2014b — Полонский Д.Г. Историческая эрудиция составителя «Слова о Халкидонском соборе» // Slověne. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 130–174.
- Полонский, 2015 — Полонский Д.Г. Поучения отцов Церкви о Вселенских соборах в книгописной традиции восточнославянской гомилетики XV–XVII вв. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 9 (152). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». С. 63–70.
- Полонский, 2016 — Полонский Д.Г. Перевод Томаса римского папы Льва I Великого и его историко-литературный конвой в восточнославянских четвх сборниках XV–XVII вв. // АЕ за 2012 год. М., 2016. С. 48–63.
- Свенціцький, 1906 — Свенціцький І. Опис рукописів Народного дому з колекції Ант. Петрушевича. Ч. 1. Львів. 1906. (= Українсько-руський архів. Т. 1: Рукописи львівських збірок. Вип. 1).
- Свенціцький, 1911 — Свенціцький І. Опис рукописів Народного дому з колекції Ант. Петрушевича. Ч. 3. Львів, 1911. (= Українсько-руський архів. Т. 7: Рукописи львівських збірок. Вип. 3).
- СК XI–XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. / АН СССР, Отд. истории, Археогр. комис. М., 1984.
- Селезнев, 2005 — Селезнев Н.Н. Несторий и Церковь Востока. М., 2005.
- Соболевский, 1915 — Соболевский А.И. Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС. 1915. Т. 20. Кн. 1. С. 261–290.
- Спространов, 1902 — Спространов Е. Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902.
- СРБП, 2009 — Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской национальной библиотеке – Санкт-Петербург / сост. Б. Христова, В. Загребин, Г. Енин, Е. Шварц. София, 2009.

- Срезневский, 1899 — Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги // Сб. ОРЯС. 1899. Т. LXV. № 1. С. 1–207.
- Срезневский, Покровский, 1915 — Срезневский В.И., Покровский Ф.И. Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. [Вып.] I: Рукописи. Т. 2. Пг., 1915.
- Станковић, 2003 — Станковић Р. Рукописне књиге Музеја Српске православне цркве у Београду. Водени знаци и датирање. Београд, 2003 (= Народна Библиотека Србије. Опис јужнословенских ћирилских рукописа. Т. V).
- Творогов, 1985 — Творогов О.В. Описание и классификация списков сборника «Златоуст» // ТОДРА. Л., 1985. Т. 39. С. 278–284.
- Творогов, 1987 — Творогов О.В. Кирилл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. Л., 1987. С. 223–225.
- Турилов, 2005a — Турилов А.А. Владислав Грамматик // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 99–101.
- Турилов, 2005b — Турилов А.А. Гавриил, мон[ах] из Нямецкого мон[асты]ря // ПЭ. Т. 10. М., 2005. С. 207–209.
- Турилов и др., 2009 — Турилов А.А., Артюхова Т.А., Лосева О.В., Моисеева С.А. Почитание И[лии пророка] у южных славян и на Руси // ПЭ. Т. 22. М., 2009. С. 243–245.
- Успенский сб., 1971 — Успенский сборник XII–XIII вв. / подгот. изд. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
- Фонкич, Поляков, 1993 — Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архим. Владимира (Филантропова). М., 1993.
- Христова и др., 1982 — Христова Б., Караджова Д., Икономова А. Български ръкописи от XI до XVIII в., запазени в България: Своден каталог. Т. 1. София, 1982.
- Христова-Шомова, 2012 — Христова-Шомова И. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. 2. София, 2012.
- Черторицкая, 1979 — Черторицкая Т. В. О составе минейных Торжественников XV–XVI вв. // Сибирская археология и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 13–27.
- Черторицкая, 1980 — Черторицкая Т. В. О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 97–114.
- Черторицкая, 1985 — Черторицкая Т.В. Уставные чтения // ТОДРА. Л., 1985. Т. 39. С. 236–238.
- Черторицкая, 1990 — Черторицкая Т.В. Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV–XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских книг. Вып. 3. Ч. 2. М., 1990. С. 329–381.

- Щапов, 1977 — Щапов Я. Н. «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции // Изборник Святослава 1073 г. / Сборник статей, отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1977. С. 332–341.
- Beck, 1959 — Beck H. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.
- Čertorickaja, 1994 — Čertorickaja T. V. Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus aus Handschriften des 11. – 16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz. Opladen, 1994.
- Du Manoir de Juaye, 1944 — Du Manoir de Juaye H. Dogme et spiritualité chez saint Cyrille d'Alexandrie. Paris, 1944.
- Ehrhard, 1889 — Ehrhard A. Eine unechte Marienhomilie des hl. Cyrill von Alexandrien // Römische Quartalschrift für Christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 1889. Jahrgang III. S. 97–113.
- Ehrhard, 1937–1952 — Ehrhard A. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Teil 1: Die Überlieferung. Bd. 1. In Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. TU 50. Leipzig, 1937; Teil 1: Die Überlieferung. Bd. 2. TU 51. 1938; Teil 1: Die Überlieferung. Bd. 3,1. TU 52,1. 1943; Teil 1. Die Überlieferung. Bd. 3,2. TU 52,2. 1952.
- Kriza, 2014 — Kriza A. Slavonic translations of Greek iconophile texts: the problem of reception of Byzantine theology in Medieval Rus' // Fontes: Studies Presented to Róbert Simon on the Occasion of his 75th Birthday (= Tanulmányok a 75 éves Simon Róbert tiszteletére) / ed. by M. Pesthy-Simon. Budapest, 2014. P. 134–143.
- Lambros, 1895 — Lambros S.P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Vol. I. Cambridge, 1895.
- Mircea, 2005 — Mircea I. R. Répertoire des manuscrits slaves en Roumanie: auteurs byzantins et slaves. Sofia, 2005.
- Munitiz, 1974 — Munitiz J. A. Synoptic Greek Accounts of the Seventh Council // Revue des études byzantines. 1974. T. 32. P. 147–186.
- PG 111, 1863 — Patrologiae cursus completus, Series graeca / J.P. Migne (ed.). T. CXI. Parisiis, 1863.
- Wessel, 2004 — Wessel S. Cyril of Alexandria and the Nestorian Controversy. Oxford, 2004.
- Πολίτης, 1991 — Πολίτης Λ. Κατάλογος χειρογράφων τῆς Ἐθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος, ἀριθ. 1857–2500. Αθήνα, 1991.

Подготовка издания Кормчей книги по древнейшим спискам: замысел и воплощение

Статья посвящена проблемам издания Кормчей книги по древнейшим спискам: организационным вопросам и принципам издания, направлениям исторических, источниковедческих, текстологических и лингвистических исследований, связанных с публикацией древнейшего свода канонического права.

Ключевые слова: Кормчая книга, каноническое право, текстология, лингвистика, источниковедение

Издание Кормчей книги – основного древнерусского сборника, в котором сохранились памятники как церковного, так и светского права, давно назрела. В допетровское время Кормчая была главной книгой, включавшей предназначенные для церковного управления тексты, начиная с постановлений вселенских соборов, заканчивая правилами, выработанными внутри Русской церкви. Наряду с памятниками церковного права, в Кормчую были включены юридические тексты, такие как новеллы византийских императоров, «Прохирон», «Правда Русская» и княжеские уставы, большинство списков которых сохранилось в составе Кормчих книг. Уже набор текстов, входивших в Кормчую, делает несомненным значение этого церковно-юридического сборника для изучения истории Русской церкви и русского государства.

Между тем, до сих пор исследователи, стремящиеся понять, на какое правило ссылались древнерусские книжники, обращаются преимущественно либо к старопечатной Кормчей, либо к выполненному в XIX в. переводу «Книги правил». Основной сборник по древнерусскому праву, имевший наибольшее значение в конце XIII – XVII веках, в период формирования русского государства, остается неизданным. Более 100 лет назад В.Н. Бенешевич начал готовить издание древнейшего славянского церковно-юридического сборника, Древнеславянской Кормчей книги, переведенной и сформированной в Болгарии в X в. и вскоре после пе-

ревода привезенной на Русь. Этот канонический сборник, включавший правила без толкований, получил в исследовательской литературе название Древнеславянской Кормчей. В.Н. Бенешевич успел издать первый том, в который вошли тексты, сохранившиеся в Ефремовском списке Кормчей XII в.; завершена работа по изданию Древнеславянской Кормчей, уже по более поздним спискам, была только в 80-е гг. XX столетия [Бенешевич, 1906–1987]. Позднее группой московских исследователей было подготовлено издание Мазуринской редакции Кормчей – болгарской канонической компиляции XIV века, в основу которой легла Сербская редакция Кормчей [Мазуринская Кормчая]. Мазуринская редакция стала известна на Руси уже в XV столетии и несколько раз копировалась русскими книжниками; однако особенности ее состава (а возможно, и недостаточный авторитет в сравнение с русскими митрополичьими списками Кормчей) не позволили ей оказать существенное влияние на развитие древнерусских представлений о церковном праве. В 1990-х гг. в Сербии факсимильно был издан Иловичский список 1262 г. Сербской редакции Кормчей книги [Иловичская Кормчая]. Одновременно тот же список был положен в основу научного издания Сербской редакции Кормчей по нескольким древнейшим спискам; к сожалению, был выпущен только первый том издания, охватывающий половину Кормчей [Законоправило].

Если учесть, что Сербская редакция Кормчей лежала также в основе выпущенного на Московском печатном дворе в 1653 г. издания Печатной Кормчей (с относительно небольшими изменениями повторявшегося в XVIII–XX веках), то станет очевидно, что Сербская редакция в настоящее время наилучшим образом представлена в изданиях. Отечественные исследователи, изучающие историю русской церкви и русского государства XIV–XVI вв., в поисках канонических текстов вынуждены обращаться к имеющимся изданиям, несмотря на то, что изданные редакции Кормчей либо были мало востребованы на Руси при решении насущных вопросов, либо вовсе не существовали в изучаемое время [Корогодина, 2012]. Именно это делает совершенно необходимым издание тех канонических текстов, которые в наибольшей степени были распространены и использовались в Древней Руси.

Со второй половины XV в., с ростом влияния московского княжества и автокефальной церкви и с распространением бумаги на Руси начинается бурное творчество в книжности, охватившее и каноническое право: на

протяжении полутора столетий, с третьей четверти XV в., появляется более 10 различных редакций Кормчих книг. Однако все они, как и редкие редакции XIV-го века, напрямую или опосредованно восходили либо к сформированной в последней трети XIII столетия Первоначальной русской редакции Кормчей, либо (реже) к Сербской редакции Кормчей. Таким образом, исследование и издание древнерусских редакций Кормчих книг должно начинаться с Первоначальной русской редакции Кормчей.

Исследование этой редакции Кормчей книги было начато еще в первой четверти XIX в. плеядой замечательных знатоков канонического права: митр. Евгением (Болховитиновым), Г.А. Розенкампом, И.П. Лаптевым [Евгений (Болховитинов), 1822; Розенкампф, 1827; Розенкампф, 1829; Андрияшайтите, 2001, с. 215]. Огромное значение имела работа И.И. Срезневского, сопоставившего древнейшие рукописи Кормчих книг и показавшего, что древнерусские книжники в последней трети XIII в. обращались в равной степени как к Древнеславянской, так и к Сербской редакции Кормчей [Срезневский, 1897]. Наиболее фундаментальное исследование источников и истории формирования Первоначальной русской редакции Кормчей принадлежит Я.Н. Щапову [Щапов, 1978]. Наблюдения нескольких поколений ученых позволили выяснить, что после присылки в 1262 г. на Русь списка Сербской редакции Кормчей книги митр. Киевский Кирилл задумал сформировать новый канонический сборник и включить туда как привычные правила из Древнеславянской редакции Кормчей (известной на Руси с XI в.), так и толкования и отдельные статьи из новоприсланной Кормчей. Получившаяся компиляция была дополнена несколькими древнерусскими текстами; так возникла новая Первоначальная русская редакция Кормчей книги (первоначальная по отношению к более поздним русским же редакциям Кормчей XIV–XVII вв.).

К сожалению, до нас не дошли непосредственно те списки, с которыми работали составители русской Кормчей; однако сохранились современные созданию Кормчей книги рукописи, в которых представлены как источники, так и новая книга. Так, сохранился Уваровский список Древнеславянской редакции Кормчей (ГИМ, Увар. 124, XIII в.). Утрачена рукопись, присланная в 1262 г. из Болгарии митр. Кирилу, но известна ее копия, подготовленная для Рязанского епископа Иосифа (РНБ, Ф.п. II. 1, 1284 г.). В нашем распоряжении нет той рукописи, которая была создана по замыслу митр. Кирилла в 70-х гг. XIII в., но дошел список, из-

готовленный для архиеп. Новгородского Климента в 1280–82 гг. (ГИМ, Син. 132). Еще одна копия с новой Кормчей была снята в 1286 г. для Владимиро-Волынского кн. Владимира Васильковича; волынская рукопись потеряна, но сохранилось несколько ее копий XV–XVI вв. [Щапов, 1978, с. 270–272].

Как видим, хотя именно те рукописи, которые привлекались при создании новой книги в XIII в., не сохранились, исследователи Кормчих находятся далеко не в худшем положении, поскольку в их распоряжении имеются современные формирования Кормчей книги. Кроме того, еще несколько рукописей помогают понять как структуру изначального текста, так и те изменения, которым он подвергался на протяжении последующих десятилетий. Созданная в последней трети XIII в. Кормчая не оставалась неизменной: уже в XIV в. ее текст существенно перерабатывался и привлекался как для подготовки иных редакций Кормчей книги: Чудовской и Мясниковской, так и совершенно новой книги – Мерила праведного. В скором времени, в XV столетии, многочисленные списки новых редакций Кормчей полностью заслоняют созданную в XIII в. книгу; тем не менее, огромный труд, проделанный митр. Кириллом и его помощниками не пропал втуне и продолжал копироваться в более позднее время. Помимо четырех манускриптов, восходящих к волынской рукописи 1286 г., известно еще пять списков Первоначальной русской редакции Кормчей. Наилучшим по сохранности является Варсонофьевский список (ГИМ, Чуд. 4, рубеж XIV–XV вв.). Еще три рукописи: Тихомировская (ГПНТБ СО РАН, Тих. 536/539, третья четверть XV в.), Рогожская (РГБ, Рогож. 256) и Егоровская (РГБ, Егоров 931) принадлежат одной группе, в которой ключевым является Тихомировский список, к которому (непосредственно или опосредованно) восходят две другие рукописи. Наконец, необходимо упомянуть о Воскресенском списке Кормчей: ГИМ, Син. 131 [Корогодина 2014]. Несмотря на свой фрагментарный характер, эта рукопись, датируемая рубежом XIII–XIV в., имеет существенное значение для исследования Кормчей книги. Я.Н. Щапов относит также к начальному этапу создания Кормчей рукопись ГИМ, Барс. 158 [Щапов, 1978, с. 213–217]; однако это ошибка, поскольку список представляет собой дефектную копию Кормчей Софийской редакции.

Подготовка издания Первоначальной русской редакции Кормчей книги была начата в 2014 г. коллективом ученых, в который вошли Г.С. Баранкова (ИРЯ РАН), Е.В. Белякова (ИРИ РАН), Л.В. Ларионо-

ва (МГУ), И.И. Макеева (ИРЯ РАН), Е.В. Уханова (ГИМ), и автор этих строк. В качестве основного списка была выбрана Новгородская Синодальная Кормчая (ГИМ, Син. 132), поскольку эта рукопись практически современна созданию Кормчей. Впрочем, в данном случае «старший» не означает «первоначальный». Еще Я.Н. Щапов показал, что Новгородский Синодальный список отличается рядом дополнений в сравнение с изначально составленной в 70 главах Кормчей книгой. Именно в таком виде, в 70 главах, Кормчая была переписана для Владимиро-Волынского князя в 1286 г.; как показало наше исследование, та же первоначальная структура в 70 главах оставила свой след и в более поздних канонических редакциях. Однако рукопись 1286 г. не сохранилась, а восходящие к ней списки XV–XVI вв. не могли быть положены в основу издания, поскольку два-три столетия, отделявшие их от времени создания Кормчей, не могли не оставить на них свой след. Забегая вперед, можно отметить, что наблюдения, сделанные на основе анализа состава Кормчей и заставившие предположить, что Новгородский Синодальный список местами значительно уклоняется от архетипа Кормчей книги, подтвердились разночтениями. Они показали, что Новгородский Синодальный список обладает целым рядом индивидуальных чтений, характерных только для него. Помимо того, что это говорит о дополнительном редактировании, которому подверглась Кормчая при создании Новгородского Синодального списка, уникальные чтения свидетельствуют о том, что новгородская рукопись не привлекалась для переписки.

При подготовке издания древний текст воспроизводился с сохранением всех устаревших букв, строка в строку. При отсутствии возможности подготовить фототипическое издание или воспроизвести рукопись в цифровом виде такой принцип позволил максимально точно представить текст, не искажая его исследовательскими реконструкциями и осмыслениями. Исключение было сделано только для надстрочных знаков: кендема сохранена лишь над *ї*, над другими буквами надстрочные знаки не воспроизводятся. Пунктуация сохранена та же, что и в рукописи; однако издателям пришлось унифицировать знак точки, которая часто «плавает» в строке, так что невозможно определить, какую точку хотел изобразить писец: нижнюю, среднюю или верхнюю. По этой причине точка в издании для Новгородского Синодального списка везде ставится средней.

Несмотря на то, что Новгородская Синодальная рукопись не привлекалась для переписки (за исключением выписок, сделанных из нее в пер-

вой четверти XVI в. Вассианом Патрикеевым), она не раз прочитывалась и правилась. Так в ней появились номера глав и колонтитулы – подобная правка вносилась в рукопись дважды на протяжении кон. XV – XVI в. Помимо этого, исправлению неоднократно подвергался сам текст рукописи – несколько разновременных писцов XIII–XVI вв. вносили мелкую правку, подчищая и подправляя отдельные буквы, вписывая пропущенные слоги, аккуратно приписывая к строке одну-две буквы. Рукопись, хранившаяся в епископской казне, должна была сохранить парадный вид, поэтому значительные вмешательства в текст были недопустимы, и правка делалась очень аккуратно и тщательно, чтобы по возможности скрыть все следы вмешательства.

Поскольку цель издания – представить текст Первоначальной русской редакции Кормчей книги в том виде, каким он был при написании Новгородской Синодальной Кормчей, позднейшие исправления, внесенные в рукопись спустя одно-два столетия, не воспроизводились в наборе текста, а были указаны в палеографических примечаниях к набору. При этом далеко не всегда можно понять, сделано ли исправление вскоре после написания рукописи при ее проверке (обязательном этапе создания исправного списка), или оно было внесено существенно позже, поскольку в большинстве случаев исправление представляет собой слегка подтертую и обведенную поверх прежнего контура букву. В таких сомнительных случаях издатели воспроизводили в наборе текста букву в исправленном виде, оговаривая характер правки в примечаниях. Большинство подобных исправлений касаются либо писцовых ошибок, либо носят орфографический характер и не коррелируют с разночтениями по иным спискам.

Для подведения разночтений было выбрано пять рукописей, принадлежащие той же редакции, что и Новгородская Синодальная Кормчая: наиболее ранний, но фрагментарный Воскресенский список Кормчей (ГИМ, Син. 131); второй по древности полный список Кормчей, Варсонофьевский (ГИМ, Чуд. 4); Тихомировский список, предназначенный для Пскова (ГПНТБ СО РАН, Тих. 536/539); Харьковский (ХИМ, инв. 21129) и Погодинский списки Вольнского извода (РНБ, Погод. 234). Две восходящие к Тихомировскому списку рукописи: РГБ, Рогож. 256 и Егоров 931 были отвергнуты, поскольку они показывают развитие той ветви Кормчих книг, которая началась с Тихомировского списка, но мало могут прибавить к знаниям о формировании Кормчих в XIII в. Еще один сложный вопрос был связан с выбором списка Вольнского изво-

да для подведения разночтений. Этот извод имеет важное значение для изучения начальной истории создания Кормчих на Руси. Древнейшая рукопись 1286 г. не сохранилась, и два старших списка, хранящихся в Харькове (Украина) и Араде (Румыния), датируются последней четвертью XV в. К сожалению, Арадский список остался недоступным, и для издания были выбраны Харьковский и Погодинский списки.

Поскольку рукописи, привлекаемые к изданию, относятся к разным эпохам (временной разброс – почти три столетия) и были написаны на разных землях, их язык: орфография, синтаксис, лексика существенно отличается друг от друга. Эти различия создают больше неудобств, чем приносят значимого для исследования материала, поскольку зачастую не относятся к истории формирования и редактирования Кормчей, и в то же время являются недостаточными для изучения языковых изменений.

Именно эти соображения заставили при подготовке издания отказаться от части разночтений, которые приводятся в иных лингвистических изданиях, опирающихся на более близкие по времени и происхождению списки. При подготовке издания Кормчей были отобраны все смысловые, текстологические и лексические разночтения, инверсии, изменения форм слов. Морфологические разночтения приводились только в тех случаях, когда они важны для интерпретации текста. Изменения же грамматических форм (в том числе такие, как замена аориста перфектом или дательный вместо родительного падежа и другие), фонетические и орфографические особенности списков описаны в специальных вводных статьях, в которых проанализированы языковые особенности каждой рукописи, привлеченной к изданию.

Отказ от орфографических и грамматических разночтений привел еще к одному важному принципу подготовки издания. В большинстве случаев, когда два или более списка содержат сходное разночтение, формы слов в этих списках различаются. При подготовке издания было решено не приводить чтение по каждому списку, даже если они имеют орфографические отличия. Чтение дается по старшему списку (обычно – по Воскресенскому или Чудовскому) с указанием, что в других рукописях находится то же чтение.

Разночтения, подведенные по другим спискам той же редакции Кормчей, позволили прояснить ряд испорченных мест Новгородского Синодального списка: описок или ошибок прочтения, неверных осмыслений древних имен. Уже эти случаи показали, что Новгородская Сино-

дальняя рукопись представляет далеко не самый исправный текст Кормчей. Кроме того, было выявлено немало фрагментов, в которых чтение Новгородской Синодальной Кормчей противостоит всем остальным спискам. Иногда очевидно, что древнейшая Новгородская Кормчая содержит вторичное чтение в сравнение с иными, более поздними списками; в других случаях судить об этом, не имея сопоставительного материала, невозможно. В таких случаях исследователю необходимо обращаться к источнику Кормчей – славянскому тексту, использованному древнерусскими книжниками.

Таким образом, подготовка издания Кормчей подводит к вопросу об исследовании ее источников. Несомненно, дальнейшее изучение Кормчей приведет к необходимости обратиться к греческим текстам: исследовать технику славянского перевода и ошибки, возникавшие при переводе, разыскать наиболее близкие по составу и текстологическим особенностям греческие сборники, чтобы представить себе особенности тех греческих рукописных Номоканонов, которые были привлечены для создания Сербской редакции Кормчей. Однако в настоящее время речь идет не об изучении появления в Сербии славянской Кормчей книги с толкованиями, а об этапах создания новой Кормчей на Руси. Как показали предшествующие исследования, Первоначальная русская редакция Кормчей книги формировалась на основе славянских текстов, без привлечения греческих рукописей. Неверно переведенные или осмысленные в Сербской и Древнеславянской редакциях Кормчей места в том же виде переносились в Первоначальную русскую редакцию Кормчей, порой получая новую интерпретацию, но без обращения к греческому тексту.

Таким образом, наиболее надежным маркером, позволяющим определить первичность того или иного чтения в русских Кормчих, служит сопоставление с ее непосредственными источниками: Сербской и Древнеславянской редакциями Кормчей книги. Первоначально планировалось при подготовке издания Кормчей провести систематическую работу по подведению «обратных» разночтений по источникам Кормчей. Такие «обратные» разночтения к тексту Новгородской Синодальной Кормчей по древнейшим спискам Древнеславянской и Сербской редакций на деле представляли бы собой первичные чтения по отношению к основному тексту. По замыслу, этот сопоставительный ряд должен был показать, какой из списков Первоначальной русской редакции содержит первичное (то есть непосредственно взятое из источника) чтение, а ка-

кой – исправленное или испорченное: Новгородский Синодальный или один из более поздних. При этом, разумеется, нельзя исключать возможности повторного обращения к источнику, то есть ситуации, при которой фрагмент текста был отредактирован на самых ранних этапах подготовки Первоначальной русской редакции Кормчей, но спустя одно-два столетия очередной редактор, усомнившись в верности текста, заново обратился к источнику и вернул изначальный текст. В этом случае у исследователя может сформироваться ложное представление о первичности более позднего списка. Избежать подобных ошибок можно, только анализируя весь комплекс разночтений и учитывая историю создания и бытования списков.

Однако в данном случае замысел издания Кормчей оказался далек от воплощения. Первые же опыты по подведению разночтений по источникам Кормчей несоразмерно увеличили объем разночтений, так что в них стали теряться действительно яркие, несущие смысловую нагрузку или свидетельствующие о сознательной правке чтения. Это связано с тем, что рукописи, содержащие текст источников Кормчей, принадлежат либо другим эпохам (Ефремовский список Древнеславянской редакции Кормчей, XII в.), либо другой языковой среде (сербский Иловичский список Кормчей). Несомненно, при создании новой Кормчей книги на Руси в последней трети XIII в. язык источников сильно поновлялся, многие фразы пересказывались более современным и понятным языком (в особенности это касается текста Древнеславянской Кормчей). Кормчие книги дают интереснейший и богатый материал для исследователей-лингвистов, позволяя понять, какая лексика и какие формы слов во второй половине XIII в. пришли на смену более ранним и были характерны для древнерусских земель. Возможно, издание Новгородского Синодального списка буква в букву даст возможность для подобного анализа; однако совместить его с подготовкой самого издания оказалось невозможным.

Таким образом, в данном случае планы подготовки издания пришлось существенно скорректировать. Текст Первоначальной русской редакции Кормчей может быть сопоставлен с источниками ради точного определения источников тех или иных чтений, без сплошного подведения разночтений. Большинство текстов в новой канонической компиляции было искусно «сшито» из небольших фрагментов, включавших заимствования то из Древнеславянской, то из Сербской редакции Корм-

чей, то сокращенный пересказ собственными словами. Многие тексты источника (особенно Древнеславянской редакции Кормчей) существенно сокращались, обрываясь на середине фразы. В научном аппарате к изданию планируется привести полное описание всех заимствований и сокращений, с указанием конкретных фрагментов. Подобную работу начинал делать И.И. Срезневский, в общих чертах указывая источники заимствования [Срезневский, 1897]; подготовка издания дает возможность указать конкретные фрагменты текста, взятые из того или иного сборника, и охарактеризовать работу древнерусского редактора.

Наконец, предполагалось, что одним из направлений работы будет сопоставление с более поздними редакциями Кормчей, в первую очередь с Чудовской и Софийской – основными русскими редакциями на протяжении XV – первой половины XVII вв. Эти две редакции стали теми каноническими книгами, к которым, по преимуществу, обращались русские иерархи при решении различных вопросов. На основе этих редакций, с редкими вкраплениями из Сербской редакции, создавались многочисленные канонические компиляции в XV–XVII вв., поэтому их исследование имеет неопределимое значение для изучения отечественной истории. Чудовская и Софийская редакции Кормчей были созданы на основе Первоначальной русской редакции, так что их сопоставление позволило бы раскрыть методы и этапы работы древнерусских книжников с каноническими текстами. Однако и эта задача оказалась невыполнимой в рамках подготовки издания Кормчей по Новгородскому Синодальному списку. Новые редакции XIV–XV вв. имеют столь существенные отличия и наполнены таким количеством новых текстов (в особенности Чудовская редакция), что более результативным является их независимое изучение и, хотя бы частичное, издание.

Таким образом, издание Кормчей книги в завершеном виде будет включать вводные статьи с описанием принципов отбора материала, подробным палеографическим и кодикологическим описанием привлеченных списков и характеристикой языковых особенностей рукописей. Текст основного списка будет сопровождаться тремя видами сносок, первый из которых будет содержать палеографические комментарии к основному тексту, второй – разночтения, третий – указания на непосредственные источники Первоначальной русской редакции.

Литература

- Андрюшайтите, 2001 — Андрюшайтите Ю.В. И.П. Лаптев: У истоков отечественного филиграноведения. М., 2001.
- Бенешевич, 1906–1987 — Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований / изд. ОРЯС. СПб., 1906. Т. 1; Т. 2 / подгот. Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым, Я.Н. Щаповым. Под общ. руков. Я.Н. Щапова. София, 1987.
- Евгений (Болховитинов), 1822 — Евгений (Болховитинов), митр. Ответ барону Розенкампфу 1822 г. // Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. Киев, 1825. Прилож. 42. С. 235–244 (второй нумерации).
- Законоправило — Законоправило светога Саве. Т. 1 / приредили и превели М.М. Петровић, Љ. Штављанин-Ђорђевић. Београд, 2005.
- Иловичская Кормчая — Законоправило или Номоканон светога Саве. Иловички препис 1262 године / фототипија, приредио и прилоге написао М.М. Петровић. Горњи Милановиц, 1991.
- Корогодина, 2014 — Korogodina M. Voskresenskaja Kormchaja: the Sources and the Scribes // Scripta & e-Scripta. Sofia, 2014. P. 117–123.
- Корогодина, 2012 – Корогодина М.В. Была ли в XVI веке официальная митрополичья кормчая? // Русское средневековье. Сб. ст. в честь проф. Ю. Г. Алексеева / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 832–843.
- Мазуринская Кормчая — Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.: Исследование и тексты / отв. ред. Я.Н. Щапов; изд. подгот. Е.В. Беякова, К. Илиевская, О.А. Князевская, Е.И. Соколова, И.П. Старостина, Я.Н. Щапов. М., 2002.
- Розенкампф, 1827 — Розенкампф Г.А. О Кормчей книге // Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кеппенем. № 3. СПб., 1827. С. 141–150.
- Розенкампф, 1829 — Розенкампф Г.А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829 (дополненное переиздание, подготовленное В. Анастасевичем – СПб., 1839).
- Срезневский, 1897 — Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897.
- Щапов, 1978 — Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

Сборники XVI в. из фондов РГАДА: находки и открытия

Статья посвящена находкам, сделанным во время подготовки третьего выпуска «Каталога славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА», посвященного сборникам. Проанализированы две записи, которые привлекли внимание автора своим содержанием. На основе исследования филиграней одного из сборников установлено, что Повесть о видении Антония Галичанина создана не позднее начала 1520-х годов. Рассмотрены наиболее интересные тексты, содержащиеся в сборнике инока Пимена, написанном в 1533–1534 гг., и высказано предположение, что эта книга была составлена «для себя» Пименом Садыковым – будущим игуменом Иосифо-Волоцкого и Николо-Угрешского монастырей. Представляет интерес список Хождения на Восток, найденный в одной из книг, так как сведений об этом памятнике в литературе не обнаружено. Неожиданной находкой стал канон с акростихом Михаилу Черниговскому и боярину Федору, до сих пор неизвестный. В конце статьи говорится о редких и уникальных статьях в составе сербского сборника первой четверти XVI в.

Ключевые слова: сборники XVI в., новые памятники, записи, Повесть о видении Антония Галичанина, выписки из Хронографа 1512 г., Прение живота и смерти, Хождение на Восток, канон Михаилу Черниговскому с акростихом, уникальные и редкие тексты

Описание рукописных книг всегда чревато самыми разнообразными находками. Полагаю, что здесь не имеет значения совокупный объем рукописей в том или ином хранилище, и неизвестные, редкие или малоизученные памятники распределены достаточно равномерно. То есть процент книг, который позволит археографу ощутить восторг первооткрывателя, одинаков и в таких крупных хранилищах как Российская государственная библиотека, и в Российском государственном архиве древних актов, где общий объем рукописных книг XVI в. вполне сопоставим с фондом одного крупного монастыря.

Естественно, что находки бывают разного уровня и ценности (хотя последняя определяется в большей степени интересами исследователя, а

не описателя). Работа со сборниками XVI в. из фондов РГАДА, общее число которых немного превышает 60, также принесла свои, иногда неожиданные, плоды. Далее они будут представлены по возрастанию значимости, которую придает им автор статьи.

Все, кто работает с рукописной книгой, хорошо знакомы с заключительной («угрожающей») частью формуляра записи владельца, в которой он призывает кару на голову тех, кто осмелится посягнуть на его имущество: потенциальный вор чаще всего предавался проклятию (анафеме), предупреждался о будущей ответственности («судиться мне с ним на Страшном суде») и т.д. Мне всегда казалось, что подобные записи в какой-то мере эвфемизм: не совсем такие слова хотел адресовать владелец возможному похитителю, но его сдерживал этикет. Подьячий Федор Кузмин, в собственности которого в середине XVII в. находился Сборник богослужебный середины XVI в. [Ф. 381, № 264], оказался более непосредственным: он добавил в запись характеристику предполагаемого злоумышленника: «Сия книга глаголемая подьячего Большого приходу Федора Кузмина, хто ее украдет тот блядин сын проклят во веки и будет анафема во веки вечныя» (запись растянута почти на всю книгу). Хотя подобная «откровенность» автора записи, возможно, говорит о том, что эти слова достаточно часто звучали в его повседневной жизни.

Иногда записи помогают понять, как светский человек «использовал» книгу: лежала ли она дома на полке (как некое имущество) или он читал ее достаточно часто, обращаясь к содержащимся в ней текстам в те или иные минуты жизни. На последней странице Шестоднева служебного третьей четверти XVI в., который составляет часть Сборника-конволюта богослужебного [Ф. 381, № 231], сделана такая запись: «Лета 7000. 60. седмаго. месяца декабря в 19 день. Преставись раб Бож... Михаил Терентьевич Заболотцкой на службе в неметцком земли, в городе в Ракоборе, на память святаго мученика Внифантя, за 6 день Рожества Христова». По своему формуляру и точности запись представляется сделанной не только вскоре после смерти М.Т. Заболотцкого, но и близким ему человеком. Известные нам факты этому не противоречат.

Сын боярский по Переславию-Залескому Михаил Терентьевич Заболотцкий упоминается в Дворовой тетради вместе со своими братьями Тихоном и Федором [Тысячная книга, 1950, с. 139], но Тихон был убит еще в 1555 г. [Веселовский, 1963, с. 352]. У их отца, Терентия Ивановича Заболотцкого, было семь сыновей, двое из которых – Иона и Алипий – еще

в молодости постриглись в Троице-Сергиеве монастыре, и в 1538 г. Иона был большим посельским старцем [Веселовский, 1963, с. 357]. Во вкладной книге этой обители пожертвование именно по Михаилу Заболоцкому не упоминается, но в 1565/1566 г. старцы Алипий и Иона дали вклад, который, возможно был сделан и по душе брата Михаила [Вкладная книга, 1987, с. 42–43].

Из этого можно сделать вывод, что семья Заболоцких была набожной и книжной, а братья грамотными. Шестоднев написан не позднее 1558 г., более того, запись позволяет датировать его даже более ранним временем, чем водяные знаки. Количество писцов рукописи надо еще уточнить, но, возможно, она написана одним, достаточно вариативным и не очень каллиграфичным почерком. И здесь открывается широкое поле для разных предположений. Например, Шестоднев был написан одним из упомянутых выше иноков и подарен брату, чтобы тот и во время военной службы мог совершать молитвенное правило, соответствующее определенному дню недели. Полагаю, рукопись сопровождала владельца в военном походе, и на ней для памяти была сделана запись оставшимся в живых близким человеком (братом Федором?). Но кому книга принадлежала? Здесь равно возможны два варианта: автор сделал памятную запись или на книге погибшего, или на своей собственной.

Сборник смешанного содержания [Ф. 196, оп. 1, № 1141], часть которого написана Досифеем Топорковым, содержит самый ранний список Повести о видении Антония Галичанина. Книга известна исследователям, но они датировали основную часть рукописи по-разному: А.В. Пигин и А.Г. Сергеев 1520-ми гг., А.А. Романова – второй четвертью XVI в. [Пигин, 2001, с. 231, 259; Сергеев, 2008, с. 490–491; Романова, 2002, с. 161]. Большая часть филиграней («голова быка с крестом и змеей», «тиара», «единорог»), отождествленные А.В. Пигиным, позволяли отнести написание рукописи к 1510-м гг., «буква Р» – к чуть более позднему времени (1520-м гг.), а знак «зверь (медведь?)» исследователем в альбомах не был найден [Пигин, 2001, с. 259]. Археографы знают, что «буква Р» – знак коварный и непоказательный: сходные варианты могут быть разделены значительным промежутком времени. Поэтому основными для датировки было решено считать другие знаки. Но главным аргументом в пользу чуть более раннего времени создания рукописи стало отождествление «зверя». Сходная (практически идентичная) по рисунку часть знака была найдена на бумаге Меновной грамоты игумена

Иосифо-Волоцкого монастыря Даниила, датируемой октябрём 1517 г. [РГАДА. Ф. 281, № 10244]. Если учесть, что Досифей работал именно в этом монастыре, то уточнение приобретает решающий характер. Вероятно, изменение датировки сборника примерно на десятилетие не имело бы такого значения, если бы не свидетельствовало, что Повесть о видении Антония Галичанина была создана за несколько лет до 1526 г., а имя героя рассказа в самом раннем списке не упоминается.

Свой сборник инок Иосифо-Волоцкого монастыря Пимен писал в 1533 – 1534 гг. «сам на себе», что и отметил в двух записях простой литореей [Ф. 196, оп. 1, № 1065. Л. 377 об., 419 об.]. Вероятно, для написания рукописи были использованы отдельные, разрозненные листы бумаги (или их части). Некоторые водяные знаки представлены фрагментами, сохранившимися только на одном листе, другие филигранные, казалось бы, двумя частями, но они отождествляются с разными знаками, т.к. не совпадают по размеру и рисунку с представленным в справочнике изображением.

По составу переписанная Пименом книга вполне соответствует темам, выделенным Р.П. Дмитриевой в качестве основных для сборников энциклопедического типа XV в. [Дмитриева, 1974, с. 202–203]. Так, в сборнике присутствуют календарно-астрономические тексты, исторические сочинения, занимательное чтение и др.

Несомненный интерес вызывает статья «От летописца вкратце» (л. 166 об. – 261 об.), которая представляет выписки из Хронографа редакции 1512 г. Изложение начинается с рождения Христова («Родись Господь наш Иисус Христос в лето 5500 и пятое»), и далее рубрикация статьи крайне близка тексту Хронографа [ПСРА, 1911, с. 239, 242, 262–264 и др.]. Однако эта статья нуждается в дополнительном изучении: нельзя отрицать возможности того, что выписки из Хронографа были сделаны «на такой стадии его создания, когда текст еще не принял окончательного вида» [ПСРА, 1911, с. XII], а потом были скопированы Пименом. Есть в сборнике и краткий летописец (л. 263–263 об.), включающий основные даты жизни Иосифа Волоцкого [Дмитриева, 1974, с. 210]. И это единственный текст, связанный с основателем монастыря: ни посланий, ни слов Иосифа Волоцкого Пимен в своем сборнике не поместил.

В книге есть другой памятник, связанный с этим монастырем – Прение живота и смерти (л. 372 об. – 376). Ему предшествует миниатюра

(л. 372), которая сильно пострадала: около трети первоначального изображения утрачено. Помещение «иллюстраций» к тексту Прения явление достаточно распространенное: их может быть от 1 до 5 [Повести, 1964, с. 74, 81, 87, 88, 90, 91, 97 – 99, 111]. Некоторые описанные Р.П. Дмитриевой изображения близки, но не тождественны имеющимся в сборнике [Повести, 1964, с. 76 – 77, 91, 98]. Пимен (сам или с помощью человека, умеющего рисовать) поместил двухъярусную миниатюру: в верхнем регистре смерть косит людские головы, рядом повергаемый ею воин (от него сохранились ноги), в нижнем – монах (в кресле?), перед которым стоит смерть (восстановлена в XIX в. и представлена с мешком орудий за спиной). Изображения сопровождаются текстом (часть его утрачена) настолько затертым, что читаются отдельные буквы.

Текстологически список ближе к второй группе 3-й редакции (совпадает начало и отсутствует «толкование» в конце), хотя отдельные чтения сближают его с третьей группой этой же редакции [Повести, 1964, с. 152 – 158]. В настоящее время это второй по древности список немногочисленной второй группы 3-й редакции текста [Повести, 1964, с. 83]. Но особый интерес вызывает окончание Прения. Трудно сказать где именно оно кончается: помещены два назидательных отрывка, каждый из которых завершается доксологической формулой. Первый (занимает 9,5 строк) начинается словами: «Тем молю, христолюбци... сие наше списание часто почитати, божественныя книги, и еже от сих прибыток творити» (л. 375 об). Второй занимает 18 строк и также посвящен ценности книг, но в нем они противопоставляются богатству тленному: «Потщашась мнози злато обрести, инии землю тщатся или женчюг, и всяко богатство прияти насилием. Господин же сих книг не женчюг, ни бисер драги и злато мира, добро ту ж списание сие книги мудро убо обрет» (л. 375 об. – 376). Сразу после этого «поучения» следует одна из записей писца, которая также отсылает к тексту Прения.

«Поучения» разного объема в конце этого памятника встречаются во многих редакциях [Повести, 1964, с. 142, 144 – 148, 151, 158, 161 – 163, 178 – 179, 185 – 186], но во всех изданных текстах развивается (или обыгрывается) тема смерти. Поэтому добавления Пимена можно считать авторскими (даже если они имеют параллели с известными текстами).

Кем же был писец и составитель сборника? Рискну высказать одно предположение: книгу «сам на себе» писал Пимен Садыков, будущий игумен Иосифо-Волоцкого (1558–1561 гг.) и Николо-Угрешского

(1561–1571 гг.) монастырей [Списки иерархов, 1877, стб. 182, 205]. Косвенным подтверждением высказанного предположения является то, что сборник не упоминается в монастырской описи 1575 г.: Пимен увез его с собой, и после смерти владельца книга осталась в Угрешском монастыре. В описях книг Иосифо-Волоцкого монастыря 1545, 1575 и 1591 гг. упоминаются его вклады и только одна «дописанная» им рукопись – Патерик Печерский [Книжные центры, 1991, с. 32, 41, 45, 60, 78, 87]. К сожалению, она не отождествляется с Патериками, хранящимися в Епархиальном собрании ГИМ и Собрании рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря в РГБ. Возможно, рукопись не пропала и оказалась в другом хранилище, поэтому надежда ее найти и сравнить второй из почерков с почерком сборника остается.

В Сборнике житий, повестей и слов конца XVI (?) – начала XVII в. был найден текст под заглавием «Хождение ко Царьграду и Кратскому (!) острову, и к Олеоксандреи (!), и во Египет, и во Ерусалим, и к Дамаску, и во Антиохию», начинающийся словами: «Милостию Божию и здоровьем государей и великих князей Ивана Васильевича и Ивана Ивановича, белых цесарьи Руской земли. От Великого Новгорода к Порхову городку на Вороначь, на Опочку, на Полтеск» [Ф. 196, оп. 1, № 1184. Л. 207 об.–244]. Упоминание Ивана Ивановича ограничивает время создания Хождения – не позднее 1581 г., и, вероятно, не ранее 1570-х, поскольку он именуется великим князем. Текст памятника в настоящее время исследует Т.А. Матасова, поэтому ограничусь одним замечанием. Заглавие Хождения немного шире его содержания: в тексте рассказывается о святынях Палестины и кратко о Дамаске. Царьград, Египет, Александрия и Крит упоминаются только на л. 208 об. – 209, где говорится о расстоянии от одного объекта до другого. По суше до Черного моря оно измеряется в верстах, по Черному морю – в милях, далее – в днях или часах пути.

Неожиданной стала находка в Сборнике-конволюте смешанного содержания службы Михаилу Черниговскому и боярину его Федору с буквенным акростихом в первом из канонов [Ф. 381, № 1825. Л. 12Г – 20Б]. Часть рукописи, в которой находится служба, по филиграммам датируется третьей четвертью XVI в. Акростих, проходящий по все тропарям (включая богородичны), немного поврежден, но хорошо виден и легко восстанавливается: «Стихи сия Михаиле и Феодоре вам приношу». Автором был предпринят поиск других списков, и они были найдены. Первый на-

ходится в Минее служебной на сентябрь первой половины XVII в. из собрания Троице-Сергиевой лавры [РГБ. Ф. 304. I. № 520. Л. 382–390 об.], второй – в Сборнике служб русским святым XVI в. [ГИМ, Синодальное собрание, № 486; Описание, 1917, с. 195]. Удивительно, что А.В. Горский и К.И. Невоструев, отметив, что часть стихир и первый канон отличаются от помещенных в печатной минее и приведя инципит первого тропаря канона, акростиha не увидели. В настоящее время памятник готовится к публикации по всем найденным спискам, но уже сейчас можно сделать предварительные выводы. Помимо канона автор написал и несколько стихир, которые включены в службу. Ее текст в списке РГАДА и РГБ (список ГИМ пока не исследован) довольно сильно отличается, но «новый» канон всегда помещается первым. Второй канон и большинство других песнопений находят соответствия в службе Михаилу и Федору, написанной Пахомием Логофетом. Совершенно очевидно, что «новые» песнопения вливались в «старую», существовавшую около столетия, службу. Но вопрос о том, сделал ли это сам автор или безымянные книжники (которым приходилось выбирать из нескольких текстов), пока остается открытым.

Канон с акростихом анонимен, но А.А. Турилов, узнав о существовании этого памятника, предположил, что его составил Лев Аникита Филолог, написавший похвальное слово Михаилу и Федору. Возможно, параллельный анализ текста стихир, канона и похвалы позволит найти аргументы в пользу высказанной гипотезы [Мошкова, 2017, с. 91].

Но самым удивительным, полагаю, стало отождествление одной из книг, хранящейся в собрании М.А. Оболенского [Ф. 201, № 88], с рукописью, привезенной А.С. Норовым из Палестины и имеющей печатное описание [Востоков, 1836, с. 18 – 19]. Этому уникальному сербскому сборнику первой четверти (10-м гг.?) XVI в. посвящена отдельная статья [Мошкова, 2016, с. 38 – 58], поэтому ограничусь перечислением редких и уникальных текстов, которые содержатся в книге.

Первым в рукописи находим самый ранний список космографического сочинения «Начело с Богом о земли съписании о клубном видеии...», снабженный тремя рисунками (л. 69–84). Открывается оно чертежом «вселенной», в центре которой помещен Иерусалим.

Следующие примечательный текст – отрывок из основной (или пространной) редакции Жития деспота Стефана Лазаревича (л. 120 – 120 об.). Поскольку самый древний полный список этой редакции (нача-

ла XVI в.) русский, а известные сербские списки заметно моложе, ново-найденный отрывок представляет древнейший сербский список жития (хотя и небольшой его части).

После выписки из Жития деспота Стефана мы сталкиваемся с совершенно уникальным памятником, не известным в сербской рукописной традиции – генеалогической таблицей «Родословие сръбьских господь, еже есть колено Неманино» (л. 121).

На внешнем поле л. 177 об., рядом с таблицей, предназначенной для письма «греческой» тайнописью, приписано соотношение согласных в простой литорее (т.е. ключ). Самыми ранними примерами использования простой литорей за пределами восточнославянских земель до последнего времени были молдавская рукопись, написанная около 1511 г., и часть сербской миней первой трети XVI в. Следовательно, ключ простой литорей в Норовском сборнике самый ранний пример знакомства сербских книжников с этой тайнописной системой.

Интересно также Сказание о «трепетицах о вьсем теле» (л. 198–198 об.), которое нуждается в дополнительном исследовании и сравнении с другими списками, хотя сделать это будет непросто: высота букв менее 1 мм, а текст немного затерт.

Формуляры посланий (преимущественно начальная и заключительная части) церковным иерархам и монашествующим, а также «царю» представляют подборку редких и уникальных текстов (л. 211–213 об.), и в целом являются древнейшим сербским письмовником, т.к. его известные списки датируются временем не ранее середины XVI в.

Уникален формуляр Послания архиепископа Охридского «сынам земли» (л. 213 об. – 215 об.), а идущее за ним Послание патриарха Иерусалимского Феофила сербскому деспоту Стефану – редкость, поскольку является вторым известным в науке списком (л. 216 – 218). Оно чуть короче опубликованного, поскольку исключены некоторые исторические реалии.

Послание архиепископа Константинопольского Дионисия митрополиту «имярек» не дописано (текст на л. 218–218 об. занимает 11 строк) и представляет, вероятно, самый поздний по времени написания памятник в этом блоке (Дионисий I занимал кафедру в 1467–1471 и 1488–1490 гг.).

В конце сборника среди богослужебных текстов нельзя не отметить Молитву Димитрия Кантакузина Богородице (л. 220–225) – самый ранний список этого памятника, так как рукопись, считавшаяся до этого старшей, относится к концу XVI в.

К находкам и открытиям, сделанным во время описания рукописей, археограф может относиться по-разному: одни просто веселят и заставляют улыбнуться, другие вызывают неподдельный интерес и желание заняться обнаруженным памятником, третьи представляются «лишними», но их необходимо «пристроить в хорошие руки», чтобы эти тексты не пропали.

Литература

- Веселовский, 1963 — Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Вкладная книга, 1987 — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Востоков, 1836 — Востоков А.Х. Описание рукописных и печатных книг словенских, принадлежащих действительному статскому советнику А.С. Норову. СПб., 1836.
- Дмитриева, 1974 — Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРА. Л., 1974. Т. 28. С. 202–230.
- Книжные центры, 1991 — Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.
- Мошкова, 2016 — Мошкова Л.В. Долгие путешествия сербского сборника // Вестник «Альянс–Архео». СПб., 2016. Вып. 16. С. 38–58.
- Мошкова, 2017 — Мошкова Л.В. Неизвестный канон Михаилу Черниговскому и боярину Федору со славянским акростихом // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 91.
- Описание, 1917 — Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / [сост. А.В. Горский и К.И. Невоструев]. Отд. III. Книги богослужбные. Ч. 2. М., 1917.
- Пигин, 2001 — Пигин А.В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // ТОДРА. СПб., 2001. Т. 52. С. 225–292.
- Повести, 1964 — Повести о споре жизни и смерти / исследование и подготовка текстов Р.П. Дмитриевой. М.; Л., 1964.
- ПСРА, 1911 — ПСРА. М., 2005. Т. 22. Русский Хронограф
- Сергеев, 2008 — Сергеев А.Г. Библиотека Корнииево-Комельского монастыря: проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 477–492.
- Списки иерархов, 1877 — Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / сост. П. Строев. СПб., 1877.
- Романова, 2002 — Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002.
- Тысячная книга, 1950 — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

Литературный архив русского иконописца первой половины XVII в.*

Статья посвящена исследованию уникального источника - лицевого летописца о небесных явлениях, составленного в Казани в начале XVII в. Этот летописец существенно отличается от других известных лицевых летописей прежде всего тем, что его автора интересовали только астрономические и атмосферные явления, наблюдаемые на Руси с древнейших времен до середины XVI в.: кометы, солнечные и лунные затмения, падения метеоритов, гало, паргелии, антигелии и т.п. Последние по времени и уникальные по эмоциональной окраске записи сделаны в царствование Лжедмитрия I - современником и о недавних событиях, что придает этим записям особенную ценность. Статьи конвоя свидетельствуют о широких литературных интересах автора, о его кругозоре и культурном уровне, выдающемся для того времени. Некоторые тексты также сопровождаются иллюстрациями. В статье высказывается предположение, что автором рукописи был иконописец из окружения знаменитого мастера Строгановской школы Федора Савина.

Ключевые слова: источниковедение, археография, история России XVI–XVII вв., лицевые рукописи, миниатюры, кодикология

Общепризнанным является положение, что древнерусский рукописный сборник – это ценный источник сведений об интеллектуальных интересах, мировоззрении, вкусах и пристрастиях его составителей. Содержание рукописного сборника характеризует личность древнерусского книжника столь всесторонне и объемно, как этого не сделать ни одному документу. Однако в большинстве случаев рукописные сборники анонимны и остаются таковыми несмотря на все старания исследователей по их атрибуции, что, разумеется, не означает бесперспективность подобных попыток. Рукописное наследие XVII в. предоставляет в распоряжение исследователя особенно обильный и разнообразный материал по обозначенной теме. Рукописный сборник XVII в. для своего составителя и владельца зачастую являлся библиотекой в миниатюре.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 15-01-00288а.

Среди рукописных сборников первой половины XVII в. выделяется лицевая рукопись БАН, собр. И.И. Срезневского П.114 (старый шифр 24.5.32). Она уникальна прежде всего своими миниатюрами. Их большая часть представляет собой схемы астрономических и атмосферных явлений, которые иллюстрируют сообщения, заимствованные их хронографа и русских летописей [Маркелов, 2005; Маркелов, Сиренов, 2017]. Данная рукопись замечательна еще и записями на полях и свободных от текста листах, которые сделаны основным почерком, т.е. составителем данного сборника. Из этих записей мы узнаем, что писец рукописи в начале XVII в. жил в Казани, где в 1610 г. женился и вскоре обзавелся двумя сыновьями [Сиренов, 2016]. Еще одна особенность сборника состоит в одновременности его составных частей, наиболее ранние из которых датируются рубежом XVI–XVII вв., а самые поздние – 30–40-ми гг. XVII в. Это значит, что составитель сборника трудился над ним на протяжении трети века – срок немалый.

Рассматриваемая рукопись форматом в четверку, на 284 листах, писана несколькими манерами одного почерка [Описание рукописного отдела БАН, 1965, с. 146–149]. Характерно, что тот же автор работал и над миниатюрами. Это доказывается, во-первых, подписями на миниатюрах, выполненными основным почерком рукописи, а во-вторых, незавершенным характером ряда миниатюр: некоторые остались без раскраски, вместо других нарисована только рамка или оставлено место для миниатюры. В некоторых случаях миниатюры исполнены в небрежной, как бы эскизной манере, в других – отличаются тщательностью проработки деталей, оригинальностью композиции и тонкостью рисунка.

Статьи, входящие в состав сборника, своей тематикой указывают на разносторонние интересы составителя. Однако среди них выделяется комплекс материалов, посвященный иконописному делу. Так, на л. 51 читается следующий текст: «Есть краска нарицаема порфира, цветом что гвоздикова, родится от солнечнаго жжения, красят ею царские порфиры. Есть рыба зовома тем же именем порфира, на спине у ней чаша, и наполняется та чаша из рыбы соку, и тем красят всякия драгие сукна», который выделен составителем в особую главу (на поле основным почерком написано «Глава 17»). На л. 99–108 об. помещен фрагмент сочинения Зиновия Отенского «Истины показание», в котором повествуется о богословском контексте иконографической композиции «Единородный Сыне». На л. 108 об. читается текст «О кресте Господни, что ради пишут

у креста Господня десную страну горе, подножек Христов подоимашеся, а ошую доле пониждуся». Наконец, в летописной части сборника помещено известие о росписи храмов в Казани в начале XVII в.: «В лето 7112 месяца июня во граде Казани в монастыре Пречистыя Богородица честнаго ея образа Явления подписана стена с полуденныя страны четыре места: Успение святыя Богородица да Похвалы Пречистыя Богородица, да Явление честнаго Ея образа Одигитрия, да чудотворцы ярославские – Феодор и Давид и Константин. Того же лета и в монастыре Боголепнаго Преображения подписаны 2 стены с востоку да [с] полуденныя страны. Того же лета у соборные церкви с полуденные страны в паперти подписано Недреманное око Господа нашего Исуса Христа и Григорей Великия Армения и Иона пророк с проповедию в Ниневию град» (л. 22–22 об.). Характерно, что этот текст перечеркнут. По-видимому, сначала автор сборника приведенные известия написал, а позднее счел их несущественными или несоответствующими общерусскому характеру летописца и вычеркнул их. Обратим внимание на композицию «Недреманное око», написанную на паперти собора Спасо-Преображенского монастыря. В сборнике имеется статья «О недреманном оке Господни Ияковлево пророчество праотца». Ее текст основан на притче о воскрешении львом своих мертворожденных детей. Приведем текст этой статьи полностью: «Рече: “Еже поспа яко лев” – то о распятии Христове на кресте, се бо Бог истинный волею вся творя и пострада распятие, и три дни почивание во гробе, того ради, рече Иаков, яко лвище, и кто возбудит его, лвищем убо нарече сына Божия пропева. Лвица убо егда родит детище, мертва его родит и стрежет его три дни, дондеже пришед отец его и дохнет на нь, той воставит его. Тако убо Иисус Христос Богом Отцем воскресе от мертвых, образ дая будущему веку» (л. 269–270). Составитель сборника неоднократно обращался к материалу притче о льве, каждый раз незначительно изменяя текст, но при этом сохраняя основной образ льва-воскресителя своих детей: «Лвица лва ражает, и лежит лев мертв три дни и три ночи, единым оком спя, а другим смотря, дондеже приидет отец его и дъхнет на него и тако оживет. Тако же и Господь наш в серцы земнем полежа три дни и три ночи, плотию мертв бе, а божеством вся виде» (л. 21 об.); «Лвица дитя родит мертво и слепо, 3 дни сидит блюдуше его, по трих днех придет лев и дунет в ноздри его и тако оживет» (л. 65 об.); «Лвица убо родит детища мертваго и стрежет его три дни, дондеже пришед отец его дхнет на нь, и воскресе от мертвых, образ дая

будущему веку» (л. 220). Замечательно, что составитель пытался иносказательно истолковать смысл иконографической композиции «Недреманное око», о написании которой на паперти Спасо-Преображенского собора он написал в своем летописце.

Поиск автора рассматриваемого рукописного сборника представлялось целесообразным начать с Казани. В основном тексте летописца, а также среди маргинальных записей рукописи, сделанных, впрочем, основным почерком, встречается немало известий, касающихся Казани конца XVI – начала XVII в. Это пожар в Казани в 1579 г. и явление иконы Казанской Богоматери; закладка церкви в Богородицком женском монастыре в 1594 г. и ее освящение в 1595 г.; обретение мощей архиепископа Гурия и епископа Варсонофия и погребение в Спасо-Преображенском соборе иерусалимского архиепископа Епифания в 1595 г.; поставление казанского митрополита Гермогена патриархом и его приезд в Казань в 1597 г.; сооружение каменной палатки над местом его погребения в 1604 г.; голод в Казани и окрестностях в 1601 г.; живописные работы в разных храмах Казани в 1604 г.; землетрясение в Казани в 1608 г.; убийство казанского воеводы Богдана Бельского и его погребение в Спасо-Преображенском монастыре в 1611 г. с последующим перезахоронением в 1616 г. и др. Маргинальные записи представляют собой своего рода семейный летописец автора. В нем упомянуты биографические данные автора: женитьба 26 июля 1611 г., рождение сыновей Семена 15 апреля 1612 г. и Ивана 12 июня 1615 г. Остальные записи касаются кончины и погребения близких автору лиц, священников и посадских жителей Казани, достаточно состоятельных для того, чтобы принять перед смертью монашеский постриг и быть погребенными в маонастырском некрополе или в ограде городской церкви. Казалось бы, в авторе следует видеть жителя Казани, скорее всего, местного иконописца. Однако такому предположению противоречат следующие наблюдения. Во-первых, как показывает кодикологическое исследование сборника, автор продолжал работать над сборником до 30–40-х гг. XVII в. Последняя же запись о казанских событиях датируется 1616 г. Впрочем, важнее другое. В качестве источников составитель сборника привлекал Хронограф редакции 1512 г., Московский летописный свод конца XV в., а также русский перевод Хроники Мартина Бельского, осуществленный в 1584 г. Кроме того, он явно был знаком с латиноязычной Хроникой чудес Конрада Ликостена, перевод которой готовился в Москве в 1599 г. Текстовых заимствований из нее выявить

не удастся, однако миниатюры сборника создавались явно под воздействием книги Ликостена. Эти обстоятельства позволяют отнести с сомнением к казанскому происхождению составителя. Оговоримся, что в XVII в. рукопись совершенно определенно бытовала в Казани – на нижнем поле л. 1–15 читается владельческая запись: «Лета 7161 сия книга глаголемая летописец Казанскаго Преображенскаго монастыря чернаго попа Иосифа Андреева сына Крылова». Позднее, в 1812 г. в Казани рукопись приобрел суздальский купец М.С. Шипов и владел ею по крайней мере до 1847 г., о чем оставил соответствующие записи. Нужно думать, что все это время рукопись хранилась у него в Суздале. Однако в 1853 г. она опять оказывается в Казани в собрании профессора Казанского университета В.И. Григоровича. На л. II об. почерком XIX в. написано «1853 Казань от В.И. Григоровича» (подобная запись – «От Григоровича В.И. 1853 июля 26. Казань» – исполненная тем же почерком присутствует в рукописи конца XVII в. «Выходы патриаршие» из собрания А.В. Горского [РГБ. Ф. 79. № 36. Л. 1 об.]). Следовательно, рассматриваемый рукописный сборник неоднократно покидал Казань и снова туда возвращался. По-видимому, он неизменно привлекал внимание жителей Казани своими казанскими известиями. Не вызывает сомнений тот факт, что с 1601 по 1616 гг. составитель сборника жил в Казани. Этим временем датируются казанские известия, встречающиеся в рукописи – как в основном тексте, так и в маргинальных записях. Первое известие рассказывает о голоде 1601 г., причем сначала приводятся данные о голоде в Москве и Ярославле, а затем уже в Казани. При этом рассказ о казанских реалиях наиболее пространен и эмоционален: «А в Казани и в пределах ея ино по Господню слову реченное пророком Исаием исполнися на нас: “Егда не сотворите повелений моих и не послушаете мене – оружие мое вас пояст, и чюжии ваши хлеб ваш поядят”. Тако бо и бысть грех ради наших, бе бо около Казани и приделех ея многое множество иноверных татар и прочих богомерских еретик. Те бо суть велми много обогатели и хлебом и людьми, много же и от православных христиан великия ради нужда гладныя з женами и детми в работу им врагом нашим татаром даваися, многа же и поругания и подсмехания от них еретик приимали христиане за свое им согрешение к Богу. А хлеб был на Москве – четверть ржи четыре рубли, и с тех мест на Москве меры прибавили верхом, а в Казани было 2 рубли и по полутора. Се же бысть полчетверта года» (л. 21 – 21 об.). Последнее известие, датированное 1616 г., представляет собой приписку и

повествует о кончине некоей Евфимии, по всей видимости, родственницы автора: «124-го июня в 29 день в Петров день преставися раба Божия Еуфимия во инокинех Еупраксея скимница» (л. 226). Оговоримся, что автор мог знать о голоде в Казани с чужих слов. Датировка же последнего казанского известия 1616 г. не свидетельствует о том, что в этом году автор сборника покинул Казань. Можно говорить только о его пребывании в Казани примерно с 1601 г. и по крайней мере до 1616 г.

На наш взгляд, для установления личности автора большое значение имеет еще один источник рассматриваемого рукописного сборника – так называемый Лыткинский хронограф.

Эта рукопись хранится в собрании И.А. Шляпкина в РГАЛИ [Ф. 1296. Оп. 2. № 36]. Она введена в научный оборот Б.Н. Морозовым [Морозов, 2005] и замечательна тем, что в ней после текста Хронографа редакции 1512 г. следует Плач по царю Федору Ивановичу, написанный другим почерком и, по наблюдениям Б.Н. Морозова, позже написания основного текста рукописи. На л. 14 читается продажная запись, исполненная делопроизводственной скорописью XVII в.: «Се яз, Федор Савин сию книгу продал Третьяку Лыткину, подписал своею рукою». Как определил Б.Н. Морозов, данная рукопись присутствует в числе книг, вложенных Т. Лыткиным в Красногорский монастырь в 1630 г. Нас в данном случае интересует Плач по царю Федору Ивановичу. В составе рассматриваемого в настоящей статье рукописного сборника также имеется текст Плача (л. 228–230). Замечательно, что он составляет основное содержание тетради № 31, которая имеет шесть листов и датируется началом XVII в. (Филигрань – кувшин с литерами MD (лигатура) – вид: (Филигрань «Кувшин», 1989, № 353 (1610 г.) – в альбоме литеры MP, не лигатура). Есть все основания полагать, что изначально она содержала только Плач, потому что последующие статьи (на л. 230–233) приписаны чернилами разных оттенков, а последняя страница тетради (л. 233 об.) так и осталась без текста. Других списков Плача по царю Федору Ивановичу неизвестно. Это произведение необычно и в жанровом отношении, поскольку содержит характеристику царя Федора Ивановича, написанную в агиографическом ключе и, по вероятному предположению Б.Н. Морозова, вскоре после кончины царя. Значимые содержательные разночтения в списках «Плача» отсутствуют. Вполне вероятно, что рукопись Лыткинского Хронографа была привлечена при составлении рассматриваемого рукописного сборника. Однако при сопоставлении текстов выяснилось, что

заимствования из Хронографа редакции 1512 г. в рукописном сборнике сделаны не из Лыткинского Хронографа. И все же весьма вероятно, что Плач по царю Федору Ивановичу в рукописном сборнике списан именно из Лыткинского Хронографа. Обратим внимание на первого из известных нам владельцев этой рукописи. Им был некто Федор Савин. Полагаем, что это знаменитый иконописец строгановской школы, представитель семейства иконописцев Савиных. О Федоре Савине известно, что он в 1600–1601 гг. совместно с Стефаном Арефьевым руководил созданием настенных росписей в сольвычегодском Благовещенском соборе (оба в настенной «летописи» названы московскими иконниками), а в 20-е гг. XVII в. участвовал в живописных работах в московском Успенском соборе. Известны две его подписные иконы – «Поклонение честным веригам апостола Петра» (ГРМ) и «Индикт новому лету» (в начале XX в. хранилась в Киевской духовной академии, в настоящее время местонахождение неизвестно) [Словарь русских иконописцев, 2003, с. 576–577], Воспроизведение икон см.: [Лихачев, 1906, № 414, 485]. Обратим внимание на близость отдельных элементов в иконах Федор Савина и миниатюрах сборника: поза правителя на троне, изображение «горок», диспропорциональность человеческих фигур (с нарочито увеличенной головой). Подписи на иконах также оказываются близкими к почерку рукописи. К сожалению, нельзя утверждать тождество автографа Федора Савина на Лыткинском Хронографе (продажная запись на л. 14) с почерком рукописного сборника, поскольку сборник написан книжной скорописью, а запись – скорописью делопроизводственной. Приведенные наблюдения не отрицают возможность того, что автором сборника был Федор Савин. Однако аргументацию нельзя считать достаточной. Среди икон конца XVI в. – первой половины XVII в. можно указать и другие, близкие к манере автора сборника. Например, иконы Рождество Христово из собрания ЦМиАР (КП 2190) [Музей древнерусского искусства, 1989, № 164], Сретение иконы Владимирской Богоматери из собрания ВСМЗ [Иконы, 2006], Троица ветхозаветная из Музея русских икон в Клинтоне (США, Массачусетс, R2012.58.11 <http://museumofrussianicons.org/ru/education/collections-and-library/collections-catalog/>) и др. Их специалисты не соотносят с деятельностью Федора Савина. По этой причине представляется целесообразным определять автора сборника как иконописца круга Федора Савина, не исключая, впрочем, возможности, что им мог быть сам Федор Савин. Последнее, правда, нуждается в серьезных доказательствах.

Выдвинутое нами предположение, что автором сборника был иконописец из окружения Федора Савина позволяет по-иному рассмотреть историю создания сборника. Как установлено ранее, наиболее раннюю часть сборника следует датировать рубежом XVI–XVII вв. В этой части имеются тексты, источником которых был русский перевод Хроники Мартина Бельского. Кроме того, есть основания полагать, что автор миниатюр был непосредственно знаком с гравюрами изданий Хроник Мартина Бельского и Конрада Ликостена. Перевод последней готовился в 1599 г. Полагаем, что ранняя часть сборника составлялась автором не в Казани, а, по-видимому, в Москве. Обратим внимание на следующее совпадение дат: в 1601 г. артель Федора Савина и Стефана Арефьева заканчивает роспись Благовещенского собора в Сольвычегодске, и этим же годом датируется первое развернуто описанное автором сборника казанское событие – упомянутый выше голод. Возможно, сам Федор Савин или иконописцы его артели после работ в Сольвычегодске приехали в Казань для росписи храмов. В таком случае их работы перечислены в приведенной выше годовой статье 1604 г. Можно предположить, что события Смутного времени помешали автору сборника своевременно вернуться в Москву. Он остался в Казани, обзавелся семьей и кругом близких людей, даты смерти и места погребений которых отмечал на страницах сборника. Возможно, он уехал из Казани в 1616 г. или вскоре после этой даты. Едва ли он остался в Казани, поскольку, обращаясь к тетрадям сборника вплоть до 30–40-гг. XVII в., он не внес в них больше ни одного казанского известия. Таким образом, мы склонны рассматривать рукописный сборник БАН, собр. И.И. Срезневского П.114 как литературный архив московского иконописца, оказавшегося в Смуту в Казани. Изначально это были отдельные тетради с выписками из разных источников и эскизами миниатюр. Спустя годы автор составил из них единый кодекс, отражающий по преимуществу казанский период его творчества.

Личность автора-составителя рассматриваемого рукописного сборника для нас по-прежнему остается загадкой. Однако можно утверждать с большой степенью вероятности, что, во-первых, он был иконописцем, а, во-вторых, его творчество близко к одному из выдающихся мастеров так называемой строгановской школы Федору Савину.

Литература

- Иконы, 2006 — Иконы Владимира и Суздаля. М., 2006.
- Лихачев, 1906 — Лихачев Н.П. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1906. Т. 2.
- Маркелов, 2005 — Маркелов Г.В. «Явился на небеси знамение чудно» // О древней и новой литературе: Сб. ст. в честь Н.С. Демковой. СПб., 2005. С. 42–51.
- Маркелов, Сиринов, 2017 — Маркелов Г.В., Сиринов А.В. Иконография лицевого летописца о небесных явлениях // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62, вып. 2. С. 319–338.
- Морозов, 2005 — Морозов Б.Н. Новый памятник из библиотеки Лыткиных, ярославских купцов первой половины XVII века (отклик современника на смерть царя Федора Иоанновича) // Книга в пространстве культуры. М., 2005. Вып. 1. С. 104–107.
- Музей древнерусского искусства, 1989 — Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. 2-е изд. Л., 1989.
- Описание рукописного отдела БАН, 1965 — Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР. М.; Л. 1965. Т. 3. Вып. 2. Исторические сборники XV–XVII вв. / сост. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская.
- Сиринов, 2016 — Сиринов А.В. Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII междунар. науч. конф. Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 458–460.
- Словарь русских иконописцев, 2003 — Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / ред.-сост. И.А. Кочетков. М., 2003.
- Филигрань «Кувшин», 1989 — Филигрань «Кувшин» XVII в. / сост. Т.В. Дианова. М., 1989. № 353 (1610 г.) (в альбоме литеры МР – не лигатура).

Пергаменная книга как жертва печатного стана XVII века (По архиву Приказа книгопечатного дела)

В статье впервые рассматриваются формы снабжения и использования на Московском печатном дворе (МПД) пергаменных рукописных книг («харатей») в технологическом процессе и редакционной работе. Выявлены все способы получения харатей: путем покупки у частных лиц (в основном иногородних и духовных) и централизованно через Псковскую и Новгородскую епархии. Пергамены покупались по низким ценам и часто без сведений об их названиях, преимущественно они использовались во фрашкетах для обеспечения двуцветной печати, но около трети предназначались «на перевод» – печатное их воспроизведение. Выборочные данные позволили достаточно надежно рассчитать средний тетрадный объем полученных МПД пергаменов, что дало возможность в первом приближении определить все количество харатей, использованных московскими типографами при тиражировании книг с середины XVI в. до конца XVII в., когда правительство запретило использовать пергамены во фрашкетах, заменив их склеенными листами из списанных в макулатуру печатных книг, но переплетных работ этот указ не коснулся.

Ключевые слова: Московский печатный двор XVII в., технология, пергамен, продавцы

Московский печатный двор XVII века в своем многогранном «книжном деле» использовал десятки расходных материалов и продуктов. Например, киноварь, сажа и олифа нужны были для получения красной и черной типографской краски, на льняных холстах для обеспечения качественного оттиска увлажняли подготовленные к печати чистые листы типографской бумаги, на веревках же, наоборот, оттиски просушивались после печати, а все отпечатанные листы «сгибались» (фальцевались) в тетради, которые подбирались в книжные блоки, после чего последние перевязывались «мочалом» и отправлялись на склад и в типографскую лавку на Никольской улице. Заготовкой таких расходных материалов занимались материально ответственные «целовальники», которых купе-

ческие корпорации на ряд лет делегировали для работы на Печатном дворе. Хорошо зная столичный рынок, целовальники в торговых рядах постоянно покупали впрок необходимые для бесперебойного функционирования типографии товары (от ниток до целых изб), подробно указывая в своих отчетах, что, где, когда, у кого, в каком количестве и по каким ценам они были приобретены. Перед началом работ по тиражированию той или иной книги отвечавшие за этот процесс наборщики, в свою очередь, под расписку получали со склада необходимые материалы, отчего такие документы назывались «росписными/сметными списками», где на первом месте в натурально-денежном выражении всегда стояли расходы на типографскую бумагу, которые были и остаются основными в издательском деле. Вторую же часть этих документов составляли «книжные запасы», включавшие подробнейший перечень практически всех необходимых расходных материалов (до 20 позиций), причем часто с указанием их технологического назначения (например, пшеничная мука шла на клейстер, коровье масло «на подмаску станом», из бараньей кожи и шерсти делали «матцы» – инструмент, которым батырщики наносили краску на готовый к оттиску типографский набор, и т.д. и т.п.). Поскольку количество сохранившихся в архиве МПД расписных списков с перечнями книжных запасов исчисляется сотнями, то они представляют собой уникальный массовый источник не только по истории московского рынка, но также и по истории технологии русского книжного дела XVII в., которая нуждается в отдельном изучении. В данном же исследовании рассматривается заготовка и использование типографией лишь одного, но весьма специфического расходного материала, а именно пергаменных рукописных книг («харатей»), которые большую часть всего XVII в. приобретались Печатным двором для комплектации некоторых узлов печатного стана – фразкетов и тимпанов, а также шли на переплетные работы и нередко привлекались для подготовки новых переизданий.

Для археографии заявленный сюжет, естественно, интересен не столько в техническом аспекте, но прежде всего в плане истории древнерусской пергаменной книги и русской книжной культуры в целом. Теоретически, просмотрев все множество дошедших до наших дней отчетов целовальников и ряд некоторых других документов типографского архива о покупке и сборе пергаменных книг (прежде всего для нужд Правильной и Книгохранительной палат), возможно будет достаточно полно установить источники, состав, размеры их получения, а также формы и

интенсивность использования пергамена. На пути к решению этих задач вполне репрезентативно выглядят опубликованные Археографической лабораторией МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством И.В. Поздеевой сотни документов по разносторонней деятельности МПД в XVII в. Эта естественная выборка в первом приближении позволяет дать оценку источниковой базы поставленной проблемы и наметить подходы к ее разработке [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2001, 2007, 2011].

Уже в 1620 г. в отчетности Печатного двора говорится о привлечении пергаменных рукописей «к печатному книжному делу», когда 28 апреля у типографского батырщика Бажена Минина целовальник Родион Титов за 2 руб. купил четыре «книги харатейные ко фразкетом на наклейку» (немногим ранее 20 февраля другой целовальник Макковой Григорьев с той же целью за 5 алтын купил необходимый для приготовления клея клейстера четверик пшеничной муки), а 10 августа того же года одну пергаменную книгу выдали переплетчику Ивану Власову «к книжной переплетке на подклейку» [Поздеева, Пушков, Дадыкин, 2001, с. 248, 249]. В январе следующего 1621 г. по одной харатейной книге получили наборщик Алексей Невежин (19 числа), наборщик Яков и мастер Кондратий Иванов (22 числа). Через полгода потребовался новый расходный материал для оснастки узлов печатных станов и 11 июня 1621 г. у некоего Ивана Васильева «к станом на тимпаны» за 2 руб. 15 алт. покупаются две «книги харатейные большие», а 31 июля Ивану Никитину за две книги «на тимпаны» заплатили 23 алт. 2 деньги (одну из них взял Алексей Невежин, другую Кондратий Иванов). Таким образом, к концу первой четверти XVII в. МПД приобретал пергаменные книги уже не целиком (об этом можно судить по отсутствию их названий) и без каких-либо указаний на число составлявших их тетрадей, однако по достаточно высоким ценам, т.е. харатей были весьма полными. Такая картина свидетельствует о закате церковной пергаменной книги, которая к тому времени практически уже полностью была вытеснена бумажными рукописями и печатными книгами. Показательно, что в эти годы и позднее со стороны приказной администрации не было никаких сетований на трудности приобретения древних рукописей, хотя с середины столетия (особенно на фоне тяжелого финансово-экономического кризиса рубежа 1650-х – 1660-х гг.) ею нередко отмечалась рыночная «дороговля». Продавцов и покупателей нисколько не смущало и то обстоятельство, что они в буквальном смысле пускали под нож старинные памятники, так как на

прибивавшихся гвоздями к тонкой фрашкетной рамке листах пергамена делали прорезы для двуцветной киноварной печати; сам же фрашкет прикреплялся к тимпану – обтянутой белым сукном, кожей, пергаменом или бумагой большой железной раме печатного стана. Нет никаких следов и процедуры «промена» (обмена) таких книг на деньги, как это, например, нередко происходило с приобретением икон для производственных и служебных помещений Печатного двора. Итак, по поводу уничтожения древней книжности никакой рефлексии со стороны общества не прослеживалось, что свидетельствовало о тихом уходе пергамена из русской церковной повседневности («обихода») того времени. Фигурально говоря, пергаменная книга, принося себя в жертву, давала жизнь новому печатному поколению русской книги.

О минимальной доле пергаменных книг в личных библиотеках известных духовных деятелей второй половины XVII в. можно судить по следующим примерам. Так, среди 16 книг архимандрита одного из афонских греческих монастырей Дионисия, принятых в 1670 г. в Москву на временное хранение, лишь одна была «книга письменная харатейная», тогда как пять других оказались рукописными на бумаге, но большинство книг (10) уже были «печатными». Ни одного пергамена не оказалось среди переданных в 1675 г. в Правильную палату 35 келейных книг митрополита Сарского и Подонского Павла и 21 купленной для нее же в 1677 г. книги справщика монаха Чудова монастыря Евфимия [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 238, 250–253].

К середине века сокращается использование харатей в тимпанах (они заменяются бумагой и «опойками» – выделанной кожей молочного теленка), однако по причине роста производственных мощностей (число печатных станов достигло 12) расширяется их применение во фрашкетах и в переплетных работах, причем более определенно начинают указываться источники приобретения пергаменов и их объем в тетрадах. Так, 2 января 1640 г. у жителя города Ярославля сына боярского Ивана Иванова Внукова за 25 алт. были куплены содержащие 43 тетради три харатейные книги, а 5 февраля 1645 г. некоему Ивану Андрееву целовальник Иван Харламов заплатил 1 руб. 10 алт. за четыре такие книги, приобретенные «на фрашкеты и на заклею к станом» [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 259]. Под «заклейкой», скорее всего, следует понимать использование части рукописей для закрытия первичных прорезей на фрашкетах, что обеспечивало повторное их использование. Самой же

крупной харатейной покупкой по выборке в первой половине века стало приобретение 10 декабря 1648 г. тем же целовальником всего за 2 руб. 12 книг у известного «мастера азбучного дела» Василия Бурцова (вероятно, он распродал заготовленные им материалы для своего предприятия) [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 437]. Относительно же переплетных работ того времени интересно свидетельство И.В. Поздеевой, что при описании экземпляров московских изданий 20–40-х XVII в. под корешками их переплетов нередко находились большие «пергаменные ленты». Так, например, целый лист пергаменной Псалтыри второй половины XIV в., разрезанный на четыре полосы, был обнаружен в переплете рукописного Устава 30–40-х гг. XVII в. [Поздеева, Пушков, Дадыкин, 2001, с. 275].

Всего же с 1620 по 1678 г. по естественной выборке было выявлено 18 случаев частных продаж харатей на фрашкеты при среднем размере одной продажи в 3,3 харатьи (по одной книге было всего лишь шесть покупок) и только три раза указывались названия рукописей (Григорий Богослов, Евангелие и Лествица). Показательно, что основными поставщиками пергамена оказались духовные иногородние лица (7 человек из 10), тогда как среди 8 москвичей было 5 светских продавцов. Если московское духовенство представляли одни церкви, то среди иногороднего были люди из трех монастырей. Из этой раскладки следует, что существовал определенный круг светских и духовных лиц, имевших и продававших целые или неполные пергаменные книги, причем некоторые из них могли быть профессионально связаны с книжным рынком или даже являлись книжниками (например, 1 февраля 1653 г. торговый человек овощного ряда Китай-города Сила Никитин за 72 коп. продал содержащие 36 тетрадей две большие рукописи [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2007, с. 252], однако все их продажи были единичными. В денежном выражении (за 11 руб. 0,5 коп.) самым крупным оказалось приобретение 30 ноября 1670 г. у «ефианца» Флора Семенова восьми безымянных рукописей (по четыре в десть и в полудесть) общим объемом в 117 тетрадей [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 364].

По разным книгам в зависимости от формата цена одной тетради варьировала от 1 до 12 коп. Из 18 персональных продаж харатей на фрашкеты лишь в 11 случаях сразу указывалось число книг, тетрадей и их цена – всего 36 книг, 619 тетрадей, на сумму 29 руб. 40,5 коп. Рассчитав по этим достоверным величинам среднее число тетрадей в одной книге

(23,8) и среднюю стоимость одной тетради в 4,8 коп., определим общее число рукописей в 59,2, а имевшихся в них тетрадей в 1214 (добавилось 25 книг в 595 тетрадей).

Примечательно, что семь из 10 иногородних харатейных продавцов представляли старинные северо-западные земли: три человека были из Великого Новгорода, два из Костромы, по одному из Галича и из Свирского Александровского монастыря (помимо них присутствовали «эпифанец», «ярославец» и житель Волоколамска). Так, в январе 1653 г. с разницей всего лишь в несколько дней (соответственно 19 и 25 числа) на Печатный двор продали свои харатьи костромичи вдовый дьякон Кирилл (38-тетрадную дестовую книгу Григория Богослова по 6 коп. за одну тетрадь) и священник Архангельской церкви Андрей Савинов (он не назвал свою 18-тетрадную книгу «в малую десть» по 2 коп. за тетрадь). А 28 января слуга Свирского Александровского монастыря Агапит Савинов продает полудестовую 34-тетрадную рукопись по 1 коп. за тетрадь (возможно родство однофамильцев) [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2007, с. 257]. Двумя неделями позже 10 февраля 42-тетрадное Евангелие по 2 коп. за тетрадь продает Феодосий – игумен Галичской Великой пустыни, И весной того же 1653 г. друг за другом 14 и 15 марта продают свои пергамены старица Новгородского Десятинного монастыря Улита Негодяева (несколько книг из 197 тетрадей по 1,5 коп. за тетрадь) и священник Воскресенской церкви из Волоколамска Леонтий (три книги в 83 тетради). А в декабре 1677 г. священник новгородской Анастасиевской церкви Никита продал три большие дестевые книги в 65 тетрадей по 12 коп. тетрадь (Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 365). Скорее всего, подобные продажи церковного и монастырского имущества были согласованы с общинами и настоятелями и приносили им некоторый доход. В основном харатьи покупали у частных лиц зимой (10 раз), гораздо реже весной и летом (соответственно 4 и 3 раза) и лишь однажды осенью. Скорее всего, такая картина свидетельствует об активной зимней заготовке пергамена, чтобы обеспечить интенсивное тиражирование книг в светлое время года. Показательно, что глубокие корни книжной культуры древней Новгородской земли объективно подтверждаются активным присутствием его уроженцев на столичном книжном рынке XVII в. Так, среди 80 городов, покупавших книги в лавке МПД на Никольской улице в 1636/37 г., Великий Новгород занимал очень высокое четвертое место (17 человек за 20 покупок приобрели 33 книги), а через четверть века,

в 1662–1664 гг., уступив лишь Вологде и Ярославлю, новгородцы поднялись на третье место: 29 человек в результате 33 посещений лавки купили 186 книг разных названий [Пушков, Пушков, 2012, с. 257].

Приобретенные типографскими цедовальниками харатъи разбились на тетради, которые затем сортировались по формату и по счету тетрадей под расписку выдавались наборщикам на тиражирование разных новых изданий. Так, попавшая в книги «Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры...» [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2001, 2007, 2011] естественная выборка из 29 перечней «книжных запасов» с 1642 по 1674 г., позволяя по самым разным видам печатной продукции (от Кормчей книги до азбучно-листных изданий) достаточно корректно установить в процессе тиражирования средний расход пергаменных тетрадей на одно издание (тираж, «выход»), который составил 24,1 тетради (697,5 : 29). Тогда на все 498 московских изданий XVI—XVII вв. [Зернова, 1958, с. 136] в первом приближении могло пойти 11977,76 пергаменных тетрадей (498x697,5):29 или 503,3 книги (11977,76:23,8). Кроме того, по 29 изданиям устанавливаются типовые соотношения между расходами харатей и типографской бумаги. В самом общем виде такой расход составил 14,62 стопы (7310 листов) бумаги на одну пергаменную тетрадь, или 1,83 стопы (914 листов) на один лист харатъи. При этом минимальный уровень расхода бумаги в 1,2 стопы на одну харатейную тетрадь приходился на азбучно-листные издания (азбуки, грамоты, молитвы и др., а максимальный на Пролог и Ирмологион (соответственно 18,1 и 16,4 стопы).

Если технология книгопечатания большую часть XVII в. была невольной причиной гибели древнерусского пергамена, то закупка харатей для редакционно-издательской работы Правильной и Книгохранительной палат Печатного двора наоборот – спасала их из небытия. Так, из 65 печатных и рукописных книг, приобретенных с этой целью в 1677–1685 гг., почти треть – 20 книг (31%) оказались пергаменами (в основном Прологи и Евангелия – соответственно девять и четыре экземпляра), а общий их объем составил 512 тетрадей – в среднем 26,9 тетради в одной рукописи, что вполне ожидаемо оказалось больше (на 3,1 тетради, или 13%) аналогичной характеристики харатей, купленных у частных лиц на фрашкету. Из пергаменных книг этой коллекции отметим приобретенное 9 августа 1680 г. за три рубля у «нижегородца» Кирилла Павлова 30-ти тетрадное греческое Евангелие «в большую десть на самой доброй ха-

рать», оцененное в 10 коп. (3 алт. 2 деньги) за одну тетрадь. О том, что эти книги покупались именно как книги, а не в качестве расходного материала, можно судить и по их средним тетрадным расценкам в эти 10 коп., что втрое превышало цену одной «макулатурной» харатейной тетради. Общий же взгляд на все приобретенные в эти годы для Правильной палаты книги говорит, что их покупали не только для справки, но и в качестве редких изданий. Например, среди этих книг находилось шесть польских (у половины из них не были указаны даже названия). Впечатляет семязычная печатная Библия, купленная 15 марта 1680 г. за очень большие деньги в 50 руб. у торгового человека Кружевного ряда «в английской коричневой лосине» в шести переплетах (на еврейском, «сирском», халдейском, арабском, эфиопском, «елинском» и латинском языках с латинским на них толкованием «против 13 Библий») [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 245, 246]. В начале же зимы этого года (2 декабря) у жителя московской Новомещанской слободы переплетчика Саввы Афанасьева за три рубля приобрели на польском языке книгу Петра Скарги, вместе с которой («в ней же») была переплетена и книга Кальвина на латинском языке [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 247].

Об организации централизованного планового снабжения московской типографии пергаменами убедительно свидетельствует уникальный документ 1679 г. [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 256–258], появление которого, возможно, было связано с наметившимся к тому времени сокращением традиционных способов их получения путем покупки у частных лиц. Итак, 25 июля 1679 г. по указу патриарха Иоакима на Никольскую улицу из Пскова пришел большой транспорт со 114 (в документе неверно указано число 112) церковными книгами 17 названий самого разного формата. Все эти книги по распоряжению архиепископа Псковского и Изборского Арсения со всей епархии свозились в Псковский Сиротинский монастырь, откуда и были привезены в Москву строителем этой обители старцем Гавриилом. Вместо 105 руб., на которые были оценены эти рукописи (в среднем одна из них стоила 92 коп. Арсению на эту сумму было «выдано книгами печатными разных выходов», но без указания их числа, названий и цены, что выглядит весьма странно при строгом учете на МПД движения материальных ценностей. Однако далеко не все харатьи, оцененные типографией по низкой цене от 2 до 6 коп. за одну тетрадь, намечалось использовать в качестве расходного технологического материала для оснастки фляшкетов. Значительное

их количество – 45 книг из 114 (39%) – всего 13 названий (в основном 22 Службные минеи); кроме того, четыре Пролога, три Трефологиона, по два Апостола, Октоиха, Службника, Стихарали и Шестоднева, а также по одному Паремейнику, Патерику, Триоди цветной и Часослову – все эти книги были переданы в Книгохранительную палату Печатного двора книгохранителю старцу Мардарию Ханыкову для использования при их печатном воспроизведении («на перевод»). Из того факта, что многие из поступивших книг планировалось использовать в редакционно-издательской работе, следует, что многие рукописи были целыми книгами.

Вслед за псковским транспортом в сентябре того же 1679 г. по аналогичному патриаршему указу 43 харатъи 20 названий по распоряжению Новгородского митрополита Корнилия привез из Великого Новгорода стряпчий Софийского собора Артемий Сказин, которые по тем же расценкам были оценены в 22 руб. 89 коп. (их средняя цена оказалась почти вдвое ниже псковской – 53 коп., т.е. среди них было гораздо больше неполных экземпляров), но, видимо, и из этой посылки часть пергаменов передали «на перевод». Хотя новгородский транспорт почти втрое уступал псковскому, по своему составу он был более разнообразным. Здесь помимо чисто богослужбных книг оказался Иоанн Лествичник, Поучения Ефрема Сирина, «Исход», Синодик. Натуральный обмен старых епархиальных пергаменных книг на новоисправленные печатные был выгоден обеим сторонам, так как от епархий он не требовал денежных затрат, а Печатный двор своими книгами компенсировал лишь стоимость одного пергамена без учета цены написанного на нем текста. Все 157 книг 24 названий псковско-новгородской коллекции содержали 2735 тетрадей, так что в среднем одна книга имела 17,4 тетради. Каждый тетрадный формат имел свои устойчивые расценки: 6 коп. (2 алтына) за тетрадь «в десь/большую десь», 5 коп. (10 денег) за «малую/среднюю десь», по 3 коп. (6 денег) за «полудесь» и в 2 коп. (4 деньги) оценивалась одна пергаменная тетрадь «в четверть» (обратим внимание на расхождение терминологии псковских и новгородских форматов – последние указаны вторыми). Тогда средняя рыночная стоимость одной псковско-новгородской пергаменной тетради составит 4 коп. = $(6+5+3+2):4$, а одного харатейного листа – 0,5 коп., что оказалось всего лишь в 2,5 раза выше средней цены одного листа чистой («белой») типографской бумаги XVII в., одна стандартная стопа которой в 500 листов

в среднем стоила 1 рубль. Это сравнение подтверждает сырьевой характер приобретения древних пергаменов. Если среди псковских харатей большеформатные «дестовые» книги составляли абсолютное большинство (66 из 114, – и в среднем содержали 19 тетрадей), то среди новгородских книг шесть экземпляров «в большую десть» были на последнем месте при среднем их объеме всего лишь в 2 тетради, что, безусловно, говорит о больших утратах текстов привезенных книг – Евангелиев, Октоиха и Пролога). Среднее же число тетрадей в книгах меньшего формата разнится не так существенно – практически от полного совпадения для «малой» и «средней дести» (соответственно 17,7 у псковских и 18,2 у новгородских), соответственно 14,5 и 17,6 тетрадей для полудестовых и 26,5 тетрадей и 15,7 – для «четверок». Поскольку полученный по массовому псковско-новгородскому материалу средний состав одной харатей в 17,4 тетради, безусловно, более точно отражает сохранность пергаменов во второй половине XVII в., чем полученная выше величина в 23,8 тетради, то верхний технологический предел для вышедших в свет в XVI–XVII вв. 498 московских изданий следует поднять до 690 (11997,76 : 17,4).

Несмотря на то, что 1948 из 2735 поступивших из Пскова и Новгорода в 1679 г. пергаменных тетрадей вполне могло хватить на фразкетты до конца столетия (они составляли 16% от рассчитанной выше вековой потребности типографии), как уже в следующем 1680 г. появляются первые сведения о начале изготовления фразкеттных клееных бумажных листов, когда 18 января (видимо, в качестве эксперимента) кузнецу Ивану Хилому выдали 2 стопы 17 дестей чистой типографской бумаги (в том числе 1 стопу 10 дестей не очень качественной бумаги «русского дела») и клей. Дело наладилось и через месяц 12 февраля он вместе с клеем получил уже 18 стоп 1 десть, из которых скаеил уже 2160 листов, т.е. один клееный лист получался из четырех бумажных [Поздеева, Дадькин, Пушкин, 2011, с. 365], которые стоили 0,8 коп., а тетрадь из них – 6,4 коп., что в полтора раза превышало среднюю стоимость одной харатейной тетради из псковско-новгородских пергаменов в 4 коп. Поэтому эта новация никак не могла удешевить производство (к тому же надо было еще учитывать и расходы на покупку клея). Тем не менее, спустя три года новый технологический прием был закреплен официально (скорее всего, по причине истощения рынка бросового пергамена), когда 1 марта 1683 г. во исполнение совместного царского и патриаршего указа начальник

Печатного двора архиепископ Сибирский и Тобольский Симеон «приказал» батырщику Григорию Петрову ко всем 12 типографским станам «ставить клееные листы на фразкетты из своей бумаги и клею», т.е. деньги на покупку этих материалов батырщик должен был тратить из назначенной ему на то на год до 1 марта 1684 г. вместе с зарплатой суммы в 27 руб. Эта работа была хозрасчетной, т.е. осуществлялась в свободное от основных его занятий время, для чего приказная администрация заключила с Петровым «уговорную запись», по которой он уже 19 марта по обычаям того времени получает половину этих денег [Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011, с. 366]. Подобная практика изготовления фразкеттных листов продержалась более десяти лет, когда по указу патриарха Адриана от 25 июня 1695 г. в этом деле вместо покупной бумаги велено было использовать массу обветшавших и подгнивших за долгое время хранения на складе неполных книг «прежних выходов», которые передавались в производство «к чему будут годны... на масляные листы и на клеение прорезных листов и на обертку книг», отчего казне ожидался «малый возврат» (компенсация расходов). Нововведение, видимо, себя оправдывало и перешло в XVIII в., надеемся, оно коснулось и переплетного дела...

Литература

- Зернова, 1958 — Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв: Сводный каталог. М., 1958.
- Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2001 — Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618—1652 гг. М., 2001.
- Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2007 — Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652—1700 годы. М., 2007. Кн. 1.
- Поздеева, Дадыкин, Пушков, 2011 — Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652—1700 годы. М., 2011. Кн. 2.
- Пушков, Пушков, 2012 — Пушков В.П., Пушков А.В. Книжные покупки Великого Новгорода на Московском печатном дворе в XVII веке (По архиву Приказа книгопечатного дела) // Федоровские чтения-2011. М., 2012. С. 95–103.

Проблема верификации научных данных: случай Симеона Федорова Моховикова

*«Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе,
это науке неизвестно. Наука еще пока не в курсе дела...»*

Из к/ф «Карнавальная ночь»

Статья посвящена актуальным вопросам исследования уникального иллюстрированного сборника преданий о чудотворных образах Богородицы «Солнце пресветлое». Приводятся результаты новейшего палеографического и кодикологического описания рукописи в собрании Научной библиотеки МГУ (№ 293). Делается попытка проверки сведений о владельце рукописи – Симеоне Федорове Моховикове, путем соотнесения с одноименным писцом рукописи РГБ, ф. 310, № 338, персонажами Чуда о иконе Максима Грека из той же рукописи и реально существующими людьми первой четверти XVIII столетия.

Ключевые слова: Русская литература эпохи Петра I, рукописная книга, история Русской Церкви

Имя Симеона Федорова Моховикова было мало кому известно до 1971 г., когда археографическая экспедиция Московского университета в Брянскую область привезла рукописный сборник XVIII столетия [Поздеева, 1976а, с. 57–60], включающую «Солнце пресветлое» – иллюстрированную энциклопедию преданий о чудотворных образах Богородицы, «Небо новое» Иоанникия Галятовского, повести о посаднике Шиле, о новгородском посаднике Добрыне, летопись Солигалицкого Воскресенского монастыря, жития Иоанна епископа суздальского, Иова Льговского [МГУ № 293]¹. Тогда же появилось первое исследование рукописи и

¹ Текст «Солнца» является частью большого рукописного сборника, состоящего из 32 произведений. Их объединяет одна общая тема – тема чудес, происходящих от чудотворных икон, фресок, святых мощей. По содержанию весь сборник можно условно разделить на две части: первая содержит рассказы о чудотворных иконах, вторая – о чудесах святых.

сочинения «Солнце пресветлое» [Поздеева, 1976б, с. 175–198], после которого имя его владельца – сторожа кремлевского Благовещенского собора «*что у великаго государя на сенях*» Симеона Федорова Моховикова, стало известно широкому кругу исследователей.

Долгое время выводы этой статьи не обсуждались и не пересматривались, хотя в разное время к рукописи обращались исследователи, занимающиеся иконографией отдельных богородичных икон, однако никто из них не проверил приведенные в статье данные. Между тем сведения о самом памятнике, о его датировке и авторе, в большинстве своем не верны. Они базируются, как правило, на умозаключениях и выводах, не имеющих под собой никаких документальных оснований.

Во-первых, подробное палеографическое описание рукописи МГУ позволяет говорить, что принятая ранее датировка рукописи, многократно повторяющаяся в научной литературе – 1703–1714 гг. (или даже – 1716 год), неверна. Она не может относиться как «Солнцу пресветлому», так и быть распространена на сборник в целом. А бумага с теми водяными знаками, на которые ссылается автор статьи, в рукописи вообще не использована [Поздеева, 1976б, с. 195, сноска 2]. Рукопись представляет собой авторский конволют, написанный несколькими писцами². Изучение филиграней показало, что она может быть отнесена к периоду с 1680-х до конца 1720-х годов. Датировка «Солнца пресветлого», возможно, может быть сужена, с учетом даты создания ряда гравюр Г.П. Тепчегорским – 1713–1714 гг., вклеенных в текст [Кобяк Н.А. и др., 2010]. Таким образом нижней границей создания рукописи можно считать 1714 год, верхней – 1730 год (дата покупной записи Федора Михайлова Мурыгина в рукописи аналогичного содержания [ГИМ, Музей. №42]).

Во-вторых, выводы И.В. Поздеевой о Симеоне Федорове Моховикове как «образованном купце», «осторожном старообрядце», авторе «Солнца пресветлого» [Поздеева, 1976б, с. 189–192], как представляется, сделаны без достаточных оснований. В основе их лежит исключительно текст владельческой записи Моховикова [МГУ № 293, л. 539], со-

² В статье И.В. Поздеевой количество писцов рукописи в статье вообще не отмечено, особенности и характер их почерков в статье не описаны. Всего в рукописи выделяются почерки шести писцов, из них основным является второй писец: им написано 383 листа из 539, в том числе и «Солнце пресветлое». Писец – профессионал, пишет грамотно, ошибок и исправлений делает мало. Этот почерк характерен для русских рукописей рубежа XVII – XVIII вв.

отнесение имени владельца рукописи МГУ с именем писца «Сказания о Максиме Греке» [РГБ. Ф.310 (собр. Ундольского), № 338, л. 244 об.] и с именем героя одного из чудес – Симеона Федорова [Ф.310, № 338, л. 104–115; Белокуров, 1891, с. ССXLIII–СXLVI]. В статье прямо не говорится, что эти персоны идентичны, но в дальнейшем на Симеона Федорова Моховикова автором переносятся как занятия героя чуда («... в Седелном ряду сидит...» (л.105 об.), то есть занимается торговлей и имеет лавку (л. 105 об., 106)³, так и его взгляды, знакомства и все события, о которых в этом чуде рассказывается. Кстати, в тексте Чуда фамилия героя нигде не называется, а только его имя – «Семион Федоров». В дальнейшем о предположительности такой идентификации было забыто и этот вывод многократно повторялся в работах последующих исследователей, в том числе и в статьях Православной энциклопедии.

В настоящей работе я постараюсь показать, что на самом деле можно верифицировать, а что является следствием добросовестных заблуждений.

В нашем распоряжении имеются две рукописи, одна из которых указывает на Симеона Моховикова как на владельца сборника [МГУ, № 293, л. 539], вторая была частично им переписана [РГБ, ф. 310, № 338, л. 3–244].

Сравним обе записи: автограф Симеона Федорова Моховикова рукописи МГУ («*Сия святая богодухновенная книга московскаго Второга Большаго собору Благовещенскаго, что у Великого государя на сенях сторожа Симеона Федорова сына Моховикова*») представляет собой классическую владельческую запись, сделанную в принятой форме, которая существовала без изменения на протяжении многих веков. Естественно, она не дает никакого права считать владельца рукописи ее составителем, а тем более автором некоторых сочинений, включенных в сборник. Почерк Моховикова не профессиональный, «пляшущий», буквы не стоят на строке, мачты букв неровные, слегка «завалены». Такое впечатление, что писал человек, редко бравший в руки перо или, возможно, очень пожилого возраста.

³ Седелный ряд Благовещенского большого собора, что у Великого государя на сенях – с 1626 г. был размещен в каменных лавках вместе с Саадашным рядом с лицевой стороны Кремля с выходом на Никольский крестец. В этих рядах торговали конской сбруей и упряжью, а также вооружением для всадников.

Писцовая запись рукописи РГБ («*А сии старья книги⁴ списано слово в слово многогрешным и недостойным рабом Божиим царствующаго града Москвы Болашаго втораго Благовещенскаго собора сторож, что у великаго государя на сенях Симионом Федоровым сыном Моховиковым. Аминь*») [РГБ, ф. 310, № 338, л. 244 об.] представляет Моховикова именно как писца рукописи, а не как автора или ее составителя⁵. Почерк Моховикова в этой рукописи хотя и отличается от почерка, которым сделана владельческая запись на Сборнике МГУ, тем не менее, позволяет утверждать, что обе записи сделаны одним лицом, хотя, вероятно, со значительным временным интервалом. Этот почерк характерен для конца XVII – начала XVIII вв. и не дает возможности для более точной датировки.

Обе записи представляют Моховикова сторожем⁶ Благовещенского собора Кремля⁷.

⁴ Об этой «старой книге» дается информация в предшествующей записи, выполненной также почерком Моховикова: «*А сия книга болаша преподобнаго отца нашего Максима Грека списана съ его руки преподобнаго тоя же великия обители живоначальныя Троицы преподобнаго отца нашего Сергия чудотворца иже в Маковце на Радонеже реце скимноиноком Варлаамом Самарийским в лето 7148 [1639/1640] месяца Архангела Михаила возра... Аминь*». О списке сочинений Максима Грека, упомянутом в записи, исследователям творчества последнего ничего неизвестно [Буланин, 1979, с. 260–261; Буланин, 1984, с. 236–238]. В работе С.В. Николаевой С.В. [Николаева, 2000], где были использованы синодики, кормовые и вкладные книги, описи и переписные книги, списки погребенных, памятники некрополя, литературные и другие источники Троице-Сергиевского монастыря имя скимноинока Варлаама Самарийского не найдено.

⁵ Переписанный Моховиковым текст здесь представляет собой «Службу» (л. 3–9 об.) и «Житие Максима Грека» (л. 12–115), а также переводы из Свида, сделанные Максимом Греком (л. 119–244). Следует отметить уникальность рукописи Ундольского: со времен Белокурова и до настоящего времени это сочинение о Максиме Греке известно только по ней [Белокуров, 1891, с. ССХLIII; Сеницына, 1977, с. 279].

⁶ А не ключарем как в исследовании Л. Тарасенко «Иконография Богоматери» [Тарасенко, 2009, с. 32–39]. Ключарем Моховикова называли также Борис Макарьянц [Макарьянц, 2015] и Н.И. Комашко. Следует отметить, что у ключаря и сторожа были не только разные должностные обязанности, но и статус. Ключари назначались из числа священнослужителей, сторожа относились к низшим причетникам наравне со звонарями. Это видно также по размеру получаемого ими жалованья: в XVII в. ключарь получал 23 р., 27 алтын, 1 деньгу (как и священнослужитель), а каждый из сторожей – по 4 р., 27 алтын, 3 деньги. В XVIII в ружное жалованье сократилось, но соотношение выплат осталось прежним.

⁷ А не Архангельского, как вслед за И.В. Поздеевой пишут некоторые авторы [Словарь иконописцев, 2003, с. 397–398; Поздеева, 1990, с. 48; Поздеева, 1992, с. 32]

Важное значение в попытке установить истоки ошибочности идентификации личности Симеона Федорова Моховикова имеет текст Чуда об иконе Максима Грека, включенное в «Сказания о Максиме Греке» [РГБ. Ф.310, №338, л. 104–115]. Герой Чуда – Симеон Федоров также является сторожем Благовещенского собора: «*Есть в Седельном ряду сидит Благовещенскаго Болиаго собору, что у великого государя на сенях, сторож Семион Федоров сын*», что и приводит к ошибке отождествления писца «Чуда» с героем чуда, т.е. реального исторического лица с вымышленным литературным героем.

На этом же ошибочном отождествлении базируются и все другие следующие, например, отнесение его (владельца, писца = героя) к старообрядчеству [Поздеева, 1976b, с.176]. Причем в качестве доказательств фигурируют такие детали рассказа, как чудесное избавление от угрозы обрить бороду, что вполне понятно для уже не молодого человека (как пишет автор рассказа: «*многия избранныя люди и Богом спасаемая брады не бривали, овы 20 лет, овы 15 лет, овы 10 лет*») [РГБ, Ф. 310, № 338, л.104 об.], ужасное наказание иконописца, посмевшего изобразить Максима Грека, благословляющим не двуперстным знамением, а «щепотью».

Сейчас трудно сказать, каким именно было изображение Максима Грека, найденное Симеоном Федоровым на крыльце своего дома, в тексте сообщается только, что лист содержал «*образ его святой, написанное на листе на александрийском⁸, двадцатнаго листа написанием, а около его границами червленными обложен...*» (л.106 об.). О.А.Белоброва, посвятившая специальное исследование иконографии Максима Грека [Белоброва, 1958, с. 301–310], приводит несколько типов таких изображений от самых ранних, так называемых «условных портретов» писателя – с конца XVI – начала XVII в. – в списках его сочинений, а также в фресках 1564 г. в галерее Благовещенского собора Кремля [Белоброва, 1958, с. 302], до изображения его как святого⁹ (к этому типу относятся многочисленные иконы, изображение в иконописном подлиннике 1694 г., фрески Духовской церкви 1655 г. и Успенского собора 1684 г. Троицкого мо-

⁸ Сорт дорогой книжной бумаги, в XVI–XVII веках александрийская бумага выпускалась листами трёх размеров — большого, среднего и малого, в XVIII веке сохранялись установленные ранее размеры листов александрийской бумаги.

⁹ Кроме уже упомянутого Чуда Максима Грека, в «Сказание о Максиме Греке» по сборнику Ундольского включено еще одно чудо о спасении в 1593 г. царя Федора Иоанновича Максимом Греком «от напрасной смерти» [Ф. 310, № 238, л. 89–91].

настыря, вологодского Софийского собора 1686–1688 гг., Толчковой церкви в Ярославле 1694 г.) [Белоброва, 1958, с. 304–305]. Ясно одно: почитание памяти Максима Грека не является исключительной привилегией старообрядцев, реабилитация памяти Максима началась в конце XVI столетия в Троице-Сергиевской лавре и, возможно, имела под собой причины внешнеполитического характера [Белоброва, 1958, с. 307].

Таким образом, ни копирование «Сказания о Максиме Греке», ни включение в него чудес от икон «преподобного» «Радонежского чудотворца», не могут служить доказательством принадлежности автора «Сказания» к старообрядцам¹⁰. А двуперстие, изображенное на иконе Максима Грека, может быть трактовано как жест именованного благословения – особого сложения перстов, которое употреблялось архиереями или священниками для благословения [Скрижаль, 1656, с. 741–742].

Каким бы «осторожным старообрядцем» ни был писец рукописи и герой Чуда об иконе, он как сторож одного из главных соборов Кремля – Благовещенского, был обязан не только принимать участие в службах [Георгиевский, 1899], но и ходить к исповеди и к причастию. Напомним указы Петра I от 8 февраля 1716 г. о штрафах тем, кто не был у исповеди [Указы, 1780, с. 56], Синодский указ от 17 мая 1722 г., который обязывал священников сообщать сведения, полученные на исповеди [Указы, 1780, с. 607]¹¹, и от 16 июля 1722 г. – о ведении исповедальных ведомостей [Указы, 1780, с. 607]¹². Представляется, что дополнительным аргументом в пользу не старообрядческой принадлежности автора Чуда может служить тот факт, что оно произошло от иконы нового письма: *«а чуда велие содеяся от новаго образа преподобнаго, а не от старого, грече писменнаго образа»* (л. 114).

Становится очевидным: ни Симеон Федоров Моховиком, ни герой Чуда Симеон Моховиков не могли при занимаемой ими должности быть старообрядцами.

¹⁰ К такому же выводу пришел и А.Эббингхаус [Ebbinghaus, 1990].

¹¹ *«... если кто на исповеди объявит ещё неделанное, но к делу намеренное от него воровство (т.е. преступление), напаче же измену, или бунт на государя, или на государство, или злое умышление на честь или здравие государево и на фамилию его величества...»*.

¹² *«... учинить именные прохожанам своим всякого звания мужеска и женска пола людям книги, в которых как православных, так и раскольников означить по домам изъяснительно, и под написанием всякого дома оставлять праздно место на ходящее впредь быть прибылым в тот дом, также убылым объявление: в котором туда прибудет и кто куда отбудет...»*. См.: Указы. С. 607.

Важным представляется вопрос и о времени жизни Симеона Федорова Моховикова. Анализ рукописи РГБ, частично им переписанной, а также исторические реалии текста Чуда дают возможность ответить на этот вопрос.

Рукопись собрания Ундольского может быть датирована на основании водяных знаков 20–30 гг. XVIII столетия¹³. Напомню, что в самом Чуде об иконе Максима Грека (л. 104–109) указана дата: «*Бысть в лето 7229 (= 1720) году месяца ноября в 13 день...*», и далее даты приводятся от этого числа до 20 мая 1721 г., что, несомненно, призвано придать рассказу большую документальность и достоверность¹⁴. Эта и другие особенности повествования: обилие содержащихся в них фактических, бытовых, исторических деталей и сведений, делает Чудо важным источником, располагающим большим богатством конкретных деталей и фактических сведений, позволяющих уточнить личность героя повествования Симеона Федорова и, возможно его исторического прототипа – Семиона Федорова Моховикова.

Во-первых, здесь даётся дополнительная информация о роде занятий Симеона Федорова (героя Чуда), кроме работы сторожа: «... в Седелном ряду сидит...» (л.105 об.), то есть занимается торговлей и имеет лавку (л. 105 об., 106)¹⁵ и, возможно, является «торговым человеком», хотя с 16 января 1721 г. торговлей, согласно указу Петра I, разрешалось заниматься торговлей людям «всякого звания», за исключением военных, а купцы, записанные в гильдии, получали значительные налоговые льготы. Он носит бороду, которую, согласно указу не хочет сбрасывать, что вполне понятно, но и не хочет ее «откупувати» за 30 рублей за бороду¹⁶ (л.106). Он имеет свой дом, где на крыльце и находит икону Максима Грека (л.106 об.).

¹³ Л.И. Журова датирует список 30-ми гг. [Журова, 1996, с. 475]; А.Г. Авдеев – 20-ми гг. [Авдеев, 2009, с. 134].

¹⁴ С этой точки зрения повествование в Чуде было ближе к произведениям деловой письменности, поскольку целью их являлась простая регистрация конкретных фактов. См., например, «Следственный акт по делу о мощах кн. Михаила, кн. Анастасии и Ксении» [Син. грам. 1412–2. 1692 г., февраля 27].

¹⁵ См. выше, сноска 3.

¹⁶ По Указу 16 января 1705 г. «О бритии бород и усов всякого чина людям» 30 рублей за бороду платили посадские люди и боярские холопы, а гости и торговые люди 1-й статьи гостинной сотни должны были платить по 100 рублей в год, служилые люди московских и городских чинов, торговые люди 2-й и 3-й статей гостинной сотни и верхушка посада – по 60 рублей.

Имени «образованного купца», как его многие называют вслед за И.В. Поздеевой [Поздеева, 1976b], не удалось найти ни в «Материалах для истории московского купечества» — из Моховиковых здесь упомянут только «Семен Андреев сын Моховиков 18 лет ... живет в Белом городе в приходе Егорьевского монастыря на дворе Ивана Родионовича Стрешнева на дворничестве по записи» [Материалы, 1883, с. 130, лев.]¹⁷, ни в «Переписи московских дворов XVII и XVIII столетий», ни в «Книге по сбору мостовых денег» 1718–1723 и 1720–1725 гг. [Перепись, 1896; Книга мостовых денег], хотя не исключено, что он мог быть не поименован: «Большого Успенского и Благовещенского соборов сторожей и звонарей с 68 дворов 1345 руб. 10 алтын пол 4 денги» [Книга мостовых денег, №1429, с.229] или поименован другим именем [Успенский, 2017]. Следует отметить, что упоминание многих сторожей, например, в «Материалах для истории московского купечества» достаточно подробны: например, некий Иван Козмин 13 лет живет на дворе сторожа Благовещенского собора Федора Михайлова [Материалы, 1883, с. 132], Яков Лукьянов из Углича 23 лет – у сторожа того же собора Ермолая Иевлева [Материалы, 1883, с. 132], отец Киприана Федорова сына Серебренникова 38 лет также был сторожем Благовещенского собора [Материалы, 1883, с. 21]. Точно так же и в «Книге по сбору мостовых денег» упоминаются сторожа Благовещенского собора: Матвей Иванов, Егор Касимов, Савва Лукьянов, Иван Федоров, Харлаам Васильев, Федор Федоров [Книга мостовых денег, № 189, с.184; № 1012, с. 280; № 1322, 1324, 1325, 1326, с. 225]. Можно допустить, что Моховиков не имел своего дома, а жил «по найму».

Во-вторых, наряду с Симеоном Федоровым в тексте Чуда назван ряд имен различных людей, которые могли иметь конкретные исторические прототипы.

Это «торговые люди», также имеющие лавки в Седельном ряду, и, судя по тексту, хорошие знакомые нашего героя: Федул Михайлов Забелин (л. 105 об.), Василий Максимов Удавленников (л. 106), Иван Максимов Жариков (л. 106). Ни одно из этих лиц также не названо ни в «Материалах для истории московского купечества», ни в «Переписи московских дворов», ни в «Книге по сбору мостовых денег» [Материалы, 1883; Перепись, 1896; Книга мостовых денег].

¹⁷ Мною были также просмотрены Ландратские книги и ревизские сказки (РГАДА. Ф. 350) за 1707–1727 гг.

Кроме имен «торговых людей», здесь также называются имена нескольких иконописцев, писавших изображение Максима Грека: Иван Афанасьев, написавший в 1654 г. лист с изображением Максима, оказавшийся в дальнейшем на крыльце дома Симеона Федорова¹⁸ (л. 106 об.); а также имена современников нашего героя – Евстафия Федорова Беляева, жившего в «Спасской слободе у Сухаревой башни» и писавшего копию с бумажного листа по заказу Симеона Федорова (л. 107 об.)¹⁹, а также его брат, также иконописец, Василий Тимофеевич, писавший текст тропаря и кондака на иконе Максима Грека (108 об., 109–109 об.)²⁰.

Мы видим, что все эти лица, за исключением Евстафия Федорова Беляева включены в Словарь иконописцев только на основании упоминаний в тексте Чуда. Евстафий Федоров Беляев был отождествлен составителями Словаря с изографом, работавшим над ревельским иконостасом, Фёдоровым Остафеем, вероятно, на основании сходства имени и профессии.

В тексте Чуда упоминается также имя «некоего столника Василья Никитича Балятинского» в доме которого и начинаются все события, описанные в Чуде. Мне не удалось найти ни одного Василья Никитича ни в роду Болятинских, ни в роду Борятинских [Долгоруков, 1854; Родословная роспись; Захаров]. Среди стольников конца XVII – первой четверти XVIII столетия такой также не значится²¹. Нет его ни «Переписи московских дворов» [Перепись, 1896], ни в «Книге по сбору мостовых

¹⁸ Имя Ивана Афанасьева включено в Словарь русских иконописцев именно на основании его упоминания в данном тексте [Словарь иконописцев, 2003, с. 70]. Имя также упоминается в Сказке пристава Т.Крылова от 28 июня 1694 г. в Материалах сыского дела по иску стольника Ивана Юрьева сына Огарева к золотарю Оружейной палаты [Николаева, 2012, № 196.10, с. 375].

¹⁹ В Словаре русских иконописцев Евстафий Федоров Беляев отождествляется с одноименным изографом, жившим в 1-й трети XVIII в. и принимавшим участие в создании иконостаса для Преображенской церкви в Ревеле в 1718–1719 гг. [Словарь русских иконописцев, с. 92]. Значится в списке мастеров, которых автор ревельского иконостаса Иван Петрович Зарудный отобрал для работы над иконостасом, как Фёдоров Остафей (ХГУ, ЦНБ. 142/с. 1718, №757, л. 10 об.).

²⁰ В Словаре русских иконописцев не значится.

²¹ Из стольников этого периода с фамилией Борятинский известны: Даниил Иванович (1674–1730, стольник 1705, 1717), Михаил Васильевич (1668, 1715, стольник 1678–1703, отставной в Москве для посылок 1706, 1710), Михаил Петрович (1670, 1717, стольник 1710, 1717), Михаил Федорович (1675–1704, стольник 1700), Михаил Федорович (1681, 1708, стольник 1686–1703, отставной в Москве для посылок 1706, 1710), Семен Федо-

денег» [Книга мостовых денег]. Скорее всего – это вымышленное лицо, введенное в рассказ для придания ему большей достоверности.

Зато еще один герой Чуда – лицо вполне историческое и хорошо известное. Это «*ратушский старый подъячий*» Михаил Морсочников, тот самый «злодей» и «гонитель», который на обеде у стольника грозился не только обрить Симеона Федорова и «щипками» выщипать ему бороду, но и не взять от него деньги: «*Аще и многие златници давати начнет, и аз не восхоу от него приняти ничтоже*» (л.105 об.), что представляется странным, учитывая его дальнейшую биографию.

В разное время Михаил Морсочников был канцеляристом камерирской конторы в Москве [Описание документов, 1722, Т. 2, ч.1, № 694, 697], секретарем московской синодальной типографии [Описание документов, 1722, т. 2, ч. 2, № 976, стб. 233]²². Известно, что он был владельцем Каменоостровского питейного двора [Книга мостовых денег, I, № 266, 269, с. 187]. В 1722 г. по настоянию обер-прокурора Синода Ивана Васильевича Болтина [Вяткин, 2009, с. 145], Морсочников был предан суду за получение взяток с подрядчиков [Описание документов, 1723, т. 3, №81, стб. 129], незаконное получение им лишнего жалованья и подделку документов [Описание документов, 1723, т. 3, № 97, стб. 140; № 411, стб. 425; № 502, с. 522]. С виновного требовалось взыскать излишне полученные им деньги в сумме 424 рубля 38 коп. Дело длилось до октября 1727 г. и могло закончиться не только взысканием долга, но и запретом занимать государственные должности, однако благодаря указу 1726 г., по которому Морсочников и ему подобные полностью могли быть освобождены от выплат, он не только не был обязан выплачивать ни рубля, но еще получил от Синода 232 рубля 52 коп. за «упущенную выгоду» – не полученное за время нахождения под следствием жалованье.

рович (1674–1722, стольник 1679–1703), Сергей Петрович (1683–17023/26, стольник 1686–1710), Трофим Федорович (? – после 1692 г., стольник 1676).

²² Возможно он был сыном дьяка Евдокима Лукина Морсочникова [Демидова, 2011, с. 369; Приказы, 2015, с. 108, 279], во всяком случае в Исповедальной ведомости церкви Иоанна Предтечи у Никитских ворот под 1755 годом записан сын Михаила Морсочникова – Алексей Михайлович и и его тетка Мария Евдокимовна [ЦГА Москвы, Ф. 203. Московская духовная консистория. Оп. 747. Исповедные ведомости церквей г. Москвы и уездов Московской губернии. Д. 221, л. 54 об.]. Известен также брат Михаила – подъячий Илья Морсочников [Материалы, 1883, с. 181; Описание документов, т. 3, № 411, стб. 425], дети Морсочникова: Иван, Алексей, Василий, Прасковья.

Дальнейшая государственная служба и частная жизнь Михаила Морсочникова складывается вполне благополучно: сохранились документы Коллегии иностранных дел с его подписью [АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. 1730 г. Д. 9. Л. 1 об.], дети занимали хорошие должности: Иван Михайлович (19.08.1717–11.05.1785) был действительным статским советником, статс-секретарем императрицы Екатерины II, камерцалмейстером, ведал отпуском и приемкой сумм, связанных с дворцовыми доходами и расходами; Алексей Михайлович был секретарем Синода, надворным советником; Василий Михайлович был капитаном артиллерии, был уличен в казённой недоимке, на его часть имения в сельце Шахматове²³ был наложен секвестр (28 мая 1786 года Московской губернской палатой)²⁴, он умер в 1789 г., не выплатив долга.

По иному складывается жизнь Михаила Морсочникова согласно тексту Чуда: *«А сего богохульнаго и злонаравнаго и злоименитаго и мнителнаго на христианский народ Михаила Морсочникова прииде некакий царев гнев, и оковаша его, и всадиша в темницу, и пыташа его, и не исполниша своего хотения на христианы, но самого Господь Бог наказаша его, исчезоша сам без вести»*.

Таким образом, получается, что автор рассказа не знал об итогах процесса по делу Морсочникова, и его сведения ограничивались концом 1721–1722 гг., когда Морсочников был под судом за растраты и злоупотребления. Сведения 1725 г., когда по согласию Сената в поминовение его Императорского величества, Морсочников был отпущен, остались ему неизвестны.

Эти сведения дают нам возможность уточнить время написания Чуда о иконе Максима Грека. Скорее всего оно было написано не ранее 13 ноября 1720 г. (дата указа «о передаче дел в Ратушу» – л. 104) и не позднее 1 февраля 1725 г., когда Михаил Морсочников был отпущен и вернулся в Москву из Петербурга. Этой дате соответствует упоминание в тексте царя как живого (Петр Великий умер 28 января (8 февраля)

²³ Межевые документы в 1767 году называют в качестве его владельца помещика Михаила Марсочникова, после его смерти имение перешло к его сыновьям «по полюбовному между собой разделу».

²⁴ Дело «О взыскании с капитана Марсочникова казенных растроченных денег» длилось несколько десятилетий и хотя имение позднее было выкуплено его дочерью Марией Васильевной Мельницкой на аукционных торгах и духовным завещанием последней (1810 г.) отдано своей дочери поручице Катерине Дмитриевой жене Абриотиной, но ввод ее во владение был задержан из-за долгов деда.

1725 года). Если же принять во внимание тот факт, что Духовный приказ, который фигурирует в Чуде, уже с 1723 г. был подчинен Московской духовной консистории, то можно сделать поправку – «Чудо» было написано между 1720 и 1723 гг.

Вполне вписывается в этот временной промежуток и объяснение автором причин бегства из Москвы героя Чуда Симеона Федорова и иконописца Евстафия Федорова Беляева.

Известие о чудесном наказании изографа от иконы Максима Грека («... не токмо сему изографу Евстафию руку отсуши немало не по локоть, но свирель у лохтя близ состава, кость едва не прегнила вся, но на малой костинной спичке висеша рука его ... и вся черна...») широко распространилось по Москве: «... много множество народа московскаго иереи и священницы видеша руку его и по рядом московским ходиша и милостыню ему даваша и всему народу поведаша вся бывшая...». Об этом стало известно в Духовном приказе²⁵, затем доложено царю и «повеле государь изографа взять и кто образ дах ему написати – обоих ко ответу цареви. И скрышася страха ради царева во иные земли» (л. 112 об.)²⁶.

Вполне понятно, что в такое переломное, трудное время, когда легко ломались судьбы людей, все отношения между которыми, в том числе и семейные, становились «жертвой» реформ петровского времени (вспомним, как из страха перед доносом своего брата²⁷ в Духовный приказ иконописец Евстафий Федоров вынужден был исправить на иконе Максима Грека первоначальное двоеперстие на «щепоть» (л. 108 об.), вряд можно ожидать, что всех участников событий назовут по именам, отчествам и фамилиям. Соответствие имени Морсочникова реальному

²⁵ Действовал с перерывом в 1667–1675 гг. затем в 1700–1723 гг.

²⁶ Бегство это вполне понятно, если вспомнить ряд указов Петра I, направленных на оздоровление народного благочестия, искоренение интереса к «вымышленному» «простой народ прельщающее» [Описание документов, т. 2, ч. 2, № 1031, стб. 308–310]. «Разгласители новых чудес» жестоко преследуются, устанавливаются суровые наказания, вроде вечной ссылки на галеры с предварительным вырезанием ноздрей [Георгиевский, 1908, с. 10].

²⁷ Кроме указа о «Разгласители новых чудес», в 1713 году Петр I издал указ о «недоносительстве» и о вознаграждении доносчиков: «Кто на такого злодея (государственного преступника) подлинно донесет, то ему за такую ево службу богатство тово преступника, движимое и недвижимое, отдано будет, а буде достоин будет, дастся ему и чин его, а сие позволение даецца всякого чина людям от первых даже и до земледельцофф». К разряду государственных преступлений относились неодобрительное слово о действиях царя, бунт — «бунтом» считалось всякое, даже пассивное, сопротивление властям, принадлежность к расколу.

историческому лицу в этом смысле очень показательно: он был «верный раб великому государю», «злый властелин», «враже истинный», вор – вот и поделом ему, его не жаль, а те, кому могла угрожать прямая или даже мифическая опасность – названы весьма уклончиво.

Литература

- Авдеев, 2009 — Авдеев А.Г. Из истории древнерусской эпитафии и ставрографии. К вопросу о происхождении и развитии буквенных акронимов на Голгофских крестах в Древней Руси // Проблемы теологии: материалы 5-й Международной богословской научно-практической конференции, 16 мая 2008 г., г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. Вып. 5. С. 103–162.
- Белоброва, 1958 — Белоброва О.А. К вопросу об иконографии Максима Грека // ТОДРА. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 301–309.
- Белокуров, 1891 — Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1891. С. ССXLIII–СXLVI.
- Буланин, 1979 — Буланин Д.М. Лексикон Свида в творчестве Максима Грека // ТОДРА. Л., 1979. Т. 34. С. 257–283.
- Буланин, 1984 — Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984.
- Буланин, 1992 — Буланин Д.М. Моховиков Симеон Федорович / Словарь книжников и книжности Древней Руси // ТОДРА. СПб., 1992. Т. 45. С. 73–74.
- Буланин, 2004 — Моховиков Симеон Федорович // Библиографические дополнения к статьям, помещенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3, части 1–3) / Буланин Д.М. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 4. Дополнения. С. 650–833.
- Вяткин, 2009 — Вяткин В.В. Первые синодальные обер-прокуроры (1722–1758 гг.) // ВИ. 2009. № 12. С. 145–151.
- Георгиевский, 1899 — Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве / сост. Г.П. Георгиевский. СПб. 1899. С. 91–102.
- Георгиевский, 1908 — Георгиевский В.Т. Дело «О проявившихся вновь во Владимирской епархии во Флорищевой пустыни мощах и чудесах» // ТВУАК. Владимир, 1908. Кн. 10. С. 10.
- Демидова, 2011 — Демидова Н.Ф. Служивая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биограф. справочник. М., 2011.
- Долгоруков, 1854 — Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1.

- Журова, 1996 — Журова Л.И. Румянцевское собрание сочинений Максима Грека (К вопросу о соотношении собраний сочинений Максима Грека) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 475–478.
- Захаров — Захаров А.В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» / Именной указатель ИПС «Боярские списки XVIII века» [электронный ресурс; режим доступа: zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_alpha&alpha=%E2] (дата обращения: 12.12.2017).
- Книга мостовых денег — Книга по сбору мостовых денег // Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С. 176–320.
- Макарьянц, 2015 — «Вкратце собрано бысть и известно...»: Материалы по истории почитания Шуйской иконы Божией Матери / сост. Б. Макарьянц [электронный ресурс; режим доступа: gusklne.ru/analitika/2015/10/03] (дата обращения 12.12. 2017).
- Материалы, 1883 — Материалы для истории московского купечества. М., 1883. Т. 1.
- Николаева, 2000 — Николаева С.В. Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII века: Состав монашеской братии и вкладчиков: диссертация ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2000.
- Николаева, 2012 — Иконописцы и живописцы Оружейной палаты, 1630-1690-е годы: дворовладения, события повседневной жизни, работа по частным заказам / сост. М.В. Николаева. М., 2012.
- Кобяк Н.А. и др., 2010 — Кобяк Н.А., Зименко Е.В., Шульгина Э.В. Новые данные о сборниках «Солнце пресветлое» // Вестник РГНФ. № 3 (60). 2010. С. 140–149.
- Описание документов — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода [Сост. Комис. для разбора и описания архива Святейшего правительствующего синода]. СПб., 1868–1914. Т. 2, ч.1, 2; Т.3.
- Перепись, 1896 — Перепись московских дворов XVII и XVIII столетий. М., 1896.
- Поздеева, 1976а — Поздеева И.В. Археографические работы Московского университета в районе древней Ветки и Стародуба (1970–1972) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 52–69.
- Поздеева, 1976б — Поздеева И.В. Вновь найденный Сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г.П. Тепчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976. С.175–198.
- Поздеева, 1990 — Повесть и сказание вкратце о житии и подвизех и отчасти чудес исповедание преподобного отца нашего игумена и строителя Иова ... // Родина. 1990. № 9. С. 50–55.
- Поздеева, 1992 — Повесть и сказание вкратце о житии и подвизех и отчасти чудес исповедание преподобного отца нашего игумена и строителя Иова ... // Церковь. 1992. № 2. С. 32–40.

- Приказы, 2015 — Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI – XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.
- Родословная роспись — Родословная роспись князей Бярятинских (первая ветвь) [электронный ресурс; режим доступа: rurik.genealogia.ru/Rospisi/Baryat.htm] (дата обращения: 12.12.2017).
- Синицына, 1977 — Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977.
- Скрижаль, 1656 — Сборник «Скрижаль» М., Печатный Двор, X. 1655; дополнительные статьи 2.VI.1656.
- Словарь иконописцев, 2003 — Словарь иконописцев XI–XVII вв. М., 2003.
- Тарасенко, 2009 — Тарасенко А. Иконография Богоматери // Русское искусство. 2009. № 1. С. 32–39.
- Указы, 1780 — Указы блаженные и вечнодостоинья памяти. Государя Императора Петра Великого самодержца всероссийскаго состоявшиеся с 1698 по кончину его Императорскаго Величества. генваря по 28 числ. 1725 году. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой Государыни Императрицы Анны Ивановны Самодержицы Всероссийской. При Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. 1780 года.
- Успенский, 2017 — Успенский Ф.Б. Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. М., 2017. С. 41–44.
- Ebbinghaus, 1990 — Ebbinghaus, A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990. (Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der freien Universität Berlin. Bd. 70).

Библиотека для чтения прапорщика Кублицкого

Статья посвящена тому, как в рукописных сборниках молодого офицера времени императрицы Елизаветы Петровны отразилось формирование нового круга чтения русского дворянства. Четыре толстые тетради, исписанные мельчайшим почерком, знакомят нас с многообразием жанров и текстов, бытовавших в офицерской среде в 1740–1750-х гг. Делаются выводы о влиянии на круг чтения школ, открывавшихся в гвардейских полках с середины 1740-х гг.

Ключевые слова: Россия, 18 век, архивы, социология чтения, история образования

Имя, вынесенное в заглавие, скорее всего, не ничего не скажет даже тем, кто занимается русским XVIII столетием. Остальным оно тем более неизвестно, хотя прошло уже почти полтора столетия с тех пор, как это имя впервые было упомянуто в научной литературе [Викторов, 1870, с. 33, 51; Пыпин, 1870, с. 17, 21 и др.]. Семен Кублицкий или, как иногда писали его имя в полковых документах, а порой и он сам, *Кульбицкий*, ничем особенным не знаменит. Да и фамилия больше известна по другой ветви рода, носящей прибавление к фамилии «Пиотух». В XVII веке шляхетный литовский предок нашего Кублицкого превратился в русского помещика¹, и нашему герою была уготована вполне обычная для молодого дворянина судьба.

Кое-какие документы о нем уцелели, а потому мы знаем, что в 1752 году, 16 лет от роду Семен Кублицкий, умеющий читать и даже несколько знакомый с математикой, становится солдатом лейб-гвардии Преображенского полка [РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Ед. хр. 201 («Список, учиненный 762 году за генварскую треть... о полевых драгунских полков офице-

¹ Кублицкие – разветвленный литовский дворянский род, восходящий к XVI веку; внесен в I и VI части родословных книг Виленской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерний.

рах»). Л. 50 об.–51], там получает капральский чин и выходит в армейские прапорщики, удачно перепрыгнув изрядное количество ступенек карьерной лестницы [РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Ед. хр. 465 («О выпуске унтер-офицеров и солдат из дворян в армию офицерами»). Л. 11, 34].

Похоже, Семилетняя война его обошла стороной. В скудно сохранившихся документах полковой канцелярии Азовского драгунского полка нет сведений о его наградах и участии в походах и боевых действиях. Зато в 1761 году обнаруживаем Семена Кублицкого уже подпоручиком, отправленным в командировку для пополнения полка новыми лошадьми [РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Ед. хр. 201. Л. 50 об.–51]. Потом он и вовсе оставляет военную службу (надо думать, в 1762 году после знаменитого манифеста о вольностях дворянства) и возвращается к почти ста пятидесяти с лишним крепостным душам, числившимся за ним в четырех селах, одном сельце и одной деревне Пронского уезда Рязанской губернии [ЦГИ]. Здесь он женится, становится отцом многочисленных детей² и еще более многочисленных внуков, из которых один – Михаил Егорович – был даже известным историком театра и печатал свои заметки, статьи и работы [РБС, т. 9, стлб., 515–516], но теперь, кажется, забыт, как и его дед.

Семен же Кублицкий замечателен тем, что после него сохранилась библиотека, хотя сказать, что это целая библиотека, то есть поручиться за ее целостность и сохранность, мы не можем, а даже наоборот охотно предполагаем, что в какой-то момент она явно должна была быть больше ее теперешнего состояния. В настоящее же время библиотека Кублицкого даже не собрана вместе и представляет собой четыре рукописи форматом со школьную тетрадь, но существенно более толстых, переписанные самим Семеном Кублицким [РГБ. Ф. 310 (В.М. Ундольский), № 664, 912 и 925; НБ МГУ, 1Ру 756.]. Казалось бы, четыре рукописи не заслуживают наименования библиотеки, однако основания называть их именно так, на наш взгляд, несомненны.

Отличительной чертой нашего героя является изумительный почерк. Не то что бы его можно было назвать каллиграфическим. Когда высота буквы в строке колеблется от миллиметра до полумиллиметра, о каллиграфии речь не идет. Разве что о разборчивости письма, с которой у Ку-

² Известно потомство отставного подпоручика Семена Афанасьевича Кублицкий (1736–?) – его дети: Иван, Павел, Екатерина, Александра, Марфа, Варвара, Надежда и Егор, которые рождались с 1768 по 1787 г. см.: [История, культура, традиции Рязанского края].

блицкого все в порядке. Зато на малой четвертке бумаги уместается такое количество текста, которое у обладателя более стандартной для середины XVIII века скорописи потребовало бы никак не меньше тетради.

Так, переведенное с французского языка «любовное повествование, где «история» играет роль сюжетно-композиционной рамы» [Канунова, 1967, с. 90], – роман госпожи Ле Живр де Ришбур «Селим и Дамасина» [Le Givre de Richebourg, 1735] – весь целиком занимает всего 42 листа небольшой, как уже говорилось, по формату рукописи³.

Из сохранившихся рукописей две представляют собой конволюты, в которых разные части подписаны самим Кублицким разными годами. Самый ранний текст датируется 1751 [РГБ. Ф. 310 (В.М. Ундольский), № 664. Л. 75–84 об.], когда Семен Кублицкий был еще недорослем, самый поздний из известных – 1757 годом, когда он уже числится прапорщиком Азовского армейского полка [НБ МГУ, 1Ру 756]⁴. То есть все четыре известные нам рукописи переписаны самим Семеном Кублицким до того момента, когда он стал подпоручиком, и ничто не свидетельствует о том, что в дальнейшем он перестал переписывать сочинения для собственного удовольствия.

Среди текстов «библиотеки» повести и романы, образцы агиографии и учительной литературы, списанные с печатных изданий стихотворные и прозаические произведения. Вот содержание только одной из сохранившихся рукописей Семена Кублицкого [РГБ. Ф. 310, № 664] :

Житие Петра и Февронии Муромских; после текста дата: «1754 го<да>» (л. 1–6 об.);

³ Текст перевода начинается словами: «Африканския берега трепетали от Арадина Барберуса морскаго разбойника, славнами разбоеми своими и жестокостию царствовавшиаго в Алжире после брата своего Горуха Барберуса. Сии два бата родились Милитине от родителей простых и подлых. Но чего не доставало им от рождения, то изобильно награждено было от природы великими их дарованиями. Оба были храбры и бестрашны в своих предприятиях, от руки своей получили все свое щастие, и славолюбие токмо возвело их на престол. С самага младенчества своего обучились они во оружии и смелость свою со славою показывали при многих случаях. Еще в молодых летах своих зачели уже плавать по Средиземному морю на <о>дном только лехком корабле. И скоро во всех морях распространившись слух о их добычах присовокупили к ним многих разбойников, которыя признавали их своими начальниками. С сею помощию рассеелись они по всему Средиземному морю, и не было почти ни одного дня, в которой бы не получили знатной добычи».

⁴ На форзаце книги читается владельческая запись: «Книшка прапорщика Семена Кублицкого».

Доношение 1752 года в Правительствующий Синод о мощах Дмитрия Ростовского⁵ (л. 7);

Вопросы и ответы, в том числе и взятые из «Беседы трех святителей» (л. 7 об.–10 об.)⁶.

Повесть о Стефане Яворском, выписанная из книги «Камень веры» [Камень веры, 1749]⁷, и копия с его духовной (л. 11–15).

Список святых града Переслава Рязанского и Мурома (л. 15–15 об.).

О надписи на Спасских воротах Московского Кремля (л. 16–16 об.)⁸.
Жарты польские (л. 17–20 об.).

«Слово в день явления иконы Богородицы, говоренное свияжским архимандритом Димитрием Сеченовым» (л. 21–28 об.) [Сеченов, 1742]⁹.

Краткое руководство к географии в пользу учащегося при гимназии юношества, списанное с издания Академии наук 1742 года (л. 27–47 об.) [Краткое руководство]; после текста указано: «Писана сия копия сентября с 14 октября по 2-е рукою лейб-гвардии Преображенского полку салдата Семена Кублицкого 1753 году».

«Юности честное зеркало», переписанное в 1754 г. (л. 48–57), и вторая часть этого популярного сочинения, озаглавленная «Нравочения от Священного Писания по алфавиту избранная» (л. 57 об.–59 об.)¹⁰.

⁵ Дело об обретении и открытии мощей святого Дмитрия Ростовского хранится в РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 33 (дела за 1752 год), № 222; см. Заметим, что прославление Дмитрия Ростовского в лике святых состоялось лишь в 1757 г. [Федотова, 2007, с. 114].

⁶ Последний вопрос таков: «Родился аз есмь от земли, а воскрес от добраго человека, а погипе от злые жены. И оная злая жена представила меня пред огненный престол лицем. И от того огненного престолу лице мое горит, и из очей моих слезы текут великими струями. И тая злая жена кости моя поверже валятися по земли. И некоторая милостивая жена кости моя взя на белья свои руки и спеленаша мя белыми пелены, и сотвориша мя по-прежнему жива, токмо сердцем нездрава». Здесь же приводится ответ: «То есть о горшке и о крынке».

⁷ Предыдущее издание сочинения Стефана Яворского увидело свет в 1729 г.

⁸ Надпись на русском языке сохранилась со времён строительства [Белоброва, 1987, с. 51–57].

⁹ В рукописи указано, что текст переписан с московского издания проповеди, но такое издание неизвестно.

¹⁰ Вполне вероятно, что текст был переписан с 4-го издания книги (Юности честное зеркало или Показание к житейскому обхождению: Собранное из разных авторов повелени-

«Эпиникион, то есть песнь победительная» Стефана Витынского, списанная с издания Императорской Академии наук 1739 года (л. 60–66) [Эпиникион]; после текста запись: «Сия тетрадь лейб-гвардии Преображенского полку 14 роты салдата Семена Кульбицкого, писал своєю рукою».

Различные известия о военных действиях под Очаковым 1737 г., выписанные из «Ведомостей» (л. 67–74 об.)¹¹.

«История о верном постоянстве в любви ковалера Аркаса с Размерою Фреленою» (л. 75–84) [Пыпин, 1888, с. 6–7]. Это самая ранняя часть рукописной библиотеки, она была переписана Семеном Кублицким еще в бытность его недорослем: «Сия тетрадь Симеона Кулицкого писана ноября 22 дня 1751 года».

«История о французском ковалере Делюксе и о прекрасной Иоаринне», 1754 г. (л. 85–96) [Пыпин, 1888, с. 17].

«Гистория о короле Брунцвике и о супруге его Неомении» (л. 97–103) [Пыпин, 1888, с. 8–9].

Перечисления всего того, что еще было переписано очень характерным почерком Кублицкого и содержится в трех прочих рукописных книгах, заняло бы довольно много места, поэтому назовем лишь отдельные переписанные нашим героем произведения:

«Гистория о Аглинском ковалере Иполите и Жулии» [Пыпин, 1888, с. 28–32].

«Гистория о гишпанском знатного роду шляхтиче, именуемом Долторне, и о прекрасной королевне Элеоноре» [Пыпин, 1888, с. 17–18].

«Гистория о принце Одольфе и острове вечного веселия и о пренце-се красоты и веселия» [Пыпин, 1888, с. 2–3].

«Гистория о славном и храбром ковалере и генерале-фелтмаршале Людвиге и о сыне его храбром и прекрасном Палтусе» [Пыпин, 1888, с. 37].

«Гистория о короле Антиохе Тирском и о дочери его Рувиме и о короле Апполоне, и опротчих царевичах» [Соколова, 1980, с. 279–291].

Ода М.В. Ломоносова на рождение великого князя Павла Петровича [Ода, 1754].

ем е. и. в. государя Петра Великого блаженныя и вечнодостойныя памяти. – И ныне четвертым тиснением напечатанное. – СПб.: При Императорской Академии наук, [1749]) или с предшествующего издания 1742 г.

¹¹ Вероятно, Семен Кублицкий пользовался «Прибавлениями к Ведомостям», например, Прибавлением к № 96 [СК XVIII, Т. 4, с. 58].

Проект церемонии принятия поздравлений великой княгиней Екатериной Алексеевной по случаю рождения великого князя Павла Петровича.

«Гистория о славном гишпанском храбром рыцаре Веницыане и о прекрасной гишпанской королевне Принцыяне» [Пыпин, 1888, с. 60–62].

Знаменитые «авизии»¹², например, такая: «Город Кадис выконопатили и вывели на море ожидать способных ветров итить в Галандию. А нагружен реткою, понеже галанцом в ретке немалая нужда. А в предбудущей год намерены грузить пареню репою».

И несомненный перл – 76 рецептов, собранных под общим заголовком «Собрание симпатических и антипатических сложений»¹³, которые, несомненно, отражают некоторые социальные практики. Первый рецепт в этом сборнике должен переменить внешность собравшихся вместе людей: «Зделать в собрании людей в компании всех инообразных». Причем характер ингредиентов таков, что мы рекомендовали бы поверить в действительность рецепта на слово, например: «Возми полфунта желтого воску и закопай ево на 9 дней в гниучей навоз. Потом вынь совсем и з червями и зделай из того свечю, и обмочи в растопленное сало. И когда зазжеши, никто никого не познает». Некоторые советы еще менее симпатичны. Большинство рецептов того же казарменного свойства, а совет, как «целой горшок блох в 9 дней сделать», – один из самых невинных.

Итак, мы видим замечательную смесь текстов, весьма разных по своим литературным достоинствам и происхождению. Их объединяет принадлежность одному человеку, который писал их для себя, читал и, несомненно, хранил у себя как самую настоящую библиотеку.

Мы могли бы ограничиться констатацией того, что Н.М. Карамзин задолго до нас верно описал подобное собрание для чтения: «Скоро отдали Леону ключ от желтого шкапа, в котором хранилась библиотека покойной его матери и где на двух полках стояли романы, а на третьей несколько духовных книг: важная эпоха в образовании его ума и сердца! «Дайра, восточная повесть», «Селим и Дамасина», «Мирамонд», «История лорда N» – всё было прочтено в одно лето, с таким любопытством, с таким живым удовольствием, которое могло бы испугать иного воспитателя...» [Карамзин, «Рыцарь», гл. 6].

¹² См. об этом жанре [Адрианова-Перетц, 1948, с. 48–56; Малэк, 2004, с. 427–429].

¹³ Текст опубликован полностью [Дифшиц, 2016, с. 2–6].

Впрочем, «библиотека» Кублицкого, как мы видим, оказывается даже несколько разнообразнее, чем книжное собрание, описанное Карамзиным.

По тому немногому, что до нас дошло, мы даже можем проследить некоторую динамику изменения состава текстов. Если тетрадки, переписанные Кублицким в 1751–1754 годах содержат более или менее традиционный набор повестей, известных на протяжении достаточно длительного времени, который разбавлен актуальными для рязанского помещика, а затем преображенского солдата и унтер-офицера текстами, то последняя по времени рукопись выбивается из этого ряда.

Небольшой кодекс, переписанный в 1757 году, содержит четыре сочинения, которые, должны быть отнесены к иной традиции.

Это уже названный роман мадам Ле Живр де Ришбур «Селим и Дамасина», выписанная из журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» басня Рабенера «Ирус» [Ежемесячные сочинения, 1756, январь, с. 66–69; Лифшиц, 2013а, с. 48–58], и рассказ оттуда же о бразильских алмазах [Ежемесячные сочинения, декабрь, с. 563–565], а также часть анекдотов из «Забавных часов» Лодовико Гвиччардини. Все эти переводы совершенно «свежие». И не только переведенная Иваном Елагиным басня Рабенера.

Отличный от напечатанного в 1761 году перевода Ивана Акимова [Ле Живр де Ришбург] анонимный перевод «Селимы и Дамасина» появляется не ранее 1750-х гг. А фацеции Гвиччардини перевел в 1745 г. подпоручик Преображенского полка Василий Гринков [Лифшиц, 2013б, с. 164–181].

Популярность романа французской сочинительницы известна.

Перевод фацеции Гвиччардини не имел столь широкого хождения, но и его списки есть в различных собраниях России и Украины [Маслова, 1929, с. 103]. Можно предполагать, что некоторые из них прямо или косвенно связаны с самим переводчиком. Так, Кублицкий и Гринков числились в 14-й роте Преображенского полка, хотя и в разное время¹⁴. А среди тех списков, о происхождении которых мы что-то знаем, есть рукопись 1762 года, которая была переписана в Переславле-Залесском

¹⁴ О том, что Василий Гринков числится в 14-й роте, см.: РГВИА, ф. 2583, оп. 1, ед. хр. 314 («Списки по старшинству» за 1744 год), л. 14об. О пребывании в той же роте Семена Кублицкого свидетельствует он сам в записи на одной из переписанных им книг: РГБ, ф. 310 (В.М. Ундольский), № 664. Л. 66.

[РГБ. Ф. 312 (И.М. Фаддеев), № 20]. Гринков был помещиком Переславского уезда [РГВИА. Ф. 2583 Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 9 об.] и, надо думать, имел в своем распоряжении автограф перевода, с которого и была сделана копия.

Библиотека Кублицкого оказывается важным свидетельством перехода от, если можно так сказать, фольклорного или полуфольклорного чтения к литературе, который происходит в середине – второй половине Елизаветинского царствования.

В 1744 году великий князь Петр Федорович учреждает школы в Преображенском полку, аналогичные учебные заведения для низших чинов открываются в трех оставшихся гвардейских полках. Учителю французского и немецкого языков в Преображенском полку платят 200 рублей в год при казенном жилье и дровах [РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 9 об.]. Приказами по полкам успешным ученикам обещается производство в следующий чин, ленивым грозят, тем, что о карьерном продвижении можно будет забыть [РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 3.].

Как результат, в конце 1740-х, начале 1750-х годов в гвардейских и армейских полках появляется немалое число самодеятельных переводов.

Например, в 1748 году летом, в военном лагере под Перновом (современное Пярну, Эстония) неизвестный нам знаток немецкого языка переводит сказки «Тысячи и одной ночи» с немецкого издания, снабжая текст замечательными глоссами: «*Цухмейстер – надзиратель и главной командир в гофшпитале большом, в которой посылаютца под начал безумных*». «*Сераглио – такое место, в котором султанския или ханския жоны содержатца всегда под сматрением кораулных костратов*». «*Фоварит – на арапском времениц или такой человек, которого государь чрезвычайно и отменно от всех жалуует*». «*Эмир – на российском сенатор*» [РГБ. Ф. 722 (Собрание единичных поступлений рукописных книг), № 73].

В начале 1750-х капрал лейб-гвардии конного полка Дмитрий Усов и независимо от него секунд-майор неизвестного пока полка Герасим Саввин переводят роман аббата Ламбера о «Мексиканской принцессе Явене» или «Яйвене, королеве Мексической», избличая свое скверное французское произношение (принцессу на самом деле звали Жеван), но вместе с тем страстное желание заняться литературной деятельностью [Лифшиц, 2012, с. 340–344].

Примеры, конечно, можно было бы без труда умножить.

Около 1750 г. капитан Иван Шишкин переводит с французского повесть о греческой княжне Иерониме, которая будет напечатана в 1752 году уже после смерти переводчика [История о княжне]. А неизвестный офицер, вероятно, служивший в Шлиссельбургском пехотном полку сочиняет стихотворную пьесу на основе этой переведенной повести. И звучные александрийские стихи¹⁵ знаменуют уже следующий этап включения русского непридворного дворянства в литературный процесс.

В Екатерининское царствование спрос на беллетристику наконец доходит до того, что его начинают удовлетворять обе главные российские типографии – типографии Императорской Академии наук и Императорского Московского университета. Перевод становится ремеслом, а рукописные копии авторских литературных текстов оказываются вытесненными за пределы культурного пространства и сохраняются куда хуже, чем разнообразные полуфольклорные повести, становящиеся достоянием иных сословий.

Остатки личной библиотеки Семена Кублицкого тем самым предстают перед нами уникальным свидетельством краткого переходного периода, когда формируются новые ранее не существовавшие привычки чтения.

Литература

- Адрианова-Перетц, 1948 — Адрианова-Перетц В.П. Юмористические куранты // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1948. Т. 67. С. 48–56.
- Белоброва, 1987 — Белоброва О.А. Латинская надпись на Фроловских Спасских воротах Московского Кремля и ее судьба в древнерусской письменности // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования Новые атрибуции. М., 1987. Вып. 5. С. 51–57.

¹⁵ См., например: «Тут войска потерял султан тогда без счета, / Где храбро защищал сам царь Златы ворота. / Как лев, рыкая, он меж воинством скакал, / В ворота затесня, на полы рассекал. / Противу сил его никто не мог стоять, / Ни латы, ни щиты – удара удержать. / И так, противясь Константин своим врагам, / От многих окружен, в вратах скончался сам. / И силой ото всех стран греки утесненны / И храброго царя защиты уж лишены, / Отдались наконец оставшие нам в плен, / И славной город сей убивством покорен». Текст этого уникального произведения в настоящее время готовится к публикации.

- Викторов, 1870 — Викторов А.Е. Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольского. Библиографический очерк. М., 1870.
- Ежемесячные сочинения, 1755 — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб.: Типография Академии наук, 1755.
- Ежемесячные сочинения, 1756 — Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб.: Типография Академии наук, 1756.
- История о княжне — История о княжне Иерониме дочери Димитрия Палеолога брата греческому царю Константину Мануйловичу / С французского языка на российский переведена капитаном Иваном Шишкиным. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1752.
- История, культура, традиции Рязанского края — История, культура, традиции Рязанского края [электронный ресурс; режим доступа: <http://history-ryazan.ru/node/10840>] (дата обращения: 08.10.2016)/
- Камень веры, 1749 — Стефан (Яворский). Камень веры. 3-е изд. М.: Синодальная тип., август 1749.
- Канунова — Канунова Ф.З. Из истории русской повести: Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина. Томск, 1967.
- Карамзин, «Рыцарь» — Карамзин Н.М. «Рыцарь нашего времени», глава 6.
- Краткое руководство — Краткое руководство к географии: В пользу учащегося при гимназии юношества в Санктпетербурге 1742 года. [СПб.]: Печатано при Императорской Академии наук, [1742].
- Ле Живр де Ришбург — Ле Живр де Ришбург. Селим и Дамасина: Африканская повесть; / Переведена с французского [И.И. Акимовым]. СПб.: [Типография Академии наук], 1761.
- Лифшиц, 2012 — Лифшиц А.Л. Рукописный роман XVIII в. в собрании Демьяна Бедного // АЕ за 2009–2010 год. М., 2012. С. 340–344.
- Лифшиц, 2013а — Лифшиц А.Л. Забытый перевод сатиры Г.В. Рабенера в рукописи из собрания Научной библиотеки Московского университета // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ / отв. ред.: А.Л. Лифшиц, И.Л. Великодная. М., 2013. Вып. 9. С. 48–58.
- Лифшиц, 2013б — Лифшиц А.Л. Подпоручик Василий Гринков, переводчик // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2013. № 4. С. 164–181.
- Лифшиц, 2016 — Лифшиц А. Л. «Курс Молодого бойца», или Полезные советы Преображенского гвардейца // Живая старина. 2016. № 3 (9Малэк, 2004 — Малэк Э. Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой культуры Древней Руси) // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 55. С. 427–429.
- Маслова, 1929 — Маслова О.М. Життя і літературна спадщина Лодовіка Гвіччярдіні. Київ, 1929.

- Ода, 1754 — Ода всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне и наследнику ея величества внуку Петра Велико-го пресветлейшему государю великому князю Петру Феодоровичу и супруге его пресветлейшей государыне великой княгине Екатерине Алексеевне на всевождевленное рождение пресветлейшаго государя великаго князя Павла Петровича сентября 20 дня 1754 года / С искренним усердием и ревностью принесенная от всеподданейшаго раба Михаила Ломоносова. Печатана в Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, [1754].
- Пыпин, 1888 — Пыпин А.Н. Для любителей книжной старины Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888.
- РБС, т. 9 — Русский биографический словарь. Т. [9] Кнаппе–Кюхельбекер.
- СК XVIII, Т. 4 — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1966. Т. 4.
- Сеченов, 1742 — Димитрий (Сеченов, Даниил Андреевич; 1709–1767). Слово в день явления чудотворных иконы пресвятыя богородицы во граде Казани. / В высочайшее присутствие ея священнейшаго величества имп. ...Елисаветы Петровны всея России проповеданное Свяжским архимандритом Димитрием Сеченовым, в придворной церквви в Москве 1742 года июля 8 дня. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1742.
- Соколова, 1980 — Соколова Л.В. Литературные обработки XVIII века повести об Аполлонии Тирском // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 279–291.
- Федотова, 2007 — Федотова М.А. Житие святого Димитрия Ростовского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 114–115.
- ЦГИ — Центр генеалогических исследований [электронный ресурс; режим доступа: <http://rosgenea.ru/?a=11&r=4&s=%CA%F3%E1%EB%E8%F6%EA%E8%E9>
- Эпиникион — Эпиникион то есть Песнь победительная в честь и славу оружию ея императорскаго величества самодержицы всероссийския / Сочиненная в Харьковской славено-латинской коллегии чрез профессора философии Стефана Витынского сентября 7 дня 1739 года. [СПб.]: При Императорской Академии наук, 1739.
- Le Givre de Richebourg, 1735 — M-me Le Givre de Richebourg (1710–1780). Les Aventures de Zéline et de Damasine, histoire afriquaine. Paris: Chez de Maudouyt [1735]. Partie 1–2.

«Памятная» Алексея Егоровича Новоселова

В статье рассматривается дневник дмитровского купца А.Е. Новоселова за 1877–1907 гг. – уникальный источник по истории провинциальной жизни Дмитрова.

Ключевые слова: История России XIX – начала XX вв., краеведение, Дмитров, купечество, источники личного происхождения, дневники, мемуары, А.Е. Новоселов

Дневник дмитровского купца Алексея Егоровича Новоселова (1858–1910) – уникальный источник, дающий представление о провинциальном укладе жизни дмитровцев, начиная с 1877 и заканчивая 1907 годом. Для местной истории дневник достаточно редкий вид документа. Несмотря на личностный характер повествования, автор дает яркую картину общественной жизни города на фоне таких крупных исторических событий, как русско-турецкая война 1877–1878 гг., русско-японская война 1904–1905 гг. и первая русская революция 1905–1907 гг.

Эта семейная реликвия хранилась в семье внучки А.Е. Новоселова Любови Вячеславовны Васильевой. Записи носят, большей частью, личный характер. Автор – купец, человек глубоко верующий, в годы первой русской революции оказавшийся в лагере правых сил («Союз русского народа»). К счастью, прошли времена, когда надо было скрывать свое происхождение, появился интерес к генеалогии и понимание того, что дневник может быть интересен не только для семьи, но и для истории.

В отличие от дневника купца И.А. Толченова [Журнал, 1974], раскрывающего жизнь Дмитрова конца XVIII века, дневник А.Е. Новоселова, не единственный источник, отражающий жизнь города второй половины XIX и начала XX века. Но его открытие, в какой-то степени, событие для местной истории. До нас дошло не так много источников, по которым мы можем представить уклад жизни горожан уездного города того времени.

А.Е. Новоселов унаследовал дело отца, вел небольшую торговлю бакалейным товаром, посудой, игрушками, учебниками, газетами, сит-

цем, владел лавками, постоянным двором. А.Е. Новоселов, начавший вести дневник в 19 лет, предстает перед нами юношей, помогающим отцу в его торговой деятельности, а на последних страницах – главой большого семейства, уважаемым в городе человеком, принимающим участие в городском общественном самоуправлении. По своему происхождению Алексей Егорович принадлежал к среде мелких торговцев, чье воспитание зиждилось на вере и традиции, на почитании власти, на признании божественного ее происхождения.

Дмитров – город купцов, мелких ремесленников и огородников с преобладанием мещанства. Алексей Новоселов был представителем в разные годы то мещанского, то купеческого сословия. В начале 1900-х годов А.Е. Новоселов был городским уполномоченным, безвозмездно исполнял должности смотрителя городской Тугариновской богадельни и библиотекаря городской «Александровской» общественной библиотеки [Новоселов, 1910; ЦИАМ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 412. Л. 89].

Фамилия Новоселовых до сих пор является довольно распространенной в Дмитрове. В «Памятной книжке Московской губернии на 1899 год» [Памятная книжка, 1899] приводится список владений частных лиц в пределах г. Дмитрова, среди которых Новоселовых более двадцати.

Известно, что он родился в многодетной семье Егора Ильича Новоселова. Такой же многочисленной была семья и у Алексея Егоровича. Из девяти его детей до второй половины XX века дожили трое – Вячеслав, Валерий и Александра. Последняя была хранительницей дневника и семейных фотографий. После смерти Александры (1983 г.) семейный архив перешел к Любви Вячеславовне, внучке А.Е. Новоселова.

Дневник А.Е. Новоселова представляет собой тетрадь в кожаном переплете с золотым тиснением: «Памятная А.Е. Новоселова». Края первых страниц с текстом утрачены, страницы не пронумерованы. Общее количество страниц – 313, листов – 152. У автора дневника изящный почерк, только последние страницы написаны неразборчиво, затрудняя прочтение этой части дневника.

Дневник велся с 1877 по 1907 год с небольшими перерывами. С самого начала он был разделен автором на две части, в первую он предполагал вносить памятные даты (смерть родственников, знакомых, рождение детей). Для этой цели отводилось сразу много свободного места в начале. Вторая часть – для повседневных записей. Но такой порядок не всегда соблюдался.

Первая часть – «синодик» – начинается с описания обстоятельств смерти отца Егора Ильича Новоселова (1882), далее – матери (1884), дочери (1888), тещи (1900), шурина (1900), сестры Екатерины (1893) – монахини Спасо-Влахернского монастыря. Запись о смерти сестры Екатерины была сделана позже, возможно в 1903 году, к ней добавлены переписанные четыре ее письма и речи, произнесенной при ее погребении.

В 1903 году А.Е. Новоселов в этой части дневника описывает женьитьбу и начало семейной жизни, вспоминая о событиях двадцатилетней давности: «Свадьба моя была в пятницу 6 февраля 1881 года. Венчание в церкви Св. Троицы, Тихвинской тоже. Теперь, спустя 22 года, я мало, что помню про подробности всей свадьбы, но кое-что осталось в памяти».

Далее идут записи о рождении детей. Отмечены две годовщины его свадьбы и день его рождения 12 февраля 1882 года, когда ему исполнилось 24 года, а сыну первенцу – 14 дней. С 1882 по 1899 год он отмечает рождение девяти детей: Георгия (1882–1926), Валентины (1883–1922), Ирины (1886–1930), Маргариты (1888, умерла в возрасте 5 мес.), Диомида (1889–1941), Анатолия (1891–1914), Вячеслава (1894–1969), Александры (1897–1983), Валерия (1899–1954). Причем, даты кончины детей приписаны сверху владельцами дневника. Продолжен и синодик: умирают с 1903 по 1906 год кум Н.Е. Ложкин, друг А.К. Бузин и другие.

Там же он делает запись от 27 октября 1906 года о состоявшемся I-м Собрании уполномоченных. В его состав вошел и сам автор дневника. На нем было принято послание Николаю II, подготовленное Новоселовым. Текст целиком приводится в дневнике.

Записью от 9 декабря 1907 года о самоубийстве бухгалтера городского управления В.М. Скопцова завершается дневник, который велся А.Е. Новоселовым на протяжении 30-ти лет.

Таким образом, автор не всегда выдерживает структуру дневника, синодик перемежается с рождениями, событиями личного и общественного характера.

Вторая часть начинается с заголовка «Мой дневник с 13 апреля 1877 года». Это и есть первая дата его ведения. Алексею 19 лет, жизнь его достаточно однообразная, о чем свидетельствуют такие записи: «Погода хорошая – солнце целый день. Толки идут о предстоящей войне с Турцией. Торговля плохая. Читать нечего. Разбирался наверху. К вечеру холодит».

Среди будничных заметок, встречаются события, которые произвели на юношу большое впечатление: 22 апреля 1877 года он, приехав с

отцом в Москву за очередной партией товара, стал свидетелем прибытия царской четы в столицу для богослужений в связи с объявленной войной с Турцией. Вся царская свита посетила часовню Иверской Божией Матери, на другой день был молебен в Кремле и смотр войск на Театральной площади.

С началом войны в каждой записи даются сведения о ходе военных действий, которые автор черпает из газет «Московские ведомости», «Новое время» и др. Многие друзья и знакомые А.Е. Новоселова были призваны в армию. Сам Алексей, как единственный взрослый сын, имел льготу от призыва.

Письмо солдата Николая Пронкина, бывшего у Новоселовых на постое до войны, Алексей приводит полностью. Пройдя через кровопролитные сражения, Пронкин умер от тифа, так и не получив посылку, которую отправили ему Новоселовы.

Где-то далеко шла война, которая занимала воображение молодого человека, а рядом шла обычная жизнь с ее насущными потребностями и радостями: молодежь собиралась на вечеринки, знакомилась, играли свадьбы. Вскоре произошла встреча с Марией Ложкиной, будущей его женой. С 28 октября 1879 года он обрывает свои записи в связи с женитьбой, началом семейной жизни. И поводом, послужившим к его продолжению, стала смерть отца Егора Ильича, случившаяся в январе 1882 года, с его смертью и начинается «синодик» или первая часть дневника.

С 1903 года автор делает записи во второй части дневника одновременно с третьей, самой интересной и насыщенной событиями исторического значения – русско-японской войной, революцией 1905–1907 гг., на фоне повседневной жизни провинциального города.

Третья часть дневника начинается с 1903 г. А.Е. Новоселов уже почтенный отец большого семейства. Старшие дети выросли. Он озабочен судьбой каждого из них, но больше всего его волнует судьба второго сына Диомида, который после окончания городского училища, поступает в Училище кондукторов в г. Вышнем Волочке и увлекается революционными идеями.

А.Е. Новоселов в качестве присяжного заседателя присутствовал на сессии Московского окружного суда при рассмотрении нескольких уголовных дел, о которых он дает подробные сведения.

27 января 1904 года объявлена война с Японией. 29 февраля А.Е. Новоселов побывал в Дворянском собрании на торжественных проводах

военного министра, командующего Маньчжурской армией А.Н. Куропаткина. Билет на вход в Дворянское собрание был дан графом М.А. Олсуфьевым. Алексей Егорович испытывает большой патриотический подъем, как и многие жители Дмитровского уезда в начале войны: «У нас в городе купеческое общество пожертвовало на нужды войны 500 рублей, мещанское 1500 рублей. Затем частная подписка тоже дала около этой суммы. В клубе шьют рубахи и шаровары для действующей армии. Крестьяне жертвуют холст и деньги. Жители Дмитрова жертвуют разные вещи для лотереи-аллегри (на Пасхе) в пользу воинов».

Постепенно на смену ура-патриотизму приходит горькое разочарование: «1904 год канул в вечность, и дай Бог, чтобы в новом 1905 году не повторился. Да! Тяжелый и страшный год. Много, много принес он горя и печали России. Порт-Артур 20 декабря пал – сдался на капитуляцию, и для героев наступила минута конца».

Убийство великого князя Сергея Александровича, которое произошло в Москве 5 февраля 1905 года, вызывает в нем гневный протест против «бунтовщиков» – демократически настроенной интеллигенции.

События русской революции А.Е. Новоселов воспринимает однозначно: «Анархия внутри, восстания на окраинах, бунты матросов... забастовки». Интересны его записи о событиях в Дмитрове от 15 декабря 1905 года. Так, он пишет: «В городе беспокойно, слухи о нашествии ляминских с земскими на город с красными флагами. Что предпримут отцы города с головой и исправником во главе неизвестно. Завтра будет собрание. Железные дороги все еще бастуют».

В Дмитрове на два дня была создана народная милиция, «все торговцы и люди за царя и родину были вооружены ружьями, которые раздал воинский начальник с исправником. Потом ружья опять отобрали: у страха глаза велики – все ждали нашествия революционеров».

В январе 1906 года он пишет: «Аресты революционеров продолжают: на Покровской мануфактуре арестованы агитатор-оратор, развративший заводских рабочих, и до 15 человек боевой дружины. Оратора пороли за фальшивые паспорта. В числе 15-ти человек есть доктор, учителя, фельдшерицы и др. На другой день повезли арестованных в Москву. Работы на фабрике начались... У нас в Дмитрове в ночь сегодня арестованы и посажены в тюрьму санитарный доктор Ростовцев, техник земский Бородин, помощник секретаря в земстве Алексеев. Большинство в городе довольны, что арестованы два главных революционера, у которых всегда были сходки, и у них находился комитет главный для народного разврата».

А.Е. Новоселов описывает происшествие, которое произошло 15 октября 1907 года: на Ильинской улице было совершено убийство выстрелом из револьвера Золотарева, фельдфебеля 1-й роты 3-го железнодорожного батальона. Пересказывая все, что было ему известно по этому делу, Алексей Егорович все-таки так и не убедился в справедливости приговора: «Улик косвенных было много, но загадка осталась не разъясненной. Обвиняемый не сознался и подал кассацию в Главный военный суд, который по приговору нашего правительства и главнокомандующего приговор утвердили и в конце ноября Семенюка расстреляли у нас в Дмитрове близ Матусово».

Алексей Егорович как заботливый отец часто пишет о взрослых детях: выходит замуж дочь Валентина за сына богатого купца А.Н. Короваева, старший сын Георгий служит в Перове смотрителем зданий, Диомид служит на практике в Нижнем Новгороде. Последний под влиянием революционных идей расходится с отцом во взглядах, осуждая его за приверженность к устаревшей, на его взгляд, идеологии. Алексей Егорович не принимает его критику и остается верен своим взглядам. По сути, в последней записи он дает свое отеческое наставление сыну, пророчески предчувствуя будущую смугу от разрушения старых устоев жизни. Для отца все прекрасные идеалы, о которых говорит сын, пустой звук, «люди, идущие против традиций, нравственных старых и вечных идеалов, религии, на ложном пути, ведущем в пропасть».

Можно считать, что 6 декабря 1907 года заканчиваются последние строки этого дневника напутствием сыну. Жить Алексею Егоровичу осталось не больше трех лет. Он скончался 8 октября 1910 г.

В конце дневника следует запись, написанная карандашом, вся расплывшаяся, которую частично удалось воспроизвести: «Конец сей книги любящий наш родитель – это твоя кончина. Милый папа, как нам было трудно перенести такое горе. Скончался ты младенческой смертью. Господь Бог тебя возлюбил. Заснул спокойно, тихо. Всегда будем помнить и чтить твою память. Кончился ты, дорогой папа, в 3 часа 8 октября 1910 года».

Далее идет текст речи Диомида, произнесенной над гробом отца. Запись сделана рукой его брата Вячеслава 16 октября 1910 г, на девятый день смерти отца.

Большая семья Новоселовых после революции тает: в Первую мировую войну погиб сын Анатолий, в 1920 году умирает М. Е. Новосе-

лова, пережив мужа на десять лет. Далее смерть уносит дочь Валентину в 1922 году, Георгия – в 1926-м, Ирину в 1930 году. Диомид уходит на фронт добровольцем и пропадает без вести в октябре-ноябре 1941 г. До старости дожили отец Любови Вячеславовны и ее тетка Александра – долгожитель в их семье. Она прожила 86 лет.

В 2013 г. «Памятная А.Е. Новоселова» была издана в Дмитрове в сокращенном варианте с фотографиями из семейного архива Новоселовых, комментариями и именованным указателем [Новоселов, 2013].

Литература

- Журнал, 1974 – Журнал, или Записка жизни и приключений И.А. Толченова / под ред. Н.И. Павленко; сост. А.И. Копанев, В.Х. Бодиско. М., 1974.
- Новоселов, 1910 — Новоселов А.Е. Предисловие // Каталог Дмитровской городской «Александровской» общественной библиотеки. 5-е изд. М., 1910.
- Новоселов, 2013 — Памятная А.Е. Новоселова: дневник дмитровского купца / Дмитр. центр. межпоселенч. б-ка; сост. Н.А. Еловская. М., 2013. 160 с.: фот.
- Памятная книжка, 1899 — Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М., 1899.

М.Ф. Хартанович

Петербургская археографическая комиссия и научные исторические учреждения России XIX в.

Статья посвящена изучению научных связей Санкт-Петербургской археографической комиссии с Академией наук, государственными архивами, синодальными и епархиальными учреждениями, научно-историческими обществами. В дореволюционной науке России Археографическая комиссия играла ключевую роль в качестве эксперта по вопросам отечественной истории, архивного дела, археографии, источниковедения.

Ключевые слова: Археографическая комиссия, история науки, архивное дело, археография

Русская археография, отдельные приемы которой были сформированы еще в XVIII в., складывалась как научная дисциплина постепенно и в процессе своего развития прошла большой и сложный путь. К началу XIX в. перед русской историографией ставилась задача перехода от истории царей и полководцев, придворных и дипломатических конфликтов, войн и дипломатии к истории цивилизаций, нравов и обычаев, науки и культуры, торговли и промышленности [Шапиرو, 1982, с. 236].

В XIX в. кроме хроник и летописей в научный оборот были вовлечены законодательные источники, различные государственные и частные акты, а также археологические памятники. Проблемами формирования и развития русской археографии занималась в XIX в. не только Петербургская археографическая комиссия, но и сложная сеть разнообразных научных учреждений, обществ, органов периодической печати и частных изданий. Это прежде всего были такие государственные учреждения, как Академия наук, правительственные архивы, Синод с епархиальными комиссиями. Большую роль в развитии русской археографии и исторической науки в целом сыграли научные общества, частные «археологические институты» и губернские ученые архивные комиссии.

Деятельность Петербургской археографической комиссии явилась крупным этапом в становлении русской археографии и в развитии исторической науки в целом. Кропотливое выявление древних исторических документов, их обработка, научный анализ и самое издание внесли большой вклад не только в развитие отечественной науки, но и дали возможность по-новому осветить прошлое России. Однако важно отметить, что Археографическая комиссия была не одинока в своей работе и не смогла бы одна справиться с возрастающими требованиями исторической науки.

Большую роль в деятельности сети научных учреждений историко-археографического направления в первую очередь играли губернские археографические комиссии – Виленская, Киевская и Кавказская. Они получили возможность заниматься сбором, разработкой методики и самим изданием исторических документов.

Во второй четверти XIX в. укрепляются организационные связи Археографической комиссии с Академией наук. Согласно уставу Академии наук 1836 г. [Уставы АН СССР, 1975, с. 93] и «Положению» от 19 октября 1841 г. «об ее Отделении русского языка и словесности», деятельность комиссии проходила в тесном сотрудничестве с работой Отделения. В состав Отделения, как правило, входили члены Археографической комиссии.

Академия наук издала ряд документальных сборников, однако публикация исторических источников Академией не являлась систематической. Она предпринималась по частной инициативе отдельных историков. Приходилось на каждое издание отдельно просить деньги. В Академии наук лишь в 1900-х годах была создана специальная Постоянная историческая комиссия для издания исторических документов. Значительным изданием Академии наук явились «Акты Московского государства» [АМГ].

Весомый вклад в дело публикации исторических источников внесли государственные архивы. Во второй половине XIX в. развернула свою деятельность Комиссия печатания грамот и договоров, состоящая при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. [Очерк деятельности, 1877]. Отчеты о деятельности Государственного совета и отдельных министерств были опубликованы в конце XIX в. С материалами архива Государственного совета знакомо издание «Архив Государственного совета».

Другим типом исторического учреждения, так или иначе связанного с делом археографии и, соответственно, с Петербургской археографи-

ческой комиссией, но находящимся в другом ведомстве и подчинении, явилась Комиссия по разбору и описанию Архива святейшего Синода, учрежденная 6 декабря 1865 г.

Обращаясь ко времени образования этой комиссии, надо отметить, что во всей России было менее десятка исторических и археологических научных учреждений. Еще в марте 1859 г. начальник Архива Синода И.П. Данилевский подал рапорт о том, что архив представляет собой «ни более, ни менее, как беспорядочный склад дел, книг и даже вещей». [50-летие комиссии, 1915, с. 2]. В октябре 1865 г. были приняты «Правила» комиссии, по которым она вошла в непосредственное ведомство обер-прокурора Синода. Основной задачей комиссии явилось уничтожение ненужных бумаг Синодального архива. Постепенно из комиссии, призванной лишь упорядочить архивное хранение, это учреждение превратилось в археографическое. Уже на IV, V и VI заседаниях комиссия постановила оставить в стороне подготовительную работу по уничтожению документов и приступить к самостоятельному разбору всех дел архива и к составлению научного печатного описания [50-летие комиссии, 1915, с. 20]. Изменение направленности деятельности комиссии, видимо, связано с тем, что в нее вошли члены Археографической комиссии и в полной мере попытались использовать богатейший материал Синодального архива для дальнейшего развития археографии в стране.

Изучая научные исторические учреждения России, тесно связанные с археографией, невозможно не отметить ту огромную роль, которую сыграли исторические научные общества в деле работы с историческими источниками.

Традиционно научные общества делились на научные и просветительские. Различие это, в известной мере, условно, потому что почти все научные общества вели просветительскую работу, а некоторые просветительские общества занимались и научными исследованиями. Всего во второй половине XIX в. в России действовало около 70 научных гуманитарных обществ. Общая направленность научно-исторических обществ: сбор, анализ, публикация исторических документов, проведение научных заседаний, лекторско-пропагандистская работа, организация выставок и съездов.

Археография, как уже говорилось, занимала видное место в жизни большинства научно-исторических обществ, но для некоторых из них она стала основным занятием. В 1866 г. было учреждено Русское исто-

рическое общество (РИО). По своему внутреннему устройству РИО больше походило на правительственную комиссию, чем на общественную организацию. Как и у Петербургской археографической комиссии, цель общества – «собирать, обрабатывать и распространять в России материалы и документы до отечественной истории относящиеся, <...> состоит общество из действительных, почетных членов, соревнователей и членов-корреспондентов, <...> денежные средства состоят из ежегодных субсидий от государственной казны, выручки от продажи изданий и частных пожертвований» [Императорское РИО, 1916, с. 6].

Основным проявлением деятельности Русского исторического общества стало издание «Сборника Русского исторического общества» (за 1866–1900 гг. вышло 107 томов). Наряду с изданием документов, Общество осуществляло некоторые другие начинания. Широкою известность приобрел издававшийся РИО «Русский биографический словарь». До 1918 г. появилось 25 томов, издание осталось незаконченным.

Большая сеть историко-археографических учреждений сложилась во второй половине XIX в. на Западе России – в Белоруссии и в Прибалтике.

С организацией в 1852 г. государственных архивов на территории западного края, проблема упорядочения, систематизации исторических документов еще не была разрешена. Имея важное практическое значение, владея огромным количеством историко-юридических документов, Виленский и Витебский архивы представляли собой «лабиринты, в которых не могут найтись не только посторонние лица, но и сами архивариусы» [Самоковасов, 1897, с. 79].

Виленский центральный архив находился в лучшем положении, т. к. при нем функционировала государственная археографическая комиссия. Витебский же архив был в более затруднительном положении. Вся работа архива, т. е. дача юридических справок, систематизация и издание исторических документов была возложена на единственного сотрудника архива А. М. Сазонова. Тем не менее с 1871 г. в течение 9 лет он подготовил 10 томов «Историко-юридических материалов, извлеченных из актов книг губерний Витебской и Могилевской» [Лялин, 1880, с. 64].

В Витебске работал также архив губернского правления, хранивший дела полоцкого наместнического правления, дела белорусского губернатора канцелярии генерал-губернатора Витебского, Могилевского, Смоленского, Калужского и др. К концу XIX в. только в Могилеве работало шесть ведомственных архивов, а в Минске – четыре.

Епархиальное начальство Белоруссии активно помогало сбору и систематизации древних исторических документов. Оно рассылало по церквям и монастырям предложения о присылке, централизации древних письменных источников. Поток присылаемых из монастырей и церковей исторических документов был огромен. Но не всегда удавалось спасти письменные памятники – губило их не только время, а более всего нерадивость и равнодушие некоторых священнослужителей. В.А. Лялин в своей статье «Витебский центральный архив» описывает следующий акт вандализма: «... в одном каком-то захолустном монастыре распорядились следующим образом: в течение двух недель топилась игуменская келья какими-то “старыми бумагами” и тогда уже с покойной и облегченной совестью донес старик-настоятель, что никаких древних актов в вверенном ему монастыре не имеется» [Лялин, 1880, с. 63].

Большую роль в развитии археографии второй половины XIX в. играла деятельность частных губернских архивных комиссий, организованных по инициативе члена Археографической комиссии Н.В. Калачова. Главная цель учреждения губернских архивных комиссий состояла в том, чтобы возложить на них собирание и приведение в порядок архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении [Записка А.С. Лаппо-Данилевского, 1905, с. CVI]. А.С. Лаппо-Данилевский развернул перед губернскими архивными комиссиями дальнейшую программу их деятельности: «Необходимо: 1. Сделать описи книг, брошюр и статей, относящихся до истории и современного состояния губерний; 2. Образование в библиотеке комиссии особого отдела, в котором бы были собраны книги, относящиеся к краю и сочинения известных авторов, родившихся в нем; 3. Издание археологических карт данной губернии; 4. Составление местных историко-географических словарей, историко-географическое описание губерний, поселений и городов; 5. Собирание местных исторических преданий; 6. Издание местных семейных архивов; 7. Юбилейные издания» [Записка о деятельности, 1906, с. СII].

А. С. Лаппо-Данилевский, историк и археограф, по-настоящему «блел» за развитие сети научных общественных организаций. В 1918 г., за несколько месяцев до смерти, А. С. Лаппо-Данилевский председательствовал в комиссии по вопросу об учреждении Института социальных наук, подробный план которого был им разработан. «Он мыслил институт, – писал С. Ф. Ольденбург, – который служил бы центром, объеди-

няющим деятельность научных обществ, имеющих целью изучение социальных наук ... и в особенности тех, которые выдвигаются современной жизнью» [Ольденбург, 1920, с. 177].

О развитии отечественной историографии к началу XX в. Лаппо-Данилевский писал следующее: «Общечеловеческое стремление к чистому знанию и оценке его содержания лежало, конечно, в основе того умственного движения, которое обнаружилось в русской историографии. Такое движение могло, однако, развиваться лишь в тесной связи с русским народным самосознанием, устремленным в наше прошлое: оно преимущественно побуждало его представителей к научной обработке того, что сохранилось в памяти русского народа о его “бытях и деях”, и привело их к более или менее цельному пониманию его истории» [Лаппо-Данилевский, 1920, с. 5].

Необходимо отметить, что Археографическая комиссия как государственное учреждение являлась экспертом в разрешении проблем, в которых затрагивались вопросы отечественной истории, хранения и анализа документации и т. д. Члены комиссии принимали активное участие в работе специальной комиссии, образованной по постановлению Государственного совета в I отделении III департамента Сената для «обозрения хранящихся в Польской Метрике дел», и в деятельности юридического отдела Редакционных комиссий по выработке реформы 1861 г. [РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 773. Л. 1].

Изучая деятельность Петербургской археографической комиссии, необходимо рассматривать ее работу в неразрывной связи с жизнью других исторических учреждений России, будь то общественные учреждения – научные общества, комиссии и т. д. или официальные – такие, как Академия наук, которая также занималась изданием исторических памятников. Это необходимо для того, чтобы представить целостную картину научной жизни в области истории в дореволюционной России.

Петербургская археографическая комиссия помогала научным учреждениям различных направлений разрешать проблемы, обращаясь к древним историческим источникам. «Круг занятий Географического общества, – говорил вице-президент Русского географического общества П. П. Семенов на пятидесятилетнем юбилее Археографической комиссии, – имеет много точек соприкосновения с занятиями комиссии. Разнообразными трудами своими она доставила драгоценные источники для изучения не только государственной истории нашего Отечества, но и нашего народного быта и древней географии России. Общество посто-

янно обращается к пособиям, издаваемым комиссией, и подчеркивает в обнародованных ею памятниках древности и страны полезные указания для уразумения многих темных сторон этих вопросов» [50-летие АК, 1885, с. 31].

Петербургская археографическая комиссия, таким образом, являлась первым государственным историко-археографическим учреждением России, деятельность которого способствовала созданию широкой документальной базы для исторических исследований, распространению исторических знаний в стране. Как справедливо отметил директор юридического лицея профессор Н. А. Кремлев: «исследователи истории, права, археологии и других наук, воспользовавшись богатым материалом, открытым для них комиссией, своими печатными трудами лучше всего доказали всю важность достойной уважения деятельности ее» [50-летие АК, 1885, с. 27].

Литература

- АМГ — Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук. М., 1890, т. 1; М., 1894, т. 2.
- Записка А.С. Лаппо-Данилевского, 1905 — Записка академика А. С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий // Известия Имп. Академии наук. 1905. Сер. V. Т. 22, № 1. С. 0П–0VII, извлеч. из протоков засед. Историко-филологич. отделения.
- Записка о деятельности, 1906 — Записка о деятельности губернских ученых архивных комиссий за 1902–1904 гг. // Известия Имп. Академии наук. 1906. Сер. V. Т. 24. № 1/2. С. 0П–0IV, извлеч. из протоков засед. Историко-филологич. отделения.
- Императорское РИО, 1916 — Императорское Русское историческое общество. 1866–1916. Пг., 1916.
- Лаппо-Данилевский, 1920 — Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 5–29.
- Лялин, 1880 — Лялин В.А. Витебский центральный архив // Сборник археологического института / под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1880. Кн. 3. С. 55–82, 1-я пагин.
- Ольденбург, 1920 — Ольденбург С.Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 164–180.
- Очерк деятельности, 1877 — Очерк деятельности Комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1877.

- Самоквасов, 1897 — Самоквасов Д.Я. Об организации и деятельности центральных архивов древних актов в Западной губернии // Труды IX археологического съезда в Вильне. 1893. М., 1897. Т. 2. С. 79–81, 2-я пагин.
- Уставы АН СССР, 1975 — Уставы Академии наук СССР. М., 1975.
- Шапиро, 1982 — Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век: Курс лекций. Л., 1982.
- 50-летие АК, 1885 — Пятидесятилетие Археографической комиссии: Отчет о ее торжественном публичном собрании 8 января 1885 года. СПб., 1885.
- 50-летие комиссии, 1915 — Пятидесятилетие высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию Архива святейшего Синода. 1865–1915 гг. Историческая записка. Пг., 1915.

К истории деятельности Археографической комиссии Инбелкульта и Белорусской академии наук

Анализ деятельности созданной в октябре 1925 г. Археографической комиссии Инбелкульта (с 1930 Белорусской академии наук) свидетельствует о том, что комиссия в своей работе опиралась на заложенные первым белорусским археографом, гомельским протоиереем И.И. Григоровичем, подготовившим в 1824 г. «Белорусский архив древних грамот», традиции, учитывала накопленный тогда же профессорами Виленского университета И. Даниловичем, И. Лелевелем, И. Лобойко и др. опыт в сфере камеральной археографии. Инбелкультовский период, несмотря на его непродолжительность, имел позитивное значение в деле формирования в Беларуси национальной археографии.

Ключевые слова: Археография, Археографическая комиссия, Инбелкульт, Белорусская академия наук, «Белорусский архив древних грамот», «Беларускі архіў», И.И. Григорович, И. Данилович, Д.И. Довгялло, М.В. Довнар-Запольский, И. Лелевель, В.И. Пичета, Н.Н. Улашик, Литовская метрика, Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии

В 1824 г. увидел свет подготовленный в Гомеле протоиереем о. Иоанном (И.И. Григоровичем) (1792–1852) сборник документов «Белорусский архив древних грамот». С именем И.И. Григоровича связано начало систематической научной публикации в Беларуси исторических источников, знаменовавшее зарождение здесь археографии как сферы практической деятельности. Оценивая значение увидевшей свет первой части сборника в деле накопления и распространения научного знания в области истории и филологии, Григорович писал: «...Появление в свет первой книжки Архива, разрушив многие преграды и предубеждения, по крайней мере объяснило истину, еще новую в здешнем крае, истину того, что *собираание старинных документов имеет особенную цену и пользу для исследователя истории и языка*» (курсив наш. – М.Ш.) [БГАМЛИ. Ф. 6 (И.И. и Н.И. Григоровичи). Оп. 1. Д. 14. Л. 2; Запартыка, 2001, с. 264].

Становление и развитие археографии в Белоруссии происходило в сложной обстановке. Первый ректор Белорусского государственного университета, известный историк–славист, будущий академик белорусской и союзной академий наук В.И. Пичета писал в начале 1920-х гг.: «Архивные документы, касающиеся Белоруссии, значительное время политически связанной с Польско-Литовским государством, разбросаны по архивохранилищам и книгоохранилищам России, Украины и Польши. Собираением документов, их хранением, а также их изданием интересовались как польские, так и русские ученые. Работа тех и других шла параллельно. Однако долгое время впереди шли польские историки, так как Белоруссия, перешедшая к России после разделов Польши, долгое время была вне ученого внимания историков русских. Поэтому издание и соби- рание документов производилось польскими исследователями, *освещавшими исторический материал с несколько односторонней польской точки зрения*» (курсив наш. – М.Ш.) [Пичета, 1923, с. 24–25].

Позицию В.И. Пичеты разделял и руководитель Витебского окружного бюро краеведения Д.М. Василевский, отмечавший вместе с тем активно проводившуюся православными священниками с 1840-х гг. в белорусских губерниях работу по изданию древних актов и грамот с целью доказать, что православный крестьянин из белорусской губернии не отличается от крестьянина российской губернии не только по вере, но и по языку. По словам Василевского, «поляки не сдавались: они также занимаются изданием белорусских древних грамот и чтобы убедить читателя в преобладании польского языка в Беларуси, заведомо портят свои издания, переводя грамоты с белорусского на польский язык ... Такой характер носит “Skarbiec dyplomatów...” Даниловича» [Василеўскі, 1926, с. 8].

Заметим, что еще за четыре десятилетия до появления двухтомного «Skarbiec’a dyplomatów» (1860, 1862 гг.), И. Данилович во времена своего профессорства в Виленском университете подготовил к изданию обнаруженную профессором этого же университета М.К. Бобровским Супрасльскую летопись, транслитерировав ее текст польской графикой. Уже после отъезда Даниловича в Харьков летопись была издана в 1827 г. А.Марциновским с предисловием профессора Виленского университета М. Сосновского [Latopisiec Litwy, 1827]. Н.Н. Улащик объяснял это обстоятельство желанием И. Даниловича познакомить владевших в большинстве своем польским языком жителей бывшего Великого княжества Литовского с летописью, которая, по его мнению, вызовет у них наибольший интерес [Улащик, 1985, с. 63–72; цит. по: Улашчык, 2001, с. 171–172].

Объективности ради отметим значительный вклад профессуры Виленского университета в становление и развитие археографии в белорусских и литовских губерниях. Напомним, что именно И. Данилович был инициатором создания в мае 1822 г. Комитета для сличения Литовского статута, в состав которого, кроме него, вошли И.Н. Лобойко, И. Лелевель, Я. Зноско, К. Контрым. Благодаря деятельности этого комитета было положено начало изучению и подготовке научных изданий этого выдающегося памятника права Великого княжества Литовского. Издание успешно продолжается и в сегодняшней Республике Беларусь [Лобойко, 2008, с. 136–138].

Своеобразным продолжением дела И. Григоровича стал появившийся в 1848 г. впервые на территории собственно Беларуси сборник документов, подготовленный по инициативе минского гражданского губернатора А.В. Семенова специально созданной для этого комиссией под руководством ректора Минской духовной семинарии архимандрита Геласия [Собрание древних грамот, 1848].

Правда, его составителям и редакторам не удалось избежать проявления вненаучного влияния в части отбора документов. На это обстоятельство, сам того не желая, обратил внимание рецензент, отметив, что главной задачей сборника, равно как и пятью годами ранее появившегося аналогичного виленского издания, являлось показать «повсеместное и, можно сказать, почти исконное владычество имени Русь, языка Русского и веры Православной в нынешних западных губерниях Российской империи, равно как и огромное преобладание там русской стихии народонаселения над всеми прочими» [Памятники русской старины, 1849].

Разумеется, подобные проявления политического, идеологического влияния на готовившуюся археографическую продукцию имели место и в работе созданной через год после подавления восстания 1863 года Виленской археографической комиссии. И тем не менее, оценивая результаты полувековой деятельности последней, не отрицая при этом ее определенной политической ангажированности, следует согласиться с мнением Н.Н. Улащика, писавшего: «При всей тенденциозности публикаторов («Актов Виленской археографической комиссии» – М.Ш.) результатом их деятельности было издание массы разнообразнейших источников, представляющих огромное культурное богатство. Изданные документы живут сами по себе, нередко утверждая совсем не то, что хотели доказать составители и редакторы, готовя том к печати» [Улащик, 1973, с. 15].

С созданием белорусской советской государственности существенным образом изменилась тематика документальных публикаций, хотя формы их организации и подготовки в определенной степени наследовали ранее существовавшие. Подтверждением этому может служить Историко-археологическая (Археографическая) комиссия Института белорусской культуры (Инбелкульта).

В пережившей немецкую оккупацию Белоруссии научное археографическое учреждение необходимо было создавать вновь. Правда, не были забыты традиции прекратившей свою деятельность летом 1915 г. Виленской археографической комиссии, последний председатель которой Д.И. Довгялло тогда же эвакуировался в Могилев и затем возглавил по поручению Главархива РСФСР работу по организации архивного дела в Могилевской губернии.

С открытием в 1921 г. высшего учебного заведения – Белорусского государственного университета, а в следующем году – высшего научного учреждения – Института белорусской культуры и особенно после так называемого «первого укрупнения Беларуси» (весна 1924 г.) вопрос о восстановлении в Беларуси прерванной Первой мировой войной археографической традиции был переведен в практическую плоскость. Об этом говорил возглавлявший Могилевский губернский архив Д.И. Довгялло, выступая с докладом «Археографические работы в Белоруссии» на Первой всебелорусской конференции архивных работников. Именно он и предложил создать в Минске, политическом и научном центре республики, такую комиссию, которая бы «начала подготовку к изданию материалов по истории Беларуси и тем самым продолжила бы ту работу, которая велась до революции» [Первая всебелорусская конференция архивных работников, 1999, с. 39].

Не без влияния доклада Д.И. Довгялло археографическая работа в республике вскоре получает организационное оформление. Ею начинает заниматься созданная 24 февраля 1925 г. в структуре Инбелкульта Историко-археологическая секция во главе с ректором БГУ, историком В.И. Пичетой. Занимая ряд и других ответственных должностей, Пичета не мог уделять секции должного внимания. С учетом данного обстоятельства в Минск были приглашены проживавший в Баку известный историк и археограф, имевший большой опыт организаторской работы в сфере археографии¹, профессор М.В. Довнар-Запольский и упоминав-

¹ Как известно, М.В. Довнар-Запольский еще в 1896 г. по сути возглавил созданную по его же инициативе Археографическую комиссию Московского археологического обще-

шийся Д.И. Довгялло. С их переездом летом 1925 г. в столицу советской Беларуси археографическая работа в республике приобретает реальный характер.

1 октября 1925 г. в структуре Историко-археологической секции создается одноименная комиссия, председателем которой становится Довнар-Запольский, а ученым секретарем – Довгялло. Несмотря на название «историко-археологической» («археографической») она станет именоваться с 1927 г., после реорганизации Инбелкульта), комиссия по характеру своей деятельности была археографической, что и отмечал ее секретарь в записке, направленной в 1927 г. в президиум Инбелкульта. В ней он, в частности, писал: «При академиях наук СССР, УССР, при Краковской академии работают археографические комиссии. С 1 октября 1925 г. (курсив наш. – М.Ш.) Археографическая комиссия основана при Институте белорусской культуры. Все эти комиссии работают над поиском, обработкой и изданием в печати источниковых материалов, их перепиской, всесторонним их изучением с археографической стороны. Эту установку имеет и Археографическая комиссия ИБК» [Шумейко, 2007, с. 244–245].

Ровно через неделю после конституирования комиссии, 8 октября 1925 г., ее председатель и секретарь представили руководству Инбелкульта доклад с обоснованием необходимости продолжить *пофондовое* (курсив наш. – М.Ш.) издание актов Литовской метрики, начатое, как известно, еще Петербургской археографической комиссией (в рамках серии «Русская историческая библиотека»)². При этом они справедливо полагали, что «в теперешнее время ни одно учреждение РСФСР уже не возьмет на себя труд и расходы по продолжению этого издания» [ЦНА

ства; в 1918 г. он станет во главе Киевского археологического института, призванного готовить кадры архивистов и археографов.

² Как известно, отдельные акты Метрики издавались еще в первой половине XVIII в. Матеем Догелем, хотя это издание и не носило научного характера. Частично документами из архива великокняжеской канцелярии было укомплектовано и пятитомное издание «Актов Западной России», вышедшее в 1846–1853 гг. под редакцией И. Григоровича, бывшего главным редактором актов Петербургской археографической комиссии. Правда, им предшествовала публикация в 1843 г. в двух томах «Книги посольской Метрики Великого княжества Литовского», готовившейся М. Оболенским, И. Даниловичем, М. Погодиным, Д. Дубенским. И лишь с 1903 г. Археографическая комиссия перешла к полной публикации книг Литовской метрики в рамках одноименной четырехтомной подсерии серии «Русская историческая библиотека» (подготовку томов вели С.А. Бершадский, П.А. Гильдебрандт, И.И. Лаппо и С.А. Пташицкий).

НАНБ. Ф. 67 (Инбелкульт). Оп. 1. Д. 9. Л. 268]. Целесообразность данной работы М.В. Довнар-Запольский и Д.И. Довгялло обосновывали научным значением составлявших Метрику документов как источников по изучению белорусской истории XV–XVIII вв.: «Каждому исследователю белорусской древности до XVIII в. хорошо известно, что без использования Литовской метрики нельзя осветить никаких вопросов и что с изучения этого источника следует начинать исследовательскую работу по истории Беларуси» [Там же].

Одновременно комиссией был составлен и также представлен в президиум Инбелкульта согласованный с Центрархивом республики список архивных фондов, в разное время вывезенных с территории Беларуси. Это действие было обусловлено принятым 18 сентября 1925 г. Президиумом ЦИК СССР постановлением о передаче Украинской ССР и Белорусской ССР их архивных фондов, находившихся в хранилищах РСФСР (в основном это были документальные собрания учреждений Гродненской и Минской губерний, эвакуированные с началом Первой мировой войны на восток).

17 октября 1925 г. комиссия приняла решение об издании «первого тома исторических документов». И хотя в протоколе ее заседания название проектируемого сборника не фигурировало, нетрудно предположить, исходя из упоминания здесь же «Белорусского архива древних грамот» И.Григоровича, что примерно такое же название и серийного инбелкультовского сборника документов не вызвало ни у кого возражений. Оно не только знаменовало сохранение традиций белорусской археографии, заложенных столетием ранее, но и подчеркивало национальный характер готовившегося издания – «Беларускі архіў».

Помимо основного серийного издания комиссия предполагала готовить и публикации учебного типа в форме небольших брошюр объемом до 3 печатных листов. Был разработан план издания библиотечки исторических источников по истории Беларуси. В соответствии с ним должны были быть опубликованы фрагменты древнерусских, белорусско-литовских летописей, немецких и польских хроник, памятников права и др. Д.И. Довгялло при участии руководителя кафедры истории искусства Инбелкульта Н.Н. Щекотихина был подготовлен по книгам Литовской метрики альбом филиграней XVI–XVII вв. [Матэрыялы, 1996, с. 51–59]. К сожалению, реализовать эти планы, крайне важные для становления и развития в республике археографии и смежных с ней специальных исторических дисциплин, комиссии не удалось.

Осенью 1926 г. был вынужден покинуть республику председатель комиссии М.В. Довнар-Запольский. Одной из причин этого стала его попытка издать книгу «История Белоруссии», которая была квалифицирована высшим партийным органом Беларуси как «манифест национал-демократизма»³.

Руководство комиссией перешло к В.И. Пичете, а сама она была причислена к кафедре истории белорусского права реформированного Инбелкульта, которую также возглавлял ректор БГУ.

Однако еще до вынужденного отъезда из Минска М.В. Довнар-Запольский успел провести в январе 1926 г. Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии, который стал своего рода смотром научных сил гуманитарного профиля республики. К сожалению, на работу съезда, как и на ряд принятых им решений в определенной степени повлияли происходившие в это время в Беларуси и в целом в СССР события общественно-политического и международного характера. Здесь мы имеем в виду деятельность так называемой Комиссии по интеллигенции, возглавляемой председателем ЦКК КП(б)Б и наркомом РКИ БССР В.А. Радус-Зеньковичем, а также готовившийся договор о ненападении между Литовской Республикой и Союзом ССР, заключение которого литовская сторона увязывала с вопросом о Литовской метрике. Подробно об этом речь уже шла в нашей статье [Шумейко, 2012, с. 171–180].

В 1927 г. увидел свет первый том «Беларускага архіва», который, как отмечал в предисловии к нему Д.И. Довгялло, являлся «первой археографической работой Историко-археологической комиссии Инбелкульта». Основу тома составил готовившийся Довгялло второй раздел, представлявший собой публикацию 134 документов за 1562–1697 гг. из хранившейся в рукописном отделе Могилевского отделения Белорусского государственного музея книги с привилеями городу на Магдебургское право, подтвердительными привилеями, выдававшимися начиная с 1562 г. Значение данной публикации трудно переоценить. Дело в том, что книга Могилевского магистрата впоследствии была утрачена, так что, опубликовав ее, Довгялло тем самым сохранил этот важный источник для исследователей.

³ В 1994 г. хранившаяся в фонде Истпарта Беларуси Национального архива Республики Беларусь рукопись книги (без двух глав) издана в переводе на белорусский язык; в 2016 г. увидело свет 4-е, исправленное и дополненное издание книги на языке оригинала – русском.

Первый опыт Историко-археологической (Археографической) комиссии Инбелкульта был замечен и отмечен научной общественностью как Беларуси, так и России, Польши, Латвии, Украины. Рецензии на сборник откликнулись такие известные археографы и историки как В.И. Пичета, С.Н. Валк, Р. Меницкий, Б.Р. Брежго, С. Иваницкий. С.Н. Валк писал: «Надо отметить, что несмотря на несомненную спешку в подготовке этот первый том тем не менее отличается тщательностью работы, вниманием к требованиям археографии и хорошей внешностью» [Валк, 1928, с. 87].

Еще более удачным как по выбору объекта публикации, так и по уровню археографической подготовки оказался второй том «Беларускага архіва», готовившийся уже без участия М.В. Довнар-Запольского, и увидевший свет в 1928 г. Он являл собой пример пофондовых публикаций, на которые Д.И. Довгялло перешел, готовя в 1897–1903 гг. заключительные тома серийного издания Витебского центрального архива древних актовых книг «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской» и в 1912–1914 гг. «Акты Виленской археографической комиссии». Объектом публикации тома стала 16-я книга записей Литовской метрики (по классификации С.Л. Пташицкого). Издавая его, Инбелкульт тем самым приступал к реализации резолюции Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии «О Литовской метрике», а также инициатив руководства Археографической комиссии, о которых шла речь выше.

И не вина составителя, что публикуемая им 16-я книга записей ни по происхождению, ни по содержанию не имела никакого отношения к архиву великокняжеской канцелярии. Это были акты Витебского и Полоцкого градских судов за 1530–1539 гг., попавшие в Метрику благодаря Яну Юровичу Глебовичу, бывшему в годы создания документов витебским, а затем полоцким воеводой, а потом ставшему канцлером ВКЛ, в ведении которого находилась так называемая Большая метрика. Обо всех этих обстоятельствах Д.И. Довгялло подробно информировал читателей в открывавшем том обстоятельном предисловии, носившем источниковедчески-археографический характер.

Высокий археографический уровень данной публикации ставит ее в один ряд с пофондовыми изданиями, готовившимися Петербургской (Петроградской) археографической комиссией в 1903–1915 гг., и поэтому совершенно обоснованно составители «Методических рекомен-

даций по изданию и описанию Литовской метрики» включили 2-й том «Беларускага архіва» в перечень продолжающихся публикаций Метрики, присвоив ему условный 5-й номер, вслед за четырехтомным изданием в составе «Русской исторической библиотеки» [Методические рекомендации, 1985, с. 14].

Не ставит под сомнение высокий археографически-источниковедческий уровень Д.И. Довгялло-метриканта и автор одного из лучших источниковедческих исследований, объектом которого выступает Метрика, Н.Г. Бережков, ссылаясь на первых страницах своей монографии на доклад Д.И. Довгялло о Метрике, с которым тот выступал на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии [Бережков, 1946, с. 154]. В этой связи нельзя согласиться с излишне категоричным и едва ли соответствующим действительности утверждением современного белорусского метриканта о том, что «Безнадежно устарела и методика публикации «Беларускага архіва» Д. Довгялло, который опирался на опыт, приобретенный им в дореволюционный период научной деятельности» [Груша, 2003, с. 203]. Разумеется, эдиционная практика в сфере публикации Метрики не может не способствовать приращению и обогащению методических приемов, однако, как совершенно справедливо отмечает современный российский археограф, «модернизация публикаторских подходов должна происходить на основе заложенных в них базовых принципов (курсив наш. – М.Ш.), отвечающих запросам современной исторической науки, филологии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин» [Хоруженко, 2014, с. 364].

Ставший последним третий том «Беларускага архіва» (издан в 1930 г.) невыгодно отличался от двух предыдущих. Вынесенный на обложку подзаголовок «Менскія акты» (вместо основного названия «Беларускі архіў»), отсутствие предисловия, «облегченная» передача текстов документов – все это указывает на имевшую место спешку, в условиях которой он готовился. И это действительно так. Завершение работы над томом совпало не только с реорганизацией Инбелкульту в Белорусскую академию наук, но и с прокатившимися по Беларуси арестами в связи с инспирированным органами госбезопасности делом о так называемом «Союзе освобождения Беларуси»⁴.

⁴ Последнее представляло собой аналог «дела академика С.Ф. Платонова» в России («Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»), «Спілки визволення України» в Украине.

Достаточно обратиться к протоколам заседаний белорусского отделения Всесоюзного общества историков-марксистов, проходивших в октябре–ноябре 1930 г., чтобы представить себе невыносимую обстановку политической и идеологической травли гуманитарной интеллигенции, включая и сотрудников Археографической комиссии уже Белорусской академии наук, которая развернулась в это время в республике.

«Певец православия», «последователь М. Кояловича» – такие эпитеты звучали в адрес шестидесятидвухлетнего Д.И. Довгялло, вынужденного каяться в преступлениях, которых он не совершал. Именно так следует воспринимать его выступление на заседании общества 14 ноября 1930 г., когда уже был арестован в Минске и этапирован в Ленинград В.И. Пичета, а «выдавленный» в 1926 г. из Минска и проживавший в Москве М.В. Довнар-Запольский ожидал ареста⁵. Пытаясь смягчить критику в свой адрес пока еще только «идеологических следователей» (следователи НКВД начнут его допрашивать после ареста 10 декабря 1937 г.) [Шумейко, 2002, с. 114–116], Д.И. Довгялло признавал «неактуальными» и «ошибочными» публикации документов «древности», которые он готовил якобы по поручению вначале М.В. Довнар-Запольского, а потом В.И. Пичеты: «Меня, например, заставили заниматься тем, чтобы я выявлял документы, относившиеся к истории городов, те издания, которые показывали бы нам законодательный кодекс, который был в ежедневном употреблении магистрата. Затем было обращено внимание на издание Литовского статута. Также решили, что нужно издать одну из книг, хранившихся в литовских метриках» [Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1449 (Белорусское отделение Всесоюзного научного общества историков-марксистов). Оп. 1. Д. 13. Л. 111–112 (Из выступления Д.И. Довгялло на заседании отделения 14 ноября 1930 г.)].

Последующая деятельность Археографической комиссии Белорусской академии наук не была столь продуктивной как в «инбелкультуровский» период. Да и собственно сама комиссия существовала лишь на бумаге. Правда, в 1934–1935 гг. при ее участии был издан двухтомник о мануфактурах в Беларуси, готовившийся в рамках заключенного еще в 1930 г. между археографическими комиссиями белорусской и союзной академий наук договора о социалистическом соревновании [Матэрыялы, 1934–1935]. С избранием в феврале 1931 г. президентом Белорус-

⁵ Смерть М.В. Довнар-Запольского в 1934 г. «избавила» ученого от ареста.

ской академии наук ученика и помощника М.Н. Покровского по Обществу историков-марксистов П.О. Горина археографическая деятельность в республике сходит на нет. В этом нетрудно убедиться, обратившись к написанному в вульгаризаторском духе, с использованием терминологии пресловутого А. Вышинского очерку о Белорусской академии наук, где об археографии говорится (при этом совершенно безграмотно!) буквально следующее: «Помимо этого, обработаны и изданы “Минские акты”, том 1 (XV–XVIII век); подготовлены к печати “Материалы по истории мануфактуры в Белоруссии в первой половине XIX века» [Шпилевский, 1933, с. 64].

Подводя итоги, отметим, что инбелкультовский период, несмотря на его непродолжительность (1925–1928 гг.), сыграл заметную роль в истории белорусской археографии. Именно в это время последняя приобретает национальный характер. Знаменательным событием этого периода стал Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии, не только обозначивший «болевые точки», существовавшие в археографии, но и наметивший пути к их преодолению. Активное участие Археографической комиссии в решении вопросов реституции архивных собраний способствовало поступлению в белорусские архивохранилища многих документальных комплексов, находившихся за пределами республики.

Начавшиеся с 1930-х гг. в Беларуси, равно как и в России, Украине репрессии против научных кадров гуманитарного профиля (аресты Д.И. Довгялло, М.В. Мелешко, В.У. Ластовского, Я.И. Лёсика, В.И. Пичеты и др., фактическая высылка М.В. Довнар-Запольского, самоубийство первого президента Белорусской Академии наук В.М. Игнатовского) прервали процесс развития национальной археографической школы. Довершению ее разгрома способствовала передача в 1938 г. архивных органов и учреждений в ведение НКВД. Это мероприятие почти наглухо закрыло двери архивов перед историками и археографами, лишив их возможности изучать и публиковать хранившиеся там исторические источники.

Литература

- Бережков, 1946 — Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник. Часть 1: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. М.; Л., 1946.

- Валк, 1928 — Валк С.Н. Обзор документальных публикаций // АД. 1928. Вып. 3 (16). С. 86–95.
- Васілеўскі, 1926 — Васілеўскі Д. Сталецьце крязнаўчай працы на Беларусі // Наш край. 1926. № 2/3 (5/6). С. 3–14.
- Груша, 2003 — «Малапрыстасаваныя» рэкамендацыі ці малападрыхтаваныя рэцэнзенты? // Беларускі гістарычны агляд. 2003. Т. 10. Сш. 1/2 (18/19). С. 201–227.
- Запартыка, 2001 — Запартыка Г.В. І.І. Грыгаровіч / Г.В. Запартыка, А.М. Запартыка // БАШ. Мінск, 2001. Вып. 2. С. 260–267.
- Лобойко, 2008 — Иван Лобойко. Мои воспоминания // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти / сост.: А.И. Федута; коммент. П.М. Лавринец, А.И. Рейтблат, А.И. Федута. Минск, 2008. С. 136–138.
- Матэрыялы, 1934–1935 — Матэрыялы да гісторыі мануфактуры на Беларусі ў часы распаду феадалізма. Мінск, 1934–1935. Т. 1–2.
- Матэрыялы, 1996 — Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна 1896–1940. Мінск, 1996.
- Методические рекомендации, 1985 — Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.
- Памятники русской старины, 1849 — Памятники русской старины, собранные и изданные в Минске [рец. на сб. док.: Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848] // Минские губернские ведомости. 1849. № 7. Неофициальная часть.
- Первая всебелорусская конференция архивных работников, 1999 — Первая всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г.: Документы и материалы Минск, 1999.
- Пичета, 1923 — Пичета В.И. Введение в русскую историю (Источники и историография). М., 1923.
- Собрание древних грамот, 1848 — Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848.
- Улашчык, 2001 — Улашчык М.М. Выбранае. Мінск, 2001.
- Улащик, 1973 — Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.
- Улащик, 1985 — Улащик Н.Н. По страницам отечественного летописания: Белорусско-литовское летописание // ВИ. 1985. № 1. С. 63–72.
- Хоруженко, 2014 — Хоруженко О.И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики // АЕ за 2011 год. М., 2014. С. 347–364.
- Шпилевский, 1933 — Шпилевский И.Ф. Белорусская Академия наук на пороге второй пятилетки. (Исторический очерк). Перевод с переработанного белорусского издания / И.Ф. Шпилевский, Л.А. Бобрович. Минск, 1933.

- Шумейко, 2002 — Шумейко М.Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Минск, 2002.
- Шумейко, 2007 — Шумейко М.Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики). Минск, 2007.
- Шумейко, 2012 — Шумейко М.Ф. Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии 1926 года // АЕ за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 171–180.
- Latopisiec Litwy, 1827 — Latopisiec Litwy i kronika Ruska: z rękopisu sławiańskiego przepisane, wypisami z wremiennika Sofijskiego pomnożone, przypisami i objaśnieniami, dla czytelników polskich potrzebnemi, opatrzone; staraniem i praca Ignacego Daniłowicza, profesora zwyczajnego w Cesarskim uniwersytecie Charkowskim. Wilno, 1827.

Первая публикация Н.М. Карамзиным азбуки Стефана Пермского из «Портфелей» Г.Ф. Миллера

В работе впервые рассматривается рукопись XVIII в. со списком пермской азбуки, хранящаяся в коллекции академика Г.Ф. Миллера в РГАДА, послужившая источником для первой публикации в 1817 г. этого миссионерского алфавита XIV в. в томе 5 «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Описаны палеографические особенности этого списка, датированного 1760-ми гг. и хранящейся вместе с ним копии 1810-х гг. Отмечены дополнения сделанные Н.М. Карамзиным к тексту примечаний в миллеровской рукописи – названия пермских букв, взятые историографом, вероятно, из Жития Стефана Пермского.

Ключевые слова: народ коми, рукописи, пермская азбука, Стефан Пермский, Г.Ф. Миллер, Н.М. Карамзин

Создание святителем епископом Стефаном Пермским (ум. 1396) в последней четверти XIV в. особого алфавита древнепермского (древнекоми) языка, для написания богослужебных текстов при обращении в христианство народа коми-зырян – явление не только восточно-славянской, но и мировой культуры эпохи Возрождения [Котылев, 2013; Морозов, Симонов, 2018]. Миссионерская деятельность устюжанина и ростовского монаха Стефана, объективно способствовала включению обширного северного края, населенного финно-угорским народом в орбиту Московского великого княжества и символизировала начало формирования Российского многонационального государства. Просвещение местного населения с помощью создания новой письменности подчеркивало мирный характер деятельности Стефана Пермского, одержавшего духовную победу над местным языческим вождем, ярко описанную в его жизнеописании, созданном его современником и «собеседником» – выдающимся писателем Древней Руси Епифанием Премудрым.

К сожалению, книги написанные пермской азбукой во времена крещения коми-зырян не сохранились. Древнейшим памятником, сохранившим довольно обширный пермский текст, написанный азбукой

Стефана, остается икона Троица Зырянская (ныне в Вологодском музее-заповеднике), по преданию созданная самим святителем, датировка которой концом XIV в. подтверждена современными специалистами. Но когда еще икона находилась в церкви вычегодского села Вожем, ее надпись заинтересовала представителя нарождающейся местной интеллигенции конца XVIII в. вологодского и устюжского штаб-лекаря Я. Фриза, который сделал ее прорись, опубликованную в 1790 г. в трудах Санкт-Петербургской Академии наук с комментариями академика И.И. Лепехина, путешествовавшего по Вычегде еще в начале 1770-х гг. [Nova acta, 1790, с. 31–34, вклейка между с. 118 и 119]. В 1813 г., уже после перенесения иконы Троицы в Вологду в кафедральный Софийский собор, с ее надписи учителем вологодской гимназии Н. Фортунатовым была снята и опубликована еще одна копия [Периодическое сочинение, 1813, с. 260]. Но попыток перевода этой надписи (восходящей к библейскому тексту) не было, поскольку состав пермской азбуки оставался фактически неизвестным и ее соответствие коми языку неизученным. Необычная азбука заинтересовала первых отечественных археографов – в том же 1813 г. какой-то ее список посылал К.И. Калайдович вологодскому архиепископу Евгению (Болховитинову) [Савваитов, 1858, с. 94].

Поэтому публикация Н.М. Карамзиным в 1817 г. пермской азбуки в V томе «Истории государства Российского» имела не только большое научное, но и общественное значение, поскольку не только дала ученым ее образец с названиями букв и русскими аналогами, но и привлекла внимание к подвижнику Стефану Пермскому широкой читающей публики.

В примечании 125 к т. V на с. 446–447 было указано:

«В Архивских бумажниках Миллера, № 199, я нашел сию любопытную азбуку, взятую из древней рукописи о житии и делах Стефановых. Вот сии буквы:»

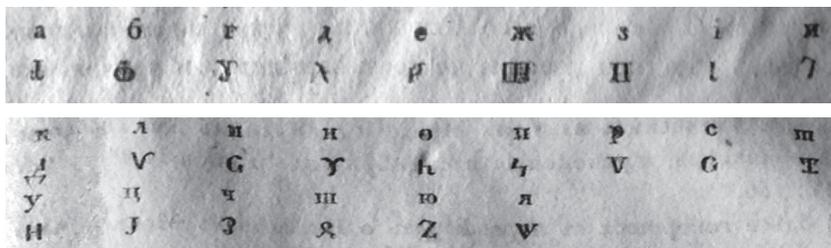

Рис. 1. Пермская азбука опубликованная Н.М.Карамзиным в «Истории государства Российского» в 1817 г. – т. V, с. 446–447.

Причем, для печатания этой таблицы для изображения пермских букв в первом издании «Истории» Карамзина были отлиты специальные литеры, что дальнейшие исследователи не отмечали.

Далее в примечании 125:

«Пермские их имена: Анъ, Баръ, Гай, Дой, Е, Жой, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Нено, О, Пей, Рей, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я. В другом списке сей азбуки еще прибавлены Ы, Е, Ъ, и некоторые буквы изображены иначе».

Во второй половине XIX–XX вв. в ряде исследований о зырянском языке и древнерусской тайнописи, в которую превратилась пермская азбука в XV в., было введено в научный оборот еще 11 списков азбуки Стефана, в том числе восходящих к «Истории» Н.М. Карамзина, но дополненных еще в первой четверти XIX в. образованными носителями коми языка в центре Коми-края Усть-Сысольске Вологодской губернии. Но никто из исследователей не обращался к источнику публикации в карамзинском примечании 125 – рукописи из Портфелей академика Г.Ф. Миллера, с конца XVIII в. хранящихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел (затем МГАМИД)¹.

В фундаментальном исследовании (докторской диссертации) «Древнепермский язык» выдающегося коми лингвиста В.И. Лыткина (1895–1981), частично опубликованном в 1952 г., по поводу замечания в публикации Н.М. Карамзина о «другом списке сей азбуки», отмечено: «Непонятно о каком другом списке идет речь. Вероятно, Карамзин не видел другого списка, иначе он написал бы, откуда этот список или сообщил какие-либо другие сведения о нем. Наверное эта приписка относительно другой азбуки была сделана на Миллеровском списке или самим Миллером или неведомым автором рукописи о житии Стефана» [Лыткин, 1952, с. 9–10]. Следовательно, В.И. Лыткин также не видел миллеровской рукописи, и, к сожалению, после 1952 г. специальные исследования по древнепермскому языку не выходили.

Вероятно, затруднение ученых в знакомстве с пермской азбукой из портфелей Миллера происходило и из-за того, что указанный Н.М. Карамзиным № 199 содержащего ее портфеля («бумажника») был изме-

¹ Фактически Г.Ф. Миллер стал первым изучать коми язык, с которым познакомился в период второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг., путь которой проходил через Коми край. Характеристика коми языка имеется в его трудах по истории Сибири и культуре народов России (Миллер, 1791; Миллер, 1937. Т. 1, с. 195, 202, 215, 309). Но список пермской азбуки был получен им позднее и в данных трудах она не рассматривается.

нен. Очевидно, это произошло вскоре после передачи части материалов академика Г.Ф. Миллера из МГАМИД в Архив Петербургской Академии наук в начале 1830-х гг. [Голицын, 1899, с. 58–60]. В работе кн. Н.В. Голицына был приведен первоначальный реестр «Письменным книгам, портфелям и ландкартам покойного д. с. советника Миллера в архив [МАКИД] поступившим», где № 199 входил в раздел «Ученая Российская история» и имел заголовок: «199. Новыя ученые известия» [Голицын, 1899, с. 28].

В настоящее время в РГАДА в фонде 199 «Портфели Г.Ф. Миллера» в описи 1 под № 199 находятся документы по истории католической и протестантской церквей в России в XVIII в. А пермская азбука попала в портфель № 411, который во 2-й описи (созданной, как и 1-я, в середине XIX в.) имеет заголовок, не дающий информации о ее в нем нахождении: «Портфель, содержащая письменныя известия и реэстры разным иностранным книгам». Но после заголовка имеется внутренняя опись, в которой среди книжных каталогов под последним № 23 указано: «Литеры пермскаго языка, на листе внизу следующая надпись: Сие выписано из старинной рукописной книги за 200 лет и более писанной о Пермии и Жития Стефана епископа Пермскаго. Тут же приложена копия с того листа».

Обращение к данной 23-й части портфеля 411 показало, что в ней действительно содержатся два списка пермской азбуки – XVIII в. и начала XIX в. Оба они вложены в обложку (двойной лист 33,5x20,5 см.) из бумаги конца XVIII в. (филиграни – литеры «БОФ...» – по Клепикову 1786–1795 гг. [Клепиков, 1976, № 90, 91]). Но заголовок на этой обложке написан уже почерком середины XIX в., вероятно, во время переописания фонда, после передачи части портфелей Г.Ф. Миллера в Академию наук в Петербург: «Портфель № 411 историографа Г.Ф. Миллера. Тетрадь № 23». В центре обложки другим почерком того же времени: «Пермская Азбука».

Первый миллеровский список Пермской азбуки написан на одном листе бумаги желтоватого оттенка форматом в 1, или точнее в 2-ку. Но данный лист, размером 28x19 см., очевидно, был обрезан по всем краям. Лист сохранил только одну часть известной филиграни – лигатуру или вензель из больших литер «ЯЕ» – фабрики Якова Евреинова. Эти литеры обычно сопровождали разные изображения на другой части листов, но данный их вид и размер сходны с воспроизведенным в альбоме Клепикова под № 707 – 1763 г. [Клепиков, 1976, с. 45, 150]. Под теми же

1762–1763 гг. у Клепикова указаны знаки с вензелем из тех же букв, но сопровождающих другое изображение [Клепиков, 1959, № 743, 744]. Этой возможной датировке – 1760-е гг. не противоречит скоропись, которой написан заголовок «Литеры пермского языка» и примечание, сопровождающее пермскую азбуку на данном листе. При этом следует отметить некоторую вычурность этой скорописи, отчасти даже затрудняющую ее чтение. Написание же пермских букв, специально укрупненных, достаточно четкое. Русские же их аналоги приведены в мелких скорописных начертаниях. Сверху листа архивная (сделанная в МАКИД?) помета латинскими буквами: «Literaria portf. 199.».

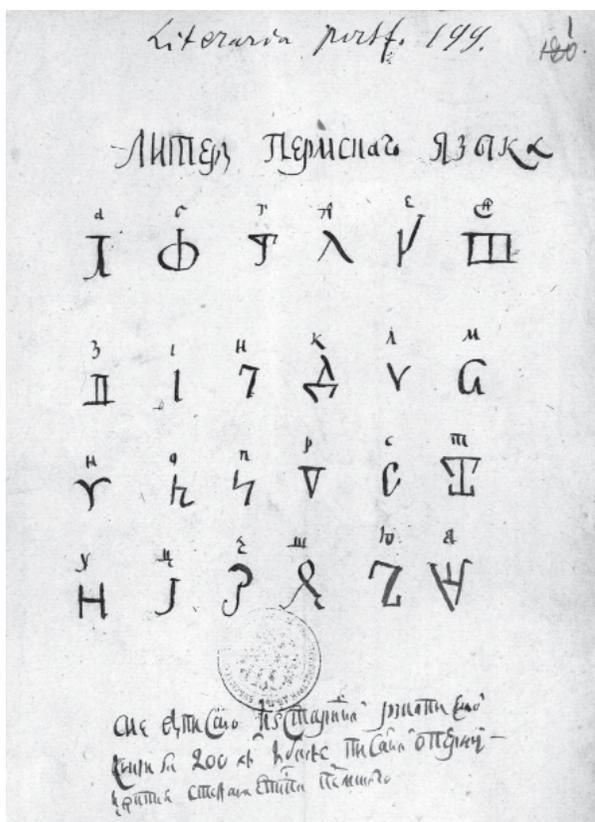

Рис. 2. Пермская азбука из коллекции Г.Ф. Миллера. 1760-е гг. РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 411. Ч. 23, л. 1.

Второй список пермской азбуки в «тетради» № 23 портфеля 411 является точной копией первого, собственно миллеровского, списка 1760-х гг. Он написан на лицевой стороне двойного листа (33,5x21 см.) светло-серо-голубой бумаги, имеющей филигрань «Pro-Patria – BERENS» с датой «1814» год – по Клепикову 1812, 1816 гг. [Клепиков, 1976, с. 73, № 1277]. Письмо этой копии – четкая скоропись начала XIX в. Пермские литеры повторяют размеры и начертания в первой рукописи. Той же рукой написана сверху архивная помета: «Из портфели Litteraria под № 199.».

Несомненно, что именно этот вариант пермской азбуки из 24 букв послужил основой для публикации Н.М. Карамзина. Можно предположить, что копия миллеровской рукописи, сделанная на бумаге с белой датой 1814 г., могла быть изготовлена специально для создателя «Истории государства Российского», а затем возвращена в архив.

С другой стороны, необходимо отметить и определенные отличия в тексте публикации Н.М. Карамзина от текста, сопровождающего миллеровский список азбуки Стефана Пермского. После таблицы пермских и русских литер в рукописи XVIII в. (точно повторенной в нач. XIX в.) идет примечание: «Сие выписано из старинной рукописной книги за 200 лет и более (*неразборчиво* - «боле»?) писанной о Пермии и Жития Стефана епископа Пермскаго». В тексте Н.М. Карамзина, указана не «старинная рукописная книга», а «древняя рукопись», не упомянуто «о Пермии».

Между тем, анализируя примечание в миллеровской рукописи можно выдвинуть предположение, что в нем могла идти речь о двух текстах, находящихся в «старинной рукописной книги за 200 лет и более» (т.е. рукописи XVI в. и старше) – некоего сочинения о Перми Вычегодской и собственно «Жития Стефана епископа Пермскаго» Епифания Премудрого (другого жизнеописания подвижника тогда не было). Конечно, можно возразить, что описание Пермской земли есть и в епифаниевом житийном тексте, но оно весьма небольшое – не более двух листов из более 100 листов (если считать и обороты) всего житийного текста. Важно отметить другое – ни в одном из известных списков Жития Стефана Пермского (а их более 50) разных редакции не воспроизведены сами образцы стефановской азбуки, а приведены только их названия. Следовательно, в руках составителя рукописи с азбукой, попавшей к академику Г.Ф. Миллеру, мог быть список Жития Стефана Пермского особого состава, сопровождавшийся дополнительными статьями о его миссионерской деятельности в Пермской земле.

Однако, хорошо известных книжникам по Житию Стефана Пермского названий пермских букв нет в миллеровском списке азбуки, но в примечании 125 к «Истории» они приведены (см. выше). Причем Н.М. Карамзин называет еще три буквы: «Ы, Е, Ѓ», которые прибавлены «в другом списке сей азбуки», а также замечает, что в этой азбуке «некоторые буквы изображены иначе». В.И. Лыткин, не видя миллеровского списка, усомнился в том, что Карамзин сам изучал другую азбуку, а сведения о ней мог почерпнуть из других примечаний к миллеровскому списку. Теперь мы, зная, что этих примечаний в нем не было, допускаем, что Н.М. Карамзин мог видеть и другие списки пермской азбуки, но, действительно, странно, как заметил В.И. Лыткин, что он их никак не характеризовал.

Названия же пермских букв Н.М. Карамзин мог взять, например, из текста Жития Стефана Пермского в редакции Великих Миней Четых митрополита Макария:

А, Буръ, Гай, Дой, Е, Жой, Зата, Зита, И, Коке, Леи, Мено,

Нено, Во, Пей, Рей, Сий, Тай, Цу, Черы, Шуя, Е, Ю, О [Слово о житии, 2003].

Они в основном совпадают с приведенными в примечании 125:

Ань, Баръ, Гай, Дой, Е, Жой, Зата, И, Коке, Лей, Мено,

Нено, О, Пей, Рей, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я.

Название же одной из воспроизведенных Н.М. Карамзиным букв (первой в последнем ряду в публикации и в миллеровском оригинале), сходной по начертанию с «Н», с русским аналогом «У», в обоих списках названий (Карамзина и Четых Миней) пропущено. Ее названия нет и в опубликованном в 1996 г. одном из древнейших списков Жития Стефана Пермского 1490-х гг. из Собрания кн. П.П. Вяземского № 10 [Святитель Стефан, 1995, с. 182]. Но в этом раннем списке названий букв есть те дополнительные буквы «Ы, Е, Ѓ», которые Н.М. Карамзин видел в неизвестном списке самой азбуки. Два из этих названий букв «Е» и «О» (замена «Ѓ»?) видны и в списке из текста Жития Стефана в Великих Четых Минейях, приведенного выше².

² Уже в недавнее время было точно установлено, что в азбуке, созданной Стефаном Пермским, было 27 букв, поскольку она сразу создавалась как цифровая система, где первые 9 знаков обозначали единицы, вторые – десятки, а третьи – сотни, с помощью которых с соответствующими значками можно было записывать числа до 999 999 [Морозов, Симон, 2008].

Исследования созданной первым русским ученым миссионером Стефаном Пермским азбуки древнего языка народа коми, список которой нашел свое место в собрании источников первого российского историографа академика Г.Ф. Миллера и был введен в научный оборот «Колумбом российской истории» Н.М. Карамзиным, должны быть продолжены.

Литература

- Голицын, 1899 — Голицын Н.В. Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899.
- Клепиков, 1959 — Клепиков С.А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.
- Клепиков, 1978 — Клепиков С.А. Филигрani на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978.
- Котылев, 2013 — Котылев А. Ю. Стефан Пермский и его время. Личность в эпоху Православного Возрождения XIV–XVI веков. Сыктывкар, 2013.
- Лыткин, 1952 — Лыткин В.И. Древнепермский язык: чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952.
- Миллер, 1791 — Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791 (впервые на немецком яз. издано в 1759 г.).
- Миллер, 1937 — Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1 (впервые отдельные части изданы в 1750–1764 гг.).
- Морозов, Симонов, 2008 – Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008, № 1. С. 3–21.
- Морозов, Симонов, 2018 – Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Стефан Пермский (XIV век) – яркий представитель Русского национального Возрождения // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI ежегодной международной научной конференции. Москва, 12–14 апреля 2017 г., М., 2018.
- Периодическое сочинение, 1813 – Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1813. № 27.
- Савваитов, 1858 – Савваитов П.И. Несколько примечаний к «Обзору русской духовной литературы» // ИОРЯС. 1858. Т. 5. Вып. 1. Стб. 92–96.
- Святитель Стефан, 1995 – Святитель Стефан: К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995.
- Слово о житии, 2003 – Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Елифаном, апреля 26 // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. 12: XVI век.
- Nova acta, 1790 – Nova acta Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae. 1790. Т. VI.

Археографическое наследие Н.И. Веселовского

В статье на основании архивных и опубликованных источников проанализировано археографическое наследие крупного востоковеда и археолога Н.И. Веселовского (1848–1918), прослежена его научная биография. Особое внимание уделено работе ученого над публикацией дипломатических документов о связях России с Востоком.

Ключевые слова: Н.И. Веселовский, Россия и Восток, Персия, дипломатические документы, Посольский приказ

Николай Иванович Веселовский (1848–1918) – востоковед и археолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук по разряду восточной словесности (с 1914 г.), профессор кафедры истории Востока Петербургского университета (с 1884 г.) и кафедры первобытной археологии Петербургского археологического института (с 1892 г.), член Археологического общества (1881 г.) и Императорской Археологической комиссии (1886 г.), председатель разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества (1908–1918 гг.) и других научных обществ [Бартольд, 1921; Латышев, 1921; Лазаревская, 2002; АН СССР, 1974, с. 190, с. XIII; РАН, 2009, с. 202; ИС АРАН].

Личный архив Н.И. Веселовского обширен, находится в нескольких архивохранилищах, состоит из рукописей, переписки, записей лекций, архивных выписок и копий исторических источников, вырезок из печатных изданий, переводов с арабского и персидского языков, изобразительных материалов, а также биографических материалов; вещевой фонд ученого, представленный археологическими предметами, находится в Эрмитаже и в Отделе археологических памятников ГИМ [Каталог, 2012, с. 665–666; РГАЛИ, ф. 118, 1822–1918 гг.; РО НА ИИМК РАН, ф. 18, 1855–1916 гг.; Якубовский, 1940, с. 290].

Биография Н.И. Веселовского кратко представлена в ряде справочных изданий, дублирующих подробную статью Б.В. Фармаковского [Ка-

талог, 2012, с. 665–666; Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга, 2003, с. 12; Белова, 1997, с. 49; Миргалеев, 2010, с. 4; Фармаковский, 1921, с. 2–22].

Н.И. Веселовский родился в Москве, курс классической мужской гимназии закончил в 1867 г. в Вологде, а в 1869 г. поступил в Петербургский университет на арабо-турецкое отделение факультета восточных языков. В возникновении интереса к историческим памятникам и склонности к научным знаниям, возможно, сказались не только атмосфера, царившая в университете, но и то, что будущий ученый воспитывался в семье, принадлежавшей к интеллектуальной среде. В знаменитом роде Веселовских было немало деятелей науки и культуры, дипломатов и военных. Дальние предки Николая Ивановича служили в Посольском приказе, посещали европейские и ближневосточные страны.

В студенческие годы Н.И. Веселовский усмненно осваивал персидский и турецкий языки; сохранилась его тетрадь-словарь с выписками из «Шах-намэ» Фирдоуси [РГАЛИ, 1871, д. 558]. В 1873 г. за дипломную работу «О податях и повинностях, налагавшихся монголами на побежденных народов» Веселовский получил золотую медаль от факультета восточных языков и был оставлен на кафедре истории Востока для подготовки магистерской диссертации. В 1877 г. Н.И. Веселовский защитил диссертацию «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего». Ему была присвоена степень магистра, а в 1878 г. – звание приват-доцента [РО ИИМК, д. 510; Веселовский, 1877].

В 1870–1880-х гг. Веселовский преподавал на кафедре, занимался историей бытования и изучения восточных языков в России, много времени уделял археологии и этнографии, был участником III Международного конгресса ориенталистов в Санкт-Петербурге (специально подготовил для этого мероприятия «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России») [Веселовский, 1879].

В начале 1890-х годов Н.И. Веселовским получил звание ординарного профессора. Это было время становления ученого как археографа. Накопленный им исторический архивный материал послужил основой трехтомной публикации «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» [Памятники, 1890; Памятники, 1892; Памятники, 1898]. Все тома «Памятников» были изданы под редакцией и с кратким предисловием Н.И. Веселовского. При подготовке

серийного издания учитывался опыт Императорского Русского исторического общества [Памятники, 1851–1871] и принципы публикации *Mémoires* («Записок», «Трудов») Императорского Археологического общества. «Памятники» Веселовского стали продолжением уже вышедших 20 томов «Трудов» Восточного отделения общества [Веселовский, 1896, с. 21].

Еще раньше Н.И. Веселовский начал публикацию отдельных источников (фрагментов посольских дел из внешнеполитической коллекции МГАМИД), касающихся приема и отпуска среднеазиатских послов в XVII–XVIII вв. Целью публикации фрагментарных текстов двух разновременных хивинских посольств (1636 г. и 1739 г.) было намерение «показать, как происходил у нас прием послов и их отпуск и каким характером отличались сношения русских государей с среднеазиатскими ханами» [Веселовский, 1884, с. 5]. Публикация содержала не только тексты, но и авторское введение и примечания исторического и археографического характера. В ссылках на источники Веселовский приводил архивную нумерацию посольских «дел» (Персидские дела, связка 3/а, № 1; Дела персидские. Статейный список Михаила Тиханова и Алексея Бухарова, связка 1/а) [Веселовский, 1884, с. 27, 38].

В предисловии к первому тому «Памятников» Н.И. Веселовский прежде всего охарактеризовал состав публикации, выделив 4 группы источников:

1) трактаты с 1588 г. по 1735 г.; 2) грамоты с 1603 г. по 1742 г.; 3) статейные списки с 1588 г. по 1692 г. в 23 книгах; 4) дела с 1592 г. по 1711 г.

Веселовский приступил, как он сам выразился, «к систематическому изданию документов по сношению Московской Руси с Персией и принял хронологический порядок для связи в распределении памятников» [Памятники, 1890, с. I–II]. Археограф подчеркивал необходимость максимально полного издания текста источников: «Много встречается в документах лишнего, но мы не считаем себя вправе сокращать дела. Сокращения допущены нами лишь при повторениях, зачастую встречающихся в официальных документах. ... При передаче текста мы допустили незначительные изменения в орфографии» [Памятники, 1890, с. II].

Для этого издания Веселовского характерны орфографические изменения текста: правописание и синтаксис XIX в., ссылки на особенности рукописей («правки в позднейшее время сделаны», «точки означают места столбцов, мышами попорченные»), уточнения исторического и

топографического характера («Берег – приток р. Оки»), ошибки и разночтения в именах (посол Булат-бек = Бутак-бек, купец Ази Хосров = Али Хосров), отсутствие научно-справочного аппарата. Последнее обстоятельство вынудило Н.И. Веселовского опубликовать дополнение к публикации [Веселовский, 1910].

Первый том «Памятников» включает в себя три основных раздела:

I. Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова (1588–1590) (посольские «персидские» книги № 1, № 3 и № 5; статейный список Г.Б. Васильчикова; «дела» касающиеся приездов персидских послов Анди бека, Булат-бека, Ази Хосрова и гонца Кая, а также гилянских послов Тюркомиля и Неамета); II. Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского (1594–1595) (статейный список А. Звенигородского; четыре перевода персидских грамот, присланных с гонцом Анди беком; «дело» о приезде гонца Анди бека и купца Ази Хосрова); III. Посольство князя Василия Васильевича Тюфякина с дьяком Семеном Емельяновым (1597–1599) (наказ послам; окончательные грамоты; царская грамота к шаху Аббасу; отписка из Астрахани членов посольства; статейный список) [Памятники, 1890].

В первом томе содержится дипломатическая документация русских посольств в Персию, охватывающая период правления царей Федора Иоанновича и Бориса Годунова. В основе публикации – первые 3 из 23 посольских «персидских» книг [РГАДА, ф. 77, д. 1–3; Рогожин, Богуславский, 2007].

В личном архиве Н.И. Веселовского сохранились рукопись «Памятников» в 7 частях и корректура первого тома [РО ИИМК, д. 99–105; Каталог, 2012, с. 675].

Второй том «Памятников» включает в себя четыре основных раздела:

I. Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина с дьяками Темиром Засецким и Иваном Шараповым (1600–[1603]) («дела», касающиеся четвертого приезда персидского посла Анди бека и отправления вместе с ним к шаху русской миссии; наказ послу; царские грамоты к шаху и воеводам приграничных русских городов для пропуска посольств); II. Посольство князя Ивана Петровича Ромодановского (1606–1607) (отрывок наказа послу); III. Посольство Михаила Никитича Тиханова с подьячим Алексеем Бухаровым (1613–1615) («дело», связанное с отпуском персидского посла Амир-бека

и отправлением вместе с ним русского посланника; переводы семи шаховых грамот и двух грамот от хивинского и бухарского ханов; отписок М.Н. Тиханова царю; наказ посланника и его статейный список); IV. Посольство гонца Ивана Брехова (1614–1615) («дело» об отправлении русского гонца и персидского посла Булат-бека; роспись церемониала приема Булат-бека; царская грамота шаху; наказ гонцу и его статейный список) [Памятники, 1892].

Второй том посвящен сношениям с Персией в период царствования Бориса Годунова, Смутного времени и начала царствования Михаила Федоровича.

В основе публикации – архивные источники, находящиеся в столбцах. Посольских «персидских» книг за время Смуты не сохранилось [РГАДА, ф. 77, столбцы, д. 1 (1607 г.), д. 1 (1613–1615 гг.)]. Из-за плохой сохранности источников в опубликованных текстах много пропущенных мест, а в подстрочных примечаниях ссылок на текстовые утраты меньше, чем в первом томе.

В кратком предисловии ко второму тому Н.И. Веселовский подчеркивает роль переводчиков и толмачей Посольского приказа, которые при переводе с персидского на русский язык испытывали «трудности с цветастым вступлением», «богословием», в начале царских грамот к шахам. По наблюдениям Веселовского, служащие Посольского приказа старались добросовестно перевести тексты и, несмотря на проблемы с персидским синтаксисом, «главную мысль излагали верно в переводе» [Памятники, 1892, с. I].

В публикацию вошли тексты на персидском языке. Это – «письма» (грамоты, челобитные) ханов, купцов, гостей. Они представлены одним оригиналом и двумя переводами XVII в. и XIX в., из которых один был выполнен профессором Петербургского университета В.А. Жуковским [Памятники, 1892, с. I].

Третий том «Памятников» содержит в себе пять разделов: I. Приезд в Москву и обратный отпуск персидского гонца Хозя Муртазы (1614) (роспись церемониала приема гонца; «дело» по его отправке к шаху; расспросные речи астраханских жильцов о приезде гонца); II. Посольство в Персию Федора Исаковича Леонтьева с дьяком Богданом Тимофеевым (1616–1617) (царские грамоты к шаху; наказ посланнику; «дело» по допросу Ф.И. Леонтьева; «дела» о третьем приезде посла Анди-бека, о пребывании купчины Мамет Касима, отправлении посольства Кая Сал-

тана и Булат-бека вместе с русским посланником; челобитная купчины Хозя Незамедина и его приказчиков); III. Посольство князя Михаила Петровича Барятинского, дворянина Ивана Ивановича Чичерина и дьяка Михаила Тюхина (1618–1620) (наказ послу; царские грамоты к шаху; «дело» об отпуске посольства; статейный список посла; челобитные сокольников, подьячих и толмачей; «дело» об аресте посла за провинность после его возвращения из Персии; «дела», связанные с русскими и иностранными подданными; отписки русских воевод приграничных городов); IV. [Вставка]. Дела Грузинские (1615–1616): поездка к шаху Аббасу гонца Григорья Шахматова («дело» об отпуске его к шаху с царской грамотой; перевод шаховой грамоты к царю); V. [Добавление]. Отпуск из Москвы персидских послов Кая Салтана и Булат-бека вместе с русскими посольством во главе с М.П. Барятинским (1618). «Дело» о приеме ответного персидского посольства Булат-бека (1619–1621). Фрагмент «дела» об ответном русском посольстве дворянина Василия Коробьина и дьяка Афанасия Кувшинова к шаху (1621–1624) [Памятники, 1898, 731 с.].

В основе третьего тома – «дела» в столбцах и посольская «персидская» книга № 6 [Памятники, 1898, с. 370–562; РГАДА, ф. 77, оп. 1, д. 6, 1618–1624, 4, 536 л.]. Подстрочные примечания редкие и по большей части относятся к внешним особенностям источников и порядку расположения листов, перепутанных местами.

Этот том стал последним в «Памятниках». Н.И. Веселовский «вынужден был прекратить опубликование документов по сношению с Персией» из-за недостатка финансирования проекта. Он был доволен тем, что удалось все-таки опубликовать статейный список из посольства князя М.П. Барятинского, а также «мелкие дела». Вместе с тем ученый сокрушался, т.к. не удалось издать ряд «крупных дел», к числу которых он относил: 1) отписки астраханских воевод о приезде гонца и купчины Миркете Сеита (1619) и записки о его приеме при дворе (1620); 2) отписки воевод приграничных городов о приезде кизылбашского гонца и купчины Хаджи (Хози) Аги Асана (1620); 3) «дела» о допросе персидского тезика Кербулайки Мирсалева, уличенного в воровстве купеческих товаров на гостином дворе у Миркете Сеита.

подавляющее большинство архивных источников было издано Н.И. Веселовским впервые. Из них в XVIII в. был издан только наказ М.П. Барятинскому (1618) [ДРВ, 1788, с. 1–135].

Н.И. Веселовский включил в публикацию большой комплекс исторических источников: проекты международных договоров, указы русским послам, статейные списки русских дипломатов за границей, челобитные иностранных послов в России, дипломатическую переписку русского правительства с иностранными державами в виде грамот, царские грамоты воеводам приграничных городов о пропуске посольств и ответные отписки воевод.

Несмотря на ряд недостатков издания, «Памятники» сохраняют до настоящего времени большое научное значение. Они неоднократно использовались в литературе как публикации ценного комплекса исторических источников.

На основе этой публикации, с дополнительным привлечением архивного материала РГАДА, были написаны две монографии П.П. Бушевым, который внес новый вклад в изучение истории русско-персидских отношений XVII в. [Бушев, 1976; Бушев, 1987].

Основной задачей своей деятельности Н.И. Веселовский считал исследование истории Востока и его отношений с Россией. Он по праву относится к числу выдающихся ориенталистов XIX–XX вв. Необходимо помнить и его крупный вклад в российскую и мировую археографию [Формозов, 1975, с. 8; Журнал ИРВИО, 1913, с. 117].

Литература

- АН СССР, 1974 — Академия наук Академия наук СССР. 250 лет. 1724–1974. Персональный состав. 1724–1917 / сост.: Б.В. Левшин (отв. сост.) [и др.]. М., 1974. Кн. 1.
- Бартольд, 1921 — Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // ЗВО. Пг., 1921. Т. 25. С. 337–355.
- Белова, 1997 — Белова Н.А. Николай Иванович Веселовский – видный деятель российской гуманитарной науки (краткая справка) // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). Археологические изыскания ИИМК РАН. СПб., 1997. Вып. 46. С. 49.
- Бушев, 1976 — Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. 478 с.
- Бушев, 1987 — Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М., 1987. 278 с.

- Веселовский, 1877 — Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. 364 с.
- Веселовский, 1910 — Веселовский Н.И. Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами. СПб., 1910. 32 с.
- Веселовский, 1884 — Веселовский Н.И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам МГАМИД / сост. Н. Веселовский. СПб., 1884. 40 с.
- Веселовский, 1896 — Веселовский Н.И. Речь, читанная в торжественном собрании Императорского Русского археологического общества 15 декабря 1896 года действительным членом, профессором Н. Веселовским. СПб., 1896. 32 с.
- Веселовский, 1879 — Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879. 162 с.
- Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга, 2003 — Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа / отв. ред. В.М. Массон. СПб., 2003.
- ДРВ, 1788 — Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений яко то: российские посольства в другия государства, редкия грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многия сочинения древних российских стихотворцев / изд. Н. Новиковым. Изд. 2-е. СПб., 1788. Ч. 5. Посольский наказ дворянину и наместнику Болховскому князю Михаилу Петровичу Борятинскому с товарищи, отправленным в посольство к персидскому шаху 7126 (1618 года). С. 1–135.
- Журнал ИРВИО, 1913 — Юбилей профессора Н.И. Веселовского // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1913. Кн. 3. С. 117.
- ИС АРАН – ИС АРАН. Персональный состав РАН. Веселовский Николай Иванович: [электронный ресурс; режим доступа: <http://isaran.ru>] (дата обращения: 18.10.2016).
- Каталог, 2012 – Каталог личных архивных фондов отечественных историков / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2012. Вып. 3: Вторая половина XIX – начало XX века, ч. 1: А–В.
- Лазаревская, 2002 — Лазаревская Н.А. Исследователь Средней Азии Николай Иванович Веселовский (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Записки Вост. отд. Рус. археол. о-ва. Новая серия / под ред. В.М. Массона. СПб., 2002. Т. I (XXVI). С. 494–497.
- Латышев, 1921 — Латышев В.В. Список научных трудов Н.И. Веселовского // ЗВО. Пг., 1921. Т. 25. С. 387–397.

- Миргалеев, 2010 – Миргалеев И.М. Предисловие редактора // Веселовский Н.И. Труды по истории Золотой Орды / под ред. И.М. Миргалеева. Казань, 2010. 192 с.
- Памятники, 1890 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1890. Т. 1: Царствование Федора Иоанновича. 453 с.
- Памятники, 1892 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1892. Т. 2: Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича. 445 с.
- Памятники, 1898 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1898. Т. 3. Царствование Михаила Федоровича (продолжение). 731 с.
- Памятники, 1851–1871 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851–1871. Т. 1–10.
- РАН, 2009 — Российская академия наук. Персональный состав: В 4-х кн. / сост.: Б.В. Левшин, В.И. Васильев [и др.]. М., 2009. Кн. 1. 1724–1917.
- РГАДА — РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. (Реестр II). Столбцы. Связка 1/5. Дела, касающиеся отправления посольства кн. А.Ф. Жирового Засекина; Связка 1/6. Д. 1. Ок. 1607 г. Отрывок наказа отправленному в Персию от царя Василия Иоанновича Шуйского российскому послу князь Ивану Петровичу [Шуйскому]; К. 13. Д. 1. 1613, нояб. – 1615, июнь. Отправление к шаху в посланниках дворянина Михаила Тихонова и подьячего Алексея Бухарова; Д. 1. 1614 июля 16 – 1615. Отправление к шаху в гонцах казанца сына боярского Ивана Брехова и толмача Степана Афонасьева.
- РГАДА — РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Д. (Кн.) № 1. 1588–1593. 4°. 304 л.; Д. (Кн.) № 3. 1590 – 1595. 4°. 159 л.; Д. (Кн.) № 5. 1590 – 1595. 4°. 117 л.
- РГАЛИ — РГАЛИ. Ф. 118. Веселовский Н.И. Оп. 1. 1289 ед. хр. 1822–1918 гг.
- РО НА ИИМК – РО НА ИИМК РАН. Ф. 18. Веселовский Н.И. (1848–1918), археолог, востоковед. 521 ед. хр. 1855–1916.
- Рогожин, Богуславский, 2007 – Рогожин Н.М., Богуславский А.А. Посольские книги конца XV – начала XVIII вв. // Восточная литература. [Электронный ресурс; режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html>] (дата обращения: 13.12.2016).
- Фармаковский, 1921 — Фармаковский Б.В. Н.И. Веселовский – археолог // ЗВО. Пг., 1921. Т. 25. С. 359–386.
- Формозов, 1975 — Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // Сов. археология. 1975. № 4. С. 5–13.
- Якубовский, 1940 – Якубовский А.Ю. Из истории археологического изучения Самарканда // Труды отдела истории культуры и искусства Востока гос. Эрмитажа. Л., 1940. Т. 2. С. 208–300.

А.В. Мельников

Докладная записка М.М. Богословского 25 марта 1919 г. в Главное архивное управление и проблема научной разработки архивного материала*

В статье рассматривается докладная записка 1919 г. историка М.М. Богословского (1867–1929), адресованная в Главное архивное управление – ценный историографический источник для изучения архивоведческих представлений ученого, его научно-организационной и педагогической деятельности в области архивоведения и археографии.

Ключевые слова: история России, историография, архивоведение, археография, история архивного дела в СССР, М.М. Богословский

В послереволюционные годы выдающийся историк и педагог академик М.М. Богословский (1867–1929), как и многие его коллеги в Москве, Петрограде, провинции активно включается в архивное и музейное строительство, в развернувшееся во всероссийском масштабе краеведческое движение. Руководствуясь профессиональным долгом, интересами науки и высшего образования ученые делали все возможное, чтобы сохранить культурное наследие и профессиональные традиции науки.

К 1919–1921 гг. относится ряд докладов М.М. Богословского по проблематике архивоведения и археографии, краеведения, музейного дела, историографии. Из них был опубликован при жизни автора только программный содержания доклад «Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи», произнесенный в декабре 1921 года на прошедшей в Москве Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, созданной Академическим центром [Богословский, 1923]. Доклад представлял развернутую программу краеведческих исследований во взаимосвязи с академической наукой.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00443а.

Доклад в ОИДР 25 мая 1921 г. «Русская историография за 10 лет со дня смерти В.О. Ключевского (12 мая 1911 г. – 12 мая 1922 г.)» не обнаружен. В протоколах ОИДР имеется только краткое его резюме, а в «Русском историческом журнале» он упомянут в разделе научной хроники [см.: РИЖ. 1922. Кн. 8, с. 323; Бухерт, 2004, с. 162]. В этот день Ю.В. Готье отметил в дневнике: «Десять лет со смерти Ключевского. Панихида и заседание Обществе истории и древностей российских... Отличный обзор русской историографии за 10 лет, сделанный Богословским» [Готье, 1997, с. 464]. Предварительная договоренность редакции журнала «Дела и дни» о печатании доклада М.М. Богословского в ближайшем выпуске журнала не была реализована [см. письмо А.И. Андреева М.М. Богословскому 30 апреля 1921 г.: ОПИ ГИМ. Ф. 442 (М.М. Богословский). Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 68–68 об.]. Сам же он рекомендовал к публикации статью своего ученика С.А. Голубцова, впоследствии напечатанную в «Русском историческом журнале» [Голубцов, 1922].

К программным проектам М.М. Богословского этих лет относятся и его докладные записки по вопросам архивного и музейного строительства. В работе М.М. Богословского как организатора науки в сфере архивного и музейного дела обнаруживается много общих сюжетов в исследовательской тематике и направлении научно-педагогической деятельности, и их допустимо рассматривать во взаимосвязи. В настоящей же заметке мы ограничиваемся сферой архивного дела [о записках М.М. Богословского в области музейного дела, участии его в реформе и научно-исследовательской деятельности Российского исторического музея см. подробнее: Отчет ГИМ, 1926; Закс, 1960, с. 301–327; Мельников, 2003; Мельников, 2004].

Ко времени участия в архивной реформе М.М. Богословским был накоплен богатый опыт историка-исследователя и архивиста-практика. Впервые в архив для поиска материалов к работе о писцовых книгах М.М. Богословский пришел еще студентом осенью 1889 г. [Богословский, 1987, с. 43–44] и все дальнейшие годы он оставался постоянным посетителем МГАМИД и МАМЮ, разрабатывая источниковую базу своих фундаментальных исторических исследований [см.: Шохин, 1999, с. 336].

Небезынтересно напомнить и о том, что первые навыки практической архивной работы М.М. Богословского также относятся к ранним годам его научной деятельности. В течение 1898–1899 гг. по приглашению профессора Московского университета Н.Я. Грота он исполнял

обязанности его помощника по заведыванию Архивом Московского дворянского собрания [Богословский, 1928, с. 139].

М.М. Богословский изнутри был знаком с проблемами российского «архивного нестроения». Он практически ежедневно общался с таким выдающимся архивистом как С.К. Богоявленский, сходилась во мнениях о судьбах архивного дела с С.А. Белокуровым, М.К. Любавским, Ю.В. Готье и другими московскими историками и архивистами.

Участие М.М. Богословского в архивной реформе находит отражение в протоколах организованного Д.Б. Рязановым «частного» совещания профессоров Московского университета и представителей московских архивов по обсуждению «плана централизации русских архивов» в связи с декретом 1 июня 1918 г. [Бухерт, 2004, с. 152], в обсуждении планов научно-издательской деятельности Главного архивного управления. О последнем подробно говорится в диссертационной работе И.И. Глебовой [Глебова, 1996]. В 1919–1923 гг. М.М. Богословский выступил инициатором возобновления серийных публикаций документов – «Докладов и приговоров правительствующего Сената», «Актов Московского государства» [Шохин, 1999, с. 423], организовал коллективную работу по подготовке к печати дела о стрелецком розыске 1698 г. [см.: Восстание, 1980, с. 8; Мельников, 2005, с. 438], активно включился в работу по созданию профессионального архивного журнала, и, как отмечено в исследованиях В.О. Седельникова, первый выпуск «Архивного дела» выпущен был под его редакцией [Седельников, 1983, с. 142, 146]. Приходилось ему выступать и посредником в налаживании конструктивных отношений между архивным ведомством и Академией наук по вопросу предоставления архивных документов в пользование И.А. Бычкову (продолжавшему готовить очередные тома «Писем и бумаг императора Петра Великого»), ходатаем перед государственной властью и Академией наук в защите центральных московских исторических архивов от фактического их разгрома, наступившего в конце 1921 – начале 1922 гг., когда на весь штат сотрудников бывшего МГАМИД и МАМЮ остались из сотрудников только М.М. Богословский, С.К. Богоявленский и два их помощника. Существенна роль М.М. Богословского и в защите социальных интересов архивистов по линии Экспертной комиссии ЦЕКУБУ, в привлечении молодежи на архивную работу.

М.М. Богословский тем самым сопричастен к ряду практических мероприятий отдела XVIII в., Научно-теоретического отдела Главархи-

ва, возглавляемых им в 1919–1923 гг. Однако роль его как организатора привлечения молодежи на архивную работу, значение выступлений его на ведомственных совещаниях, на первой Всероссийской конференции архивных деятелей с проектами организации научной разработки документальной базы архивов еще недостаточно раскрыта.

Особый интерес для изучения взглядов М.М. Богословского на архивное дело представляет его докладная записка от 25 марта 1919 г., адресованная в Главное архивное управление в связи с проведением совещания председателей секций ЕГАФ по вопросу обсуждения общего положения об архивах. В ней в наиболее полной мере сформулированы основные идеи М.М. Богословского о роли и задачах архивов в развитии исторической науки, целях исторических исследований, существовании научных документальных публикаций. Интерес представляют предложения по организации работы архивов, путем превращения центральных московских исторических архивов фактически в научно-исследовательские институты.

Автограф записки и подготовительные материалы к ней не выявлены. Текст ее известен в трех экземплярах. Подлинник – первый авторизованный экземпляр машинописи (дата и подпись – автограф), напечатанный еще по дореформенной орфографии, отложился в фонде Главного архивного управления [ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 66. Л. 7–10 об.]. В ОПИ ГИМ хранится второй (идентичный) экземпляр машинописи, недатированный и неподписанный, содержащий более позднюю авторскую правку. Здесь же и автограф «положений» (тезисов) доклада М.М. Богословского «Научная разработка архивных материалов», прочитанного на I-й Всероссийской конференции архивных деятелей 1921 г. [ОПИ ГИМ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–11]. Копия записки (напечатанная уже по новой орфографии) отложилась в архиве Канцелярии РГАДА [РГАДА. Ф. 1 (Канцелярия РГАДА). 1919 г. Д. 2а. Л. 25–27 об.].

Впервые на документ из ОПИ ГИМ обратил внимание Л.В. Черепнин, рассмотревший его как источник представлений М.М. Богословского об организации научного труда [Черепнин, 1974, с. 128–129]. Изучивший этот документ по материалам архива РГАДА Л.И. Шохин, привлек его как пример положительной оценки выдающимся ученым работы МАМЮ времен Н.В. Калачова и Н.А. Попова [Шохин, 1999, с. 219–220]. Несколько страниц своего исследования этому документу как источнику архивоведческих представлений М.М. Богословского посвятила

Т.И. Хорхордина, обратившаяся к копии записки из РГАДА, впервые введенной в научный оборот Л.И. Шохиним. Т.И. Хорхордина рассматривает положения записки в свете сформулированной ею концепции развития архивной науки в России, относя их к «классическому архивоведению». Следует согласиться с выдвинутым автором тезисом, что «научное наследие Богословского как архивоведа и историка-архивиста практически остается неисследованным. Не изданы рукописи, отражающие его участие в архивном строительстве первых послереволюционных лет» [Хорхордина, 2003, с. 333–336].

Записка М.М. Богословского «по вопросу о научной разработке архивных документов и об организации персонала служащих в архивах таким образом, чтобы часть его могла всецело посвящать свои силы ученому обследованию документов», как она обозначена в протоколе заседания Коллегии Главного управления архивным делом от 4 апреля 1919 г., была заслушана с неподдельным интересом. Коллегия «пришла к признанию целесообразности всех предложений М.М. Богословского», а Д.Б. Рязанов специально счел необходимым подчеркнуть, что он «с этой целью именно и пригласил в состав служащих» ГУАД профессоров А.Н. Савина и М.М. Богословского [ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 6. Л. 117 об.–118].

М.М. Богословский, приветствуя достижения первого года архивной реформы – издание положения о едином государственном архивном фонде, принятие мер к охране документов, которым угрожала какая-либо опасность, создание новых архивов в столицах и в провинции, организацию архивной инспекции для надзора за целостью и сбережением архивного фонда от гибели, расширение штатов служащих для усиления архивной работы в существовавших уже архивах, открытие особых архивных курсов для распространения знаний, необходимых для архивного дела, создание центрального органа для управления архивами и попечения о них в виде Главного архивного управления, выражал надежду, что все эти заботы «не окажутся напрасными», что «исторические документы не будут пропадать; архивный фонд будет расти, пополняться и бережно храниться целесообразно устроенными архивными учреждениями, и русская историческая наука будет признательна лицам, потрудившимся над сбережением памятников отечественной истории» [ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 66. Л. 7].

Но задачи архива, как научного учреждения, по мнению автора документа не должны ограничиваться только «накоплением и хранением ар-

живных запасов». Архивные материалы, «все эти бесчисленные рукописные документы», не подвергнутые научному исследованию и научной обработке, – «совершенно мертвый капитал, ненужный и лишний груз, балласт, напрасно занимающий обширные и дорогие здания» [ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 66. Л. 7]. В этой столь максималистски сформулированной идее выражен основной для ученого критерий изучения архивных источников. Это было своего рода научное кредо М.М. Богословского, которому он следовал в течение всей жизни. Характерно замечание в одном из его первых печатных трудов: «Печальна судьба памятников русской истории, лежащих под нетронутым слоем пыли в каком-нибудь архиве или библиотеке, осужденных какою-то злою судьбою оставаться неизвестными для науки» [Богословский, 1898, с. 1].

Руководствуясь собственным опытом изучения многообразной архивной документации XVI–XVIII вв., отложившейся в центральных исторических архивах, когда зачастую приходилось просматривать огромное количество необработанных еще документов, разбирать неописанные связки [см.: Шохин, 1999, с. 338], М.М. Богословский имел право утверждать, что «архивные материалы получают цену и становятся, действительно, национальной драгоценностью только в том случае, если к ним прикасается научное исследование, если они подвергаются научной обработке и через нее в виде научных или хотя бы общедоступных исторических работ входят в общественное сознание» [ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 66. Л. 7].

Замечательные мысли, выраженные четким и характерным для М.М. Богословского изящным стилем, представляют интерес и для оценки его методологических представлений. Историк подчеркивает значение исторической науки для формирования элементов исторических знаний в обществе, развития культуры, мировоззрения. Факт как таковой, содержащийся в изданном документе, может стать «достоянием общественной мысли не иначе, как претворяясь путем научной обработки в доступную для более или менее широкой публики историческую литературу», так как «сырых исторических материалов никто, кроме самых немногих ученых историков специалистов, не читает и читать не будет. Только побывав на письменном столе специалиста историка и подвергнувшись воздействию его исследовательской анализирующей или обобщающей мысли, исторические документы, послужившие материалами для ученой диссертации или простого исторического повествования, становятся

элементами исторических знаний в обществе, увеличивают его духовное богатство, влияют на его мировоззрение. Только при прикосновении творческого пера историка оживают имена, упоминаемые в памятниках, воскресают образы прошлого, и ветхие грамоты начинают звучать говорящей нашему уму и сердцу речью. Без организующего, творческого воздействия историка документы остаются грудой праздно лежащего ненужного материала, подобно рассыпанным камням, бесполезным без строителя, обладающего способностью обращать эти камни в здание. Из всего этого ясно, что одно только накопление и сберегание архивного фонда без его научной обработки совершенно бесполезно» [ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 66. Л. 7–7 об.].

Практический способ реализации широкой программы строго научной разработки архивных материалов М.М. Богословский видел в первую очередь в восстановлении привычных форм организации научной работы, и, что особенно важно, в разработке новых подходов к научно-педагогическому творчеству. Как историк-исследователь, он высоко ценил роль именно диссертационных монографических работ по русской истории, которые способствовали движению исторической мысли, приращению научных достижений. Сложившаяся на тот момент ситуация, когда ученый не имел материальных возможностей для публикации исследований, вела к тому, что такие «условия, несомненно, повлияют на нашу ученую производительность и не только затормозят движение нашей специальной ученой исторической литературы, но и совсем, может быть, убьют его. Архивные материалы останутся без научной обработки, и наши архивы обратятся в рудники полные драгоценных залежей, но бесполезные, потому что руда из них не добывается, не обращается в изделия и не поступает в общественное пользование» [ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 66. Л. 8–8 об.].

Преодоление этого кризиса автор видел в государственной поддержке не только в деле собирания, хранения, описания, опубликования архивных богатств, но и в организации строгой системы их научной разработки, в виде создания самими архивами на их основе исторических исследований. М.М. Богословскому осуществление такой программы виделось в совместной работе историков и архивистов. Он активно ратовал за необходимость привлечения в архивы молодых ученых, оставленных при университете, которые, получая материальную поддержку в виде жалованья, могли бы вести и научную разработку архивного мате-

риала по своим темам. Он рассматривал такую работу как коллективный творческий акт, напоминающий работу ученых естествоиспытателей в лабораториях и научно-исследовательских институтах, где крупный ученый руководит широким спектром научных исследований, а его ученики разрабатывают отдельные аспекты основной темы.

Эта мысль характеризует и педагогический опыт М.М. Богословского. Он, по-видимому, не раз возвращался к ней. Характерна запись в его мемуарах середины – второй половины 1920-х гг. о В.О. Ключевском, где много размышлений о научно-педагогическом призвании профессора. В частности, вспоминая о своих первых шагах в выборе темы для диссертации, М.М. Богословский развивает мысль о том, насколько увереннее и главное результативнее для общего дела были бы подобные поиски, если бы в подготовке диссертационных исследований «была установлена планомерность, такая, напр[имер], какая существует в составлении диссертаций по естественным наукам и по медицине», когда «профессор, опытный ученый, ведущий крупное в обширных размерах исследование и встречая на пути немало частных отдельных вопросов, ответы на которые необходимы иногда как данные и для его большого исследования, поручает их разработку молодым ученым, ассистентам его лаборатории, кабинета или клиники. Эти маленькие вопросы и берутся в качестве тем для диссертаций». И далее – размышления о том, насколько плодотворнее научная работа, организованная наподобие мастерской и, что «в особенности это надо сказать о русской истории в Москве. Наши громадные, богатые архивы — ведь это та же лаборатория, ожидающая коллективного труда. Разработка этих драгоценных материалов не по силам одинокому работнику; эти материалы могут служить основанием для исследований в очень широком масштабе, и такие исследования и могли бы быть предпринимаемы группой молодых ученых под руководством старшего и опытного.

Такая планомерная работа была исполняема, напр[имер], в Киевском университете учениками проф[ессора В.Б.] Антоновича под его руководством по обследованию отдельных древнерусских земель. Тем производительнее такая его постановка была бы в московских архивах. Какими широкими задачами можно бы при коллективной организации архивной работы задаваться! Мне могут возразить, что в таком случае руководитель-профессор будет пользоваться рабочей силой учеников для своих целей, просто будет поручать им черновую работу, а сам будет

сбирать плоды. Я не такую организацию разумею. Каждый из молодых ученых, участвовавших в этой коллективной работе, берет себе небольшой, но совершенно самостоятельный вопрос, исследование которого он доводит до конца сам, придавая ему вполне законченную форму. Это будет самостоятельное, законченное, даже, может быть, обремененное в совершенную литературную форму исследование. Что за беда, что оно будет частным и окажется соподчиненным, наряду с другими изысканиями, более общему исследованию, войдет как часть в некоторое более общее целое! Ведь мы же гордимся только тем, что выводы наших монографий вводятся затем в общие курсы и в произведения общего характера. Ведь это цель каждой монографии – послужить общему делу разработкой частного вопроса...» [Богословский, 1987, с. 50–51].

В бывшем МГАМИД под началом М.М. Богословского работали прошедшие его научно-педагогическую школу в Московском университете, в Московской духовной академии, на Московских Высших женских курсах истории и архивисты Н.М. Дружинин, А.А. Новосельский, И.Ф. Рыбаков, А.А. Сергеев, И.А. и С.А. Голубцовы, Б.И. Иванов, Н.А. Бакланова и др. Именно тогда Н.М. Дружинин, по его словам, впервые приобщился к работе над архивными документами, «начал дышать воздухом архивной работы». Он помогал М.М. Богословскому разбирать документы фонда «Кабинета Петра Великого», незадолго до того перевезенного вместе с Государственным архивом в Москву, сопоставлял «Юрнал» Петра I и дневник Гюйсена. В это время М.М. Богословский «был поглощен новой темой, когда он изо дня в день, на основании огромного печатного и архивного материала, писал увлекавшую его работу “Петр Великий”» и с «искусством и тактом педагога» руководил действиями Н.М. Дружинина «по разбору сложного наследства Петра Великого» [Дружинин, 1990, с. 18, 108, 191].

Очень важно подчеркнуть наблюдение Н.М. Дружинина о педагогической составляющей в работе М.М. Богословского как архивиста. Научно-педагогическая школа М.М. Богословского, наряду с высшими учебными заведениями – Московским университетом, Московской духовной академией, Московскими Высшими женскими курсами, Институтом истории РАН ИОН – формировалась и в архивной среде.

Архив М.М. Богословский воспринимал как учреждение преимущественно научное. Поэтому он и в записке в Главное архивное управление и в более поздних докладах с упорством утверждал мысль о значении

московских центральных исторических архивов, которые могли бы стать чем-то вроде научно-исследовательских институтов, где бы создавались научные труды, основанные на архивных первоисточниках. Автор записки обращал внимание на то, что такая идея не нова, что во времена Н.В. Калачова, Н.А. Попова так именно смотрели на задачи архива и не ограничивали их «слишком односторонним пониманием задач архива», то есть сугубо целями сохранения и инвентаризации архивной документации, как было характерно в годы управления МАМЮ Д.Я. Самоквасовым.

Осенью 1921 г. на I-й Всероссийской конференции архивных деятелей М.М. Богословский выступил с докладом «Научная разработка архивных материалов». Исследуемая записка послужила текстом доклада. Возможно, что именно экземпляр ее, хранящийся в ОПИ ГИМ.

Правка в тексте отражает новые реалии в исторической науке после 1919 г. Например, рост расходов на издание научной литературы, когда вместо 50–75 тысяч рублей, требующихся для публикации книги в 20–25 листов, требуются миллионы [ОПИ ГИМ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 38. Л. 8]; организация Российской ассоциации институтов общественных наук, в частности и Института истории: после слов «... и для исторических работ также необходимы своего рода институты, как бы исторические лаборатории, и такого рода институты на Западе уже существуют и плодотворно работают во многих научных центрах» вставлено: «Как раз теперь и у нас открываются такие институты и между ними также и исторический институт. Но это – учреждение слишком огромное по размерам, по числу входящих в него историков. М[ожет] б[ыть] всего 10–20 арх[ивных] раб[отников]» [ОПИ ГИМ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 38. Л. 9]. Был добавлен пункт о необходимости формирования в провинции ученых организаций «вроде ученых архивных комиссий», которые могли бы взять на себя организацию охраны и разработки архивных материалов на местах [ОПИ ГИМ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 38. Л. 10].

Доклад был заслушан участниками конференции с видимым интересом, но характерно, что председательствующий В.В. Максаков предложил «в силу ясности доклада М.М. Богословского» прения по нему не возбуждать и ограничиться принятием общей резолюции [Пичета, 1923, с. 116, 129; Хорхордина, 1994, с. 122–123].

Организации нормальной научной работы архивов мешал произвол в кадровой политике со стороны архивного руководства после 1921 г., когда к управлению пришли новые люди во главе с М.Н. Покровским.

Изменился приоритет научных исследований, большее внимание было обращено на расширение штатов уже имеющихся и создание новых архивов, хранящих документацию революционного времени и разработку их материалов. Массовое же увольнение сотрудников в конце 1921 г. в бывшем МГАМИД и МАМЮ грозило поставить на грань гибели эти ценнейшие документальные комплексы [см.: письмо М.М. Богословского С.Ф. Платонову 26 декабря 1921 г. / 8 января 1922 г. (СПФ АРАН. Ф. 1 (Конференция АН). Оп. 2–1922. Д. 1. Л. 32–32 об.); записку 19 января 1922 г. бывших сотрудников МАМЮ в ОИДР с призывом в защиту архива (ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 48. Л. 118–120 об.); Бухерт, 2004, с. 155]. Показательно, что в экземпляре записки из ОПИ ГИМ, перечеркнут абзац: «Притом фактически и персонал обоих архивов за последнее время подобрался так, что без какой-либо особой реформы, без всякой ломки, он мог бы плодотворно разрешать эту новую задачу научной обработки заключающихся в архивах источников. В том и другом архиве находится на службе значительное количество научных сил в виде университетских профессоров и преподавателей и молодых людей, оставленных при университете. Эти научные силы и могли бы быть приложены к разработке архивного материала, которая таким образом должна быть введена в круг их прямых служебных обязанностей в архиве» [ОПИ ГИМ. Ф. 442. Оп. 1. Д. 38. Л. 9 об.].

Явственное противоборство со стороны архивного руководства такому направлению в работах центральных московских исторических архивов, конечно, было прямо противоположно тому, за что ратовал М.М. Богословский. Потому идеи его лишь в незначительной мере могли найти пути реального воплощения. Но они имели, безусловно, высокое эмоциональное звучание и могут рассматриваться как значительное явление в развитии архивоведческой мысли.

Литература

- Богословский, 1898 — Богословский М.М. Несколько слов об одном проекте реформ XVI в. М., 1898.
- Богословский, 1923 — Богословский М.М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: Сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. Нижний Новгород, 1923. С. 118–124.

- Богословский, 1928 — Богословский М.М. Из воспоминаний о Н.А. Рожкове // Ученые записки Института истории РАНИОН. 1928. Т. 5. С. 129–145.
- Богословский, 1987 — Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие) / сост. Л.А. Черная; отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1987.
- Бухерт, 2004 — Бухерт В.Г. Общество истории и древностей российских при Московском университете в 1917–1929 гг. // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 149–165.
- Восстание, 1980 — Восстание московских стрельцов. 1698 год (Материалы следственного дела): Сб. док. / сост., авт. ист.-археогр. обзора и коммент. А.Н. Казакевич. М., 1980.
- Глебова, 1996 — Глебова И.И. Отечественные публикации по истории внутренней политики России конца XIX – начала XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996
- Голубцов, 1922 — Голубцов С. А. Теоретические взгляды В. О. Ключевского (1911 – 12 мая – 1921) // РИЖ. 1922. Кн. 8. С. 178–202.
- Готье, 1997 — Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.
- Дружинин, 1990 — Дружинин Н.М. Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990.
- Закс, 1960 — Закс А.Б. Из истории Государственного исторического музея (1917–1941) // Очерки по истории музейного дела в России. М., 1960. Вып. 2. С. 300–359.
- Мельников, 2003 — Мельников А.В. Научно-педагогическая деятельность академика М.М. Богословского в Государственном историческом музее в 20-е гг. XX в. в контексте развития источниковедения // Науки о культуре – шаг в XXI век: Сб. мат-лов ежегодной конференции-семинара молодых ученых, Москва, 23–24 декабря 2002 г. / Рос. ин-т культурологии. Науч.-образоват. центр; РАН. Науч. Совет по изучению и охране культур. и природ. наследия. М., 2003. С. 189–193.
- Мельников, 2004 — Неопубликованная статья академика М.М. Богословского 1924 г. «Имущество архимандрита Воскресенского монастыря Никанора 1686–1698» // Патриарх Никон и его время Сб. науч. тр. М., 2004. С. 290–313.
- Мельников, 2005 — Мельников А.В. К истории рукописи М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» (Предварительные археографические наблюдения) // Богословский М.М. Петр Великий: Материалы для биографии. В 6 т. М., 2005. Т. 1. С. 432–477.
- Отчет ГИМ, 1926 — Малицкий Г.А. Сводка материалов Комиссии по реорганизации Российского исторического музея // Отчет Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. М., 1926. Прилож. I. С. 1–29.

- Пичета, 1923 — Пичета В.И. 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей (Москва, 29 сент. – 3 окт. 1921 г.) // АД. 1923. Вып. 1. С. 102–133.
- Седельников, 1983 — Седельников В.О. У истоков журнала «Архивное дело» (1921–1925 гг.) // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 139–153.
- Хорхордина, 1994 — Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994.
- Хорхордина, 2003 — Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория, Люди. М., 2003.
- Черепнин, 1974 — Черепнин Л.В. Академик Михаил Михайлович Богословский // ИЗ. М., 1974. Т. 93. С. 223–271.
- Шохин, 1999 — Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX—начале XX века. М., 1999.

Проект В.В. Шереметевского об устройстве Архивного музея (1927 г.)

Впервые публикуется проект известного архивиста В.В. Шереметевского (1863–1943) 1927 г. об организации «Архивного музея».

Ключевые слова: Историк и архивист В.В. Шереметевский, история архивного дела в СССР

Жизнь и вся научная деятельность известного архивиста Владимира Владимировича Шереметевского (1863–1943) связана с Московским архивом Министерства юстиции [Ястржембский, 1997], куда он поступил на службу в январе 1888 г. [Ткачева, 1978] и где фактически стал (с 1898 г.) редактором описей и изданий архива [Шохин, 1987, с. 196]. При «выдающихся способностях и обширных знаниях» В.В. Шереметевский «выделялся усердием ко всякому порученному ему делу» [Шохин, 1999, с. 248], что со всей наглядностью проявилась и в его работе по описанию документов Разрядного приказа, снискавшей ему признание широкого круга ученых. Последующая деятельность В.В. Шереметевского оценивалась значительно скромнее, отмечалось, что в «послереволюционный период» он «смог только обобщить и изложить в популярной и учебной форме накопленные им знания и объяснить свои методические приемы» [Шохин, 1999, с. 435]. Что дело обстояло не совсем так, что В.В. Шереметевский стремился принимать самое активное участие в постановке и решении вопросов реорганизации архивного дела свидетельствует его проект (датированный 18 марта 1927 г.) об устройстве «Архивного музея». При разработке проекта В.В. Шереметевский опирался не только на знания, полученные им при описании документов Разрядного приказа, но и на весь свой чрезвычайно богатый опыт архивиста. Проект В.В. Шереметевского есть развитие идеи И.А. Маяковского¹ о создании в структуре Единого государственного архивного фонда архивных музеев-выставок. В них, по мнению, Маяковского должны были

быть «сосредоточены в образцах все приемы техники архивного дела и ее новых достижений, а также методы археографической работы»².

Рукопись проекта В.В. Шереметевского была обнаружена в Архиве Российской академии наук (РАН) в фонде В.В. Максакова³ (Ф. 1646).

Архивный музей

Архивный музей может быть двоякого типа: 1) Архивно-образовательный, предназначенный для ознакомления архивных сотрудников со всеми видами архивного материала и с рациональной постановкой архивных работ, 2) Публичный, в полном смысле этого слова, предназначенный, как мы видим это на примере Парижского «Musée des Archives Nationales», для ознакомления большой публики, как с наиболее типичными формами старого делопроизводства, так и с характеризующими известное историческое событие или лицо подлинными документами («faire connaître au public les transformations que l'écriture a subies, les formes jadis imposées aux actes... et les documents historiques les plus intéressants»).

Преследование той и другой цели, без сомнения, должно дать Архивному музею как центральному специальному научному учреждению, полноту и стройность организации, обеспечивающей ему возможность содействовать успеху архивного дела. Архивный музей, организованный на упомянутых началах, едва ли не должен состоять из трёх следующих отделов: 1) Архивно-технического, 2) Археографического, 3) Исторического:

И. Отдел Архивно-технический.

Предметом его экспозиции должны служить:

а) Архивохранилища

1) планы, 2) фотографии и рисунки.

б) Архивоместилища

Образцы подлежащего хранению архивного материала разных форматов и объёмов (столпы, столпики, книги, вязки, дела, отдельные документы).

1) стеллажи, шкафы, полки (фотографии, рисунки, модели).

2) шкафы, сундуки (coffres-forts⁴), ящики, витрины (фотографии, рисунки, модели и самые предметы).

3) коврики, картоны, коробки, футляры, папки, папки с клапанами, полупапки, обложки (фотографии, рисунки и самые предметы).

в) Упорядочение документов с внешней стороны

1) пагинация (правила и образцы).

2) переплёт (старые и новые переплёты, переплетённые столбцы)

3) подшивка дел (образцы, сшитые столбцы б[ывшего] М[осковского] архива Мин[истерства] ин[остранных] дел).

4) прессы.

5) пылесосы.

г) Охрана документов

1) от похищения (правила, пропуски, штампы, штемпеля).

2) от стихийных бедствий и вредных влияний, равно как от вредителей животного царства – грызунов и насекомых (противопожарные правила, огнегасители, способы борьбы с сыростью и вредителями, образцы дефектных документов, пострадавших от пожара, сырости и вредителей, всякого рода «россыпь» и «рознь»).

д) Реставрация документов

Способы реставрации и образцы реставрированных документов.

е) Ориентировка в архивохранилище

1) топографические указатели, печатные «путеводители» и «памятные книжки», картотеки.

2) шифры, таблицы, надписи, ярлыки.

ж) Использование архивного материала с практическими целями

1) «Азбуки» и Алфавиты, старые и современные, служащие пособием для выноса справок.

2) правила выноса справок, образцы справок старых и современных.

з) Утилизация архивного материала

1) правила

2) образцы макулатуры

В общем отдел при наличии в нём компетентного руководителя должен знакомить не только с постановкою техники архивного дела в России в прошлом и настоящем, но и с усовершенствованиями, вырабатываемыми практикою заграничных архивов.

II. Археографический отдел.

A. Подотдел палеографии

а) Писчий материал (образцы)

б) Характер письма:

1) устав, полуустав, скоропись до XVIII века включительно

- 2) белорусское письмо
- 3) вязь, взметы, лигатуры
- 4) тайнопись (шифры)
- в) Аутентичность архивного материала

- 1) приписи, справки, скрепы, рукоприкладства, контрассиговки.
- 2) печати, матрицы, кустодии.
- 3) инородческие «знамёна»⁵

г) Руководства к чтению рукописей

д) Орнаментация и иллюстрация архивного материала

- 1) рисунки, миниатюры виньетки
- 2) заставки и концовки

Б. Подотдел описей и изданий

а) Описательная деятельность

1) объект описания (образцы наиболее типичных по форме документов XVII и XVIII веков⁶)

2) процесс описания (правила, бланки, карточки)

3) результаты описания (образцы рукописных описей старых и новых, описательные курьёзы, опись описей).

б) Издательская деятельность

1) правила транскрипции

2) издания, заключающие в себе архивные описи, архивные обозрения и архивные материалы.

В этом подотделе должны быть сосредоточены полные комплекты изданий всех архивов. Могут входить и портреты архивных деятелей. Лица, интересующиеся архивным делом должны иметь ближайший доступ к экспонатам подотдела и надлежащее руководство при ознакомлении с ними.

III. Исторический отдел или Постоянная архивная выставка.

Парижский архивный музей имеет целью представить историю Франции путём подбора и экспозиции соответствующего архивного материала («une sorte de l'histoire de France faite par les monuments écrits»). Такую же цель должна преследовать и наша архивная выставка. Само собою разумеется, что эта цель может быть достигнута только путём экспозиции подлинных архивных документов, а не фотографических с них снимков.

Какое значение может иметь, например, экспозиция фотографического снимка с автографа Петра I⁷, автографа, уже сотню раз перепе-

чатанного в разных изданиях? Только подлинный документ, бывший в руках того или другого исторического лица, может ввести посетителя музея в обстановку той или другой эпохи, заставить его перечувствовать все перипетии того или другого исторического события.

Само собой разумеется, что для хранения подлинных документов, представляющих нередко драгоценнейшие архивные *unicia*, требуется здание, гарантирующее экспонатам безопасность от разрушительного действия стихий и всяких вредных влияний. Но и при наличии этого основного условия, против архивной выставки выдвигаются аргументы, указывающие, во-первых, на вред, причиняемый экспонатам постоянным действием на них света и расплыванием их в витринах, во-вторых, на нарушение принципа неделимости фондов, от которых ради экспонирования будут постоянно отрываться документы.

«Принцип неделимости фондов, – по мнению И.Л. Маяковского, – может быть выполнен только тогда, когда письменные памятники находятся не в отдельном музее, а в специальном музее – выставке»⁸, т.е. как надо понимать, при том или другом историческом архиве с экспонатами, взятыми из документального состава этого архива.

Это, по мнению того же архивиста, одновременно обеспечивает наличие «запасного фонда», позволяющую менять экспонаты и не давать им залёживаться на выставке до тех пор, пока слиняет текст, и покоробится, а затем и прорвётся бумага.

Но с одной стороны архивная техника вырабатывает ряд мер против вредных влияний на документы, с другой стороны «запасной фонд» даёт мало шансов на периодическую смену экспонатов на архивной выставке, потому что эти «ярко-показательного характера» экспонаты не встречаются в фондах на каждом шагу, но по большей части представляют незаменимые *unicia*. Для соблюдения принципа неделимости фондов достаточно выбирать на выставку по возможности 1) документы, стоящие до известной степени особняком, вне тесной органической связи с остальными документами фонда, 2) документы, уже напечатанные или, во всяком случае, использованные в печатных изданиях, как это часто бывает именно с наиболее типичными и важными в историческом отношении документами фонда, сохраняющими при этом всецело своё показательное значение.

В Парижском музее находят себе место жалованные грамоты аббатствам, мирные трактаты, брачные контракты королевской фамилии,

дипломатическая переписка, наиболее важные указы правительств (*édits célèbres*⁹) и автографы исторических деятелей.

Всё это подходит и для русского музея, но состав его может быть определён детально только после обстоятельного обзора материала исторических архивов. Даже при беглом обзоре документального состава того или другого исторического архива сразу намечается ряд документов, которые без преувеличения можно было бы назвать «гвоздями» всякой архивной выставки.

Таковы в московском «Древлехранилище», например, характерные для переходной эпохи начала XVII века документы с титулом царя Бориса¹⁰ или царицы Марины Юрьевны¹¹, равно как и «боярский список» времени царя Василия¹², в котором против имени «стольника Михайлы Фёдоровова сына Романова¹³» боязливой рукою позднейшего времени поставлен предостерегающий крест. Хранящиеся в бывшем Государственном архиве письма юного Петра I, напечатанные и использованные, как бы восстанавливают перед нами обстановку кораблестроительных дебютов царя-плотника, а причисленные к тому же архиву ограничительные «пункты», надорванные рукою императрицы Анны¹⁴, как бы заставляют нас переживать историческую сцену финала интриги, ловко проведённой шляхетством против «верховников»

Печатные манифесты, указы, формы, реляции, и т. п., присылавшиеся в старину во все присутственные места независимо от их компетенции и в силу этого не имеющие никакой связи с документами фондов этих учреждений, дают возможность без нарушения принципа неделимости фондов составить для выставки интересную коллекцию правительственных актов XVIII и части XIX века.

Весьма интересный отдел музея могла бы составить коллекция писем, по-старинному, «грамоток». Уже одно Древлехранилище заключает в себе типичные образцы старого русского эпистолярного стиля, каковы кроме писем государей письма кн. В.В. Голицына¹⁵, А.И. Безобразова¹⁶, князей Хованских, кн[я]г[ини] Е.П. Урусовой¹⁷ и др. Усадебные архивы прибавят к этой коллекции множество автографов общественных деятелей; найдётся немало интересных автографов русских писателей среди архивного материала литературного характера.

Наравне с автографами имеют право занять место в музее и портреты исторических деятелей.

Карты, планы и чертежи, начиная с примитивных сделанных от руки чертежей XVII века, не только уместны, но и необходимы в музее, демон-

стрирующем историю России, неотделимую от истории территории. При этом нельзя обойтись без составления исторических карт, из которых первое место должна занять необходимая для знакомства с компетенцией приказов карта приказных территорий XVII века.

Не испортил бы музейного ансамбля и какой-нибудь десяток гербов, особенно из числа находящихся при грамотах на дворянство, которые были недавно отобраны у дворян, получивших это звание в XIX веке по выслуге тех или других чинов; эти гербы поучительны для нашего времени неуклюжей наивности своей геральдической символики.

Менее трудностей, чем экспозиция путём подбора актов всей истории России, представляет демонстрирование этим же путём истории какой-нибудь отрасли государственного управления или хозяйства, равно как компетенции какого-нибудь старинного учреждения.

Насколько это достижимо при наличии под руками фонда соответствующего учреждения, можно видеть из находящегося во втором приложении к этой записке плана использования для этой цели находящихся в Дрвелехранилище документов Разряда. Но при этом требуется довольно большое число документов, которые в этом случае были бы оторваны от своего фонда и сделались бы недоступными для пользования ими с научными и практическими целями на месте хранения фонда. Поэтому подобная экспозиция документов едва ли уместна где-либо кроме выставки при том архиве, в котором хранится фонд. Наоборот, вполне осуществима и в несвязанном ни с каким архивом отдельном музее мысль И.А. Маяковского «воссоздать уголок обстановки какого-либо учреждения, либо эпохи, которой касается тема выставки»¹⁸, например, уголок московского приказа XVII века.

Вообще, что касается археологических предметов, часто случайно попадающих в инвентарь того или другого архива, то в музее уместны только те из них, которые имеют известную связь с документальными экспонатами музея.

Само собою разумеется, что должен быть составлен и издан «Путеводитель» на выставке, подобный «Catalogue sommaire» Парижского музея.

Этот план представляет максимум того, что можно требовать от архивного музея, но при известных сокращениях он едва ли не может быть примером для организации музея в менее широком масштабе и даже выставки при историческом архиве.

Детальная разработка плана Архивного музея может состояться только после того, как будет выяснено, что именно может быть экспонировано из документального состава различных архивов с привлечением к этому и архивов Ленинграда¹⁹.

В. Шереметевский

18 марта

1927 года

Приложения к плану организации Архивного музея

I

Наиболее типичные по форме документы XVII и XVIII столетий

1) Указ именной, указ, манифест, рескрипт, трактат, устав, регламент, крестоприводная память, присяжный лист.

2) Помета, резолюция, докладная выписка, перечневая выписка, экстракт, доклад, приговор.

3) Грамоты указные, жалованные, послушные, описные, сыскные (обыскные), межевые, отказные, отдельные, раздельные, ввозные²⁰, дипломы, патенты, аттестаты, циркуляры.

4) Отписки, доношения, рапорты.

5) Челобитные, подписные, заручные, явочные.

6) Записные книги, журналы, протоколы, сметы.

7) Память, памятка, сносное письмо, промемория, отношение.

8) Припись, справа, скрепа на документах.

9) Наказ, наказная память, инструкция, ордер.

10) Список подлинный, росписной, статейный, реестр, ведомость.

11) Сыскная память, досмотр, доезда, поручная запись, вопросы пункты, распросные и пыточные речи.

12) Данные, духовные, деловые, закладные, купчие, меновые, отпусковые, поступные, рядные, ссудные записи, сотные выписи, договорные письма, контракты.

13) Сказка, сказка ревизская, отпись, квитанция, проезжий лист, покормёжное письмо и паспорт.

II

Компетенция Разряда в документах этого приказа

A. Гражданско-административная деятельность Разряда

I. Участие Разряда в управлении столицей («столпы объезжих голов», книги «объезжие» и «дворовые»).

II. Городовые воеводы и другие городские административные органы: 1) отпуск и перемены воевод (челобитные об отпуске в столпах «воевоцких», «мирские челобитные» о досрочной смене воевод или об оставлении их сверх срока, наказы, росписные грамоты и росписные списки, счётные списки, наказы, сыскные дела про «налоги и обиды» воевод); 2) Дьяки, подьячие, головы стрелецкие, казацкие и осадные (наказы, росписные и счётные списки); 3) Делопроизводство приказных изб и воеводская обстановка (записные книги, столпы «отписок и грамот», столпы «приказные» и «всяких дел», «городовые» и по отдельным городам «Тульские», «Мценские» и т. п., годовые «сметы» по отдельным городам, группам городов²¹ и по всем городам разрядного ведомства «стрельные» книги воеводских дворов и приказных изб, описи городских архивов в росписных списках).

III. Судебная компетенция Разряда: 1) Судопроизводство (записные книги судебных дел, столпы «судимые» и «судные», «сыскных дел», записные книги Приказного стола «о государевых делах и непристойных словах»; 2) Губные старосты («выбора»); 3) Места заключения («статейные списки» колодников).

IV. Финансовая компетенция Разряда: 1) Бюджет Разряда и «переносные деньги» (приходно-расходные книги и столпы, столпы «помётные»; 2) Финансовая компетенция Разряда на территориях Белгородского и части Севского полков (приходо-расходные городские книги, сборные книги таможен и кружечных дворов, книги и столпы «оброчные», столпы «откупные» и «зачётные», доимочные книги, ценовые росписи «кабацким заводам», «мельничному строению» и т. п.; 3) Благотворительная деятельность Разряда по субсидированию церковей и монастырей на разрядной территории, преимущественно в городах и уездах Белгородского полка (расходные книги «на строенье», «описные и переписные» книги монастырей и церковей, столпы «о церковном строенье»).

V. Учёт населения городов: (смотренные книги посадских людей в годовых сметах, росписи посадских людей «к смотру с ружьём», крестоприводные книги).

VI. Санитарная компетенция Разряда в борьбе с эпидемиями и эпизоотиями (столпы «заставные», «моровых дел»).

Б. Военно-административная деятельность Разряда

I Организация и комплектование военно-служилого сословия:

а) служилые люди думных и московских чинов («столпы боярского списку в чин», т.е. с челобитными о пожаловании в чины по боярскому

списку, «боярские списки», «боярские книги», «жилицкие списки», «подлинные» списки, «разряды», разрядные книги, местнические дела, родословные, книги и столпы «кормовщиков московского чину»).

б) служилые люди городовые: 1) по верстаню: («разрядные» списки, сказки «у разбору», сказки «у роздачи», разборные и верстальные списки, «десятни» разных типов, «подлинные» списки); 2) по прибору (столпы «стрелецкие» и «казачьи», «казачьи» столпы Челобитенного приказа, попавшие в фонд Разряда).

в) служилые иноземцы (книги «о въезжих», столпы «о въезжих», «об аглинских немцах» и т.п., расходные и раздаточные книги кормовых денег).

г) русские служилые люди иноземного строя (книги записные и раздаточные, книги «приходные солдатом», столпы «начальничьи», т.е. о начальных людях иноземного строя, «солдацкие», столпы и книги Иноземного приказа, попавшие в Разрядный фонд).

д) служилые шляхта Смоленская, литва, черкасы и татары («столпы о литовских переешиках», «о кормовщиках и мурзах»).

е) служилое землевладение²² и владение людьми (столпы «помесные», сыскные книги беглых людей, сыскные и спорные дела в городских столпах).

II Охрана и укрепление городов и рубежей:

а) Укрепление старых городов (описные и строельные книги, «осадные списки»);

б) Стратегическая колонизация: 1) постройка новых городов (книги описные и строельные «новых городов», сметные книги городов Белогородского полка; 2) устройство засек: (книги и столпы «засечные»); 3) организация разведочной, станичной и сторожевой служб (столпы «сторожевые», «вестовые», «о подъезчиках», т.е. лазутчиках, книги «записные новоприхожим черкасом», «выходцем пашенным людем, раздаточные книги "на селитьбу"», столпы «о задорех», т.е. пограничных столкновениях).

III Мобилизация: 1) явка на службу и смотры (высылные книги, «приезды», «смотренные» списки, списки московских чинов «государева смотру», списки «поздоприездцев»; 2) освобождение и уклонение от службы (сборные книги и столпы денег «вместо службы», сыскные книги нетчиков и беглецов).

IV. Снабжение войск и крепостей: 1) хлебом, солью и полковыми припасами (столпы «хлебные», «соляные», «о железе»); 2) лошадьми и фуражом (столпы «лошадиные»).

V. Обеспечение сообщений: 1) починка дорог (столпы «мостовые»); 2) сбор подвод и подъёмных лошадей (столпы «подводные» и «лошадиные»); 3) струговое дело (столпы «струговые» и «байдачные»).

VI. Руководство военными действиями:

а) Организация полков т.е. армий или корпусов («наказы боярские», т.е. полковым воеводам, «чиновные» книги, «росписи полковому строению», «наличные списки»).

б) Походы («записные книги о полковых делах», столпы «полковые» и «вестовые», «послужные списки», записные и приходо-расходные книги полков, дела «разрядных шатров», т.е. военно-походных отделений Разряда).

в) Военная добыча: 1) Завоевание областей и городов (переписные, крестоприводные и сметные книги новых городов; 2) пленные (записные книги, столпы «татарские»).

г) Пожалования за службу (похвальные грамоты с «милостивым словом»); раздаточные книги денежному жалованью, золотом, шубам и кубкам).

д) Военные потери: 1) разорение областей и городов (сыскные книги и сказки «про разоренье от воинских людей»); раненые и убитые (записные книги, книги раздаточные «на лечбу»);

е) Полоняники (записные и раздаточные книги, проезжие листы, в том числе выданные зарубежными властями).

III

Сведения, материалы и предметы, которые должны быть собраны в московских²³ архивах для определения состава экспонатов Архивного музея.

1) Сведения о планах, фотографических снимках и рисунках внешнего и внутреннего вида архивохранилищ.

2) Сведения о фотографических снимках больших архивовместителей (стеллажи, шкафы, витрины).

3) Сведения о том, не имеется ли архивовместителей (шкафов, витрин), которые в виду их особо оригинальной или удобной конструкции могли бы быть экспонированы в музее.

4) Образцы малых архивовместителей (картонов, футляров, папок и обложек).

5) Сведения о переплётах и, если возможно, образцы их.

- 6) Оттиски штампов и штемпелей.
- 7) Образцы дефектного архивного материала.
- 8) Образцы реставрированного архивного материала с указанием приёмов реставрации.
- 9) Копии топографических указателей, или частей этих указателей при том условии, чтобы эти части давали понятие о целом.
- 10) Образцы шифров, таблиц, надписей и ярлыков.
- 11) Образцы алфавитов²⁴.
- 12) Сведения о писчем материале (пергамене, бомбицине²⁵).
- 13) Образцы вязи и лигатур (копии).
- 14) Сведения о рукописях, орнаментированных и иллюстрированных.
- 15) Сведения о печатях.
- 16) Образцы бланков и карточек для составления описей.
- 17) Образцы описей различных типов²⁶.
- 18) По экземпляру всех изданий данного архива²⁷.
- 19) Сведения о документах, имеющих показательное историческое значение²⁸.
- 20) Сведения о имеющихся в архивах портретах, картинах и снимках и разных предметах археологического значения.

Письменные сношения с архивами могут быть заменены посылкою в архив экспертов для выяснения на местах материала, годного для экспонирования в Архивном музее.

АРАН. Ф.1646 (В.В. Максаков). Оп. 1. Д. 360. Л.1–14. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маяковский Илья Лукич (1878–1954) – историк, архивист, профессор Ленинградского университета (1922–1929), МГИАИ (1942–1954), зав. РО ИРАИ (Пушкинский Дом) АН СССР (1934–1936).

² Маяковский И.Л. Архив, библиотека и музей // АД. 1926. № 7. С. 34.

³ Максаков Владимир Васильевич (1886–1964) – историк, архивист, доцент (1931–1937), профессор (с 1938 г.) Историко-архивного института.

⁴ Сейфы (*франц.*).

⁵ Заменяющие подписи и печати знаки татар, мордвы и т. п. Большое собрание «знамён» было составлено Н.Н. Ардашевым (*примеч. В.В. Шереметевского*).

⁶ См. приложение первое (*примеч. В.В. Шереметевского*).

- ⁷ Петр I Великий (1672–1725) – русский царь (с 1682 г.), российский император (с 1721 г.)
- ⁸ См.: Маяковский И.Л. Архив, библиотека и музей // АД. 1926. № 7. С. 31.
- ⁹ Знаменитые эдикты (*франц.*)
- ¹⁰ Борис Годунов (ок.1552–1605) – русский царь (с 1598 г.).
- ¹¹ Мнишек Марина (ок. 1588 – ок. 1614) – авантюристка, дочь польского магната.
- ¹² Василий IV Шуйский (1552–1612) – русский царь (1610–1612).
- ¹³ Михаил Федорович (1596–1645) – русский царь (с 1613 г.).
- ¹⁴ Анна Ивановна (1693–1740) – российская императрица (с 1730 г.).
- ¹⁵ Голицын Василий Васильевич (1643–1714) – князь, боярин.
- ¹⁶ Безобразов Андрей Ильич (1614–1690) – боярин.
- ¹⁷ Урусова (урожд. Соковнина) Евдокия Прокопьевна (?–1675) – княгиня.
- ¹⁸ См.: Маяковский И.Л. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁹ См. приложение третье (*примеч. В.В. Шереметевского*).
- ²⁰ Подлинные грамоты в города, которые в фондах центральных учреждений имеются в виде отпусков (копий), находятся в делопроизводстве городских приказных изб (*примеч. В.В. Шереметевского*).
- ²¹ Напр[имер] по городам Белгородского полка (*примеч. В.В. Шереметевского*).
- ²² Разряд ведал землями уезды городов Белгородского и Севского полков (*примеч. В.В. Шереметевского*).
- ²³ И в ленинградских, если в Ленинграде не будет особого музея (*примеч. В.В. Шереметевского*).
- ²⁴ Образцы алфавитов должны представлять не их копии в полном объёме, но копии лишь нескольких страниц, дающие понятие о целом (*примеч. В.В. Шереметевского*).
- ²⁵ Бумага, ввозившаяся в Европу с Востока в средние века.
- ²⁶ К образцам описей относится сказанное об алфавитах (т.е. копии одной или двух страниц) (*примеч. В.В. Шереметевского*).
- ²⁷ Изданных до организации Издательского отдела (*примеч. В.В. Шереметевского*).
- ²⁸ Вроде указанных в тексте «Плана» музея (*примеч. В.В. Шереметевского*).

Литература

- Ткачева, 1978 — Ткачева Н.К. Старейший архивист В.В. Шереметевский // СА. 1978. № 2. С. 37–38.
- Шохин, 1987 — Шохин Л.И. Неопубликованная статья В.В. Шереметевского «Послесловие к описанию Разряда» // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 195–200.
- Шохин, 1999 — Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.
- Ястржембский, 1997 — Ястржембский Д.А. «Московский архивариус» Владимир Владимирович Шереметевский. 1863–1943 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М., 1997. Вып. 3. С. 211–226.

Археографические труды Н.В. Голицына (1874–1942)*

Статья посвящена научным работам Н.В. Голицына (1874–1942), историка, архивиста, археографа, специалиста по отечественной истории XVII–XIX вв. Его труды в сфере историографии и археографии представляются важным явлением отечественной исторической науки (как в методологическом отношении, так и в плане введения в научный оборот новых источников), однако до настоящего времени они не были предметом специального исследования. Статья освещает преимущественно археографические работы историка и их место в развитии истории и смежных дисциплин в России XX века.

Ключевые слова: Н.В. Голицын, история России, историография, архивы, источниковедение

Имя и труды архивиста князя Николая Владимировича Голицына знакомы многим исследователям, однако специальных исследований о его научной деятельности до сих пор написано не было.

Несколько страниц личных воспоминаний посвящены ему в книге сына, К.Н. Голицына [Голицын, 1997], писавшего об отце, как о человеке больших знаний, глубоко увлеченном своей работой.

Деятельность Н.В. Голицына как архивиста, руководившего в 1916–1917 гг. Московским и Петербургским архивами Министерства иностранных дел, одного из учредителей Союза российских архивных деятелей (1917–1918), была раскрыта в диссертации С.В.Акимова, посвященной судьбам отечественной архивистики в 1917 г. [Акимов, 2004]. Этому же автору принадлежит очерк жизни и деятельности Н.В.Голицына [Акимов, 2002], в котором освещены основные страницы его биографии, кратко рассмотрена история рода Голицыных, по матери-

* Автор выражает глубокую признательность Андрею Кирилловичу Голицыну за возможность знакомства с материалами семейного архива и документами Н.В. Голицына.

Изучение наследия Н.В. Голицына ведется при поддержке гранта РФФИ 18-09-00518а.

алам семейного архива рассказывается об арестах и других испытаниях, выпавших на долю ученого после 1917 года. Историческим и археографическим работам в очерке уделено весьма скромное место: сохранившиеся в рукописях подготовительные материалы историка бегло перечислены, а опубликованные труды оставлены без внимания.

Фигура Н.В. Голицына занимает важное место в двух исследованиях, представленных на «Голицынских чтениях» 2001 и 2006 годов: в работе М.В. Сидоровой о дружеских и научных связях Голицына и М.Ф. Шиллинга [Сидорова, 2002] и очерке В.О. Волкова, посвященном истории его семьи и, главным образом, супруге историка, М.Д. Голицыной [Волков, 2006].

При этом научные труды Н.В. Голицына (в первую очередь, историко-археографические), составлявшие обширную сферу его деятельности, известны мало. Архивные материалы, по которым можно судить о масштабе этой деятельности, сохранившиеся в личном фонде историка [РГИА. Ф. 1686 (Н.В. Голицын)] и в фондах его родственников Свербеевых [РГАЛИ. Ф. 472 (Свербеевы); РО ИРЛИ. Ф. 598 (А.Д. Свербеев)], исследователями не использованы, а богатый семейный архив Андрея Кирилловича Голицына (внука Н.В. Голицына) задействован минимально.

В целом же, археографическое наследие князя Н.В. Голицына до настоящего времени практически не изучалось и данная статья — лишь первое приближение к теме.

Характеризуя Голицына-историка, важно отметить, что он успешно пробовал себя в разных научных жанрах. Среди его трудов есть и классические источниковедческие исследования (напр., статья о Екатерине II и камер-лакее А.Г. Чернышове [Голицын, 1916а]), популярные исторические очерки (о юности имп. Елизаветы, о героях обороны Севастополя [Рукописи из личного архива А.К. Голицына]); архивные описания (наиболее известные — «портфелей» Г.Ф. Миллера [Голицын, 1899] и архива Константинопольского посольства [Голицын, 1900а]), реконструкция библиотеки Д.В. Голицына [Голицын, 1900б] и собственно публикации исторических памятников разных эпох, подробнее о которых будет сказано далее.

Ему всегда было присуще исключительно внимательное отношение к историческим источникам, высочайший профессионализм архивиста, к которому добавлялось прекрасное знание нескольких европейских и двух классических языков.

Важно отметить, что далеко не все работы Голицына безусловно можно отнести к тому или иному жанру исторического исследования. Для ученого характерны своего рода «синтетические» работы, в которых при публикации источников, например, вступительная статья имеет не вспомогательное, а совершенно самостоятельное значение и зачастую заметно превышает по объему сам публикуемый документ. С другой стороны, почти все его исследовательские работы снабжены, «украшены», включением публикаций документов. Раскрывая ту или иную острую тему, Голицын дает право слова самому источнику, приводя его, как правило, не в виде россыпи цитат, а во всей полноте, сопровождая подробнейшей источниковедческой характеристикой, разработкой вопросов атрибуции, авторства, датировки и архивной истории документа.

Исторический факт и исторический источник в работах Голицына неразрывно связаны – он мастерски дает читателю возможность увидеть эту связь, следуя его методологическим путем. Он публикует – выносит на публику – обнаруженные тексты не для того, чтобы передать их изучение следующим поколениям ученых, а для того, чтобы познакомить читателей с тем важным историческим фактом, неотъемлемой частью которого эти тексты являются.

Комментарии к текстам, в современном их понимании, у Голицына чаще краткие, однако большой объем тех сведений, которые ныне принято давать в комментариях, он переносит в статью, сопровождающую публикуемые источники.

Его работы, для которых характерен синтез исторического, источниковедческого и археографического подходов, являются образцом научного исследования в каждом из этих направлений. Это отметил Л.В. Беловинский, переиздававший в 2013 г. «Дневник» Е.И. Поповой (по публикации Н.В. Голицына 1911 г.). Он писал: «Имя князя Н.В.Голицына, подготовившего издание 1911 г., почти неизвестно. Между тем в данном случае мы имеем прекрасный образец научного издания книги. Помимо обширного очерка об эпохе и круге людей, в котором вращалась Е.И. Попова, голицынское издание сопровождается столь же обширным и до мелочей детализированными примечаниями и тщательно выполненным указателем. Это образчик научного академического издания» [Беловинский, 2013, с. 22].

Хронологические рамки публикаций Н.В. Голицына весьма широки. Материалы начала XVII в., с которых начиналась его карьера историка, представлены читателю столь же профессионально, как и документы

М.М. Сперанского и проекты М.Т. Лорис-Меликова, изданные Голицыным в 1917–1918 гг.

Им подготовлены к публикации многочисленные документальные памятники XVIII в. (официальные и частные) и источники личного происхождения из семейных архивов Свербеевых, Аксаковых, А.А. Толстой, относящиеся ко второй половине XIX века.

Начало научной карьеры Н.В. Голицына, выпускника историко-филологического факультета Московского университета, ознаменовалось выходом большой статьи «Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века», вышедшей в 1898 г. по материалам доклада в ОИДР [Голицын, 1898]. В ней Голицын рассмотрел обе стороны «сношений» — и отправку русских дворян на обучение в Европу, и привлечение Борисом Годуновым ученых иноземцев для работы в России. Здесь уже, как и в последующих работах историка, проявился его характерный стиль, совмещающий элементы историописания с тем, что мы сейчас называем археографией — в ткань исследования включены публикации архивных источников, дополняющие и иллюстрирующие статью.

Прямым продолжением этой работы явился следующий его доклад в ОИДР, условно названный «Дополнительные известия о русских студентах, отправленных в Любек Борисом Годуновым в 1603 г.», составленный по материалам немецких архивных документов [РГИА. Ф. 1686. Д. 5], раскрывающий перипетии заграничной жизни русских учащихся и их судьбу в Смутное время.

Далее, в развитие этой темы, Голицын сделал доклад в ОИДР в декабре 1901 года: «Посольский приказ и Коллегия иностранных дел в 1700–1725 годах» [ЧОИДР, 1903, с. 18].

Историк публикует документы не только из центральных архивов. В 1903 г. он выпускает подборку из 7 документов Митавского герцогского архива, характеризующую русско-шведские отношения середины XVII в. В нее вошли несколько грамот (кн. Ивана Борисовича Черкасского – к Иоганну Шкуту, ливонскому губернатору; новгородцев – к воеводе г. Орешка, коллективные жалобы русских купцов шведскому правительству), снабженных большим предисловием, посвященным вопросам атрибуции, датировки, критики документов [Голицын, 1903а].

К теме русского Средневековья Голицын вернется впоследствии еще лишь раз – в публикации сочинения Джильса Флетчера «О государстве русском» [Голицын, 1911а], где ограничится небольшим источниковед-

ческим предисловием, отослав читателей за подробным анализом текста к работе С.М. Середонина.

Многолетняя работа с материалами МГАМИД, а после переезда в Санкт-Петербург (в 1903 г.) с документами Государственного архива МИД, дала возможность Н.В. Голицыну создать ряд работ, посвященных XVIII веку, его политическим событиям и отдельным деятелям. В этих работах проявляется и оттачивается стиль ученого, его методологические подходы, предполагающие подробную критику и всесторонний анализ источников и, как правило, их публикацию вместе с исследованием.

Среди таких историко-археографических работ, посвященных XVIII веку, необходимо назвать большую статью о Феофане Прокоповиче, помещенную в «Вестнике Европы» [Голицын, 1907]. Голицын в ней подробно разбирает позицию архиепископа в переломном 1730-м году и созданные им тогда сочинения.

В центре внимания историка три произведения Феофана Прокоповича, вызванные событиями 1730 года: «Сказание»-памфлет о незаконных действиях верховников, «Изъяснение, каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия в призове на престол Ея Императорского Величества» и «Записка» о предполагаемом суде над верховниками. Последнее сочинение Голицын впервые вводит в научный оборот, сопровождая необходимой атрибуцией и датировкой. Историк подчеркивает, что все три произведения архиепископа тесно связаны между собой внутренней логикой и целью привлечь верховников на суд современников, причем на суд исключительный, соответствующий их беспримерному преступлению.

Археографическая (публикаторская) и источниковедческая работа в этом исследовании Голицына неразрывно связаны с историческими суждениями. Он рассматривает политические взгляды оппозиционного архиепископа и его противостояние с Верховным Тайным советом.

В 1900 г. он готовит публикацию четырех писем Д.И. Фонвизина к А.М. Обрескову (за 1772 г.), ориентируясь на то, что они «представляют интерес, как по личности писавшего их, так и по тому эпизоду русской придворной и политической истории, ... к которому они имеют отношение» [Голицын, 1902]. В предисловии он затрагивает закулисные интриги, сопровождавшие дипломатическую деятельность А.М. Обрескова в Фокшанах и Бухаресте в 1772 г. и непосредственно отразившиеся в письмах, делает важные замечания о языке писем Фонвизина и их ис-

точниковедческой ценности. Соединение частной истории и крупных политических событий через документ, говорящий «от первого лица», становится для Голицына одним из важных методических приемов, который он будет использовать во многих своих работах.

Из неизвестных трудов Н.В. Голицына, оставшихся в рукописи, необходимо назвать его статью и подготовленную публикацию, посвященные «диссиденту» первой трети XVIII в. Савве Дугину [РГИА. Ф. 1686. Д. 11]. В исследовании, над которым историк работал предположительно в 1915–1916 годах, Голицын по материалам Тайной канцелярии восстанавливает личность и идеи священника Воронежской губернии Саввы Ивановича Дугина, не желавшего мириться с злоупотреблениями администрации. К исследованию Голицын прилагает два документа, вышедшие из-под пера Дугина, предназначавшиеся к поднесению императрице Анне Иоанновне: «Устав христианского жития» и «Известительный доклад», содержащие кодекс политических и нравственных правил для организации местного управления. «Первый является любопытным памятником политической мысли одинокого и самостоятельного ума, второй дает яркое и мрачное изображение быта провинциального общества в рассматриваемую эпоху» – замечает Голицын.

Из менее заметных работ Голицына стоит назвать очерк «Петербург или Петрополь?», вышедший в 1903 г., к юбилею Санкт-Петербурга [Голицын, 1903b]. Написанный с привлечением различных источников, очерк построен вокруг личности Павла Никифоровича Готовцева, гонец-курьер Петра I. Здесь обращают на себя внимание методы архивного исследования и задачи, которые решает историк на своем пути. Отправной точкой исследования становится найденная переписка Готовцева с Ф.А. Головиным, по которой автор и прослеживает историю именования нового города, строящегося в устье Невы.

Обособленную группу работ Голицына составляют описания архивов и комплексов архивных документов. Брошюру «Опись бумаг М.М. Сперанского» включать в их число не вполне правомерно, т.к. историк выступает в этой работе не как архивист, автор описания, а как редактор и публикатор описи столетней давности. Из собственно архивных описаний наиболее известным является описание «портфелей» Г.Ф. Миллера – одного из ценнейших собраний документальных материалов по истории России [Голицын, 1899]. В эту работу Голицына вошло обозрение трех портфелей из хранящихся в МГАМИД, оно предполагалось началом общего описания всех портфелей Миллера. В осно-

ву издания лег «Реестр письменным книгам, портфелям и ландкартам» Миллера, снабженный большой вступительной статьей об истории этого архива и несколькими публикациями документов о службе Г.Ф. Миллера.

В следующем году вышла статья, посвященная архиву Константинопольского посольства [Голицын, 1900а], описанию которого Голицын посвятил около полугода. Историк выявляет особенности Константинопольского архива среди архивов других миссий, представляет читателям историю этого документального комплекса, характеризует его структуру, поясняет методы группировки и рассказывает о наиболее важных и интересных документах. Эту архивоведческую часть сопровождает краткий обзор русско-турецких отношений, подчеркивающий важность архива посольства как «собрания памятников по истории Восточного вопроса за весь XVIII и первую половину XIX века» [Голицын, 1900а, с. 11].

В те же годы Н.В. Голицын пробует себя в таком жанре исторического исследования, как реконструкция книжного собрания [Голицын, 1900б] – он восстанавливает по частным свидетельствам, историческим трудам и обнаруженному каталогу иностранных книг 1722 г. библиотеку Дмитрия Михайловича Голицына, известного «верховника» – члена Верховного тайного совета в 1726-1730 годах. Здесь особую ценность представляют размышления Голицына о важности изучения частных библиотек и их роли в культурном процессе, о методике и этапах реконструкции книжных собраний.

В начале XX в. Голицын, в качестве научного редактора, принимает участие в нескольких масштабных публикаторских проектах Русского исторического общества, причем, участие отнюдь не формальное. Под его «наблюдением» выходят несколько томов политической и дипломатической переписки Екатерины II и бумаги из архива А.И. Чернышева [Голицын, 1904; Голицын, 1911а; Голицын, 1914; Голицын, 1906]. «Содействие» Голицына имело для этих сборников целый ряд археографических последствий – произошли перемены в форме подачи документов: иностранные тексты были снабжены переводами, к каждому документу присоединена была в подстрочном примечании его «архивная формула» (т.е. шифр), «в подстрочных же примечаниях отмечены те ученые издания, в которых тот или другой из печатаемых документов появился раньше»; из предисловия к 7-й части «Переписки Екатерины II» следует ряд других важных изменений в подходе к публикации документов, свидетельствующий о глубоком знании архивного материала и особенностей внешней политики 1770-х годов.

Очевидно, продолжением работы над томами дипломатической переписки Екатерины II, стала статья по истории внешней политики второй половины XVIII в., которая не была издана и сохранилась в черновиках Голицына в его личном фонде [РГИА. Ф. 1686. Д. 9].

Бумаги А.И. Чернышева в «Сборнике РИО» изначально готовились к публикации Н.К. Шильдером, затем, после его смерти, Г.Ф. Штендманом и только после кончины последнего они попали к Н.В. Голицыну, который провел большую археографическую работу, выпуская этот том: многие черновики деловых бумаг Чернышева из личного архива были сверены с архивными беловыми подлинниками из архива МИД и при разночтениях выбирались для публикации беловики из архива «как окончательная редакция», документы снабжались архивными шифрами; бумаги были систематизированы по сферам деятельности Чернышева [Голицын, 1906, с. IV].

Революционные события 1917–1918 годов стали переломными для Н.В. Голицына. Краткий период работы в руководстве Союза архивных деятелей, период надежд и кажущихся перспектив, сменился годами тяжелых испытаний.

Однако, на пороге революции и в первый ее год увидели свет наиболее масштабные труды Голицына, в которых высочайший профессионализм археографа и источниковеда соединился с возможностями доступа к закрытым документам, каковые Голицын имел, возглавляя архивы МИД.

Так, сотрудничество в Комиссии по изданию бумаг М.М. Сперанского вылилось в написание Голицыным двух археографических работ, вышедших в 1916–1917 годах.

Первая – «Опись бумаг Сперанского», вышедшая в 1916 г. в качестве первого тома трудов Комиссии. Речь в ней идет о бумагах М.М. Сперанского, изъятых у него после опалы 1812 года и описанных тогда же. Строго говоря, Н.В. Голицын выступает здесь как публикатор и редактор, воспроизводя опись, составленную более 100 лет назад. Однако он снабжает издание своим предисловием, в котором освещает процесс описания и дальнейшего хранения бумаг Сперанского, характеризует сами бумаги, прослеживает, насколько возможно, их последующие перемещения; собирает сведения об утратах материалов и делает вывод о ценности всего описания [Голицын, 1916b].

Предварительные итоги этой работы были представлены Голицыным в докладе под названием «О бумагах Сперанского, оказавшихся в его ка-

бинете после ссылки его», прочитанном в марте 1916 г. по предложению Лаппо-Данилевского [СПФ АРАН. Ф. 113 (А.С. Лаппо-Данилевский). Оп. 3. Д. 118. Л. 1].

Вторая из упомянутых работ Н.В. Голицына: «Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами», опубликованная в «Русском историческом журнале» в 1917 г. и не так давно переизданная [Голицын, 1917] – по структуре, задачам и объему авторского текста принципиально отличается от первой. Здесь Голицын, опираясь на обнаруженные им в архиве черновые варианты бумаг, подготовленных Сперанским, проследживает историю создания основных документов, сопровождавших восшествие на престол Николая I и суд над декабристами. Материалы к этой работе сохранились в РГИА – это копии архивных документов, выписки и черновые записи [РГИА. Ф. 1686. Д. 97].

Работа является замечательным синтезом собственно исторического исследования и источниковедческих выкладок, дополненных публикацией источников, выполненной на очень высоком археографическом уровне. Принципиально важно, что Голицын, фактически, первым рассмотрел и подробно проанализировал эти материалы Сперанского, осветив его роль в подготовке и работе суда 1826 года.

Голицын много размышляет в статье о процессуальной стороне делопроизводства. Затрагивает вопрос о первоисточниках и прецедентах – о процессах и документах, по аналогии с которыми выстраивал Сперанский свои заключения.

Сопровождает эту статью «параллельная» публикация двух версий манифеста о порядке престолонаследия, подготовленная Голицыным. Он сравнивает версию, писанную рукой имп. Николая I и версию, переработанную Сперанским в январе 1826 г. Кроме того, он публикует составленную Сперанским «Записку» о «существенных обстоятельствах подсудимых», которая являлась основой для краткого изложения вины и смягчающих обстоятельств каждого из подсудимых и еще несколько документов, сопровождавших работу Сперанского в суде.

Выводы Голицына, касающиеся фигуры М.М. Сперанского, можно разделить на две группы.

В первой будут заключения о ведущей роли Сперанского в суде и в период подготовки работы суда. По мнению Голицына, основанному на приводимых им документах, такое положение Сперанский занял как в силу личных дарований, так и в силу инициативы молодого императора

Николая I, желавшего максимально вовлечь бывшего государственного секретаря в подготовительную работу над процессом.

Во второй группе заключений будут положения о выдающей (лучшей, по мнению Голицына) работе Сперанского как законотворца. Таковой Голицын считает работу по формированию разрядов для разделения подсудимых.

В числе работ историка, вышедших «на волне» революционных событий, нужно назвать и большую статью о проектах реформ Лорис-Меликова. В ней Голицын восстанавливает по архивным делам и имеющимся публикациям «документальную историю» того, что, как он пишет, «принято называть “конституцией гр. Лорис-Меликова”» [Голицын, 1918а, с. 126]. Из статьи видно, насколько кропотливая работа источниковеда и архивиста предшествовала подобной реконструкции. Эта работа, как и разбор деятельности М.М.Сперанского в суде над декабристами, и даже в большей степени, обусловлена интересом Голицына к истории либеральной мысли в России, его попытками на уровне архивных документов проследить пути, которыми реализовывались или же, наоборот, прекращались либеральные начинания в XIX веке.

Конституцию М.Т. Лорис-Меликова Голицын расценивает как «последнюю возможность, которая открывалась для царской власти в России для мирного разрешения конфликта между нею и народом, конфликта, повлекшего за собой падение царизма» [Там же, с. 127] – возможность, которая была решительно отвергнута Александром III. Историк помещает в издании 14 документов 1880-1881 годов, раскрывающих «механику» возникновения и низвержения этого судьбоносного для России документа.

Голицын публикует не только сам текст Конституции (каковым считается Проект правительственного сообщения по поводу намеченной реформы, составленный Лорис-Меликовым), но и его вторую редакцию, а также официальные бумаги, сопровождавшие работу над ним и, затем, его отклонение. Несмотря на то, что некоторые из публикуемых Голицыным документов уже увидели свет в «Русском архиве», историк настаивает на их полноценном археографическом переиздании, с необходимыми комментариями, пояснениями, воспроизведением резолюций и помет, что необходимо для их «уразумения».

Публикации предшествует большая вступительная статья, в которой Голицын прослеживает по документам те изменения взглядов и позиций

Лорис-Меликова, которые привели к формированию текста Конституции, к идее «установления представительного строя» в России. Историк характеризует, привлекая дневники и частную переписку современников, ту борьбу, которая разгорелась вокруг предложений Лорис-Меликова, приводит мнения его недоброжелателей, мифы, возникшие вокруг Конституции в историографии.

Отдельным направлением археографической деятельности Голицына в предреволюционные годы можно считать подготовку к изданию источников личного происхождения.

Заметной работой Н.В. Голицына в этом направлении стала статья «П.Я. Чаадаев и Е.А. Свербеева». Это небольшое, но очень взвешенное исследование предваряло три письма П.Я. Чаадаева к «прекрасной кухне» Е.А. Свербеевой, снабженные подробными комментариями об эпистолярном наследии Чаадаева [Голицын, 1918b]. Помещая в центр повествования три письма Чаадаева середины 1840-х годов, историк рассматривает место, которое занимал Чаадаев в общественной жизни Москвы тех лет и характеризует «умственную среду» и круги общения «басманного философа», важнейшим из которых тогда был салон Е.А. Свербеевой.

Голицын соотносит публикуемые письма с уже известным читателям наследием Чаадаева, добавляет свои замечания к атрибуции ранее изданных М.О. Гершензоном материалов. Стоит добавить, что в распоряжении Н.В. Голицына было около 20 писем Чаадаева из семейного архива Свербеевых. Остальные письма должны были увидеть свет в сборнике «Памяти А.Д. Свербеева», который планировался к выходу в 1918 году [РО ИРЛИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 891], однако так и не был издан. Этот сборник предполагал к публикации богатую переписку семьи Свербеевых (родителей А.Д. Свербеева: Д.Н. Свербеева и Е.А. Свербеевой, их переписку с П.А. Вяземским, братьями Тургеневыми, Аксаковыми, Языковыми, и др., а также фрагменты архива А.И. Тургенева) с развернутыми комментариями и статьями Н.В. Голицына. События 1917-1918 годов, фактически оборвавшие научную карьеру Голицына, не позволили этому изданию увидеть свет в полном объеме.

Интерес Голицына-археографа привлекала и семья Аксаковых: он опубликовал «Дневник» В.С. Аксаковой [Голицын, 1913] и активно участвовал в подготовке к публикации трудов К.С. Аксакова [Аксаков, 1915], о чем упоминал в мемуарах его родственник А.Д. Свербеев [РГАЛИ. Ф. 472.

Д. 103. Л. 10] и есть свидетельства в переписке самого Голицына [РГИА. Ф. 1686. Д. 26 (переписка с О.Г. Аксаковой)].

Близко к этим публикациям стоит и «Дневник» Елизаветы Ивановны Поповой, гувернантки и компаньонки Е.А. Свербеевой, знакомой Аксаковых. Голицын опубликовал его в начале 1910-х годов, в предисловии к тексту сформулировав свою позицию археографа, обратившегося к личным материалам, подчеркнув важность частных свидетельств: «... мы сознаем, что предлагаем читателю книгу, мимо которой ученый историк мог бы пройти равнодушно, не считая даже нужным заглянуть в нее. Действительно, в этом дневнике нет ни описаний крупных исторических событий, ... ни выдающихся по новизне данных о движении общественной мысли... И все-таки, несмотря на это видимое отсутствие строго научной ценности у дневника Е.И. Поповой, мы думаем, что издание его далеко не является делом бесполезным... внутренние достоинства этого дневника всецело оправдывают нашу решимость... Дневник Е.И. Поповой есть прежде всего памятник бытовой истории» [Голицын, 1911с]. В этом пристальном внимании к «бытовой», семейной истории, на наш взгляд, особенная ценность археографических трудов Н.В. Голицына.

Кроме того, в архивах есть сведения о том, что Голицын готовил к публикации «Записки» Александры Андреевны Толстой (1817-1904), камер-фрейлины, двоюродной тетки Льва Николаевича Толстого. О завершении работы над этой публикацией (в объеме 15 авторских листов) и предоставлении ее в редакцию «Звеньев» можно узнать из переписки Н.В. Голицына с В.Д. Бонч-Бруевичем 1938 года [РГАЛИ. Ф. 612 (ГЛМ). Оп. 1. Д. 3333. Л. 80-81].

Последняя упомянутая работа была одной из немногих, завершенных в послереволюционные годы.

Аресты в 1918 г. (в связи с убийством Урицкого) и в 1919 и 1923 годах, ссылка и последующее положение изгоя в новом обществе лишили Голицына возможности полноценно работать с архивными документами, закрыли перспективы научной деятельности.

Масштаб работы Голицына и количество его послереволюционных публикаций не сопоставимы с предреволюционными годами, однако и здесь есть несколько ярких, интересных работ, которым удалось увидеть свет.

Две небольшие публикации, подготовленные Голицыным по материалам архива Свербеевых, вышли в сборнике «Московский пушкинист»

вскоре после его возвращения из тюремного заключения [Голицын, 1927; Голицын, 1930]. Это письма А.И. Тургенева и Е.А. Боратынского, содержащие сведения о жизни А.С. Пушкина, которые Голицын перевел с французского языка и издал со своим объемным предисловием.

В 1937 г. в очередном томе «Литературного наследства» увидела свет большая публикация, подготовленная историком по материалам переписки И.И. Шувалова [Голицын, 1937]. Голицын здесь не просто помещает подборку писем к Шувалову от европейских знаменитостей: кардинала де Берни, Ж.-Л. Бюффона, Вольтера, аббата Галиани, К.А. Гельвеция, Ж.-Л. Даламбера, г-жи дю Деффан, г-жи Жанлис и др. Он предваряет их кратким очерком о личности, жизни и успехах Шувалова в европейском обществе, источниковедческими и архивными разысканиями относительно подлинников и копий двусторонней переписки вельможи.

Одним из советских деятелей, высоко ценивших Голицына как ученого-архивиста, был В.Д. Бонч-Бруевич, регулярно предлагавший ему участие в альманахе «Звенья» и привлекавший его к большой работе по описанию иностранных автографов. «Как хорошо будет, если вы с открытием Рукописного отделения, а оно откроется с 1-го сентября, сейчас же примитесь за дополнительное описание автографов» – писал Голицыну Бонч-Бруевич в сентябре 1940 года [РГАЛИ. Ф. 612. Д. 701. Л. 8]. «Бюллетень иностранных автографов» был запланирован к публикации на 1941 г., но война перечеркнула все научные планы.

В начале Великой Отечественной войны Голицыным была задуман цикл популярных очерков, посвященных обороне Севастополя в Крымскую войну, адмиралам Черноморского флота (М.П. Лазареву, В.А. Корнилову, П.С. Нахимову и В.И. Истомину), краткий очерк истории русского флота со времен Петра I, а также статья «Суворов и его “Наука побеждать”». Их можно считать последними трудами историка, скончавшегося в Москве 24 февраля 1942 г.

Научное наследие Н.В. Голицына является важной страницей в отечественной историографии рубежа XIX–XX веков. Его подходы, методы изучения и публикации исторических источников требуют внимательного рассмотрения, а выявленные архивные материалы и публикации трудов дают для этого широкие возможности.

Литература

- Акимов, 2002 — Акимов С.В. Некоторые страницы из жизни князя Н.В. Голицына // Московский архивист. М., 2002. Вып. 3. С. 428-450.
- Акимов, 2004 — Акимов С.В. Архивы в системе социокультурных учреждений России: Февраль-октябрь 1917 г. Дисс. ... к.и.н. М., 2004.
- Аксаков, 1915 — Аксаков К.С. Сочинения. Пг., 1915. Т. 1 / под ред. Е.А. Ляцкого. 656 с. [Вышел только 1-й том издания]
- Беловинский, 2013 — Беловинский А.В. Дневник приживалки // Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847-1852 / под ред. Н.В. Голицына. М., 2013
- Волков, 2006 — Волков В.О. Мария Дмитриевна Голицына (урожд. Свербеева), ее род и семья // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы VIII Голицынских чтений 20-21 января 2006 г. Большие Вяземы, 2006. С. 205–214.
- Голицын, 1898 — Голицын Н.В. Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII в. Исторический очерк. М., 1898. 36 с. [отд. оттиск из: ЧОИДР. 1898. Кн. IV. С. 1–34]. Французская версия статьи: Golicyn N., Le premiers Étudiants Russes en Occident. Macon, 1899.
- Голицын, 1899 — Голицын Н.В. Портфели Г.Ф.Миллера. М., 1899. 148 с. [отд. оттиск из: Сборник МГАМИД. Вып. 6. С. 401-550]
- Голицын, 1900a — Голицын Н.В. Архив Константинопольского посольства в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1900. 16 с. [Отд. оттиск из: Сборник МГАМИД. М., 1900. Вып. 7. С. 57–72]
- Голицын, 1900b — Голицын Н.В. Новые данные о библиотеке кн. Д.М. Голицына (верховника). М., 1900. 16 с.
- Голицын, 1902 — Голицын Н.В. Письма Д.И. Фонвизина к А.М. Обрескову // ЧОИДР. 1902. Кн. 1, раздел «Смесь». С. 1–9.
- Голицын, 1903a — Голицын Н.В. К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634–1648 гг.). М., 1903. 14 с. [отд. оттиск из: ЧОИДР. 1903. Кн. 4, отд. пагинация]
- Голицын, 1903b — Голицын Н.В. Петербург или Петрополь? (Новое свидетельство об основании Петербурга). СПб., 1903. 16 с.
- Голицын, 1904 — Сборник РИО. СПб., 1904. Т. 118: Политическая переписка Императрицы Екатерины II. Ч. 7: 1772–1773 г. / под наблюдением Ф.Р. Остен-Сакена и при содействии Н.В. Голицына. 538 с.
- Голицын, 1906 — Сборник РИО. СПб., 1906. Т. 121: Архив князя А.И. Чернышева. Бумаги А.И. Чернышева за царствование Императора Александра I. 1809–1825 гг. / под ред. Н.В. Голицына. 576 с.
- Голицын, 1907 — Голицын Н.В. Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. Кн. 4. С. 519–543.

- Голицын, 1911а — Флетчер Дж. О Государстве Русском (Of the Russe Common Wealth) / под ред. Н.В. Голицына. Перевод М.А. Оболенского. СПб., 1911. (сер. «Всеобщая библиотека». № 120, 121) [Предисловие Н.В. Голицына – С. 3–10]
- Голицын, 1911б — Сборник РИО. СПб., 1911. Т. 135: Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II. Ч. 8: 1774–1775 гг. / под наблюдением вел. кн. Николая Михайловича, при содействии Н.В. Голицына. 606 с.
- Голицын, 1911с — Попова Е.И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Елисаветы Ивановны Поповой / под ред., с предисл. и коммент. Н.В. Голицына. СПб., 1911. 283 с.
- Голицын, 1913 — Аксакова В.С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой / под ред. и с примеч. Н.В. Голицына и П.Е. Щеголева. СПб., 1913. 174 с.
- Голицын, 1914 — Сборник РИО. СПб., 1914. Т. 145: Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II. Ч. 9: 1776–1777 гг. / под ред. Н.В. Голицына. 653 с.
- Голицын, 1916а — Голицын Н.В. Великая княгиня Екатерина и камер-лакей Андрей Чернышев (1746–1747 гг.) // Огни: История. Литература: [альманах] / ред. Е.А. Ляцкий, Б.А. Модзалевский, А.А. Сиверс. Пг., 1916. Кн. 1. С. 84–117.
- Голицын, 1916б — Голицын Н.В. Опись бумаг М.М. Сперанского 1812 года, изданная под редакцией князя Н.В. Голицына (Труды Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского. Вып. 1). Пг., 1916.
- Голицын, 1917 — Голицын Н.В. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // РИЖ. 1917. Кн. 1–2 (переизд.: РИЖ. 1999. Том 2. № 2. С. 17–62)
- Голицын, 1918а — Голицын Н.В. Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории // 1 марта 1881 года: По неизданным материалам. Пг., 1918. С. 125–186 [отд. оттиск из: Былое. 1918. Кн. 4/5, апр. / май]
- Голицын, 1918б — Голицын Н.В. П.Я. Чаадаев и Е.А. Свербеева (Из неизданных бумаг Чаадаева) // Вестник Европы. 1918. № 1/4. С. 233–254.
- Голицын, 1927 — Из письма А.И. Тургенева к Е.А. Свербеевой от 21 декабря 1836 г. / подгот. публ., предисл., коммент. Н.В. Голицына // Московский пушкинист [Сб. ст.] / под ред. М. Цявловского. М., 1927. № 1. С. 23–27.
- Голицын, 1930 — Письмо Е.А. Борагынского Д.Н. Свербееву [декабрь 1830 г.] // Московский пушкинист II. [Сб. ст.] / под ред. М. Цявловского. М., 1930. С. 59–61.
- Голицын, 1937 — И.И. Шувалов и его иностранные корреспонденты / предисл., публ. Н.В. Голицына; пер. с фр. писем М. Неведомского // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29/30: Русская культура и Франция. Кн. 1. С. 259–342.
- Голицын, 1997 — Голицын К.Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997 (переизд. М., 2008).
- Сидорова, 2002 — Сидорова М.В. Н.В. Голицын и М.Ф. Шиллинг // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы VIII Голицынских чтений 20–21 января 2001 г. Ч. 1. Большие Вяземы, 2002. С. 231–240.
- ЧОИДР, 1903 — Протоколы заседаний ОИДР за 1901 и 1902 гг. // ЧОИДР. 1903. Кн. 2.

Влияние современных информационных технологий на процесс выявления источников личного происхождения для публикации

Статья посвящена проблеме поиска документальных публикаций с помощью электронных библиотечных баз и различных информационных порталов. Особое внимание уделено информационным системам Архива РАН: «Центральный фондовый каталог» и «Информационная система». Рассмотрен ряд проблем на стыке археографии, информационной эвристики и архивоведения, связанных с информационными технологиями, в частности, вопросы посвященные проблемам угасающего текста и машинного распознавания текста.

Ключевые слова: электронные библиотечные базы, информационно-справочные порталы, ИС АРАН, Центральный фондовый каталог, ведомственные архивы, информационный поиск, недостатки электронных ресурсов, угасающие тексты, машинное распознавание текста

Археография – междисциплинарна, она развивается в тесной связи с источниковедением, архивоведением, документоведением, филологией, палеографией, текстологией, дипломатикой, эвристикой и другими специальными историческими дисциплинами. Она имеет дело с письменными, аудио-, видео-, фотодокументами, а в современных условиях и электронными документами, поэтому изменения, вызванные активным развитием информационных технологий, прямо и косвенно оказывают свое влияние и на археографию.

В последних опубликованных «Правилах издания исторических документов» отмечалось: «Для выявления документов личного происхождения составляется по возможности полный список лиц, деятельность которых связана с вопросами, освещаемыми темой публикации, а при необходимости генеалогическая таблица. Наличие фондов этих лиц в архивах устанавливается с помощью научно-справочного аппарата к фондам личного происхождения. Устанавливается круг лиц, учреждений, общественных организаций, в фондах которых могли отложиться документы

личного происхождения, и место их хранения. При выявлении писем устанавливается круг адресатов и корреспондентов автора публикуемых писем и местонахождение их фондов» [Правила, 1990, с. 24]. Выявление документов для публикации связано с установлением местонахождения документа, относящегося к модели документальной публикации (по теме, типу, виду, форме, конфигурации).

Важным способом поиска информации личного происхождения в современных условиях служит информационный поиск, который делится на поисковые каталоги и поисковые системы. Этой теме был посвящен ряд работ [Адарюков, 1988; Ермаков, 2002; Кураленок, Некрестьянов, 2002]. Основной положительной стороной использования сети Интернет является объем содержащейся в ней информации, растущий каждый день, динамичность обновления, многоязычность представленных ресурсов, доступность информации.

В современных условиях поиск публикаций, связанных с тематикой предполагаемого исследования, может осуществляться с помощью порталов электронных библиотечных баз, например, Киберленинка [Портал Киберленинка] (порталу посвящен ряд публикаций: [Семячкин и др., 2015; КиберБиблиотека, 2013]), Научный корреспондент [Портал Научный корреспондент], Вернский [Вернадский] и др. Так же большую помощь может оказать раздел «Мир библиотек» информационно-справочного портала «Library.ru», располагающего ссылками на 2486 библиотечных сайтов [Библионет].

Первым и самым простым шагом при составлении списка лиц, учреждений, общественных организаций, в фондах которых могли отложиться необходимые источники, а также корреспондентов и адресатов может стать поиск в сети Интернет. Поисковые системы предоставляют различные возможности и различный набор функций. Ввиду того, что бурными темпами развивается перевод печатных источников информации в цифровые, использование сети для поиска информации, позволяет зачастую значительно сократить трудозатраты на выявление необходимого круга лиц, учреждений, общественных организаций, корреспондентов и адресатов, так или иначе связанных с темой предполагаемой публикации.

Для выявления фондов лиц, учреждений, общественных организаций, корреспондентов и адресатов, материалы которых предполагается использовать в публикации, невозможно обойтись без использования научно-справочного аппарата. Современные условия отличаются от тех времен, когда создавались «Правила издания исторических докумен-

тов». Развитие информационных технологий накладывает свой отпечаток на данный процесс. Большинство архивов в нынешнее время имеют собственные сайты, создаются электронные базы данных, например, портал Росархива содержит базу данных Архивного фонда Российской Федерации «Центральный фондový каталог» [ЦФК]. Это в значительной мере облегчает выявление и отбор для публикации документальных памятников личного происхождения, и самое главное позволяет делать это дистанционно. Архив РАН успешно использует информационную систему «Архивы Российской Академии наук» [ИС АРАН]. Возможностям портала «Mnemosyne» и размещенной на нем ИС АРАН был посвящен ряд публикаций сотрудников Архива РАН [Драчков и др., 2012; Загребаяева и др., 2014; Загребаяева и др., 2015a; Загребаяева и др., 2015b; Загребаяева и др., 2015c; Загребаяева и др., 2015d; Афиани, 2013].

Директор Архива РАН В.Ю. Афиани, говоря о перспективах развития информационной сети АРАН, специально подчеркивает: «Создание этого программного комплекса мы рассматриваем как часть работы по созданию Информационной сети архива (ИС АРАН), которую необходимо будет интегрировать в Единую информационную систему РАН (ЕИС РАН)» [Афиани, 2013, с.12]. Примером использования возможностей ИС АРАН для нужд археографии могут служить исследования по теме «Источники по истории Мурманской области в информационной системе Архива Российской академии наук», проведенные руководителем Центра учета и сохранности документов АРАН М.Ю. Киселевым [Киселев, 2013].

Поиску архивных документов, находящихся в музеях и библиотеках, в значительной степени способна помочь электронная копия справочника «Архивные документы в библиотеках и музеях Российской Федерации», расположенная на портале Архивы России [Музеи и библиотеки]. Большим недостатком его является то, что в нем приведены данные по состоянию на 1 января 2001 г.

Для поиска источников, находящихся в архивах других государств, большую помощь может оказать, например, официальный веб-портал Государственной архивной службы Украины (раздел – Архивы в мире) [Архіви в світі], Портал Мосгорсуд.ру (раздел – Все Архивы России) [Все Архивы России].

Вместе с этим стоит отметить, что несмотря на положительные стороны, которые принесли информационные технологии в процесс вы-

явления и отбора документальных памятников, им не чужды проблемы, существовавшие и до их появления. Также на этот процесс оказывает влияние экономическая составляющая. Так, если рассматривать архивы, то можно выделить, на наш взгляд, следующий ряд проблем:

1. У некоторых архивов на сайтах слабо отражен научно-справочный аппарат, в частности – перечни фондов, путеводители, тематические перечни, внутриархивные справочники. Как правило, они имеются у крупных архивов, но при этом имеют различную степень наполненности. Так, на сайте РГАСПИ указывается, что ряд путеводителей доступен в читальном зале, отсутствует электронная поисковая система, следовательно, и возможность просмотра описи фонда дистанционно. Другой пример – Архив РАН, который на сайте имеет электронные путеводители по личным фондам и фондам учреждений, а также информационную систему Архивы Российской Академии наук (ИС АРАН), позволяющую получить разнообразную информацию о фонде и его составе, в том числе и оцифрованные описи фондов и информацию о фондообразователе. Сайты ГА РФ, РГАЛИ, РГАДА также располагают возможностью для просмотра описей, справочников.

2. Появление на рынке архивных услуг частных архивных компаний, например, REISSWOLF, Архивариусъ, Столичный Архивист, Эспро-Архив, Белянт, Архив-Сервис, Архивистика, Археовед, Делис архив и др. приводит к тому, что некоторые физические и юридические лица предпочитают хранить в них свои архивы. Возможности получения доступа к этим архивным фондам, как правило, ограничены. При этом судьба хранимых там документов, в случае окончания оплаты за услуги остается под вопросом. Таким компаниям не выгодно хранить архивы на безвозмездной основе и это может привести к утрате архивных фондов.

3. Центральный фондовый каталог (далее ЦФК АФ РФ), размещенный на портале Архивы России, несмотря на свои положительные стороны, обладает рядом существенных недоработок.

Пример № 1: в поисковую строку набираем «Н.И. Вавилов» или «Вавилов Н.И.», поисковая система не способна обнаружить имеющиеся фонды. Если же мы используем «Вавилов», то в этом случае, как ни странно система способна обнаружить фонды (РГАЭ. Ф. 342 (Коллекция документов видных деятелей сельского хозяйства ...), РГАЭ. Ф. 1056 (Вавилов Николай Иванович – биолог, генетик, академик АН СССР, АН УССР, первый президент ВАСХНИЛ. 1887–1943)). Используемая же

в архивах РАН информационная система ИС АРАН с подобной задачей справляется. Пример № 2: набираем в поисковой строке ЦФК АФ РФ «Вышинский Андрей Януарьевич» – результат поиска отсутствует. Но ИС АРАН – справляется с этой задачей (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 185–187).

Дело в том, что ЦФК АФ РФ исходя из вышеуказанных примеров и ряда других, проведенных автором, не рассматривает состав фондов в отличие от ИС АРАН, что в значительной мере затрудняет удаленный поиск с помощью ЦФК АФ РФ. ЦФК АФ РФ затрагивает исключительно федеральные архивы, государственные и муниципальные архивы субъектов Российской Федерации (всего 2247 архивов по состоянию на 31 декабря 2015 г.), но система архивов России включает в себя и ведомственные архивы, которые не представлены в нем.

3. Ведомственные архивы не всегда на своих сайтах располагают даже фондовые описи. Примером этому может служить сайт Центрального архива Министерства обороны РФ, где отсутствуют какие-либо электронные описи, справочники, путеводители, кроме небольшой подборки оцифрованных документальных памятников. Центральный архив ФСБ вообще не имеет своего сайта. Информация о нем присутствует лишь на официальном сайте ФСБ: «По вопросам связанным с использованием архивных материалов, необходимо обращаться с письменным заявлением в Центральный архив ФСБ России (101000, г. Москва, ул. Б. Лубянка, д. 2), указав в нем свой почтовый адрес и домашний телефон». Противоположным примером может служить АРАН, о возможностях его информационной системы ИС АРАН было сказано выше.

Одной из важных проблем, связанных с археографией в свете современного развития информационных технологий, является сохранность самих документов. В частности, проблема угасающего текста. Ей уделил внимание ВНИИДАД, выпустив в 2014 г. методические рекомендации «Разработка методов восстановления угасающих хроматических (цветных) текстов архивных документов с использованием цифровых компьютерных технологий». Они затрагивают спектр вопросов, связанных с воспроизведением, повышением контраста и восстановлением цвета выцветавших хроматических текстов документов и их оцифровкой на сканере и цифровой камере, которые хорошо проиллюстрированы и помогают при должной подготовке произвести компьютерное восстановление документального памятника с угасающим текстом.

Еще одним из возможных аспектов использования информационных технологий в области археологии является машинное распознавание текста. Системы распознавания текста (OCR-системы) служат для автоматического ввода документов в компьютер. Программные продукты этого сегмента различаются своими возможностями и интерфейсом, а также набором языковых пакетов. Среди таких программ можно выделить следующие продукты ABBYY FineReader, ReadirisPro, SimpleOCR.

Рассматривая вышесказанное, мы видим, что информационные технологии способны помочь и облегчить процесс выявления источников для публикации в современных условиях, оказывают значительное влияние на развитие археологии в целом.

Литература

- Адарюков, 1988 — Адарюков В.И. Исследование и разработка машинно-ориентированного метода инфологического моделирования информационно-поисковых систем фактографического типа: Диссертационная работа к.т.н.: 05.13.06 / Ленинградский электротехнический институт им В.И. Ульянова (Ленина). Л., 1988.
- Архіви в світі — Архивы в мире / Официальный веб-портал Государственной архивной службы Украины [электронный ресурс; режим доступа: archives.gov.ua/Rus/archworld.php] (дата обращения: 12.08.2016).
- Афиани, 2013 — Афиани В.Ю. Архив в меняющемся мире // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. Сборник научных статей к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2013. С. 7–17.
- Библионет — Каталог библиотечных сайтов [электронный ресурс; режим доступа: www.library.ru/3/biblionet] (дата обращения: 12.08.2016).
- Вернадский — Вернский [электронный ресурс; режим доступа: vernsky.ru] (дата обращения: 12.08.2016).
- Все Архивы России — Все Архивы России / Портал Мосгорсуд. Ру [электронный ресурс; режим доступа: www.mosgorsud.ru/content/polza-sprav/arhivi-rossii.htm] (дата обращения: 12.08.2016).

- Драчков и др., 2012 — Драчков А.В., Загребаяева В.Н., Савина Г.А. Проблема информатизации информационных ресурсов: опыт Архива Российской академии наук // Тезисы докладов XVI ежегодной международной научно-практической конференции АДИТ-2012 «Культурное наследие и информационные технологии», Петрозаводск, 18–22 июня. Петрозаводск, 2012. С. 60–62.
- Ермаков, 2002 — Ермаков А.Е. Неполный синтаксический анализ текста в информационно-поисковых системах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международного семинара «Диалог'2002». В 2 т. М., 2002. Т. 2: Прикладные проблемы. С. 180–185.
- Загребаяева и др., 2014 — Загребаяева В.Н., Злобин Е.В., Савина Г.А. Информационная система «Архивы РАН» ИСАРАН: История создания и возможности // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2014. № 42: Материалы XIV конференции Ассоциации «История и компьютер», Москва, 3–5 окт. 2014 г. С. 168–170.
- Загребаяева и др., 2015b — Загребаяева В.Н., Злобин Е.В., Савина Г.А. База данных «Персональный состав РАН» – структура и содержание // Документация в информационном обществе: нормативно-методическое обеспечение управления документами. Доклады и сообщения на XXI Международной научно-практической конференции 18–19 ноября 2014 г. М., 2015. С. 416–420.
- Загребаяева и др., 2015c — Загребаяева В.Н., Злобин Е.В., Савина Г.А. База данных «Центральный фондовый каталог» архивов РАН-ФАНО // ВА. 2015. № 4. С. 282–292.
- Загребаяева и др., 2015d — Загребаяева В.Н., Злобин Е.В., Савина Г.А. Возможности использования Web-портала Мнемосина в учебном процессе студентов-гуманитариев // Материалы XXVI Международной конференции «Применение новых технологий в образовании» 24–25 июня 2015 г. М.; Троицк, 2015. С. 456–458.
- Загребаяева и др., 2015a — Загребаяева В.Н., Злобин Е.В., Савина Г.А. БД «Центральный фондовый каталог» (ЦФК) архивов РАН-ФАНО – создание, состав, возможности // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Калининград, БФУ им. И. Канта, 2015. № 44: Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях: материалы международной конференции. С. 36–38.
- ИС АРАН — ИС АРАН / Портал «Mnemosyne» [электронный ресурс; режим доступа: isaran.ru/?q=welcome] (дата обращения: 12.08.2016).
- КиберБиблиотека, 2013 — КиберБиблиотека: открытая наука, немного коммунизма и борьба с плагиатом // Частный корреспондент. 2013. 18 июня.
- Киселев, 2013 — Киселев М.Ю. Источники по истории Мурманской области в информационной системе Архива Российской академии наук // IX Ушаковские чтения: сборник научных статей. Мурманск, 2013. С. 237–240.

- Кураленок, Некрестьянов, 2002 — Кураленок И.Е., Некрестьянов И.С. Оценка систем текстового поиска // Программирование. 2002. № 4. С. 226–242.
- Музеи и библиотеки — Музеи и библиотеки / Портал Архивы России [электронный ресурс; режим доступа: portal.rusarchives.ru/muslib/index.shtml] (дата обращения: 12.08.2016).
- Портал Киберленинка — Портал Киберленинка [электронный ресурс; режим доступа: cyberleninka.ru] (дата обращения: 12.08.2016).
- Портал Научный корреспондент — Портал Научный корреспондент [электронный ресурс; режим доступа: <http://nauchkor.ru>] (дата обращения: 12.08.2016).
- Правила, 1990 — Правила издания исторических документов в СССР. 2-е издание, переработ. и доп. М., 1990.
- Семячкин и др., 2015 — Семячкин Д.А., Сергеев М.А., Кисляк Е.В. Возможные пути развития открытой науки в России // Научная периодика: проблемы и решения. 2015. Т. 5. № 2. С. 89–93.
- ЦФК — Центральный Фондовый Каталог / Портал «Архивы России» [электронный ресурс; режим доступа: cfc.rusarchives.ru/CFC-search] (дата обращения: 12.08.2016).

Электронные публикации: из опыта Архива Российской академии наук

В статье представлена информация об опыте работы Архива Российской академии наук по подготовке электронных публикаций и интернет-публикаций в 1998-2015 гг.

Ключевые слова: Архив РАН, электронная публикация, интернет-публикация, археография, база данных, виртуальная выставка

Попытка использовать возможности информационных технологий в практической работе, когда в Архиве РАН появились первые персональные компьютеры, предпринималась в конце 1980-х гг. Однако общий кризис 1990-х гг. привел к свертыванию этого многообещающего направления деятельности, а в дальнейшем к их недостаточному использованию в архиве. Только в 1998–2000 гг. при участии Института проблем передачи информации РАН и поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в архиве были созданы первые две базы данных: персональный состав Академии наук (1724–1999 гг.) и коллекция медалей и знаков.

База данных «Российская академия наук. 1724–1999 гг.» создана Институтом проблем передачи информации и Архивом РАН. Она содержит краткие биографические сведения обо всех членах Академии наук с 1724 г. (4955 человек), их портреты, информацию о современном персональном составе и организационной структуре РАН, присуждаемых академией наградах и ученых, их удостоенных, и другие. В ходе работы были проведены ввод и цифровая реставрация свыше 7 тыс. цветных и черно-белых негативов, фотоснимков, гравюр, живописных портретов и других графических материалов. Для удобства поиска необходимой информации в базе предусмотрена возможность упорядочения записей по любому из полей, например, по возрастанию поля фамилии (т.е. по алфавитному списку) и/или по убыванию даты избрания (т.е. в обратной хронологии) и т.д., а также подвергнуть их фильтрации по произвольному критерию, который задается в интерактивном режиме.

Первичный цифровой архив внесен в Государственный регистр баз данных. Он располагается на локальной сети Института проблем передачи информации РАН, что затрудняло массовый доступ к нему: отретаврированные высококачественные цифровые изображения уникальны и имеют значительную коммерческую ценность. Для широкого использования был создан вторичный архив, через который предоставлялся частичный доступ к базе данных на сайте института в сети Интернет и на CD-ROM «Российская академия наук. 1724–1999 гг.». Этот компакт-диск фактически содержит два продукта, построенных на общей информационной основе: web-CD для просмотра с помощью Интернет-браузера на любой платформе и специализированную оболочку для просмотра и поиска в Windows.

Цифровые изображения, входящие в состав вторичных архивов, имеют пониженное разрешение и используют методы сжатия с частичной потерей информации (формат графических файлов JPEG). При этом качество изображений остается приемлемым для визуального просмотра на дисплее, но недостаточно хорошим для печатного издания или коммерческого использования. Вся текстовая информация в базе данных, на диске и сетевом узле Интернета, включая интерфейс пользователя, представлена на английском и русском языках.

База данных коллекции медалей и знаков (разряд XIII) была создана Институтом проблем передачи информации и Архивом РАН. Для ее создания была проведена цветная съемка объемных предметов: полученные снимки составили архив цифровых изображений 335 единиц хранения, а текстовая информация в базе данных точно воспроизводит опись коллекции.

Специфика ее объектов такова, что для их изучения важны и общий вид медали, и ее мелкие детали, которые видны лишь под лупой. Поэтому визуализация построена таким образом, что наряду с обзорным режимом предусмотрен и показ общего вида лицевой и оборотной стороны медали в режиме увеличения с плавной регулировкой масштаба в пределах размеров экрана дисплея. Имеется также режим максимального разрешения, позволяющий изучить мельчайшие подробности объекта в произвольной области изображения. Возможность разномасштабной визуализации выгодно отличает эту графическую базу данных от известных коллекций цифровых изображений в ряде музеев, где объекты представлены только общим видом экспоната.

Между двумя вышеописанными базами данных установлена двусторонняя логическая связь, что позволяет при изучении персонального состава Академии наук увидеть не только перечень наград, присужденных тому или иному ученому либо учрежденных в его память, но и сами медали. И, наоборот, в процессе знакомства с конкретной медалью имеется возможность получить список награжденных членов Академии наук, посмотреть фотографии, узнать подробности биографии [Карнаухов и др., 2001, с. 37].

Для широкого использования создан вторичный архив, размещенный на сайте института в Интернете и на компакт-диске, который передан в Архив РАН. Однако, цифровые изображения, входящие в состав вторичного архива, имеют ряд недостатков: пониженное разрешение; использование методов сжатия с частичной потерей информации; недостаточные средства поиска информации. В настоящее время информация, содержащаяся во вторичных архивах, конвертирована в базу данных «Учет и каталог» информационной системы «Архив РАН».

В рамках целевой программы Президиума РАН «Информатизация научных учреждений и Президиума РАН» Архив РАН принял участие в создании единой информационной системы РАН в разделах формирования научных и административных ресурсов. В соответствии с программой Отдел страхового документального фонда Архива РАН в 2003–2008 гг. разместил на web-портале РАН базы данных и документы фондов известных российских ученых: академиков В.И Вернадского, С.И. Вавилова, В.Л. Комарова, почетного академика Н.А. Морозова, ученого-изобретателя К.Э. Циолковского.

Создание баз данных к отдельным документальным комплексам с использованием различного программного обеспечения не позволяло решать задачи многоаспектного поиска документной информации по истории российской науки. Главной особенностью развития Архива РАН является его полифункциональность, предусматривающая, в частности, расширение работ по созданию информационно-поисковых средств, использование документов с помощью СМИ и Интернета, внутриакадемических сетей; включение Архива РАН в единую информационную систему РАН, Президиума РАН, Федерального агентства научных организаций.

В соответствии с целевыми программами Президиума РАН и Отделения историко-филологических наук РАН по информатизации, кон-

цепцией и перспективной программой в архиве в 2005 г. началась работа по созданию многофункциональной базы данных «Архив РАН» на базе своего программного обеспечения, разработанного методами экстремального программирования в программной среде «Delphy 7.0» (программист А.В. Драчков). Работа была поддержана Российским гуманитарным научным фондом в рамках проекта «Применение информационных технологий в освоении источниковой базы истории науки (разработка БД «Архив РАН» на платформе клиент-сервер)». При выборе архитектуры многофункциональной базы данных планировалось включение в нее как учетно-статистических возможностей, так и возможностей по ведению электронного каталога, постоянно пополняемого новыми массивами [Савина, 2006, с. 258].

Архив РАН является академическим учреждением со статусом научно-исследовательского института, который, помимо архивоведческих задач, обязан решать научно-исследовательские задачи. Основным же недостатком тиражируемых программ под базы данных в архивной отрасли и близких к ней (например, музейной), по нашему мнению, является их главное назначение для учета и обеспечения сохранности при достаточно ограниченных возможностях использования информации. Задача Архива РАН, как академического учреждения – по возможности полное удовлетворение информационных потребностей исследователей, работающих на источниковой базе.

В программный комплекс базы данных «Архив РАН» входили три больших блока, которые соответствуют трем направлениям в работе архива: «Учет», «Комплектование», «Каталог».

Создание в архиве многофункциональной базы данных «Архив РАН» проходило в контексте задач использования и популяризации архивных источников по истории российской науки. В этой связи несколько подробнее о поисковых возможностях программного обеспечения, положенного в основу работы с базой данных.

Раздел базы данных для работы с двумя уровнями архивного описания документов (дело и документ) назван «Каталог», задача которого – осуществление поиска информации по условиям запроса. Так же, как и при традиционной каталогизации, одна запись, попадающая в электронный каталог, может описывать группу дел, дело, группу документов, документ или его фрагмент.

В «Каталоге» базы данных «Архив РАН» предусмотрена, во-первых, возможность поиска по заголовкам дел из архивных описей,

введенных в базу данных, и, во-вторых, по всему массиву каталога, куда попадают отдельные записи целевой или попутной каталогизации. Таким образом, предоставляется возможность последовательно опуститься по вертикали «Фонды» – «Описи» – «Дела» – «Документы» до уровня документа и осуществлять привычную каталогизацию, причем архивный шифр автоматически генерируется.

В базе данных «Архив РАН» заложена еще одна важная возможность – запись цифрового изображения, начиная с описи и кончая документом или его фрагментом.

Высокоэффективная информационная системы поиска документной информации в архиве реализована в 2009 г. в «Информационной системе Архива РАН». Ядром и наиболее полной реализацией всех информационных ресурсов и функций системы НСА Архива РАН является электронная система (раздел «Учет и каталог»), содержащая иерархически организованные данные на пяти уровнях – фонд, опись в целом (как комплекс единиц хранения), единица хранения (единица учета), документ, текст (изображение) документа. Последний уровень включен в систему НСА потому, что его объекты могут быть использованы не только как конечная цель поиска, но и как средство поиска, как правило, контекстного, а при XML-разметке – и параметрического. Первые три уровня содержат исчерпывающие перечни соответствующих объектов описания, имеющихся в архиве. Уровни же документа и его текста заполняются по мере создания электронного контента в ходе проведения научного описания, подготовки документальных публикаций, выполнения других видов архивных работ. На каждом из верхних четырех уровней по каждому объекту описания вводится полный набор элементов описания объекта этого уровня. Программно-языковая среда, в которой существует информация, позволяет устанавливать иерархические связи между разными уровнями данных и набор стандартных видов отношений между записями отдельных информационных файлов [Киселев, 2014, с. 134].

Кроме того, в 2008–2015 гг. Архив РАН является участником общеакадемической программы по созданию информационной системы «Электронная библиотека “Научное наследие России”». В рамках программы Архив РАН выступил с инициативой создания подсистемы «Электронный архив научного наследия России». С целью предоставления более широкого доступа членов академического сообщества и зарубежных ученых к Архивному фонду Российской академии наук, Архив

РАН проводит создание как полнотекстовых электронных фондов, так и интеграцию существующих и создаваемых в архиве электронных информационных ресурсов в Единое научное информационное пространство (ЕНИП) РАН. Работа в этом направлении проводится совместно с Вычислительным центром им. А.А. Дородницына РАН.

Необходимо также отметить многолетний положительный опыт сотрудников Архива РАН по подготовке электронных публикаций документов для журнала «Исторический архив».

В 2015 г. Архивом РАН создан и размещен в глобальной сети Internet портал «Mnemosyne», который объединил три электронных научно-информационных блока: «Информационная система Архива РАН», «Архивы РАН» и «Виртуальный музей истории РАН». «Информационная система Архива РАН», состоит из основных подразделов: база данных «Учет и каталог», «История учреждений РАН», «Персональный состав РАН»;

«Информационная система Архивы РАН» содержит Центральный фондовый каталог РАН и информацию о системе научных архивов, библиотек и музеев Российской академии наук и Федерального агентства научных организаций;

«Виртуальный музей истории РАН», в котором демонстрация основных научных открытий, изобретений и достижений выдающихся ученых, научных коллективов, учреждений и руководящих органов Академии наук, их действительной роли в истории страны и мирового сообщества в прошлом, преимуществ академической формы организации научных исследований в формировании научного, технического, экономического и социокультурного потенциала России должна способствовать созданию научно-обоснованного и целостного образа истории Российской академии наук.

В блоке «Информационная система «Архив РАН» помещен раздел «Печатник» – специализированная библиографическая база данных трудов Архива и его сотрудников, а также трудов фондообразователей Архива (с цифровыми образами печатных изданий). Подготовленные в базе данных оцифрованные издания и презентации интегрированы в профильные разделы сайтов: «Архивы РАН» (www.arra.ru) и «ИС АРАН» (www.isaran.ru).

На портале размещены виртуальные выставки документов: Николай Алексеевич Рынин и его Коллекция иллюстраций, посвященная воздухо-

плаванию: К 130-летию со дня рождения; «Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу» (Д. Самойлов) Иконография А.С. Пушкина; Константин Эдуардович Циолковский: Жизнь, деятельность и память о нем в рукописях и фотографиях (1857 – 1935). К 150-летию со дня рождения; Музы в храме науки (художественно-документальная выставка); Люди науки: Владимир Григорьевич Шухов – почетный академик и выдающийся русский инженер (К 155-летию со дня рождения); Первые лица Российской академии наук за пятьдесят лет советской истории (1936–1986); «Что за бес сидит в вас и не дает вам покоя?..» (К 175-летию со дня рождения А.П. Богданова); Личность в генетике: 20-30-е годы XX века («Золотой век» отечественной генетики – от Вавилова до «Вавиловии прекрасной»); Выдающиеся химики – юбиляры 2010 года: академики Н.С. Курнаков и А.А. Байков; Российские биологи в Институте Пастера; Из истории освоения космического пространства (К 50-летию полета Ю.А. Гагарина в космос); Западноевропейское средневековье в новейшей отечественной истории. К 125-летию со дня рождения историка, академика АН СССР Е. А. Косминского (1886–1959); Когда я вернусь... А когда я вернусь?.. К 90-летию высылки интеллигенции СССР по документам фонда А.В. Флоровского; «... В погоне за светом и пространством...»: Из истории развития отечественной авиационно-космической науки и техники; Время в лицах и событиях: Наука и ее творцы (Из истории Российской академии наук. 1945 год); Научное доказательство силы слова: писатели и литераторы – члены РАН (Году литературы в России посвящается); 1991 год: наука в условиях перемен. Видеофиксация исторических событий.

Архивы, библиотеки и музеи все чаще называют институтами памяти, подчеркивая этим их близость, как по содержанию, так и по социальной функции. Общим знаменателем для них является понятие «память», обозначающее способность накапливать, хранить и воспроизводить в сознании людей прежние впечатления, а также передавать групповой или индивидуальный опыт последующим поколениям, анализируя прошлое и моделируя будущее. С этой точки зрения институты памяти занимают все более заметную роль в структуре всего современного гуманитарного знания. Архив РАН не претендует на полноту всех взаимодействий, связанных с проявлениями памяти, пытается обозначить общую и профессиональную для нас точку соприкосновения академической триады – архивы – библиотеки – музеи – в фокусе проблем, направленных на изучение истории

науки и культуры. Основные составляющие этой триады: архивные собрания, рукописные отделы библиотек и документальные фонды музеев РАН. Впервые предпринята попытка объединить информационные ресурсы академических институтов памяти, позволяющие осуществлять информационное обеспечение исторических исследований.

Таким образом, в Архиве РАН накоплен определенный опыт по созданию электронных публикаций и интернет-публикаций, которые имеют значительный потенциал в развитии отечественной археографии. Основными достоинствами электронных публикаций и Интернет-публикаций являются: точность передачи текста, возможность доработки после публикации, интерактивность публикаций, комплексность публикаций различных типов источников (текстовых, изобразительных, аудиовизуальных), снижение стоимости подготовки публикации, расширение читательской аудитории.

Литература

- Карнаухов и др., 2001 — Карнаухов В.Н., Мерзляков Н.С., Осипова Н.М., Рубанов А.И. Электронные базы данных Архива Российской академии наук // ОА. 2001. № 6. С. 35–40.
- Киселев, 2014 — Киселев М.Ю. Научно-справочный аппарат Архива РАН: новые возможности в информационном обществе // Документ. Архив. История. Современность. Материалы V Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2014. С. 132–135.
- Савина, 2006 — Савина Г.А. Информационные технологии в Архиве РАН: итоги и перспективы // ВА. 2006. № 6. С. 255–261.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Методические рекомендации для издания подлинников древнерусских грамот в МРМА («Monumenta Palaeographica Medii Aevi») Series Rossica. Т. 1.

Публикуемые методические рекомендации касаются принципов составления заголовков и легенд, описания внешних особенностей и передачи текста древнерусских грамот. Они составлены специально для фундаментального международного проекта по изданию оригиналов древнейших русских актов XII–XIV вв. в рамках серии «Monumenta Palaeographica Medii Aevi». Издание предполагает факсимильное воспроизведение подлинников актов, дипломатическое воспроизведение их текстов, описание, указатели, комментарии. Планирующийся перевод текста грамот и части научно-критического аппарата издания на французский язык делает возможным его широкое использование отечественными и зарубежными специалистами.

Ключевые слова: акты, дипломатика, палеография, источниковедение

Методические рекомендации составлены в связи с подготовкой факсимильного издания древнерусских грамот в рамках международной серии («Monumenta Palaeographica Medii Aevi»). Готовящийся первый том названной серии включает в себя издание подлинников древнейших русских актов XII–XIV веков (76 актов), дипломатическое воспроизведение их текстов, описание, указатели, комментарии [См.: Каштанов С.М., Столярова Л.В. Об издании оригиналов древнерусских актов XII–XIV вв. в рамках русской серии «Monumenta Palaeographica Medii Aevi» // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М., С. 116–124]

С российской стороны участниками издания являются С.М. Каштанов (руководитель проекта, ИВИ РАН), К.В. Баранов (РГАДА), Н.А. Комочев (Исл РАН), С.Ю. Королева (ИВИ РАН), Л.В. Столярова

(ИВИ РАН). В работе участвуют А.С. Иванов и А.М. Кузнецов (Даугавпилс, Латвия), а также П. Гоно (Pierre Gonneau) и А. Лавров (Париж, Франция, Высшая школа практических исследований).

В состав тома будут включены акты из следующих архивохранилищ: Российский государственный архив древних актов (РГАДА, Москва); Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПб. ИИ РАН, Санкт-Петербург); Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ, Москва); Отдел рукописей Новгородского государственного музея-заповедника (ОР НГМ, Великий Новгород); Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, Санкт-Петербург); Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, Москва); Исторический архив Национального архива Латвии (LNA LVVA, Рига, Латвия); Народный музей в Кракове (Краков, Польша).

Издание предполагает подготовку цифровых фотокопий лицевой и оборотной сторон грамот в натуральную величину. Отдельные снимки должны отражать обе стороны сохранившихся при грамотах печатей. Факсимильные снимки планируется сочетать с дипломатическим воспроизведением грамот, каждая из которых должна также сопровождаться заголовком, описанием документа, указанием места его хранения, упоминанием списков, изданий и научных исследований. Издания дополняют указатели: именной, географический, предметно-терминологический. Транскрипции текстов грамот и часть научно-критического аппарата издания будут переводиться на французский язык.

Работа над проектом осуществляется в соответствии с правилами, принятыми для издания серии Monumenta Palaeographica Medii Aevi, осуществляемого издательством Brepols (Турнэ, Бельгия) с учетом выработанных русской дипломатикой и археографией методов издания древнерусских актов.

В соответствии с традициями МРМА публикация отдельного документа состоит из следующих компонентов: I. – номер документа в томе и его поисковые данные; II. — заголовок, дата и место выдачи; III. — раскрытие содержания акта (т. н. «analyse»); IV. — вся информация о материальном состоянии документа и особенностях его внешней формы; V. — описание печатей; VI. легенда — копии, издания, упоминания в перечнях; VII. — транскрипция и перевод текста на французский язык; VIII. — факсимиле рукописи.

К изданию предполагается сделать следующие справочные и вспомогательные таблицы: Таблица соотношения текстов оригиналов и копий, а также критических и факсимильных изданий; Список сокращений, Библиография, Таблица соотношения дат, Перечень invocаций, Перечень преамбул, Перечень инципитов.

С задачей совместить опыт западноевропейских и русских принципов издания актовых источников была связана необходимость составления публикуемых ниже специальных методических рекомендаций. Они касаются вопросов презентации документов, т.е., говоря языком традиционных «Правил издания», – археографического оформления; описания подлинников; традиции текста и принципов его передачи; научно-справочного аппарата. Методические рекомендации представляют интерес для археографов, являясь отражением оригинальных и творческих подходов современных публикаторов средневековых текстов.

**Методические рекомендации
для издания подлинников древнерусских грамот в МРМА
(«*Monumenta Palaeographica Medii Aevi*»). *Series Rossica*. Т. 1.**

Предисловие

В настоящих рекомендациях делается попытка разработать детальные характеристики приемов описания и подготовки подлинников древнерусских грамот к печати в МРМА. За основу берутся сложившиеся традиции подачи материала в этом издании. Одновременно учитывается и опыт русской актовоя археографии. Инструкция состоит из пяти частей:

- А. Презентация документа
- Б. Описание подлинника
- В. Традиция текста
- Г. Подготовка текста к печати
- Д. Научно-справочный аппарат к тому

А. Презентация документа

I. Номер документа в томе

1. Порядковый номер документа в томе МРМА пишется крупными жирными «арабскими» цифрами (высота – 4 мм). [Здесь и далее указываются цифры, полученные при измерении величины букв, цифр и разного рода расстояний, характеризующих расположение текста на странице книги формата МРМА (438 X 299). Все измерения делались по книге: Monumenta palaeographica medii aevi. Series gallica. Les plus anciens documents originaux de l'abbaye de Cluny / publiés par Hartmut Atsma et Jean Vezin avec la collaboration de Sebastien Barret. Brepols, [1997]. Т. 1. Сведения о размерах приводятся для большей наглядности описания шрифтов. Они не имеют значения инструкции или примера для подражания]

2. Номер ставится на левом поле в 5 мм от начала первой строки. Он сам воспринимается как начальный элемент этой строки.

3. Никакого знака препинания после номера нет. Пробел в 5 мм служит единственным водоразделом между номером и последующим текстом.

4. Номер выделяется на фоне остального текста страницы тем, что только он находится на левом поле.

II. Архивная презентация рукописи (Легенда)

5. Легенда дает информацию о месте хранения и шифре подлинника.

6. Легенда состоит из двух частей. В первой части указываются местонахождение и название архивохранилища. Во второй части приводится архивный шифр рукописи.

7. Архивная презентация в обеих частях производится на языке той страны, где хранится рукопись.

8. Обе части легенды пишутся жирными буквами, первая часть – только заглавными, вторая часть – заглавными и строчными. Высота заглавных букв – 4 мм; высота строчных 2,5 мм.

IIa. Первая часть легенды: город и архив

9. Легенда начинается с названия города. Собственное имя города не предваряется буквой «г.» или каким-нибудь другим обозначением типа поселения. Первая буква названия города пишется в 5 мм правее номера документа, в той же строке.

10. После названия города ставится запятая.

11. После запятой приводится название архива.
12. Название архива пишется без пропуска и сокращения слов.
13. После названия архива знак препинания не ставится.
14. Первая часть легенды обычно вся помещается в пределах первой строки.

Пб. Вторая часть легенды: архивный шифр

15. Архивный шифр занимает вторую строку презентации. Первая буква второй строки помещается под первой буквой первой строки.

16. Архивный шифр состоит из нескольких элементов, обозначающих градацию места хранения.

17. Термины, являющиеся названиями той или иной степени глубины места хранения, употребляются в сокращенном виде.

18. Алфавитный список сокращений на русском языке:

д. – дело

ед.хр. – единица хранения

кол. – коллекция

л. – лист

об. – оборот

оп. – опись

отд. – отделение

прил. – приложение

рубр. – рубрика

с. – страница

собр. – собрание

т. – том

ф. – фонд

ч. – часть

Алфавитный список сокращений на латышском языке:

apr. – apraksts (опись)

Caps. – Capsula (хранилище)

f. – fonds (фонд)

kast. – kaste (ящик)

lp. – lapa (лист)

otra puse – оборот

19. Все русские и большинство латышских сокращений начинаются с маленькой буквы. Латышское «Caps.» принято писать с заглавной буквы.

20. Все сокращения завершаются точкой.

21. Высоту 4 мм имеют 1) цифры; 2) первая буква в названии фонда; 3) первые буквы собственных имен в названии фонда; 4) первая буква латышского сокращения «Cars.»; 5) буквенные номера хранилищ после «Cars.»; 6) русский знак номера (№); 7) первая буква латышского обозначения номера (Nr.).

22. Порядок следования элементов архивной традиции во второй части легенды:

- 1) фонд
- 2) опись;
- 3) дополнительные ступени градации места хранения;
- 4) единица хранения;
- 5) листы.

23. В обозначение фонда входят 1) название; 2) номер. Название может состоять из одного или нескольких слов (например: «Древлехранилище», «Сношения России с Грецией» и т.п.), а может быть представлено сокращением (например, «ГКЭ», «ПДСЛ»). Все зависит от архивной и археографической традиции, но в любом случае первое слово названия пишется всегда с большой буквы. Номер, идущий вслед за названием, предваряется строчной буквой «ф» с точкой. Обозначение номера помещается в скобках, например: «(ф. 135)». Перед скобками ни запятая, ни точка не ставятся. После скобок ставится запятая.

24. При обозначении описи иногда поясняется, какая опись имеется в виду (старая, такого-то года, Гоздавы-Голомбиевского, Н.П. Лихачева и т.п.).

25. Под «дополнительными ступенями градации» мы понимаем такие подразделения, как *Capsula*, отделение, рубрика, приложение и т.п. Правда, критерии, принятые для их выделения, в разных архивах могли быть разные.

26. В ссылках на единицу хранения встречаются разные наименования этого элемента. Предпочтительным нам представляется выражение «ед.хр.». Но иногда вместо него пишут «д.» (дело), «гр.» (грамота), «док.» (документ) или используют знак номера (№).

27. В легендах на русском языке сокращенное название элемента предшествует числу, обозначающему его номер. Например, «ф. 135», «оп. 2», «ед.хр. 8» и т.п. Знак номера не требует после себя точки (Например, «№ 17»).

28. В легендах на латышском языке большинство элементов состоит из четырех пунктов: 1) число номера; 2) точка; 3) сокращенное обозначение градации; 4) точка. Например, «673.f.», «4.lp.». Только сокращение «Cars.» и знак «Nr» ставятся в записи соответствующего элемента легенды на первое место – перед литерой (например, «Cars. A») или перед числом (например, «Nr 12»). При этом после литеры и числа точка не ставится.

29. И в русских, и в латышских легендах каждый предыдущий элемент, начиная с указания фонда, отделяется от последующего запятой, а в конце легенды ставится точка.

30. Примеры написания номера и архивной презентации документа:

21 МОСКВА, РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

Древлехранилище (ф. 135), отд. I, рубр. III, № 3, л. 1. [Ср. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее - ГВНП). М., Л., 1949. № 3]

23 RĪGA, LATVIJAS VALSTS VĒSTURES ARHĪVS

673. f., 4. apr., 18. kast., Nr.12, 3.lp. [Ср.: Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты: XIII в. – первая половина XIV в. Документы комплекса *Moscowitica-Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги (далее: Иванов-Кузнецов). Рига, 2009. С. 468, 624. № 5.]

III. Заголовок и дата

31. Отражение содержания документа составителем по правилам МРМА разделяется на три этапа: 1) Сначала составляется заголовок. В нем определяется разновидность документа и его юридический автор (или авторы). О получателе или адресате, а также о теме или сути дела здесь не говорится. 2) После заголовка приводятся сведения о дате и месте выдачи документа. 3) Описание содержания источника дается в т.н. «анализе». Он идет вслед за информацией о дате и месте выдачи.

32. Заголовок имеет объектный характер, а «анализ» субъектный. В заголовке есть подлежащее, но нет сказуемого, потому что тут определяется сам дошедший документ как «исторический остаток». В «анализе» присутствуют подлежащее, сказуемое и другие члены предложения, поскольку здесь излагается «предание» о действиях и состояниях.

33. Первая строка заголовка помещается ниже последней строки архивной презентации. Расстояние между ними по вертикали – 16 мм.

34. Весь заголовок пишется нежирными заглавными буквами (высота – 3-3,5 мм). Такой же величины и такого же стиля шрифт, но в наклон-

ном (курсивном) варианте, используется для введения в заголовки имен и названий в написании источника, отличном от канонического.

35. Первая буква заголовка помещается под первой буквой последней строки архивной презентации. Строки заголовка (одна или две) размещаются с левой стороны страницы, желательно без перехода за ее середину. Pendant к заголовку, но чуть ниже линии его основания, на правой стороне страницы пишутся дата и место выдачи документа.

36. Эта информация оформляется в виде отдельной короткой строки, упирающейся в правое поле. По шрифту (курсив) и размеру букв она резко контрастирует с капитальным стилем заголовка (ср. выше, ст. 33).

37. Заголовок слева и «дата-место» справа разделены пробелом, но воспринимаются как части одной, приспущенной в конце строки. Однако нижняя линия хронологически-топографической строки находится на 5 мм ниже уровня соответствующей линии заголовка.

38. С новой строки без абзаца начинается текст «анализа». Интервал между строкой с датой и местом сверху и первой строкой «анализа» снизу – 3 мм. С таким же интервалом между строками написан курсивом весь текст «анализа». Одинаковость шрифта даты-места и «анализа» (курсив одного размера) позволяет считать строку с датой-местом началом «анализа» или вступлением к нему.

Ша. Собственно заголовок

39. Первый элемент заголовка – название разновидности документа. Это либо имя существительное в именительном падеже, либо имя существительное, предваряемое одним или несколькими прилагательными. Наиболее употребительным является термин «грамота». Без добавления других терминов слово «грамота» может использоваться в значении «письмо», «послание». Некоторые прилагательные, уточняющие разновидность или подразновидность грамоты, сами приобрели роль существительных и могут употребляться без добавления слова «грамота». Это, прежде всего, названия частных актов («данная», «купчая», «меновная», «закладная», «заемная», «рядная», «духовная»). Среди публично-правовых актов, помимо грамот-писем, имеются документы, которые, кроме названия «грамота», требуют уточняющего определения («договорная грамота», «жалованная грамота», «указная грамота»).

Особые разновидности характерны для документов таких видов, как судебно-процессуальный («судный список», «правая грамота»), про-

сительный («челобитная», «жалобница»), инструктивный («наказ»), отчетный («память», «статейный список»).

40. Если составитель выбирает для заголовка наиболее подходящее, по его мнению, определение разновидности, а в тексте документа имеет-ся его самоназвание, не совпадающее с выбранным термином, это само-название приводится в кавычках и круглых скобках после составитель-ского определения.

41. Вслед за названием разновидности в заголовке идет упоминание юридического (т.е. объявленного в тексте) автора документа.

42. Авторство может быть индивидуальным и коллективным. Когда автор один, он упоминается по имени в родительном падеже.

43. Имени может предшествовать указание должности, ранга и титу-ла автора, тоже в родительном падеже.

44. В ряде документов, особенно в договорных грамотах, сан новго-родского архиерея определяется словом «владыка». Этот обобщающий термин не подходит для заголовка, поскольку «владыкой» мог назы-ваться как архиепископ, так и епископ. Согласно П.М. Строеву, с первой трети XI в. по 1163 г. новгородские архиереи имели сан епископов Нов-городских, с 1165 по 1589 г. они титуловались архиепископами Новго-родскими и Псковскими.

45. Порядок описания юридического автора: 1) географическая часть его титула или должности; 2) ранг (сан, титул, должность, звание); 3) имя; 4) отчество; 5) фамилия или прозвище.

46. Если в тексте публикуемого источника тот или иной элемент не фигурирует, но может быть установлен по другим источникам, он приво-дится в заголовке в квадратных скобках.

47. Заголовок не должен переходить из левой половины страницы в правую и приближаться к дате.

48. Если заголовок не уместится одной строкой в левой половине страницы, его окончание переносят в следующую строку.

49. Вторая строка заголовка должна начинаться под первой буквой пред-ыдущей строки. Интервал между этими строками – 2 мм по вертикали.

50. В конце заголовка точка или иной знак препинания не ставится.

51. Примеры заголовков документов с одним юридическим автором.

(α) ДАННАЯ ВАРЛААМА МИХАЛЕВА СЫНА [Ср.: ГВНП. № 104]

(β) ПРАВАЯ ГРАМОТА СМОЛЕНСКОГО КНЯЗЯ ФЕДОРА [РОСТИСЛАВИЧА] [Ср.: Иванов-Кузнецов. С. 625]

(γ) ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА ТВЕРСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА [Ср.: ГВНП. № 18]

(δ) КУПЧАЯ ПОПА МАКСИМА ИОНОВИЧА [Ср.: Там же. № 135]

52. Заголовки грамот с двумя или несколькими юридическими авторами могут быть разных типов.

53. *Тип 1.* Авторы – начальник и подчиненный. В одном документе, написанном одним почерком, фиксируются приказ начальника и распоряжение подчиненного в развитие или дополнение этого приказа. В заголовке надо отметить обе разновидности текста с именем автора при каждой из них. Например:

(ε) УКАЗНАЯ ГРАМОТА [КИЕВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ] МСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА И ВКЛАДНАЯ ЕГО СЫНА [НОВГОРОДСКОГО КНЯЗЯ] ВСЕВОЛОДА [МСТИСЛАВИЧА] [Ср.: Там же. № 81]

(ζ) «СЛОВО» (СУЗ) ХАНА МЕНГУ-ТЕМИРА И ГРАМОТА КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА [ЯРОСЛАВИЧА] [Ср.: Там же. № 30]

54. *Тип 2.* Авторы – родственники, представляющие одну сторону в сделках отдачи – получения. В заголовке упоминаются субъект интитуляции и его ближайший родственник, оба в родительном падеже с союзом «и» между ними. Вторая сторона (контрагент) не упоминается. Например:

(ζ) ДАННАЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА И ЕГО ЖЕНЫ ФЕДОТЬИ [Ср.: Там же. № 254]

55. *Тип 3.* Авторы – контрагенты, представляющие две противоположные стороны в сделках обмена и раздела. В заголовке упоминаются обе стороны: первая – в родительном падеже, вторая в творительном с предлогом «с». Например:

(η) МЕНОВНАЯ ЕСИПА САВЕЛЬЕВИЧА С ИГУМЕНОМ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ САВВОЮ [Ср.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1952. Т. 1. № 68]

56. *Тип 4.* Авторы – коллектив должностных лиц, представляющих государственную власть.

Подтип 4а. Послание. После названия разновидности («Грамота») упоминаются два первых лица интитуляции. Между их именами ставится союз «и» (когда других лиц нет) или запятая (когда число лиц больше двух).

Например:

(9) ГРАМОТА [НОВГОРОДСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО] НАМЕСТНИКА АНДРЕЯ, ПОСАДНИКА ИВАНА [Ср.: ГВНП. № 44].

Подтип 4б. Договор. Контрагенты – две стороны: первая в интитуляции, вторая в инскрипции. В заголовке лица интитуляции указываются в родительном падеже, лицо или лица инскрипции в творительном с предлогом «с». Например:

(i) ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА НОВГОРОДСКОГО ПОСАДНИКА МИХАИЛА, ТЫСЯЦКОГО КОНДРАТА С [ТВЕРСКИМ ВЕЛИКИМ] КНЯЗЕМ ЯРОСЛАВОМ [ЯРОСЛАВИЧЕМ] [Ср.: Там же. № 2]

ШБ. «Анализ»

57. «Анализ» является прямым продолжением строки «дата-место». Он пишется тем же курсивом, что и она (высота строчных букв – 1,5 мм, заглавных – 2,5 мм; интервал между строками – 3 мм. Ср. ст. 36, 63).

58. Здесь обычно в одном распространенном предложении характеризуется содержание того юридического действия, которое производится автором документа. Действия автора описываются с помощью глаголов настоящего времени.

59. В текст «анализа», набираемого курсивом, могут быть введены прямым шрифтом имена, названия и термины, воспроизводящие орфографию источника, причем термины в таких случаях цитируются в кавычках.

60. Текст «анализа» обязательно завершается точкой.

61. Приводимые ниже примеры «анализа» относятся к тем документам, для которых выше были предложены заголовки (см. выше, ст. 51-56. № а-1):

(а) *Новгородец Варлаам Михалев сын дает новгородскому Спасо-Хутынскому монастырю земельные обьекты (село, пожни, львища и др.), 7 человек челяди, 6 коней и 1 корову.*

(б) *Смоленский князь Федор Ростиславич объявляет, что, произведя суд по тяжбе между [немцем] Бирелем и [местным] Армановичем о [праве владения] «колоколом» (гирей), он вынес оправдательный приговор Бирелю, а Армановича признал виновным и выдал его «съ дворомъ немьцом».*

(γ) *Тверской великий князь Михаил Александрович объявляет, что заключил мир с Новгородом, отправив туда своего посла Михаила Константиновича.*

(δ) Поп Максим Ионинич покупает у Леонтия и Ивана Семеновых детей «реку Яренгу на Летней стороне» (т.е. южный берег этой реки), с отводом, за 10 сороков белки с попопонком в виде свиньи и «кура».

(ε) [Великий князь] Мстислав Володимиръ сын повелевает своему сыну, новгородскому князю Всеволоду, отдать Юрьеву монастырю землю Буице с данью, вирами и продажами; монастырю также дается осеннее полюдье в размере 25 гривен; Всеволод добавляет к этому серебряное блюдо весом в 30 гривен.

(ς) Хан Менгу-Темир повелевает князю Ярославу [Ярославичу] предоставить немецким гостям свободный проезд по его «волоости», что Ярослав и делает, давая рижанам («большим и молодым») «чист путь» по своей «волоости» (= княжеству).

(ζ) Иван Михайлович и его жена Федотья дают [своему зятю] Никите Федоровичу и [его жене], а их дочери, Евдокии село Онашиньское на Кургонеме, плюс два предмета одежды (шубу и чупрун), «да приданую девку Феню».

(η) Есип Савельич дает игумену Троице-Сергиева монастыря Савве свою осьмину варницы в Верхнем колодце у Соли Галицкой и двор Шишкинский в обмен на монастырское сц. Толпаховское с лугом и лужок за р. Ворей.

(θ) Новгородский великокняжеский наместник Андрей, посадник Иван обращаются к посадникам и ратманам г. Любека с требованием вернуть Новгороду товар погибших в море новгородцев, захваченный разбойниками и переправленный в Любек для продажи наряду с другим товаром, отнятым у русских в Стокгольме готландцами, который просят также вернуть.

(ι) Новгородский посадник Михаил и тысяцкий Кондрат обращаются к [тверскому великому] князю Ярославу [Ярославичу] с призывом целовать крест Новгороду [в Твери] в присутствии новгородских послов.

Шв. Дата-место выдачи документа

62. Дата и место выдачи документа составляют отдельную строку с правой стороны страницы напротив заголовка на левой. Эта короткая строка расположена впритык к правому полю. Ее нижняя линия проходит на 4-4,5 мм ниже уровня нижней линии заголовка.

63. Повторим, что заголовок и дата-место непосредственно предшествуют «анализу». Между собой они написаны раздельно и разными шрифтами: заголовок – прямыми капитальными буквами (высота – 3,5 мм), дата и место – курсивом (высота заглавных – 2,5 мм, строчных – 1,5 мм). Ср. выше, ст. 34-36, 57.

64. Элементами даты являются год, месяц, число дня и день недели. В МРМА их принято указывать в следующем порядке: 1) год; 2) число дня; 3) месяц; 4) день недели.

65. Запятая в дате ставится после года перед числом дня и после месяца перед днем недели.

66. Точка в дате ставится после буквы «г», сопровождающей число года, и после последнего элемента даты, каковым может оказаться год (в этом случае достаточно точки после «г»), месяц или день недели.

67. После последней точки в дате ставится тире, отделяющее дату от обозначения места.

68. В МРМА в качестве места указывается только имя собственное, являющееся индивидуальным названием того или иного пункта. В обозначениях на русском языке это же правило пригодно для названий городов, т.е. их не надо предварять буквой «г.». Между тем, уточнение типа других объектов (например, сел, слобод – «с.», «сл.» и т.п.) желательно. Тип поселения можно обозначить и полным словом, если термин встречается только в исключительных случаях.

69. Собственное название места выдачи пишется с заглавной буквы, определение типа поселения – с маленькой.

70. В случаях, когда место выдачи в документе не указано, вместо него дается сокращение «Б.м.», в котором первая буква «Б» должна быть заглавной. Обе буквы («Б» и «м») сопровождаются точкой.

71. В строке дата-место употребление квадратных скобок ограничивается элементами даты. Каждый из них, если он реконструируется издателем, но отсутствует в тексте документа, должен приводиться в квадратных скобках. Если два и более элементов, идущих подряд, восстанавливаются предположительно, их помещают в одной ограде скобок. Если между предположительными данными вклиниваются реальные, каждый из предполагаемых элементов заключается в отдельные для него скобки.

72. Дописывать место выдачи документа, когда его нет в тексте, нежелательно, какой бы вероятной и даже самоочевидной эта реконструкция ни казалась. Вместо названия приходится писать «Б.м.». Поэтому отсутствующее в тексте документа название не должно быть в строке дата-место ни в квадратных скобках, ни, тем более, без них. К сожалению, это правило нельзя применить к дате. Издатель обязан показать читателю хронологическое место недатированного документа.

III. Реконструкция дат

73. В издательских датировках год указывается только по современной эре от Р.Х. Древнерусские элементы даты, встречающиеся в публикуемом документе (число года по эре от С.М. или другим мировым эрам, индикт, эпакта, номера года по солнечному и лунному циклам, вруцелето и т.п.) сами по себе в датировку не вносятся, но лишь используются для установления даты.

74. В силу ограниченности хронологической информации в тексте источника у составителя (издателя) чаще всего нет данных для точной датировки публикуемого документа. Какой-нибудь из четырех принятых элементов даты (год, число, месяц, день недели), как правило, отсутствует, а в большинстве случаев отсутствуют они все.

75. Какие элементы даты должны быть приведены в квадратных скобках в случае их отсутствия в источнике? Примем за правило необязательность реконструкции дня недели. Этот элемент очень редко фигурирует в конечном протоколе грамот. Ограничим проблему реконструкции тремя элементами. Ясно, что во всех датировках должен присутствовать год. Он может быть указан предположительно в квадратных скобках по-разному: либо как одно число, либо как два-три варианта чисел. Нельзя приводить больше трех предполагаемых чисел года, даже если в литературе их имеется до десяти.

76. Когда отсутствует число дня, но имеется название месяца, число указывается альтернативно, от 1 до N (28-29-30-31), в зависимости от числа дней в данном месяце.

77. Когда отсутствует месяц, но есть число, в квадратных скобках указываются крайние месяцы года.

78. Когда известен год, но нет ни числа, ни месяца, дата сводится к указанию в квадратных скобках первого числа первого месяца и последнего числа последнего месяца года.

79. В реконструкциях длинные названия месяцев могут передаваться сокращенно: янв.; февр.; апр.; авг.; сент.; окт.; нояб.; дек.

III. Типы реконструкции даты документа

80. Таблица типов реконструкции дат.

Тип №	Есть (+) или нет (-) в источнике			Примеры реконструкции даты (эра от Р.Х., янв. стиль)
	Число года	Число дня	Название месяца	
1	6619 (янв. стиль)	+	+	1111 г., 12 марта.
2а	6619 (янв. стиль)	-	+	1111 г., [1-31] марта.
2б	6619 (янв. стиль)	+	-	1111 г., 12 [янв.-дек.].
2в	6619 (янв. стиль)	-	-	1111 г., [1 янв. – 31 дек.].
2г	6619 (ультрамарт. стиль)	-	-	1110 г., [1 марта] – 1111 г., [28 февр.].
2д	6619 (сент. стиль)	-	-	1110 г., [1 сент.] – 1111 г., [31 авг.].
2е	6619 (март. стиль)	-	-	1111 г., [1 марта] – 1112 г., [28 февр.].
3а	-	+	+	[1111 г.], 12 марта.
3б	-	-	+	[1111 г., 12] марта.
3в	-	-	-	[1111 г., 1 янв. – 31 дек.].
4а	-	+	+	[1111-1118 гг.], 12 марта.
4б	-	+	-	[1111-1118 гг.], 12 [янв.-дек.].
4в	-	-	-	[1111-1118 гг., 1 янв. – 31 дек.].
5а	-	+	+	[1111 или 1118 или 1121 г.], 12 марта.
5б	-	-	+	[1111 или 1118 или 1121 г., 12] марта.
5в	-	-	-	[1111 или 1118 или 1121 г., 1 янв. – 31 дек.].

Ше. Обоснование датировки

81. Обоснование датировки помещается после «анализа», с новой строки, но набирается тем же шрифтом – курсивом.

82. Обоснование должно быть емким и кратким, не перерастающим в подробные исследования. Необходимо в одной-двух фразах привести только самые существенные аргументы в пользу предполагаемой датировки.

83. Если принимается датировка, уже установленная в литературе, обоснование делается все равно от лица составителя, но затем нужно дать библиографическую справку типа: Такая же дата: *Напьерский* 1858. С. 1. № 1; *Срезневский* 1861. С. 70; *Валк* 1937. С. 200.

84. После указания изданий, в которых датировка документа совпадает с принятой составителем, необходимо упомянуть труды, где предлагаются другие датировки. Подобную справку будем считать типом Б: Другие датировки: 1) 1348 г. (*Кучкин* 1979. С. 700); 2) 1350-1351 гг. (*Черепнин* 1948. С. 15); 3) 1353 г. (*Зимин* 1956. С. 28).

85. Таким образом, хронологико-библиографические справки обоих типов выделяются каждая в отдельный абзац, который начинается вступительной фразой с двоеточием на конце. После двоеточия идет одна или несколько ссылок – либо только на литературу (когда речь идет о подтверждении избранной составителем даты, - см. выше, ст. 83), либо на другой или другие, не принятые составителем варианты даты, и литературу о них (см. выше, ст. 84).

86. Для более четкого представления о принципах составления хронологико-библиографических справок, изобразим их структуру схематически:

Тип А: Отд. I: [Отд. II]: $b_1; b_2; b_3 \dots b_n$.

Тип Б: Отд. I: [Отд. II]: 1) $d_1 (b_1 \dots b_n)$; 2) $d_2 (b_1 \dots b_n)$; n) $d_n (b_1 \dots b_n)$.

87. Расшифровка условных обозначений.

Тип А

Отд. I = заголовок: Такая же дата:

b_1, b_2, b_n – ссылки на издание или исследование. Они даются: 1) в сокращенной редакции, которая принята в списке сокращений ко всему тому; 2) с указанием страницы и номера документа в издании; 3) в последовательности возрастающей хронологии изданий. Каждая последующая ссылка отделяется от предыдущей точкой с запятой.

Тип Б

Отд. I – заголовок: Другие датировки:

d_1, d_2, d_n – предполагаемые даты документа, фигурирующие в различных изданиях и литературе. Состав предполагаемых дат может быть полным, включая в себя все четыре элемента даты (год, число, месяц, день недели), а может ограничиваться одним (чаще всего годом) или двумя, в редких случаях тремя элементами. Все они должны быть упомянуты. Число года сопровождается одной или двумя буквами «Г» («ГГ») и точкой. Последовательность упоминания дат и их порядковый номер определяются хронологией: на первое место (d_1) ставится наиболее ранняя из предполагаемых дат. Цифра порядкового номера предполагаемой даты сопровождается задней скобкой. Порядковый номер ставится перед первым элементом даты – числом года. Например: 1) 1128 г. (*Рождественская ...*);

b_1, b_n – по содержанию и форме это такие же библиографические ссылки, как и в типе А. Они тоже даются в соответствии со списком сокращений, располагаются в порядке хронологии изданий и разделяются точкой с запятой. В отличие от типа А, где библиография относится чаще всего к одной дате, избранной составителем, в типе Б библиографические справки запланированы для нескольких дат и помещаются после каждой даты в круглых скобках, сопровождающихся либо точкой с запятой, либо точкой (в конце).

88. Вопрос о комментировании отвергнутых датировок.

Рассмотрение и анализ всех имеющихся в литературе датировок издаваемого документа не входит в задачи археографа. Его дело – по возможности кратко обосновать принятую им самим датировку. Поэтому составитель не обязан комментировать все другие существующие в науке варианты датировки того же источника.

89. Тем не менее, могут быть случаи, когда археограф располагает убедительными аргументами против той или иной ходячей датировки издаваемого документа. В этом случае в конце раздела о дате допустимо поместить абзац под названием «Хронологический комментарий». В нем составитель может дать резюме своих взглядов касательно неприемлемости отвергаемой им датировки. Главное, чтобы этот абзац не достиг размеров монографии.

90. На последней фразе раздела о датировке завершается употребление курсива (*italique*). Дальнейший текст набирается корпусом (прямым шрифтом, *romain*).

Б. Описание подлинника

Описание внешней формы публикуемого оригинала печатается не курсивом, а корпусом обычного размера.

1) Перед описанием ставится литера А полужирная (литера А обозначает оригинал).

2) В описании указываются материал для письма, его цвет, наличие затемненных мест, подклеек и т. п.

3) Разлиновка пергамена. Наличие или отсутствие следов прокалывания.

4) Бумага. Водяные знаки.

5) Размеры в мм: ширина верхнего и нижнего края листа, высота левого и правого краев.

6) Сгибы пергамена и дырки на них.

7) Почерк: один или несколько писцов.

8) Чернила: цвет, кляксы.

9) Тип письма.

10) Число строк, длина строк, размеры интервалов между строками.

11) Изобразительные элементы, их характер, размеры, соотношение со строками текста.

12) Характеристика букв, их размеры, число в строке.

13) Знаки препинания и диакритические знаки, употребляемые в рукописи.

14) Размеры полей.

15) Позднейшие пометы и пометки.

16) Наличие печати архивохранилища.

17) Наличие подклеек и приклеек.

18) Надписи на подклейках и приклейках.

Описание печатей. Каждая печать описывается отдельно.

1) Материал;

2) Форма;

3) Диаметр;

4) Способ прикрепления и характеристика крепящих элементов (нити, шнур, пергамен), их материал, цвет, размеры.

5) Лицевая сторона: а) изображение, б) надпись.

6) Обратная сторона: а) изображение, б) надпись.

В. Традиция текста

Легенда.

1) *Сведения о копиях* (Copies). Начинаются с древнейшей копии, обозначаемой литерой В. Эта литера ставится во главе всего описания и набирается полужирным. Указываются дата копии, материал, на котором она написана, ее автор (если он известен), место хранения и шифр. Таким же образом характеризуются по времени копии, обозначаемые полужирными литерами С, D, E и т. д.

2) *Сведения об изданиях* (Imprimés). Каждое издание обозначается строчной латинской буквой, набранной полужирно: a, b, c, d и т. д. Располагаются по хронологии изданий. Названия изданий обычно даются сокращенно, в соответствии с общим списком сокращений. После указания сначала страниц, потом номера документа в издании, через запятую сообщается, по какому тексту осуществлено издание: по А (d'après A), по В (d'après B) и т. д.

3) *Сведения о перечнях* (Listes) приводятся по названиям перечней или фамилиям авторов перечней. Перед названием перечня ставится арабская цифра со скобкой справа.

Г. Подготовка текстов к печати

Транскрипция и перевод текстов. *Транскрипция.*

1) Транскрипция производится посредством букв кириллического алфавита. Все без исключения древнерусские буквы сохраняются: е якорное (ε), е йотированное (ϵ), зело (s), і десятиричное (i), у петлистое (y), юс малый (A) и юс малый йотированный (IA), юс большой (Ж) и юс большой йотированный (IЖ), ять (ѣ), от (Ѡ), кси (Ѣ), пси (Ѩ), фита (Ѧ), ижица (Ѯ).

2) Выносные буквы вносятся в строку и набираются курсивом.

3) Аббревиатуры раскрываются и дополняются необходимыми буквами современного алфавита в круглых скобках. Реконструируемые буквы в испорченных местах текста приводятся в квадратных скобках.

4) Знаки препинания рукописи не воспроизводятся, но их наличие фиксируется в примечаниях, диакритические знаки рукописи не воспроизводятся.

5) Знаки препинания ставятся в соответствии с логикой текста и по современным правилам.

6) Изобразительные элементы (в том числе символическая инвокация) передаются условными знаками.

7) Текст передается построчно так, как он разделяется на строки в рукописи.

8) Если текст рукописной строки не укладывается в строку транскрипции, оставшаяся часть дается дополнительной (как правило, неполной) строкой.

9) Перед каждой основной строкой транскрипции помещается заключенный в косые скобки номер строки рукописи, начиная с /01/. Дополнительные строки не сопровождаются номером, поскольку являются окончанием уже пронумерованной строки.

10) Текст разделяется на слова и предложения по смыслу.

11) Заглавные буквы употребляются по современным правилам, т. е. в начале предложения и в именах собственных.

12) Текст не разделяется на абзацы.

13) Примечания к тексту делятся на два разряда: 1. палеографические; 2. текстологические. Палеографические примечания нумеруются арабскими цифрами, текстологические — строчными буквами латинского алфавита.

14) Примечания помещаются отдельным разделом в конце транскрипции. Сначала даются цифровые примечания, а следующим абзацем — буквенные. В каждом из этих подвалов примечания идут в строку одно за другим, без выделения одного примечания в специальный абзац. Их можно для ясности разделять знаком тире.

15) Слова автора примечания набираются курсивом, а слова из текста документа — корпусом.

16) Палеографические примечания фиксируют неисправности написания или испорченность текста оригинала, пропуски, повреждения и т. п.

17) Текстологические примечания указывают на другие чтения в копиях или дублетных экземплярах оригинала. Ссылки при этом даются с указанием литеры, обозначающей ту или иную копию.

18) В примечаниях к транскрипции не нужно делать разъяснений по поводу упоминаемых в тексте лиц, географических объектов или событий.

Перевод текста оригинала на французский язык желательно давать также в построчном изложении с нумерацией строк. Здесь не нужно по-

вторять палеографические и текстологические примечания, помещенные при русской транскрипции. Зато перевод можно снабдить примечаниями по существу упомянутых в тексте лиц, географических объектов и событий. Примечания в переводе нумеруются арабскими цифрами.

Особым разделом примечаний в переводе может стать обоснование принятой датировки документа.

Факсимиле рукописи.

- 1) Документ публикуется в натуральную величину.
- 2) При издании лицевой стороны акта слева подкладывается лист бумаги с отпечатанными номерами строк так, чтобы напротив начала каждой строки стоял ее номер.
- 3) Оборот может публиковаться либо целиком, либо, если это неудобно или нецелесообразно, фрагментарно — только те места, где есть записи.
- 4) Никакими подписями факсимиле как лицевой, так и оборотной стороны не сопровождается.
- 5) Отдельно приводятся факсимиле печатей — с лицевой и оборотной сторон.

Д. Научно-справочный аппарат к тому

Следующий раздел тома: *Библиография* (Bibliographie). Он предваряется вступительным замечанием (Note liminaire), где авторы сообщают о принципах, положенных в основу данного раздела и о невозможности привести полную библиографию.

Первая часть раздела — Рукописи (Manuscripts), вторая - Издания (Imprimés). Во второй части указываются не только публикации документов, но и посвященные им исследования.

За Библиографией идет Список сокращений (Liste des abréviations), перекликающийся с библиографией.

Последний раздел тома составляют Указатели (Index). Их должно быть три: 1) именной; 2) географический; 3) предметно-терминологический. Каждый указатель состоит из двух частей: а) русская часть, которая относится ко всему русскому тексту тома; в) французская часть, охватывающая весь французский текст тома.

В указателях помещаются не только имена и термины, содержащиеся в публикуемых документах, но и все имена и термины, фигурирующие в томе в целом. Отсылки даются к страницам тома.

Состав Археографической комиссии РАН*

БЮРО КОМИССИИ

Каштанов Сергей Михайлович, чл.-корр. РАН, председатель (Институт всеобщей истории РАН)

Медведева Татьяна Валерьевна, к.и.н., ученый секретарь (Институт славяноведения РАН)

Гайдуков Петр Григорьевич, чл.-корр. РАН, зам. председателя (Институт археологии РАН)

Мельников Андрей Васильевич, к.и.н., зам. председателя (Институт славяноведения РАН)

Мироненко Сергей Владимирович, д.и.н., зам. председателя (Гос. архив Российской Федерации)

Афанасьев Михаил Дмитриевич, к.пед. н. (Гос. публичная историческая библиотека)

Афиани Виталий Юрьевич, к.и.н. (Архив РАН)

Васильев Владимир Иванович, чл.-корр. РАН

Ирошников Михаил Павлович, д.и.н. (Санкт-Петербургский гос. университет)

Козлов Владимир Петрович, чл.-корр. РАН

Козлов Владимир Фотиевич, к.и.н. (Российский гос. гуманитарный университет)

Лифшиц Александр Львович, к.филол. н. (НИУ Высшая школа экономики)

Мосин Алексей Геннадьевич, д.и.н. (Екатеринбург)

Мясников Владимир Степанович, акад. РАН

Раздорский Алексей Игоревич, к.и.н. (Российская национальная библиотека)

* Состав утвержден на заседании Отделения историко-филологических наук РАН 13 апреля 2016 г.

Со времени утверждения списка, состав комиссии претерпел изменения: скончались к.и.н. Ю.В. Андрушайтите (Москва), к.и.н. Ю.С. Васильев (Вологда), д.и.н. Ю.Г. Алексеев (Санкт-Петербург), д.и.н. А.В. Камкин (Вологда), д.и.н. В.М. Панеях (Санкт-Петербург), д.и.н. А.Л. Хорошкевич (Москва).

Сиренов Алексей Владимирович, д.и.н. (Санкт-Петербургский гос. университет)

Черных Вадим Алексеевич, к.и.н.

Чубарьян Александр Оганович, акад. РАН (Институт всеобщей истории РАН)

Шкурко Александр Иванович, к.и.н. (Гос. Исторический музей)

Янин Валентин Лаврентьевич, акад. РАН (Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова)

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ

Айвазян Михаил Арамисович, к. филос. наук (Институт мировой литературы РАН)

Акиньшин Александр Николаевич, к.и.н. (Воронежский гос. университет)

Антонов Антон Владиславович (Российский гос. архив древних актов)

Баранов Константин Владимирович (Российский гос. архив древних актов)

Беленький Иосиф Львович (Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Белякова Марина Михайловна, к. филол. н. (Н. Новгород)

Бердинских Виктор Аркадьевич, д.и.н. (Вятский гос. университет, Киров)

Бондарева Татьяна Ивановна (журнал «Отечественные архивы»)

Бухерт Владимир Генрихович, к.и.н. (Архив РАН)

Веденин Юрий Александрович, д.геогр.н. (НИИ культурного и

природного наследия им. Д.С. Лихачева)

Вздорнов Герольд Иванович, чл.-кор. РАН

Волкова Наталья Борисовна, к.ф.н. (Российский гос. архив литературы и искусства)

Волкова Татьяна Федоровна, д.ф.н. (Сыктывкарский гос. университет)

Гальцов Валерий Иванович – к.и.н. (Ин-т гуманитарных наук Балтийского федерального ун-та им. И. Канта)

Голиков Андрей Георгиевич, д.и.н. (Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова)

Даниленко Борис, протоиерей (Московская Патриархия)

Дегтярев Александр Якимович, д.и.н. (Совет Федерации Федерального собрания РФ)

Демин Анатолий Сергеевич, д.ф.н. (Институт мировой литературы РАН)

Енишерлов Владимир Петрович, к.ф.н. (журнал «Наше наследие»)

- Еремин Александр Иванович, к.и.н. (Орел)
- Ерусалимский Константин Юрьевич, д.и.н. (Российский гос. гуманитарный университет)
- Журавлев Валерий Васильевич, д.и.н. (Российский гос. архив социально-политической истории)
- Журавлев Сергей Владимирович, д.и.н. (Институт российской истории РАН)
- Зайцев Илья Владимирович, д.и.н. (Ин-т востоковедения РАН)
- Зелов Николай Степанович (Гос. архив Российской Федерации)
- Илизаров Борис Семенович, д.и.н. (Институт российской истории РАН)
- Илизаров Симон Семенович, д.и.н. (Институт истории естествознания и техники РАН)
- Карев Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Беларусь, Гродно, Гродненский гос. университет им. Янки Купалы)
- Кобяк Наталья Адольфовна (Институт славяноведения РАН)
- Комочев Никита Алексеевич, к.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Кузьмин Андрей Валентинович, к.и.н. (Гос. акад. ун-т гуманитарных наук)
- Кучкич Владимир Андреевич, д.и.н. (Институт российской истории РАН)
- Ларин Михаил Васильевич, д.и.н. (ВНИИДАД)
- Ласунский Олег Григорьевич, к. филол. н. (Воронеж)
- Лебедева Наталья Сергеевна, д.и.н. (Институт всеобщей истории РАН)
- Лепехин Михаил Пантелеевич (Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург)
- Литвин Александр Алтерович, д.и.н. (Казанский федеральный гос. ун-т, Казань)
- Литвин Алтер Львович, д.и.н. (Казань)
- Мельник Александр Гаврилович, к.и.н. (Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль»)
- Мироненко Мария Павловна, к.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Митрофанов Николай Николаевич, к.и.н.
- Михайлова Наталья Ивановна, акад. РАО (Гос. Музей А.С. Пушкина)
- Михальченко Сергей Иванович, д.и.н. (Брянский гос. университет им. академика И.Г. Петровского)
- Морозов Борис Николаевич, к.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Назаров Владислав Дмитриевич (Институт всеобщей истории РАН)
- Немировский Евгений Львович, д.и.н. (Российская гос. библиотека)
- Никифоров Константин Владимирович, д.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Новохатский Константин Евгеньевич (Украина, Киев, Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского)

- Охотин Никита Глебович (Институт русской литературы РАН)
- Павлова Татьяна Федоровна (Росархив)
- Петров Андрей Евгеньевич, к.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Петров Юрий Александрович, д.и.н. (Институт российской истории РАН)
- Пихоя Рудольф Германович, д.и.н. (Институт российской истории РАН)
- Поздеева Ирина Васильевна, д.и.н. (Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова)
- Присенко Галина Петровна, к.и.н. (Тульский гос. педагогический университет)
- Робинсон Михаил Андреевич, д.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Рогожин Николай Михайлович, д.и.н. (Институт российской истории РАН)
- Рубан Юрий Иванович, к.и.н. (Санкт-Петербург)
- Рыженко Валентина Георгиевна, д.и.н. (Омск)
- Рыженков Михаил Рафаилович, к.и.н. (Российский гос. архив древних актов)
- Рыкова Ольга Владимировна, к.и.н. (Гос. Музей А.С. Пушкина)
- Сазонов Сергей Вячеславович (Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль»)
- Самарин Александр Юрьевич, д.и.н. (Российская гос. библиотека)
- Сахаров Андрей Николаевич, чл.-кор. РАН (Институт российской истории РАН)
- Севастьянова Алла Александровна, д.и.н. (Рязанский гос. университет им. С.А. Есенина)
- Серебрякова Елена Ивановна (Гос. Исторический музей)
- Середа Надежда Владимировна, д.и.н. (Российский гос. гуманитарный университет)
- Смирнов Ярослав Евгеньевич, к.и.н. (Гос. музей-заповедник «Ростовский Кремль»)
- Соболева Надежда Александровна, д.и.н. (Институт российской истории РАН)
- Соколова Наталья Викторовна, к.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Столярова Любовь Викторовна, д.и.н. (Институт всеобщей истории РАН)
- Сундиева Аннета Альфредовна, к.и.н. (Российский гос. гуманитарный университет)
- Тихонов Юрий Александрович, д.и.н.
- Топычканов Андрей Владимирович, к.и.н. (Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова)
- Туманов Валерий Евгеньевич, к.и.н. (Центральный гос. архив Московской области)
- Турилов Анатолий Аркадьевич, к.и.н. (Институт славяноведения РАН)

- Тюрина Елена Александровна, к.и.н. (Российский гос. архив экономики)
- Усачев Андрей Сергеевич, д.и.н. (Российский гос. гуманитарный университет)
- Филимонов Сергей Борисович, д.и.н. (Таврическая академия Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского, Симферополь)
- Флоря Борис Николаевич, чл.-кор. РАН (Институт славяноведения РАН)
- Фонкич Борис Львович, д.и.н. (Институт всеобщей истории РАН)
- Хоруженко Олег Игоревич, к.и.н. (Институт российской истории РАН)
- Чирков Сергей Васильевич, к.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Чудакова Мариетта Омаровна, д.ф.н. (Литературный ин-т)
- Швейковская Елена Николаевна, д.и.н. (Институт славяноведения РАН)
- Шумейко Михаил Федорович, к.и.н. (Беларусь, Минск, Белорусский гос. университет)
- Эскин Юрий Моисеевич (Российский гос. архив древних актов)
- Юрасов Андрей Викторович, к.и.н. (Росархив)
- Яновский Андрей Дмитриевич, к.и.н. (Гос. Исторический музей)

ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН

Санкт-Петербургское отделение Археографической комиссии РАН

- Ирошников Михаил Павлович, д.и.н., проф. (Санкт-Петербургский гос. университет, председатель)
- Бубнов Николай Юрьевич, д.и.н. (Библиотека Академии наук, зам. председателя)
- Дмитриева Зоя Васильевна, д.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН, зам. председателя)
- Сиренов Алексей Владимирович, д.и.н. (Санкт-Петербургский гос. университет, зам. председателя)
- Мажуга Владимир Иванович, к.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН, руководитель Западноевропейской секции Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии РАН)
- Башнин Никита Викторович, к.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН, уч. секретарь)

- Абеленцева Ольга Алексеевна, к.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
- Алексеев Алексей Иванович, д.и.н. (Российская национальная библиотека)
- Афанасьева Татьяна Игоревна, д. филол.н. (Санкт-Петербургский гос. университет)
- Багно Всеволод Евгеньевич, член-корр. РАН (Институт русской литературы РАН)
- Базарова Татьяна Анатольевна, к.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
- Беспярых Юрий Николаевич, д.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
- Блескина Ольга Николаевна, к.и.н. (Российская национальная библиотека)
- Бобров Александр Григорьевич, д.и.н. (Институт русской литературы РАН)
- Будорагин Владимир Павлович (Институт русской литературы РАН)
- Вилинбахов Георгий Вадимович, д.и.н. (Государственный Эрмитаж)
- Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна, д.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
- Вознесенский Андрей Владимирович, д. филол.н. (Российская национальная библиотека)
- Гальперина Белла Давидовна, д.и.н. (Российский гос. педагогический университет им. А. И. Герцена)
- Гинев Владимир Николаевич, д.и.н., проф. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
- Демкова Наталья Сергеевна, д. филол.н., проф. (Санкт-Петербургский гос. университет)
- Егоров Борис Федорович, д. филол.н., проф. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
- Ислюль Сергей Николаевич, д.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
- Киселева Людмила Ильинична, д.и.н. (Санкт-Петербургский гос. университет)
- Корогодина Мария Владимировна, д.и.н. (Библиотека Академии наук)
- Кочеткова Наталия Дмитриевна, д. филол.н. (Институт русской литературы РАН)
- Крушельницкая Екатерина Владимировна, д. филол.н. (Российская национальная библиотека)
- Левшина Жанна Леонидовна (Российская национальная библиотека)

- Маркелов Глеб Валентинович (Институт русской литературы РАН)
Медведев Игорь Павлович, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
Мещерская Елена Никитична, д.и.н., проф. (Санкт-Петербургский гос. университет)
Николаев Николай Иванович (Санкт-Петербургский гос. университет)
Пиотровская Елена Константиновна, д.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
Плешков Виктор Николаевич, д.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
Поньрко Наталья Владимировна, д.и.н. (Институт русской литературы РАН)
Раздорский Алексей Игоревич, к.и.н. (Российская национальная библиотека)
Рамазанова Наталья Васильевна, д. иск. (Российская национальная библиотека)
Раскин Давид Иосифович, д.и.н., проф. (Санкт-Петербургский гос. университет)
Романова Анастасия Анатольевна, к.и.н. (Библиотека Академии наук)
Ромодановская Варвара Андреевна, к. филол.н. (Институт русской литературы РАН)
Савельева Наталья Вячеславовна, к. филол.н. (Институт русской литературы РАН)
Свердлов Михаил Борисович, д.и.н., проф. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
Селин Адриан Александрович, д.и.н. (НИУ ВШЭ)
Семячко Светлана Алексеевна, к. филол.н. (Институт русской литературы РАН)
Сергеев Алексей Геннадьевич, к.и.н. (Библиотека Академии наук)
Скатов Николай Николаевич, чл.-корр. РАН (Институт русской литературы РАН)
Смирнов Николай Николаевич, д.и.н., проф. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
Соболев Владимир Семенович, д.и.н., проф. (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН)
Тункина Ирина Владимировна, д.и.н. (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

Филимонова Татьяна Ивановна, к.и.н. (Российская национальная библиотека)

Цамутали Алексей Николаевич, д.и.н., проф. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Цыпкин Денис Олегович, к.и.н. (Санкт-Петербургский гос. университет)

Чистиков Александр Николаевич, д.и.н. (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Шепелев Леонид Ефимович, д.и.н. (Гос. геральдическая служба)

Шибаев Михаил Алексеевич, к.и.н. (Российская национальная библиотека)

*Секция восточной археологии Санкт-Петербургского
отделения Археографической комиссии РАН*

Базеленко Игорь Вадимович, д.и.н. (Институт восточных рукописей РАН)

Воднева Оксана Анатольевна, к.и.н. (Институт восточных рукописей РАН)

Попова Ирина Федоровна, д.и.н. (Институт восточных рукописей РАН)

**Северное отделение Археографической комиссии
РАН (Вологда)**

Пугач Иван Васильевич, к.и.н. (Вологодский гос. ун-т)

Черкасова Марина Сергеевна, д.и.н., ученый секретарь (Вологодский гос. ун-т)

Адаменко Ольга Николаевна, к.и.н., н. с. ООО «Старый город»

Грязнов Анатолий Леонидович, н. с. НП НИЦ «Древности»

Гуслистова Анна Николаевна, н. с. НП НИЦ «Древности»

Коновалов Фёдор Яковлевич, к.и.н., н.с. Вологодского гос. историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Чебыкина Галина Николаевна, зав. отделом истории Великоустюгского гос. историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Уральское отделение Археографической комиссии РАН (Екатеринбург)

Мосин Алексей Геннадьевич, д.и.н., председатель (Центральная научная библиотека Уральского отделения РАН)

Байдин Виктор Иванович, к.и.н. (Уральский федеральный университет)
Белобородов Сергей Анатольевич, к.и.н. (Уральский федеральный университет)

Боровик Юлия Викторовна, к.и.н. (Уральский федеральный университет)
Главацкая Елена Михайловна, д.и.н. (Уральский федеральный университет)

Дашкевич Людмила Александровна, д.и.н. (Ин-т истории и археологии Уральского отделения РАН)

Мангилев Петр Иванович, к.и.н. (Уральский федеральный университет)
Манькова Ирина Леонидовна, к.и.н. (Ин-т истории и археологии Уральского отделения РАН)

Мудрова Наталия Александровна, к.и.н. (Центральная научная библиотека Уральского отделения РАН)

Неклюдов Евгений Георгиевич, д.и.н. (Ин-т истории и археологии Уральского отделения РАН)

Павловский Николай Георгиевич, к.и.н. (Уральский федеральный университет)

Парфентьев Николай Павлович, д.и.н., д. иск. (Южно-Уральский гос. университет; Челябинск)

Парфентьева Наталья Владимировна, д. иск. (Южно-Уральский гос. университет; Челябинск)

Пирогова Елена Павловна, к.и.н. (Российский гос. профессионально-педагогический университет)

Полетаева Елена Альбертовна, к. филол.н. (Центральная научная библиотека Уральского отделения РАН)

Починская Ирина Викторовна, д.и.н. (Уральский федеральный университет)

Редин Дмитрий Алексеевич, д.и.н. (Уральский федеральный университет)
Соболева Лариса Степановна, к. филол.н. (Уральский федеральный университет)

Abstracts

Dmitri V. Anosov

Impact of modern information technologies on the process of identifying sources of personal origin for publication

The article is devoted to the possibility of searching for documentary publications using electronic library databases and various information portals. The special attention is paid to the capabilities of the information systems of the Archive of the Russian Academy of Sciences: «Central Stock Catalog» and «Information System». A number of problems at the junction of archeography, information heuristics and archival studies related to information technologies are considered, in particular, issues devoted to the problems of problems of fading text and machine text recognition.

Keywords: electronic library databases, reference portals, information systems of the Archive of the Russian Academy of Sciences, departmental archives, information retrieval, disadvantages of electronic resources, illegible texts, computer text recognition

Vitaly Y. Afiani

Academic archaeography: myth or reality?

The article is devoted to substantiation of the concept of «academic archaeography» in the system of ideas of archaeography as a scientific discipline.

Keywords: archaeography, philology, textual criticism, documentary publication, the development of scientific methods, the Academy of Sciences

Vladimir P. Bogdanov

The latest experiences of the publication of the sources of the 18th–21th centuries by scholars and students of the Faculty of History of Moscow State University

The article is devoted to the experience of publishing historical sources, undertaken by scholars and students of the historical faculty of Lomonosov Moscow State University. As a result, from 2009 to 2016 nine collections

of documents covering the period of the 18th–21th centuries were issued. Thematically, these documents fall into two large blocks: documents that characterize the traditional (primarily the Old Believers) culture of different regions, and documents reflecting the participation of «people of Moscow University» in the Great Patriotic War. In fact, these publications could be considered not only as the publication of sources, but as a reference guide.

Keywords: archeography, publication, Great Patriotic war, Old Believers, traditional culture, historical sources

Olga B. Bokareva

Archaeographical heritage of N.I. Veselovsky

The article based on archival and published sources analyzes the archaeological heritage of outstanding orientalist and archaeologist N.I. Veselovsky (1848–1918), traces his scientific biography. Special attention is paid to the work of the scientist over the publication of diplomatic documents about the relations of Russia with the East.

Keywords: N.I. Veselovsky, Russia and the East, Persia, diplomatic documents, ambassadorial affairs

Nikolaj J. Bubnov

Works of Russian Old Believers. The program of the scientific description of the Old Believers manuscripts of Library of the Russian Academy of Sciences: the idea and its implementation

This article contains information about the completion of the 3-d issue of the series «Works of Old Believers writers» (7-th Volume, Series «Description of the Manuscript Department of Library of the Russian Academy of Sciences»). The author speaks of long-term (since 1970-th years) program of the scientific description of Library of RAS' Old Believers manuscripts, which is based on the fundamental work «Scriptures by Russian Old Believers» of V.G. Druzhinin. The 3-d issue contains descriptions of manuscripts from the famous collection of Druzhinin, as well as other collections of Old Believers, including little-known ones. The author acquaints readers with the achieved results and with the features of scientific work on the description of little-known Old Believers' works of the second half of the XVIII century, their genre and structural features, as well as with future plans to continue the «Old Believers» series descriptions.

The author reports on the two previous editions of Library devoted to its Old Believers funds: the descriptions first of the illuminated Old Believers manuscripts of 17th - the first half of the 20th century. (Vol. 10/1 in a series of «Description of the Manuscript Department of LRAS». SPb., 2010) and the second - the Catalog of Old Believers' Hectographic publications of the last quarter of XIX- first quarter of XX century (SPb., 2012). These publications introduce into scientific circulation a significant part of new sources on history and culture of the Old Believers, and also outline the prospects for further plans for describing and studying the manuscript heritage of the Old Believers – the heirs of ancient Russian culture and literary tradition.

Keywords: Old Believers, a scientific description of manuscripts, illuminated manuscripts, hectographed edition, Library of the Russian Academy of Sciences

Vladimir H. Buhert

Project of V.V. Sheremetevsky about organization of Archival museum (1927)

The project of the well-known archivist V.V. Sheremetevsky (1863–1943) on the organization of the Archival museum (1927) is published for the first time. Project of Sheremetevsky is the development of I.L. Mayakovsky's ideas on creating of archival museums-exhibitions in the structure of the Unified State Archival Fund. In them, according to Mayakovsky, should be exposed the samples of all the techniques of archival affairs and its new achievements and methods of the archaeographical work. The manuscript of V.V. Sheremetevsky's project was found in the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: historian and archivist V.V. Sheremetevsky, history of archival affairs in the Soviet Union

Svetlana V. Buraeva

Book and hand-written heritage of Transbaikal Old Believers in catalogues of 20th –21th centuries

The archaeographic academic expeditions for searching and collection of documentary and narrative sources are conducted in the Transbaikalia area for over fifty years. The main result of years of research - the formation of regional

collections of Old Believers literature in public repositories and databases of identified private and public libraries. Archaeographical field studies have played a decisive role in the creation of the source base for researches on history of the books. However, their discreteness and fragmentation does not allow to solve many problems. There was not given a detailed archaeographic description of monuments of writing and printing that were found in the Old Believers' environment and located in state repositories. By the end of the twentieth century only a few articles, partly describing collections of Institute of history of Siberian Branch of the RAS and the Museum of history of Buryatia, were devoted to them. The situation radically changed in the last 15 years – came out a few directories that give an idea about the collections of the Division of rare and manuscript books of State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the RAS, National library of the Republic of Buryatia, the centre of Oriental manuscripts and xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, etc.

Keywords: Old Believers, a scientific description of manuscripts, illuminated manuscripts, hectographed edition, Library of the Russian Academy of Sciences

Sergey V. Chirkov

Archaeographic Commission in the 19th –20th centuries: organizational forms and development of scientific methods

Since its beginning, the scientific archaeological work in Russia was concentrated mainly in different types of scientific institutions and societies. In 19th century the methods of publishing and describing of historical sources were developed by the Academy of Sciences and archaeographic commissions, which created special organizational forms for identifying the views of the scientific community. The archaeographic rules and samples developed by them contributed to the formation of a generally accepted scientific culture in archaeography.

Keywords: history of archaeography, scientific institutions, scientific culture

Nina L. Elovskaja

«Pamyatnaya» [the diary] of Alexey Egorovich Novoselov

The article discusses the diary of the Dmitrov merchant A.E. Novoselov (1858–1910) for 1877–1907 as an unique source of history of provincial life of Dmitrov town.

Keywords: Russian history of 19th – beginning of 20th century, local history, town of Dmitrov, merchants, personal documents, diaries, memoirs, A.E. Novoselov

Valentina I. Erofeeva, Anton V. Dadykin

**«Cyrillic printed books of the 16th – 17th centuries
in the Scientific library of Lomonosov Moscow State University»:
the preparation of a catalogue**

The authors summarize the preparation of the volume, which includes scientific descriptions of 10 copies (8 editions) of the 16th century and 349 copies (192 editions) of the 17th century. The book continues and completes two catalogues of the MSU library, published in 1980 and 2000. That's why the author and the scientific editor tried, on the one hand, to maintain continuity of Cyrillic printed books' description scheme, and on the other hand, to use the innovations in this field. For some rare editions we give features, which have not yet been taken into account. Those features may help to identify defective copies.

Keywords: archaeography, bibliography and history of the book, catalogue of the cyrillic printed book of the of the XVI–XVII centuries, the history of Russian and Slavic printing of the 16th–17th centuries

Valeriya A. Esipova

**Studying of the book collections of Tomsk Museum
of Local History (TOKM) and its branches**

Archaeographic survey of Tomsk region by the local researches began in the mid 1980s. At the same time, books, stored in state institutions (particularly in the TOKM branches) have not been systematically studied. The description of Cyrillic manuscripts and printed books, that are stored in the central TOKM Museum, was realized by O.N. Bakhtina and other

researches from Tomsk State University. A number of inventories was compiled, 3 catalogues were published. Research and publishing of the text of The Book of Degrees of the Royal Genealogy, conducted under the direction of N.N. Pokrovsky, are of particular note.

Now the Central TOKM Museum contains 188 items in the collection of manuscripts; descriptions for 106 of them have not been published. The collection of Cyrilic printed books numbers now 195 items, 162 of them were described. Information about collection of the branches is fragmentary and need to be checked.

The decision was made about total survey of TOKM Museum Cyrilic book collections, including their branches; a creative team was formed, including the staff from NB TSU, TOKM and SPSTL; the grant «Tomsk archaeological expedition: a survey of book collections of the Tomsk Museum of Local History and its branches» (16-11-70601 e/p) was won. Currently, a considerable part of the project has already been done: almost the entire manuscript collection of central TOKM Museum was examined, as well as book collection of Asino Museum of Local History. A number of errors and inaccuracies in earlier descriptions are identified.

Work on the project is currently in progress. A trip is planned in two branches in August 2016: Kolpashevo Museum of Local History and Podgor-noe Museum of Local History. It is also necessary to finish the examination of collections of the central TOKM Museum.

Keywords: archaeography, paleography, manuscripts, Tomsk Museum of Local History

Simon S. Iizarov

G.F. Miller's Projects and Emergence of Scientific Archaeography in Russia

The article reviews archaeological work of Academician G.F. Miller (1705–1783), from the first conceptual projects of the 1730s to the classical scientific documentary publications in the 1760s–1770s. The publication of the letters written by Peter the Great to B.P. Sheremetev, the Book of Degrees of the Royal Genealogy (*Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviia*), and other books published by G.F. Miller may be regarded as the best, the topmost examples of Russian archaeography of the 18th century. It was mostly due to G.F. Miller's efforts that a practice of archaeological publications based

on the scientific methods developed in Russia within several decades of the 18th century.

Keywords: history of Russia, historiography, source study, archaeography, development of scientific methods, G.F. Miller

Pavel V. Ilyin

Current issues and future challenges of publications on the history of the Decembrists: a historiographical context

The article is devoted to key scientific problems associated with the publication of the documentary heritage of the Decembrists. Consideration of archaeological objectives in connection with the historiographical tradition allows to formulate the results and prospects for the publication of materials on the history of the Decembrists movement.

Keywords: Decembrists, historiography, source studies, archaeography

Elena V. Kazbekova

Scientific description of the canon law and theology manuscripts of the 12th–14th centuries

The large quantity of copies, dispersed throughout the European libraries from Spain to Scandinavia, complicates the scientific investigation of canon and Roman law manuscripts of the 12th–14th centuries. The history of the text of the main canon law collections of the «Corpus juris canonici» is unknown, it lacks of the critical editions. For some collections the number of survived copies is unknown. The date and location are very often uncertain because of the international character of the Gothic book script, unified standards for the design of university books in different countries and a high mobility of the book owners, students and magisters. The scholars have to investigate marginal student's glosses and codicological information (structure of the quires, parchment, pecia, advertising, layout, book binding). E. g. a description of the copy St Petersburg. NLR. Lat. O. v. I. 53 of the Latin mnemotechnic verses on the Bible «Summarium Biblicum» (13th – first half of the 14th centuries, Germany) is given.

Keywords: medieval universities, canon law manuscripts, «Liber Extra», theology, Bible, mnemotechnic Latin verses, «Summarium Biblicum»

Sergei M. Kashtanov

**Guidelines for the publication of original old Russian letters
in MPMA («Monumenta Palaeographica Medii Aevi»). Series
Rossica. T. 1**

These recommendations represent guidelines for titles and legends of documents, descriptions of external features and transmission of the text of ancient letters. These guidelines were written for one of the international publishing project, which had the aim to prepare facsimile edition of ancient Russian acts of the 12th–14th centuries within the series «Monumenta palaeographica medii aevi». The volumes dedicated to ancient Russian acts are absent in this series up to now. Moreover, in historiography, both Russian and foreign, we have not seen any coherent edition which would reproduce old Russian acts as a whole complex.

The publication assumes the facsimile reproduction of the original acts, the diplomatic reproduction of their texts, descriptions, indexes, comments. That will make this edition universal for all specialists in different fields of science. Authors are going to reproduce the recto and verso sides of any sheet of parchment or papers. The planned translation into French of the text of the charters and of the part of scientific and critical apparatus makes possible its wide use by domestic and foreign specialists.

Keywords: acts, diplomatics, palaeography, source publishing

Margarita F. Khartanovich

**Petersburg Archaeographic Commission and historic scientific
institutions of Russia of the 19th century**

The article is devoted to the study of the scientific relations between the Saint Petersburg Archaeographic Commission and the Academy of Sciences, state archives, Synod and diocesan institutions, scientific and historical societies. In pre-revolutionary science the Russian Archaeographic Commission played a key role as an expert on Russian history, archives, study of early texts, source studies.

Keywords: Archaeographic Commission, history of science, archives, archaeography

Mikhail Y. Kiselev

Electronic publications: from experience of Archive of the Russian Academy of Sciences

The article contains the information on experience of Archive of the Russian Academy of Sciences on preparation of electronic publications and Internet publications in 1998-2015 years.

Keywords: Russian Academy of Sciences archive, electronic publication, Internet publication, archaeography, database, the virtual exhibition

Natalia A. Kobyak

The problem of verification of scientific data: the case of Simeon Fedorov Mokhovikov

The article is devoted to the topical issues of the study of the unique illustrated collection of legends about the miraculous images of the Virgin «Solntze presvetloe» (“The Sun radiant”). The results of the latest paleographic and codicological description of the manuscript in the collection of the Moscow State University Scientific Library (№ 293) are presented. An attempt is made to verify the information about the owner of the manuscript – Simeone Fedorov Mokhovikov, by correlating with the scribe of the RSL manuscript of the same name, f. 310, № 338, the characters of the Miracle of Maxim the Greek icon from the same manuscript and real people of the first quarter of the 18th century.

Keywords: Russian literature of the epoch of Peter the Great, hand-written book, history of the Russian Church

Nikita A. Komochev

On the relationship between academic and university archaeography (edition study)

The article is devoted to peculiarities of professional history education in modern universities and their connection with academic archaeography. On the basis of student publication papers (summer practice) in Institute for history and archives of Russian state University for the Humanities author examines the themes, techniques of preparation and scientific level of the

publications made by beginning editors, some of whom later chose the path of scientific and archival career.

Keywords: University archaeography, Institute of history and archives, documentary edition

Maria V. Korogodina

Publication of Kormchaja kniga on the oldest copies: the project and realization

The article is devoted to the publishing of Kormchaja kniga on ancient copies: organizational issues and the principles of publication; areas of historical, source study, textual and linguistic studies related to publishing of the most ancient corpus of canonical law.

Keywords: Kormchaja kniga, Canon law, textology, linguistics, source study

Mikhail V. Kovalev

Russian foreign historical archive in Prague and the problem of publication of documentary monuments

The article is devoted to archaeological activities of Russian Foreign Historical Archive in Prague. The circumstances of preparation of the document's collection «The Russian Historical Archives» in 1929, the attempts of creation a review for historical publications in the 1930s and others problems are examined in this article. The practices of scientific usage of the documents also are reviewed. The article is based on the documents from Russian and foreign archives.

Keywords: Russian foreign historical archive in Prague, Russian emigration, Czechoslovakia, archaeography, J. Slavik, A.F. Izyumov, B.I. Nikolaevsky

Tatyana A. Kruglova

Experience of publishing sources in manuals on Russian paleography (19th–21th centuries)

The same manuscript source may be published in some manuals on Russian paleography in two versions. One version reproduces the original manu-

script in facsimile. The second version conveys the text in the usual modern font. The latest one can be described as the publication of the “master reading” (“эталонное прочтение”) of the source. Both versions appeared in 1844 in the first printed education guidance on Russian paleography and were borrowed from archaeological practice.

Each type of publications takes a certain place in teaching of reading handwritten historical sources. Publications reproducing the external features of the handwritten originals are obligatory in the paleographic guide. They represent an anthology of different materials selected for the acquisition of skills of reading. Another type of publications is used in the manuals optionally, and its purpose is to control over the course of training. The analysis of publications “master reading” revealed same weaknesses. To improve these models, it is necessary to change the approaches to their creation, taking into account various problems facing by the archaeographer and originator of the education guidance in paleography.

Keywords: education guidance, archaeography, paleography, historical sources, publication, facsimile edition, “master reading” of the source, transcription

Alexander L. Lifshitz

The library «for the reading» of the ensign Kublitsky

The article is devoted to a small «library» of young officer Semyon Kublitsky who made dozens of manuscript copies for his own pleasure in 1740s-1750s.

Four not too large notebooks written in the smallest handwriting show the extreme diversity of genres and texts and reflect the formation of a new circle of reading of the Russian nobility which is probably connected with the opening of schools in the Guards regiments during the rule of the Empress Elizabeth of Russia.

Keywords: Russia, 18th Century, archives, sociology of reading, history of education

Tatyana V. Medvedeva

Archaeographic studies of N.V. Golitsyn (1874–1942)

The article is devoted to the academic studies of N.V. Golitsyn (1874–1942) – a historian, an archivist and an expert in Russian history of XVII–

XIX centuries. His studies in the field of historiography and archaeography seem to be an important phenomenon of the national historical science (both methodologically and in terms of introducing new sources into the scientific circulation), but till now they have not been the subject of a special study. The article highlights mainly the archaeographic works of the historian and their place in the development of history and related disciplines in twentieth-century Russia.

Keywords: N.V. Golitzyn, Russian history, historiography, archives, source study

Andrei V. Melnikov

**Memo letter of M.M. Bogoslovsky March 25, 1919
to the Main archival administration and the problem
of scientific development of the archival material**

The article discusses a memo letter (1919) of historian M. M. Bogoslovsky (1867–1929), addressed to the Main archival administration, as a valuable historiographic source for studying the archival ideas of the scientist, his scientific, organizational and pedagogical activities in the field of archival science and archaeography.

Keywords: history of Russia, historiography, archival studies, archaeography, the history of archival affairs in the USSR, M. M. Bogoslovsky

Maria P. Mironenko

**To the question of composition of N.N. Glubokovsky archive
(from the experience of preparing the «Catalogue for personal
archives of native historians»)**

The article is dedicated to the archive of the outstanding theologian and historian of the church, biblical scholar, philologist, corresponding member of the Russian (1909) and Bulgarian (1929) academies of sciences N.N. Glubokovsky (1863–1937), historically divided between five repositories in Russia, Bulgaria and the United States. The history of the discovery in 2002 in Bulgaria of a large complex of documents of a scientist, considered to have been perished during the Second World War, but preserved in a private collection in Sofia, thanks to the efforts of the students of Glubokovsky and the Bulgarian priest H. Pudev, is detailed. Now this fund is located in the Archives of the Moscow Duchovnaya Academy in

Sergiyev Posad. New information is contained in the section of the article devoted to the fund of N.N. Glubokovsky, stored in the US, in the Archives of Holy Trinity Seminary in Jordanville, including a manuscript of the «Biblical Dictionary» of N.N. Glubokovsky, considered for a long time to be lost. At the request of the author, the head of the archives of the Holy Trinity Seminary gave important information about the composition of this collection, which has not yet been fully described. The archive of N.N. Glubokovsky is supplemented with new finds, it is actively used by researchers and publishers and is in demand in scientific life in Russia and abroad.

Keywords: historians of the Church, historiography, the «Catalogue for personal archives of native historians», N.N. Glubokovsky, emigration, archives, finds

Boris N. Morozov

The first N.M.Karamzin's publication of Alphabet Stephen of Perm from G. F. Miller's «Portfolios»

The work first examines the manuscript of the XVIII century with a list of Perm alphabet stored in the collection of academician G.F. Miller in RGADA, which served as the source for the first publication in 1817 of this missionary alphabet XIV century in volume 5 of N. M. Karamzin's «History of the Russian state». Described paleographic features of this list, dating from 1760-ies and stored with him copies of the 1810s. The Noted additions are made by N.M. Karamzin to text annotations in the Miller manuscript name Perm letters historian, probably took from the Life of Stephen of Perm.

Key words: the Komi people, manuscripts, Perm alphabet, Stephen of Perm, G.F. Miller, N.M. Karamzin.

Ludmila V. Moshkova

Miscellaneous of the 17th century in RGADA Funds: findings and discoveries

The article is devoted to some godsendings made during the preparation of the third volume of «The Catalogue of Slavonic-Russian manuscripts of the 16th century, kept in RGADA», dedicated to miscellanies. Two records were analyzed, which content attracted the attention of the author. On the basis of a study of the book's watermarks it was found that the Tale about the vision

of Anthony Galichanin was created no later than the beginning of the 1520s. The most interesting texts contained in the book of the monk Pimen, written in the years 1533–1534, were considered and it was suggested that this book was composed «for himself» by Pimen Sadykov – the future Father-Superior of the St. Joseph of Volokolamsk and the Ugresha monasteries. The copy of Journey to the East, found in one of the books, represents a particular interest, since information about this text has not been found in the literature. An unexpected discovery became the unknown canon with the acrostic devoted to Mikhail of Chernigov and his boyarin Fyodor. At the end the author refers to the rare and unique articles including in the Serbian miscellanea written in the first quarter of the XVI-th century.

Keywords: Miscellanies of the XVI-th century, new literary monuments, records on books, Tale about the vision of Anthony Galichanin, extract from the Chronograph of 1512 year, the Controversy of Life and Death, Journey to the East, canon devoted to Michail of Chernigov with acrostic, unique and rare texts in the Serbian miscellanea of the first quarter of the 16th century

Alexander D. Pascal

Slavic-Moldavian manuscripts of the 15th–17th centuries in the collections of the State Historical Museum

The article is devoted to the review of the Slavic manuscripts of Moldavian origin of the 15th–17th centuries in the collections of the State Historical Museum (Moscow). The *de vizu* studies results of the manuscripts, listed in the bibliography, especially Romanian ones (the works of Radu Constantinescu and Virgil Căndeă), showed that the significant part of the manuscripts noted in these archaeographical descriptions as originating from the territory of medieval Moldavia, have a different origin. They are the monuments of medieval Bulgarian, Ukrainian (South Russian), Serbian and even Russian tradition. The list of Slavic-Moldavian manuscripts of the 15th–17th centuries from the collections of E.V. Barsov, A.S. Uvarov, P.I. Shchukin, A.D. Chertkov, A.I. Khludov, as well as the Museum Collection (Muzeiskoe sobranie) and the Synodal singing collection, updated by the author, is included.

Keywords: archaeographical description, manuscripts, Slavic-Moldavian manuscripts, collections of manuscripts, State Historical Museum, Romanian bibliography

Dmitri G. Polonski

**Composition of sermons about the Ecumenical Councils
in Slavic manuscript miscellanies of 12th–17th centuries
(archaeographical aspects)**

The article discusses a repertoire of translated into Church Slavonic and original sermons regarding the Church Ecumenical Councils that were specific to the Slavic manuscript tradition, reflected in the composition of reading miscellanies during 12th–17th cc. Two groups of such sermons are revealed. The first group consists of brief synoptic accounts of seven Ecumenical Councils, and the second one includes thematically organized corpus of homilies by Cyril of Turov, Cyril of Alexandria and Pope Leo the Great. The article shows how the information on composition of sermons in the reading miscellanies may be useful to researchers in determining of the origin and dating of manuscripts.

Keywords: Church Ecumenical Councils, Slavic manuscript tradition, manuscript collections, homilies, Patriarch Cyril of Alexandria, bishop Cyril of Turov, Pope of Rome Leo the Great

Irina V. Pozdeeva

**Back to the Future: The Tasks and Opportunities
of Russian Archaeography in the 21st century**

The article makes an attempt to comprehend all the stages of field archaeography, as the most important historical discipline, from P.M. Stroev to the present day. The widespread development of field archaeography, the result of active support in the 60-80s of the 20th century by the Archaeographic Commission of the USSR Academy of Sciences, was noted. In the 21st century the task of collecting book monuments as one of the main aims of the field works of the Faculty of History of the Moscow State University actually went away, the emphasis was shifted to their identification and «possibly accurate», as Stroyev wrote, description.

Keywords: Russian archaeography, handwritten and early printed book, history of the Russian Church, Old Believers

Viktor P. Pushkov

Parchment book as a prey of the printing mill of the 17th century (considering the archive of Book-printing prikaz)

The article for the first time explores a way of using of parchment handwritten books at Moscow printing yard both in technological and publishing processes. All the ways of providing of parchment books have been revealed: buying from private persons (mostly visitors from other cities and spiritual persons) and in organized way in Pskov and Novgorod dioceses. Parchments were obtained in low prices and their titles were not often indicated. They were mostly used in printing mills providing two-colour printing, but nearly a third part of books was assigned for printed reproduction. Sample data allowed to estimate a mean volume of parchments, that allows to determine in the first approach the total amount of them used by Moscow typographers in their work from the middle of the 16th to the end of the 17th century, when the Government has forbidden to use parchments in technological works.

Keywords: Moscow printing yard 17th century, technology, parchment, sellers

Alexey I. Razdorskiy

Scientific publishing activities according to the publication of customs books of Russia 16th – 18th centuries: results and prospects

The article considers the main stages of scientific publishing activities on the publication of customs books — the major mass sources on the history of domestic and foreign trade of Russia the 17th – first half of the 18th century in chronological order, from the middle of the 19th century up to the present time. The quantitative, geographical and chronological characteristics of all available editions of these sources are provided, features of the most important publications are shown, data on the auxiliary indexes which are available in them are given. In total the article contains data on the publications of 85 customs books of 34 city and rural settlements of Russia (Ayatskaya sloboda, Belgorod, Berezov, Velikiye Luki, Velikiy Novgorod, Velikiy Ustyug, Verkhoturys, Vologda, Voronezh, Vyaznikovskiy settlement, Yelets, Yeniseisk, Kuznetsk, Kursk, Lebedin, Mangazey, Miropolye, Moryovskiy settlement,

Moscow, Oboyan, Orel, Pelym, Povenets, Saransk, Solvychegodsk, Stary Oskol, Surgut, Tara, Tobolsk, Tomsk, Totma, Turinsk, Tyumen, Holmogori, Yaitsky Guryev town and one customs post (in the Nevsky mouth. The article shows how the available publications are distributed among themselves in the places of storage locations of documents, in the chronology of the edition, in the technique of reproduction of texts (linguistic, historical, facsimile). Prospects of the further edition of monuments of this group are planned, the complexes of documents having priority value in this respect are determined. Information on some fragmentary publications of customs books is also reported.

Keywords: customs books, archaeography, source study, bibliography, publications of historical sources, archives, museums, economic history, trade, customs

Alexey V. Sirenov

Literary archive of the Russian iconographer of the first half of the 17th century

The article is devoted to the study of an unique source - the illustrated chronicle of celestial phenomena, compiled in Kazan in the early 17th century stored in the collection of the Russian Academy of Sciences Library. The Chronicle is significantly different from the other well-known illustrated chronicles first because its author was only interested in astronomical and atmospheric phenomena observed in Russia from ancient times to the middle of the 16th century: comets, solar and lunar eclipses, meteorite, halo, parghelia etc. The latest in time and unique records were made at the reign of False Dmitry I by a contemporary and about recent events, which gives these records a special value. The articles of convoy show on wide literary interests of the author, his mental outlook and outstanding cultural level. Some texts are also accompanied by illustrations. The article suggests that the author of this manuscript was the iconographer close to Fyodor Savin - the famous artist of the Stroganov school.

Keywords: study and publication of early texts, the history of Russian 16th-17th centuries, illuminated manuscripts, miniatures, codicology

Michael F. Shumeyko

**To the history of activities of the Archaeographic Commission
of Inbelkult (The Institute of Belarusian culture)
and the Belarusian Academy of Sciences**

Analysis of activity of the Inbelkult's (from 1930 the Belarusian Academy of Sciences') Archaeographic Commission founded in 1925 attests that the Commission relied in its work on the traditions established by the first Belarusian archaeographer, the Gomel archpriest I.I. Grigorovich, who in 1824 has prepared the "Belarusian Archive of the Ancient Acts", the traditions, which took into account the experience in the field of cameral archaeography accumulated at the same time by the professors of the Vilno University I. Danilovich, I. Lelevel, I. Loboyko among others. The Inbelkult's period, in spite of its short duration, has had very positive effect on the process of forming the national archaeography in Belarus.

Keywords: archaeography, Archaeographic Commission, Inbelkult, Belarusian Academy of Sciences, "Belarusian Archive of the Ancient Acts", "Belarusian Archive", I.I. Grigorovich, I. Danilovich, D.I. Dovgiallo, M.V. Dovnar-Zapolski, I. Lelevel, V.I. Picheta, N.N. Ulashchik, Lithuanian Metrica, I Convention of the Belarusian archaeology and archaeography researchers

Tatiana F. Volkova

**Scientific descriptions of A.D. Grigoriev's collection
of manuscripts stored in the Slavonic Library in Prague:
results and prospects**

The article contains information about existing printed descriptions of ancient Russian manuscripts stored in the Slavonic Prague city library and the ways of formation of their fund. The works of E.F. Maximovitch, V.D. Kuzmina, L.P. Lapteva, A.V. Florovsky, N.V. Savelyeva are briefly described. The main attention is given to the collection of A.D. Grigoriev, a famous folklorist, archaeographer, dialectolog and researcher of ancient Russian literature. The basic facts of his biography are given and the story of the transmission of manuscripts, collected by A. D. Grigoriev in the villages along the river Pinega, in Pomorie, in Tomsk, to the Slavonic library is reported. The works, to some extent concerning the collection of Russian manuscript materials

from the the Slavonic Library, are presented in chronological order. The comparative characteristic of two descriptions of A.D. Grigoriev's collection – description of A.V. Florovsky (1960) and N.V. Savelyeva (2003) are given: the sections of their descriptions, the composition of the descriptions of each manuscript, the volume and exactness of the descriptions are estimated. The authors provide information about the work of the Slavonic Library on the digitization of ancient manuscripts from the A.D. Grigoriev's collection. The tasks of further work on its description are indicated.

Keywords: Description of ancient Russian manuscripts, Slavonic Library in Prague, the Northern Russian collection of manuscripts of A.D. Grigoriev

Сведения об авторах

Аносов Дмитрий Владимирович, и.о. младшего научного сотрудника группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания Центра комплектования Архива РАН.

Афиани Виталий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Архива РАН, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института РГГУ.

Богданов Владимир Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Бокарева Ольга Борисовна, и.о. старшего научного сотрудника Архива РАН.

Бубнов Николай Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Библиотеки РАН.

Бураева Светлана Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Бухерт Владимир Генрихович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН.

Волкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Дадыкин Антон Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий редактор Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова

Еловская Нина Львовна, историк-краевед, заслуженный работник культуры Московской области, сотрудник МБУК «Дмитровская центральная межпоселенческая библиотека».

Ерофеева Валентина Ивановна, ведущий редактор Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Есипова Валерия Анатольевна, доктор исторических наук, заведующая сектором Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета.

Илизаров Симон Семенович, доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом историографии и источниковедения истории

науки и техники Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН; заведующий кафедрой истории науки, научно-технических и аудиовизуальных архивов РГГУ.

Ильин Павел Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Казбекова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра вспомогательных исторических дисциплин, сравнительного и теоретического источниковедения Института всеобщей истории РАН.

Капитанов Сергей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель Археографической комиссии РАН.

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН.

Кобяк Наталья Адольфовна, научный сотрудник Отдела археологии Института славяноведения РАН; главный специалист Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Комочев Никита Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии Института славяноведения РАН, доцент РГГУ.

Корогодина Мария Владимировна, доктор исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом рукописей Библиотеки РАН.

Круглова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Лифшиц Александр Львович, кандидат филологических наук, доцент Школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Медведева Татьяна Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Института славяноведения РАН.

Мельников Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, заведующий Отделом археологии Института славяноведения РАН.

Мироненко Мария Павловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Института славяноведения РАН.

Морозов Борис Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Института славяноведения РАН.

Мошкова Людмила Владимировна, главный специалист Российского государственного архива древних актов.

Паскаль Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе РГБ.

Поздеева Ирина Васильевна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Полонский Дмитрий Георгиевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Архива РАН.

Пушков Виктор Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Раздорский Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки.

Сиренов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАН.

Хартанович Маргарита Федоровна, доктор исторических наук, заведующая Отделом истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М. В. Ломоносова) ФГБУН Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Чирков Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Института славяноведения РАН.

Шумейко Михаил Федорович, кандидат исторических наук, доцент Белорусского государственного университета.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АД — «Архивное дело»
АЕ — «Археографический ежегодник»
АП РФ — Архив Президента Российской Федерации
АРАН — Архив Российской академии наук
БАН — Библиотека Академии наук
БАШ — «Беларускі археаграфічны штогоднік»
БГАМЛИ — Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства
ВА — «Вестник архивиста»
ВИ — «Вопросы истории»
ВНИИДАД — Всероссийский научно-исследовательский институт документо-
ведения и архивного дела
ВСМЗ — Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАТО — Государственный архив Тверской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПНТБ СО РАН — Государственная публичная научно-техническая библиоте-
ка Сибирского отделения Российской академии наук
ГРМ — Государственный Русский музей
ДРВ — «Древняя российская вивлиофика»
ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ЗВО — «Записки Восточного отделения Российского Археологического обще-
ства»
ИА — «Исторический архив»
ИАИ РГГУ — Историко-архивный институт Российского государственного гу-
манитарного университета
ИЗ — «Исторические записки»
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской акаде-
мии наук
ИМБТ СО РАН — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Си-
бирского отделения Российской академии наук
Инбелкульт — Институт белорусской культуры
ИОЛЯ — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка»
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Император-
ской Академии наук»
ИРВИО — Императорское Русское военно-историческое общество

- ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук
ИС АРАН — Информационная система Архива Российской академии наук
ИСл РАН — Институт славяноведения Российской академии наук
ИСССР — «История СССР»
ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии»
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
НБ МГУ — Научная библиотека Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
НГУ — Новосибирский государственный университет
НПЦ «Холокост» — Научно-просветительный центр «Холокост»
ОА — «Отечественные архивы»
ОИ — «Отечественная история»
ОИДР — Общество истории и древностей при Московском университете
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОРИРК — Отдел рукописей и редких книг
ОРКиР — Отдел редких книг и рукописей
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук
ПОКМ — Пермский областной краеведческий музей
ПСРА — «Полное собрание русских летописей»
ПЭ — «Православная энциклопедия»
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РВИО — Российское военно-историческое общество
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАФД — Российский государственный архив фонодокументов
РГБ — Российская государственная библиотека
РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РЗИА — Русский заграничный исторический архив

- РИЖ — «Русский исторический журнал»
РИО — Русское историческое общество
РНБ — Российская национальная библиотека
РО ИИМК — Рукописный отдел Института истории материальной культуры
Российской академии наук
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского
Дома) Российской академии наук
РУДН — Российский университет дружбы народов
СА — «Советские архивы»
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии
наук
ТВУАК — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии»
ТГУ — Томский государственный университет
ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской лите-
ратуры (Пушкинского Дома) Российской академии наук
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
УрФУ — Уральский федеральный университет
ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области
ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-исторический архив
СССР
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-
Петербурга
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
ЦМАМАС — Центральный московский архив-музей личных собраний
ЦМиАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Ан-
дрея Рублева
ЦНА НАНБ — Центральный научный архив Национальной Академии наук Бе-
ларуси
ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей при Московском уни-
верситете»

АКАДЕМИЧЕСКАЯ АРХЕОГРАФИЯ В РОССИИ XVIII–XXI ВЕКОВ

(Тихомировские чтения 2016 года:
К 60-летию Археографической комиссии РАН)

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакторы-составители:
Н.А. КОБЯК, А.В. МЕЛЬНИКОВ

Издательство
ООО «Старая Басманная»
www.oldbasman.ru

ISBN 978-5-6040637-2-9

Формат 60x90 1/16. Печать цифровая.
Усл. п. л. 28,125. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии «Форграйфер»
+7 (985) 773-92-37